
NYPL RESEARCH LIBRARIES
3 3433 08005130 7

СБОРНИКЪ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА

ПРИ ИНСТИТУТѢ КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО

въ Нѣжинѣ.

Т. I.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4-й.
1896.

СБОРНИКЪ

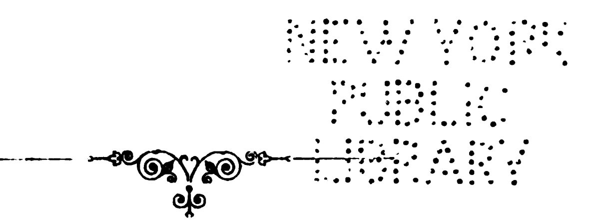
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА

ПРИ ИНСТИТУТѢ КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО

въ Нѣжинѣ.

Т. I.

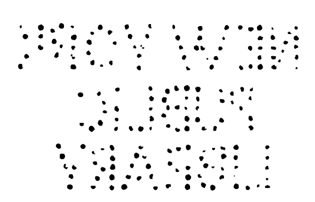
КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.

1896.

Печатано по распоряженію Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ Князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

Предсѣдатель Общества Ф. Гельбке.

Содержаніе.

ОТДѢЛЪ I.

СТРАН.

1. Уставъ Общества. 1— 6
2. Списокъ членовъ Общества къ 3-му апрѣля 1895 г. . 7— 10
3. Извлеченія изъ протоколовъ собраній Общества. . . . 11— 42
4. Отчетъ объ основаніи Общества и о состояніи и дѣятельности его за время отъ 3 апрѣля 1894 г. по 14 сентября 1894 г. . . . . 43— 50

ОТДѢЛЪ II.

1. *И. Н. Михайловскаго.*—Очеркъ жизни и службы Николая Спаѳарія въ Россіи . . . . 1— 40
2. *И. А. Сребницкаго.*—Къ біографіи Георгія Конискаго. 41— 77
3. *Е. В. Пѣтухова.*—А. С. Грибоѣдовъ . . . . . . 78— 97
4. *Е. В. Пѣтухова.*—О нѣкоторыхъ басняхъ Крылова въ педагогическомъ отношеніи . . . . 98—107
5. *М. Н. Бережкова.*—О книгѣ Д. И. Иловайскаго—«Смутное время Московскаго государства» . . . . . 108—112
6. *М. Н. Бережкова.*—Георгій Конискій, какъ проповѣдникъ . . . . 113—127
7. *А. П. Кадлубовскаго.*—Нѣсколько словъ о значеніи А. С. Грибоѣдова въ развитіи русской поэзіи . . 128—155
8. *Е. И. Кашпровскаго.*—Учрежденіе Смоленской епископіи . . . . 156—219

На основаніи § 49 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 21 Апрѣля 1875 г. Устава Историко-филологическаго Института Князя Безбородко въ Нѣжинѣ утверждаю 12 Марта 1894 года.
Министръ Народнаго Просвѣщенія.
Статсъ-Секретарь Графъ Деляновъ.

УСТАВЪ

Нѣжинскаго Историко-филологическаго Общества при Историко-филологическомъ Институтѣ Князя Безбородко.

Цѣль Общества.

§ 1.

Общество имѣетъ своею цѣлью содѣйствовать разработкѣ и распространенію историко-филологическихъ знаній и взаимному обмѣну мыслей по вопросамъ изъ области этихъ знаній.

Дѣятельность Общества.

§ 2.

Кругъ научныхъ занятій Общества составляютъ всѣ предметы, относящіеся къ области историко-филологическихъ знаній. Особый отдѣлъ его занятій составляютъ вопросы педагогическіе.

§ 3.

Для достиженія указанной цѣли Общество устраиваетъ засѣданія съ чтеніемъ и обсужденіемъ рефератовъ и сообщеній по соотвѣтствующимъ научнымъ и педагогическимъ вопросамъ, заботится по мѣрѣ силъ объ изданіи своихъ трудовъ, о пріобрѣтеніи книгъ, рукописей и т. п. предметовъ, входитъ въ сношенія съ другими учеными и общественными учрежденіями.

Составъ Общества и управленіе его дѣлами.

§ 4.

Общество состоитъ изъ членовъ почетныхъ и дѣйствительныхъ.

§ 5.

Въ почетные члены избираются лица, извѣстныя своими учеными трудами и другими заслугами дѣлу историко-филологическаго знанія и образованія, а также лица, оказавшія особыя услуги Обществу. Почетные члены избираются въ общемъ собраніи членовъ общества, по предложенію одного изъ членовъ, посредствомъ закрытой баллотировки, при чемъ для избранія требуется не менѣе двухъ третей голосовъ.

§ 6.

Дѣйствительными членами могутъ быть 1) лица, состоящія на учебной службѣ въ Институтѣ и институтской гимназіи; въ члены Общества они зачисляются безъ баллотировки, лишь по заявленію предсѣдателю о своемъ желаніи вступить въ число членовъ Общества; 2) прочія лица, какъ живущія въ Нѣжинѣ, такъ и иногородныя; они избираются въ члены Общества въ общемъ собраніи, по предложенію одного изъ членовъ, посредствомъ закрытой баллотировки, абсолютнымъ большинствомъ голосовъ.

§ 7.

Дѣйствительные члены Общества уплачиваютъ ежегодный взносъ въ его кассу въ размѣрѣ *пяти* руб.; не уплатившій взноса въ теченіе двухъ лѣтъ считается выбывшимъ изъ числа членовъ. Этотъ ежегодный взносъ можетъ быть замѣненъ единовременнымъ въ *пятьдесятъ* рублей.

§ 8.

Управленіе дѣлами Общества принадлежитъ общему собранію его членовъ.

§ 9.

Общее собраніе избираетъ изъ своей среды должностныхъ лицъ: предсѣдателя, срокомъ на три года, секретаря, казначея—обоихъ срокомъ на 1 годъ, и библіотекаря. Кандидаты на эти должности предлагаются по запискамъ членовъ; избраніе производится посредствомъ закрытой баллотировки абсолютнымъ большинствомъ голосовъ.

Въ случаѣ отсутствія названныхъ лицъ, обязанности ихъ исполняютъ ихъ товарищи, избираемые тѣмъ же порядкомъ и на тѣ же сроки.

§ 10.

Предсѣдатель созываетъ и руководитъ засѣданіями Общества, устанавливаетъ очередь предметовъ разсужденія въ нихъ, руководитъ преніями, наблюдаетъ за порядкомъ въ засѣданіяхъ и за исполненіемъ Устава Общества и сносится отъ имени Общества съ правительственными и общественными учрежденіями и частными лицами.

§ 11.

Секретарь Общества ведетъ протоколы засѣданій, переписку по дѣламъ общества, составляетъ отчеты, докладываетъ Обществу о дѣлахъ.

§ 12.

Казначей принимаетъ поступающія въ кассу Общества суммы, ведетъ денежные счеты по приходо-расходнымъ книгамъ, исполняетъ распоряженія Общества объ употребленіи его денежныхъ средствъ, докладываетъ Обществу о состояніи суммъ. Для провѣрки дѣйствій казначея въ началѣ гражданскаго года избирается Обществомъ особая ревизіонная Коммиссія, состоящая изъ 3-хъ членовъ.

§ 13.

Библіотекарь завѣдываетъ книгами, рукописями и т. п. предметами научныхъ занятій.

Засѣданія Общества.

§ 14.

Предметы засѣданій Общества составляютъ: выслушиваніе и обсужденіе научныхъ и педагогическихъ рефератовъ и сообщеній членовъ Общества или постороннихъ лицъ; разрѣшеніе вопросовъ о печатаніи трудовъ, представляемыхъ въ Общество; избраніе членовъ Общества и должностныхъ лицъ; распоряже-

нія объ употребленіи денежныхъ средствъ Общества; обсужденіе текущихъ дѣлъ.

§ 15.

Чтеніе рефератовъ можетъ происходить, сколько бы ни было членовъ въ засѣданіи; занятіе же остальными дѣлами возможно лишь при условіи наличности не менѣе половины членовъ, проживающихъ въ данное время въ Нѣжинѣ. Въ случаѣ неявки таковаго числа членовъ, вопросы, предлагавшіеся для обсужденія въ этомъ засѣданіи, назначаются на слѣдующее, въ которомъ и обсуждаются при всякомъ числѣ членовъ.

§ 16.

Лицами, не состоящими членами Общества, рефераты могутъ читаться съ предварительнаго разрѣшенія предсѣдателя.

§ 17.

Дѣла въ Обществѣ вообще рѣшаются абсолютнымъ большинствомъ голосовъ его членовъ (исключеніе составляютъ случаи, указанные въ §§ 5 и 27).

§ 18.

Сроки засѣданій Общества опредѣляются общимъ собраніемъ его членовъ; въ случаѣ надобности предсѣдатель можетъ созывать сверхъ очередныхъ засѣданій и чрезвычайныя.

§ 19.

Засѣданія Общества бываютъ закрытыя и открытыя; въ закрытыхъ присутствуютъ одни члены Общества; въ открытыхъ, кромѣ членовъ, могутъ присутствовать и гости, введенные членами по заявленію о томъ предсѣдателю. Студенты Института могутъ посѣщать засѣданія Общества съ разрѣшенія Институтскаго начальства.

Издательская дѣятельность Общества.

§ 20.

Труды Общества составляютъ особый отдѣлъ въ издаваемыхъ Институтомъ Князя Безбородко „Извѣстіяхъ“, но печа-

таются на счетъ Общества; сюда входятъ протоколы засѣданій Общества и, въ качествѣ приложеній къ нимъ, статьи членовъ, одобренныя Обществомъ для печатанія. Труды Общества могутъ выходить, кромѣ того, въ видѣ отдѣльныхъ книгъ, брошюръ, безсрочныхъ сборниковъ. Съ авторами трудовъ, издаваемыхъ Обществомъ, послѣднее можетъ входить въ соглашеніе о вознагражденіи ихъ извѣстнымъ числомъ оттисковъ.

§ 21.

Обществу предоставляется печатать: самостоятельные труды и изслѣдованія по предметамъ занятій Общества; читанные въ Обществѣ рефераты; изданія памятниковъ и другихъ научныхъ матеріаловъ; переводы. Вопросъ о допущеніи къ печати на средства Общества и отъ его имени рѣшается относительно каждаго труда посредствомъ закрытой баллотировки абсолютнымъ большинствомъ голосовъ.

Права Общества и средства его.

§ 22.

Труды Общества могутъ выходить безъ предварительной цензуры; на выпускъ же въ свѣтъ отдѣльнаго повременнаго изданія Обществомъ должно быть испрошено разрѣшеніе подлежащей власти.

§ 23.

Общество имѣетъ свою печать съ надписью „Печать Историко-филологическаго Общества при Институтѣ Князя Безбородко".

§ 24.

Средства Общества составляются изъ членскихъ взносовъ, изъ добровольныхъ пожертвованій, изъ суммъ, выручаемыхъ отъ продажи изданій Общества, и изъ сбора за публичныя лекціи, читаемыя въ его пользу.

§ 25.

Суммы, поступающія въ Общество, принимаются казначеемъ, при чемъ текущія суммы вносятся въ правительственное

кредитное учрежденіе, а капиталы обращаются въ правительственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги и вносятся на храненіе въ Государственный Банкъ.

§ 26.

Институтъ Князя Безбородко даетъ у себя помѣщеніе для засѣданій Общества, для его библіотеки и другихъ коллекцій.

§ 27.

Для постановленія о закрытіи Общества требуется согласіе не менѣе $^2/_3$ всѣхъ его членовъ. Въ случаѣ же закрытія Общества, все его имущество поступаетъ въ собственность Историко-филологическаго Института Князя Безбородко.

Списокъ членовъ Общества къ 3-му апрѣля 1895 года.

Должностныя лица:

1. Предсѣдатель Общества — Фридрихъ Фердинандовичъ Гельбке, Директоръ Института Кн. Безбородко.

2. Товарищъ предсѣдателя — Евгеній Вячеславовичъ Пѣтуховъ, профессоръ Института Кн. Безбородко.

3. Секретарь—Арсеній Петровичъ Кадлубовскій, наставникъ студентовъ и преподаватель Института Кн. Безбородко.

4. Товарищъ секретаря—Иванъ Аѳанасьевичъ Сребницкій, наставникъ-руководитель гимназіи при Институтѣ Кн. Безбородко и преподаватель Института.

5. Казначей—Иванъ Николаевичъ Михайловскій, наставникъ-руководитель гимназіи при Институтѣ Кн. Безбородко.

6. Товарищъ казначея—Осипъ Вячеславовичъ Добіашъ, наставникъ-руководитель гимназіи при Институтѣ Кн. Безбородко.

7. Библіотекарь — Евменій Ивановичъ Кашпровскій, надзиратель гимназіи при Институтѣ Кн. Безбородко.

Дѣйствительные члены (въ порядкѣ поступленія):

Съ 3 апрѣля 1894 г.

8. Абрамовъ, Андрей Ѳедоровичъ, завѣдывающій гимназіею при Институтѣ Кн. Безбородко.

9. Бережковъ, Михаилъ Николаевичъ, профессоръ Института Кн. Безбородко.

10. Голышкинъ, Александръ Дмитріевичъ, преподаватель той-же гимназіи.

11. Добіашъ, Антонъ Вячеславовичъ, инспекторъ того-же Института.

12. Жданов, Сергѣй Николаевичъ, профессоръ того-же Института.

13. Захарченко, Георгій Моисеевичъ, надзиратель той-же гимназіи.

14. Кирилловъ, Николай Стратониковичъ, наставникъ студентовъ того-же Института.

15. Лилеевъ, Михаилъ Ивановичъ, наставникъ студентовъ того-же Института.

16. Миловидовъ, Филиппъ Александровичъ, преподаватель Кіевской 2-ой гимназіи (ранѣе—гимназіи при Институтѣ Кн. Безбородко).

17. Мишель, Людвигъ Николаевичъ, преподаватель того-же Института.

18. Турцевичъ, Иванъ Григорьевичъ, профессоръ того-же Института.

19. Фогель, Андрей Максимовичъ, профессоръ того-же Института.

Съ 24 апрѣля 1894 г.

20. Брайловскій, Сергѣй Николаевичъ, преподаватель Новгородъ-сѣверской женской гимназіи.

21. Кулжинскій, Степанъ Ивановичъ, членъ Нѣжинскаго Окружного Суда.

22. Рѣзановъ, Владиміръ Ивановичъ, преподаватель Курскаго реальнаго училища.

Съ 12 іюня 1894 г.

23. Васютинскій, Ѳедоръ Іоакимовичъ, протоіерей, настоятель Нѣжинской соборной церкви.

24. Донченко, Михаилъ Ивановичъ, преподаватель Либавской гимназіи.

25. Кузнецовъ, Степанъ Ивановичъ, преподаватель Рижской Александровской гимназіи.

26. Кушакевичъ, Павелъ Ѳедоровичъ, Нѣжинскій городской голова.

27. Раичъ, Михаилъ Егоровичъ, преподаватель Рижскаго реальнаго училища Императора Петра I.

28. Савва, Владиміръ Ивановичъ, приватъ-доцентъ Харьковскаго Университета.

29. Ходзицкій, Захарій Григорьевичъ, преподаватель Юрьевскаго реальнаго училища.

30. Шенрокъ, Владиміръ Ивановичъ, преподаватель Московской 3-й гимназіи.

Съ 9 сентября 1894 г.

31. Барсовъ, Павелъ Ивановичъ, преподаватель Каменецъ-подольской гимназіи.

32. Владиміровъ, Александръ Николаевичъ, преподаватель Бѣлоцерковской гимназіи.

33. Волковъ, Григорій Яковлевичъ, преподаватель Роменской женской гимназіи.

34. Демковъ, Михаилъ Ивановичъ, преподаватель Глуховскаго Учительскаго Института.

35. Ивановъ, Аверкій Григорьевичъ, преподаватель Иркутской гимназіи.

36. Куклинъ, Иванъ Васильевичъ, наставникъ Преславской учительской семинаріи.

37. Графъ Мусинъ-Пушкинъ, Александръ Алексѣевичъ, почетный попечитель Института Кн. Безбородко и помощникъ попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа.

38. Назарьевъ, Сергѣй Александровичъ, преподаватель Николаевской женской гимназіи.

39. Писаревскій, Антонъ Павловичъ, преподаватель Каменецъ-подольской гимназіи.

40. Покровскій, Алексѣй Ивановичъ, профессоръ Института Кн. Безбородко.

41. Рымша, Болеславъ Ксаверьевичъ, преподаватель гимназіи при Институтѣ Кн. Безбородко.

42. Соколовъ, Матвѣй Ивановичъ, профессоръ Московскаго Университета.

43. Татариновъ, Михаилъ Гавриловичъ, воспитатель Курскаго дворянскаго пансіона.

Съ 19 ноября 1894 г.

44. Дейкунъ, Иванъ Леонтьевичъ, присяжный повѣренный Нѣжинскаго Окружнаго Суда.

45. Мельниковъ, Михаилъ Семеновичъ, преподаватель Митавскаго реальнаго училища.

46. Постернаковъ, Александъ Филипповичъ, преподаватель Маріупольской женской гимназіи.

47. Удовенко, Николай Васильевичъ, окончившій курсъ въ Историко-филологическомъ Институтѣ Кн. Безбородко.

Съ 2 января 1895 года.

48. Фохтъ, Вальтеръ Рихардовичъ, преподаватель институтской гимназіи.

Съ 18 января 1895 г.

49. Тюльпановъ, Константинъ Игнатьевичъ, преподаватель Глуховской гимназіи.

50. Лопаревъ, Хрисанѳъ Меѳодіевичъ, магистрантъ С.-Петербургскаго Университета.

Съ 4 февраля 1895 г.

51. Шарко, Наталья Осиповна, Преподавательница Нѣжинской женской гимназіи.

† Членъ Общества Сергѣй Ивановичъ Пономаревъ, преподаватель Каменецъ-подольской гимназіи, скончался въ январѣ 1895 г.

Извлеченіе изъ протоколовъ съ 3 апрѣля 1894 по 22 марта 1895 г.

Засѣданіе 3-го апрѣля 1894 года.

3 апрѣля 1894 года состоялось первое засѣданіе вновь учрежденнаго Нѣжинскаго Историко-филологическаго Общества при Историко-филологическомъ Институтѣ Князя Безбородко. Въ засѣданіи присутствовали тѣ изъ служащихъ въ Институтѣ и состоящей при немъ гимназіи лицъ, которыя изъявили желаніе быть членами означеннаго Общества, каковыми по § 6-му Устава Общества они могутъ быть въ силу самой своей принадлежности къ служебному персоналу этихъ заведеній, безъ особаго избранія и, слѣдовательно, съ момента учрежденія Общества. Лицъ, вступившихъ такимъ образомъ въ число членовъ Общества, оказалось 21: директоръ Института Ф. Ф. Гельбке, инспекторъ А. В. Добіашъ, законоучитель Института и гимназіи о. П. Я. Свѣтловъ, профессора М. Н. Бережковъ, С. Н. Ждановъ, П. И. Люперсольскій, Е. В. Пѣтуховъ, И. Г. Турцевичъ и А. М. Фогель, наставники студентовъ А. И. Кадлубовскій, Н. С. Кирилловъ и М. И. Лилеевъ, завѣдывающій гимназіею при Институтѣ А. Ѳ. Абрамовъ, наставники-руководители О. В. Добіашъ, И. Н. Михайловскій и И. А. Сребницкій, преподаватели А. Д. Голышкинъ, Ф. А. Миловидовъ и Л. Н. Мишель, надзиратели Г. М. Захарченко и Е. И. Кашпровскій. Изъ поименованныхъ лицъ въ засѣданіе не явились: о. Свѣтловъ и гг. Кирилловъ и Люперсольскій, передавшіе свои голоса гг. Гельбке, Фогелю и Бережкову.

1. Засѣданіе было открыто г. Директоромъ Института, который прочелъ предложеніе г. попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа отъ 28 марта 1894 г., за № 2635, извѣщавшее объ утвержденіи г. Министромъ народнаго просвѣщенія Устава Обще-

ства, и при которомъ былъ препровожденъ въ Институтъ подлинникъ Устава. Г. Инспекторъ Института, по предложенію г. Директора, изложилъ вкратцѣ первоначальную исторію учрежденія Общества, причемъ имъ и другими участниками въ составленіи Устава и вообще въ первоначальной работѣ по учрежденію Общества были даны нѣкоторыя болѣе подробныя разъясненія въ отвѣтъ на вопросы другихъ гг. членовъ.

2. Затѣмъ г. Директоръ прочиталъ Уставъ Общества.

По предложенію г. Директора было приступлено къ избранію должностныхъ лицъ Общества, согласно § 9-му Устава. Избраніе происходило по указанному въ означенномъ § способу. Въ результатѣ избранными оказались:

Предсѣдателемъ Общества . .	Ф. Ф. Гельбке.
Товарищемъ предсѣдателя . .	Е. В. Пѣтуховъ.
Секретаремъ	А. П. Кадлубовскій.
Товарищемъ секретаря . . .	И. А. Сребницкій.
Казначеемъ	И. Н. Михайловскій.
Товарищемъ казначея. . . .	О. В. Добіашъ.
Библіотекаремъ	Е. И. Кашпровскій.
Товарищемъ библіотекаря . .	Ф. А. Миловидовъ.

8. Гг. Кадлубовскимъ и Лилеевымъ предложено хлопотать о передачѣ Обществу принадлежащаго городу Нѣжину архива бывшаго греческаго магистрата, который несомнѣнно можетъ быть полезенъ для цѣлей Общества. Собраніе поручило М. И. Лилееву, какъ гласному Думы, войти по этому дѣлу въ предварительные переговоры съ городскимъ управленіемъ.

Засѣданіе 12 іюня 1894 года.

2. По вопросу объ открытіи дѣятельности Общества постановлено произвести его 14-го сентября, такъ чтобы въ программу открытія вошли:

1) молебствіе Господу Богу въ залѣ торжественныхъ собраній Института, причемъ совершить молебствіе постановлено просить о. архимандрита Григорія, настоятеля Нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря, о. законоучителя Института и тѣхъ лицъ духовнаго званія, которые въ то время будутъ состоять членами Общества;

2) торжественный актъ, состоящій изъ рѣчи и отчета объ учрежденіи Общества и его первоначальной дѣятельности. Составленіе и произнесеніе рѣчи принялъ на себя членъ Об-ва профессоръ П. И. Люперсольскій.

3. Секретарь доложилъ, что, по полученіи отъ М. И. Лилеева свѣдѣній о благопріятномъ для Общества настроеніи гласныхъ городской Думы по вопросу о передачѣ Обществу греческаго архива, г. Предсѣдатель уже обратился въ Думу оффиціально съ просьбою объ уступкѣ Обществу означеннаго архива, и что, по сообщенію г. городскаго головы, этотъ вопросъ будетъ обсужденъ Думою въ возможно скорѣйшемъ времени.

Засѣданіе 9 сентября 1894 года.

2. Слушали отношеніе г. Нѣжинскаго городского головы отъ 4-го августа сего 1894 года, за № 152, въ которомъ городской голова извѣщаетъ Общество о постановленіи городской Думы, состоявшемся въ засѣданіи 30-го іюня сего года, передать въ вѣдѣніе Общества архивъ бывшаго греческаго магистрата, а равно просить увѣдомить, кто будетъ назначенъ для принятія означеннаго архива и составленія ему описи. Собраніе для принятія архива избрало комиссію изъ трехъ членовъ Общества: протоіерея Васютинскаго, М. И. Лилеева и Е. И. Кашпровскаго, библіотекаря Об-ва, и постановило: выразить благодарность городскому Нѣжинскому Управленію за оказанное имъ содѣйствіе Обществу въ его дѣятельности и увѣдомить г. городскаго голову объ избраніи означенной комиссіи.

Засѣданіе 31 октября 1894 года.

2. Выслушано отношеніе Черниговской Духовной Консисторіи отъ 21-го сентября, за № 11039, въ которомъ сообщается, что на увѣдомленіе Преосвященнаго объ открытіи Общества положена имъ резолюція, въ которой онъ призываетъ благословеніе Божіе на учреждаемое Общество.

3. Членъ Общества профессоръ М. Н. Бережковъ прочелъ рефератъ, заключающій отзывъ о новой книгѣ Д. И. Иловайскаго: „Смутное время московскаго государства“. М. 1894. (Напечатанъ въ настоящемъ томѣ „Сборника“ цѣликомъ).

4. Членъ Общества И. Н. Михайловскій прочиталъ „Очеркъ жизни и службы Николая Спаѳарія въ Россіи“, представляющій вступительную главу къ приготовляемому авторомъ „Обзору литературной дѣятельности Спаѳарія въ Россіи“. (Напечатанъ въ настоящемъ томѣ „Сборника“ цѣликомъ). По поводу этого реферата были сдѣланы нѣкоторыя замѣчанія г.г. Бережковымъ и Пѣтуховымъ.

М. Н. Бережковъ обратилъ вниманіе на литературную плодовитость Спаѳарія и интересовался, нѣтъ ли указаній на способъ его работы или на предшествующія, подготовительныя занятія его самого или его сотрудниковъ. Референтъ отозвался, что такихъ указаній онъ не знаетъ, да въ нихъ и нѣтъ надобности: работа Спаѳарія была не очень трудна; поименованные имъ труды Спаѳарія большею частію переводные или по крайней мѣрѣ компилятивные, и притомъ не отличающіеся особымъ объемомъ; обстоятельную характеристику этихъ трудовъ референтъ обѣщаетъ въ будущемъ.

Е. В. Пѣтуховъ интересовался вопросомъ, нѣтъ ли данныхъ для опредѣленія отношенія Спаѳарія къ враждовавшимъ тогда въ Москвѣ, особенно въ сферахъ педагогическихъ (по дѣлу основанія Академіи), греческой и латинской партіямъ (можно a priori думать, что онъ былъ на сторонѣ партіи греческой). Референтъ полагалъ, что Спаѳарію можетъ быть приписана дошедшая до насъ безъ имени автора записка о преимуществѣ греческаго языка надъ латинскимъ, напечатанная у Каптерева, хотя и невозможно утверждать этого навѣрное.—Затѣмъ г. Пѣтуховъ указалъ, что если признать справедливымъ соображеніе г. Кедрова о замѣтныхъ въ „Ариѳмологіи“ слѣдахъ знакомства Спаѳарія съ китайскою книгою „Санъ-дзе-кингъ“, то придется составленіе Ариѳмологія отнести ко времени, слѣдующему уже за китайскимъ посольствомъ Спаѳарія; наконецъ, г. Пѣтуховъ поставилъ вопросъ о самостоятельности трудовъ Спаѳарія вообще и Ариѳмологія въ частности. Референтъ, указавъ, что этотъ вопросъ онъ имѣетъ въ виду подробно разсмотрѣть въ дальнѣйшихъ частяхъ своей работы, высказался, что самостоятельности видно очень немного; свѣдѣній о русской жизни въ „Ариѳмологіи“ не внесено; при составленіи его Спаѳарій руководился какими-нибудь западными сборниками; всѣ источники Спаѳарія указать трудно, но нѣкоторые возможно установить, напримѣръ сборникъ Рейснера для 3-й части Ариѳмологія.

8. Г. Предсѣдатель предложилъ Обществу принять участіе въ празднованіи 75-лѣтія существованія высшаго учебнаго заведенія имени кн. Безбородко въ Нѣжинѣ (19 апрѣля 1895 года). Г. Предсѣдатель находилъ, что Общество могло бы съ своей стороны ознаменовать этотъ день, взявъ на себя описаніе принадлежащихъ Институту монетной коллекціи и картинной галлереи. Въ отвѣтъ на это г. Сребницкій заявилъ, что имъ уже раньше составлено описаніе русскаго отдѣла вышеупомянутой монетной коллекціи. Принявъ предложеніе г. Предсѣдателя, собраніе постановило для описанія иностраннаго отдѣла монетной коллекціи избрать комиссію, а для русскаго воспользоваться описаніемъ г. Сребницкаго; въ означенной комиссіи изъявили готовность принять участіе члены Общества: г.г. Люперсольскій, Покровскій и Кашпровскій; постановлено также просить объ участіи въ ней не присутствовавшаго въ засѣданіи члена Общества проф. Турцевича и преподавателя состоящей при Институтѣ гимназіи В. Р. Фохта, занимающагося нумизматикой.

Для описанія же картинной галлереи постановлено озаботиться приглашеніемъ свѣдущаго въ дѣлѣ живописи лица.

Засѣданіе 19 ноября 1894 года.

2. Членъ общества Е. В. Пѣтуховъ прочиталъ рефератъ „О нѣкоторыхъ басняхъ Крылова въ педагогическомъ отношеніи“. (Напечатанъ въ настоящемъ томѣ „Сборника“ цѣликомъ).

Въ преніяхъ по поводу этого реферата участвовали г.г. Абрамовъ, Бережковъ, Добіашъ, Кадлубовскій, Люперсольскій, Сребницкій.

И. А. Сребницкій, возражая референту, выразилъ мнѣніе, что 1) Крыловъ писалъ не для дѣтей и не съ педагогическими цѣлями, а 2) и въ школахъ его басни читаются и изучаются не столько ради морали, сколько ради ихъ художественнаго достоинства, какъ произведенія поэтическія. Референтъ отвѣчалъ, что 1) его точка зрѣнія на басни, какъ на литературу дѣтскую, всетаки остается въ силѣ, благодаря самому положенію вещей, такъ какъ въ настоящее время онѣ читаются именно дѣтьми; да онъ и разсматриваетъ въ настоящемъ случаѣ басни именно въ педагогическомъ отношеніи, вовсе не отрицая другихъ сто-

ронъ; 2) мораль въ басняхъ Крылова всетаки ясна и независимо отъ цѣли, съ какою читается басня, легко выводится и воспринимается ребенкомъ.

М. Н. Бережковъ, развивая второе изъ мнѣній г. Сребницкаго, утверждалъ, что басня Крылова есть прежде всего поэтическій разсказъ, изображающій русскую природу и достигающій высокаго поэтическаго достоинства, что поэтическое, художественное достоинство само по себѣ дѣйствуетъ благотворнымъ и воспитательнымъ образомъ, и вмѣстѣ съ И. А. Сребницкимъ указывалъ, что мораль въ басняхъ составляетъ нѣчто внѣшнее, и что подчеркивать ея не слѣдуетъ.

Референтъ указывалъ въ отвѣтѣ, что художественность обработки надо отличать отъ нравственности содержанія, которое можетъ само по себѣ производить извѣстное впечатлѣніе, независимо отъ художественности.

А. П. Кадлубовскій прибавилъ, 1) что баснописцы вообще имѣли въ виду мораль, что она входила въ ихъ цѣли, и такое пониманіе басни, какъ морализующаго, дидактическаго произведенія, освящалось теоріей, особенно рѣзко выраженной у Лессинга; 2) что пониманіе художественности должно быть воспитано, а не дается всѣмъ сразу, и на ребенка можетъ подѣйствовать какъ разъ сторона моральная, а не эстетическая.

П. И. Люперсольскій высказался въ томъ смыслѣ, что сами басни по своей красотѣ могутъ служить хорошимъ матеріаломъ для воспитанія художественнаго пониманія, но согласился съ замѣчаніемъ, сдѣланнымъ въ отвѣтъ А. П. Кадлубовскимъ, что слѣдуетъ лишь дѣлать выборъ среди этого матеріала, такъ чтобы выбранное было хорошо со всѣхъ сторонъ.

Точку зрѣнія референта поддерживалъ и А. В. Добіашъ, указавшій на необходимость особаго вниманія и осторожности по отношенію къ такимъ произведеніямъ, которыя отличаются поэтическими достоинствами, такъ какъ именно въ силу ихъ художественности они сильнѣе дѣйствуютъ на душу, и содержаніе ихъ сильнѣе врѣзывается въ сознаніе, оставляя въ немъ слѣдъ.

А. Ѳ. Абрамовъ, не соглашаясь съ положеніемъ референта, высказалъ мнѣніе, что при послѣдовательномъ проведеніи его надо было бы исключить изъ школьнаго употребленія многихъ

писателей высоко художественныхъ, какъ Гомера, у котораго не все согласно съ нашими представленіями о нравственности.

А. Ѳ. Абрамову отвѣчали: Е. В. Пѣтуховъ, указавшій на различіе возрастовъ учащихся, читающихъ басни Крылова съ одной стороны и поэмы Гомера съ другой, и А. П. Кадлубовскій, обратившій вниманіе на то, что трудно ставить на одну доску такихъ авторовъ, какъ Гомеръ и Крыловъ, представителей различныхъ стилей, литературныхъ формъ, различныхъ эпохъ и направленій, изъ которыхъ одинъ—чистый эпикъ, а другой—сознательный сатирикъ.

3. Членъ Общества Е. И. Кашпровскій прочиталъ рефератъ „Объ учрежденіи смоленской епископіи“.

До изданія уставной грамоты Ростислава Мстиславича, данной имъ 1150 г. смоленской епископіи (Доп. къ Ак. Ист., т. I, № 4, стр. 5—8), всѣ изслѣдователи русской церковной старины, на основаніи лѣтописной замѣтки: „В се же лѣто Володимеръ заложи церковь у Смоленьскѣ святоѣ Богородицѣ камяну, епискупью“ (Лѣт. по Ип. сп., г. 1101, стр. 181), утверждали существованіе въ Смоленскѣ епископской каѳедры въ самомъ началѣ XII в. и тѣмъ уничтожали второе указаніе той же лѣтописи: „В лѣто 6645 (1137) поставленъ бысть скопець Мануйло епископомъ Смоленску, пѣвець гораздый, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ самъ третий къ благолюбивому князю Мьстиславу; передъ симъ бо бѣ не былъ епископъ Смоленьскѣ“. (Ibidem, г. 1137, стр. 215). Появленіе въ печати въ 1846 г. оффиціальнаго документа, положительно свидѣтельствующаго, что до Ростислава Мстиславича—учредителя епископіи не была ни „составлена“, ни „уставлена“ смоленская епископія, казалось бы, должно было уничтожить всякую возможность допускать существованіе ея до его времени; однако г. Иловайскій въ своей Исторіи Россіи продолжаетъ повторять отжившее свое мнѣніе съ небольшимъ видоизмѣненіемъ „до него (Ростислава Мстиславича) хотя упоминаются нѣкоторые епископы въ Смоленскѣ; но особой архіерейской каѳедры здѣсь еще не было“ (т. I, ч. 2, стр. 89).

Не зная основаній г. Иловайскаго, референтъ полагаетъ возможнымъ только сказать, что при изученіи поминальныхъ списковъ смоленскихъ епископовъ, большинство которыхъ положительно утверждаетъ, что до Мануила было два епископа:—Игнатій и Лазарь, можно дѣйствительно усумниться въ достовѣрности и лѣтописнаго

указанія и оффиціальнаго документа, до сихъ поръ научно не обслѣдованнаго. Однако въ числѣ такихъ поминальныхъ списковъ есть два, которые не знаютъ епископовъ Игнатія и Лазаря, предшественниковъ по каѳедрѣ Мануила: это—Супрасльскій помянникъ въ копіи 1631 г., снятой съ помянника 1500 г., хранящійся въ Виленской публичной библіотекѣ № 8915; вторымъ же спискомъ должно считать замѣтку на поляхъ Требника начала XVI в., принадлежащаго Московской Синодальной Библіотекѣ (№ 377), на оборотѣ 26 листа. Изученіе поминальныхъ списковъ даетъ право предполагать существованіе двухъ различныхъ редакцій: къ первой можно отнести послѣднихъ два списка, ко второй всѣ остальные, происхожденіе которыхъ, равно какъ и ихъ источника-списка, должно быть отнесено къ самому недавнему времени. На второй редакціи, встрѣчающейся преимущественно на пространствѣ бывшаго смоленскаго княжества, видно вліяніе житія преп. Авраамія смоленскаго, гдѣ упоминаются епископы Игнатій и Лазарь, современники смоленскаго князя Мстислава, ставшаго впослѣдствіи в. княземъ кіевскимъ. Дѣятельность Авраамія смоленскаго надо относить къ концу XII и началу XIII в., какъ на основаніи высказанныхъ въ литературѣ мнѣній, такъ и на основаніи того, что въ житіи его сдѣлано упоминаніе о существующей уже въ Смоленскѣ церкви Арх. Михаила, построеніе которой лѣтопись приписываетъ Давыду Ростиславичу, княжившему въ Смоленскѣ отъ 1180—1197 г. (Лѣт. по Ип. сп., г. 1197, стр. 471—472). Первая редакція т. о. выигрываетъ въ достовѣрности еще и потому, что мѣсто ея появленія есть Супрасльскій монастырь, основателемъ котораго былъ смоленскій епископъ, впослѣдствіи кіевскій митрополитъ, Іосифъ Солтанъ.

Ростиславъ Мстиславичъ въ 1137 г. исполнилъ волю своего отца учрежденіемъ въ Смоленскѣ епископіи, которую отдѣлилъ отъ Переяславля, избѣгая въ силу естественной необходимости столкновеній съ переяславскими князьями, продолжавшими переходить со стола на столъ, съ князьями, которые часто бывали изъ не одного съ смоленскими племени.

Борьба же съ Юріемъ Долгорукимъ заставила Ростислава позаботиться изданіемъ уставной грамоты, полной клятвъ нарушителю ея, въ пользу своего дѣтища. Еще при Изяславѣ Мстиславичѣ, родномъ братѣ Ростислава, бывшемъ велик. княземъ кіевскимъ, поднялась страшная борьба между митрополитомъ

кіевскимъ Климентомъ и смоленскимъ епископомъ Мануиломъ; еще большаго можно было ожидать при новомъ князѣ-дядѣ, не особенно расположенномъ къ смоленскому князю и его интересамъ. Такимъ образомъ, въ разгаръ борьбы между представителями духовныхъ интересовъ и разгарѣ борьбы своей совмѣстно съ братомъ противъ дяди, Ростиславъ Мстиславичъ, спустя 13 лѣтъ послѣ учрежденія епископіи, издаетъ въ пользу ея уставную грамоту, назначивъ извѣстные доходы подъ условіемъ, чтобы пользовались ими только епископы смоленскіе, подъ условіемъ существованія въ Смоленскѣ самостоятельной архіерейской каѳедры.

Въ преніяхъ по поводу этого реферата приняли участіе М. Н. Бережковъ, М. И. Лилеевъ и Е. В. Пѣтуховъ.

М. Н. Бережковъ высказалъ, 1) что не раздѣляетъ объясненія референтомъ уставной грамоты: по мотивамъ, имъ приведеннымъ, Ростиславъ могъ дать ее и раньше, и остается неясною причина замедленія дѣла; 2) что не видитъ основаній утверждать русскаго происхожденія епископа Мануила, а что скопчество послѣдняго скорѣе побуждаетъ считать его грекомъ или вообще пришельцемъ съ востока; 3) что вообще, по его мнѣнію, Ипатской лѣтописи можно довѣрять болѣе, чѣмъ это дѣлаетъ референтъ, въ силу ея древности, особенно сравнительно со Степенной книгой.

Референтъ отвѣчалъ М. Н. Бережкову, 1) что относительно грамоты высказалъ свое лишь предположеніе, котораго безусловно онъ не утверждаетъ; 2) что онъ не сочувствуетъ излишнему, замѣтному въ наукѣ, предубѣжденію въ пользу греческаго происхожденія епископовъ русской церкви той поры; между епископами много было и русскихъ; и это особенно можно думать о Смоленскѣ, въ виду стремленія смоленскаго княжества обособиться; въ связи съ этимъ могли заботиться и объ епископахъ—туземцахъ.

М. И. Лилеевъ предполагалъ видѣть указаніе на русскихъ епископовъ въ словахъ кн. Олега Святославича: „нѣсть лѣпо мене судити епископомъ и черньцемъ или смердомъ" (1096), усматривая въ этомъ сопоставленіи епископовъ со смердами низкое его мнѣніе объ епископахъ, основанное на томъ, что епископы русскаго происхожденія были не знатнаго рода. М. Н. Бережковъ въ этихъ словахъ видѣлъ лишь указаніе на мірской элементъ на ряду съ духовнымъ.

Е. В. Пѣтуховъ коснулся одного частнаго замѣчанія референта, высказавшись противъ излишняго довѣрія къ показаніямъ древнихъ памятниковъ русской письменности о начитанности нѣкоторыхъ изъ нашихъ предковъ въ классической литературѣ.

Засѣданіе 2 января 1895 года.

1. Д. членъ Общества В. И. Рѣзановъ прочиталъ рефератъ: „По вопросу о внѣклассномъ чтеніи учениковъ".

Референтъ, высказавъ прежде всего, что онъ понимаетъ исторію литературы какъ исторію „общественной мысли, насколько она выразилась въ движеніи философскомъ, религіозномъ и поэтическомъ и закрѣплена словомъ" (опредѣленіе, сдѣланное акад. А. Н. Веселовскимъ),—указалъ на благотворное вліяніе и громадное значеніе чтенія литературныхъ произведеній для воспитывающихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ юношей.

Сославшись затѣмъ на учебные планы и примѣрныя программы предметовъ, преподаваемыхъ въ Реальныхъ училищахъ, и на объяснительную записку къ правиламъ гимназій, референтъ, указавъ на вредъ безпорядочнаго чтенія никѣмъ въ этомъ не руководимыхъ учениковъ, высказалъ положеніе о настоятельной необходимости регулировать внѣклассное чтеніе учениковъ (разумѣя подъ этимъ терминомъ „внѣклассное чтеніе" сумму всего того литературнаго матеріала, какой ученикъ долженъ усвоить себѣ путемъ чтенія вообще внѣ времени, отведеннаго для уроковъ въ классѣ въ общемъ росписаніи). Референтъ указывалъ на необходимость выработать и установить извѣстную нормальную программу того, что должно быть прочитано учениками. Онъ полагалъ, что при составленіи этой программы прежде всего необходимо имѣть въ виду возможно близкое знакомство ученика съ главными отечественными писателями; это знакомство должно положить прочное основаніе литературнаго образованія ученика и всего его человѣческаго гуманнаго развитія. Для надлежащаго пониманія фактовъ отечественной литературы необходимо также знакомство съ выдающимися явленіями литературъ зап.-европейскихъ (Данте, Шекспиръ, Гете, Шиллеръ, Мольеръ, Байронъ и др.). Въ программу внѣкласснаго чтенія должно также внести біографіи писателей, крити-

ческія и историко-литературныя статьи, отрывки и цѣльныя сочиненія.

Выполнить составленную такимъ образомъ программу возможно при помощи двухъ средствъ: во 1-хъ, введеніемъ обязательнаго систематическаго (со строго распредѣленнымъ по классамъ матеріаломъ) домашняго чтенія учениковъ, регулируемаго и провѣряемаго преподавателемъ, причемъ для того, чтобы учитель могъ дать всякому ученику книгу въ руки, необходимо умножить число экземпляровъ нужныхъ сочиненій въ ученическихъ библіотекахъ и выработать раціональныя правила выдачи книгъ ученикамъ; во 2-хъ, путемъ организаціи литературныхъ собраній учениковъ (утромъ или вечеромъ) съ цѣлію совмѣстнаго прочтенія произведеній, неудобныхъ (по серьезности содержанія, малому числу имѣющихся въ библіотекѣ экземпляровъ книги и т. п.) для домашняго чтенія, а также произведеній, особенно выдающихся по художественной красотѣ своей,—для литературныхъ бесѣдъ; для того, чтобы читать вслухъ при этомъ не пришлось постоянно самому преподавателю, необходимо приготовить хорошихъ чтецовъ между учениками, для чего, въ виду недостаточности классныхъ часовъ, слѣдовало бы устроить спеціальные приватные уроки искусства выразительнаго чтенія (причемъ наиболѣе успѣвающихъ можно было бы поощрять подарками въ родѣ книгъ, принадлежностей рисованія и т. п.).

Пріобрѣтеніе умѣнья хорошо читать должно сообщить ученикамъ привычку внимательно вчитываться и вдумываться въ смыслъ читаемаго.

Насколько прочитанное понято и усвоено учениками, учитель долженъ провѣрять въ классные часы путемъ письменныхъ работъ или устнаго собесѣдованія.

Въ обсужденіи реферата приняли участіе Ф. Ф. Гельбке, А. В. Добіашъ, М. И. Лилеевъ, Б. К. Рымша.

М. И. Лилеевъ высказывалъ: 1) что желательно чтеніе учениками книгъ не только по русской литературѣ, но и по другимъ предметамъ, а потому и вопросъ о внѣклассномъ чтеніи долженъ ставиться шире, чѣмъ у референта;

2) что необходимо распредѣленіе матеріала для чтенія по классамъ (при этомъ М. И. Лилеевъ указалъ, что въ нѣкоторыхъ заграничныхъ гимназіяхъ есть особыя классныя библіотеки);

3) что референтъ мало говоритъ о дѣятельности учителя, между тѣмъ именно учитель долженъ воздѣйствовать на учениковъ, возбуждая въ нихъ охоту къ чтенію и вызывая интересъ въ томъ или иномъ направленіи; одного выдаванія ученикамъ на руки книгъ и самоученія ихъ недостаточно; учитель долженъ также развивать у учениковъ умѣнье хорошо читать вслухъ (особенно стихи читаются обыкновенно дурно); а для такого воздѣйствія со стороны учителя можно послѣднему пользоваться временемъ уроковъ.

Референтъ отвѣчалъ: 1) что самъ онъ говорилъ только какъ учитель русскаго языка, но признаетъ нужнымъ чтеніе и по другимъ предметамъ и желалъ бы пополненія своего плана со стороны учителей другихъ предметовъ;

2) распредѣленіе по классамъ онъ и самъ признаетъ необходимымъ; въ его планѣ сдѣланы и нѣкоторыя отмѣтки въ этомъ смыслѣ. Что касается классныхъ библіотекъ, то ихъ считаетъ желательными Острогорскій; референту неизвѣстно однако примѣненіе гдѣ-нибудь у насъ этого порядка;

3) дѣятельности учителя онъ даетъ много мѣста: возбуждать, направлять, заинтересовывать—это и онъ считаетъ необходимымъ. Что касается умѣнья хорошо читать, то именно внѣклассныя бесѣды могутъ дать матеріалъ для упражненія учениковъ въ чтеніи; время же классное, въ виду обширности требованій, предъявляемыхъ учителю, онъ находитъ рѣшительно недостаточнымъ; устраненіе того нежелательнаго „самоученія“, о которомъ говоритъ М. И. Лилеевъ, только и возможно при условіи внѣклассныхъ бесѣдъ.

А. В. Добіашъ обратилъ вниманіе на требованіе выразительнаго чтенія; онъ не находилъ нужнымъ пользоваться для этого еще внѣклассными собраніями, считая достаточнымъ время уроковъ; выразительное чтеніе само собою является, какъ продуктъ пониманія, анализа произведенія; при условіи пониманія прочтеніе произведенія въ классѣ не требуетъ много времени; и для товарищей важно прослушать чтеніе, какъ продуктъ работы товарища. А. В. Добіашъ ссылался и на опытъ своихъ школьныхъ годовъ: ученики готовились разъ въ мѣсяцъ читать разобранныя произведенія; благодаря этому пріему многія произведенія даже выучивались наизусть.

Референтъ возразилъ, что читать надо побольше, и класснаго времени не хватитъ для чтенія, тѣмъ болѣе, что въ виду

недостатка упражненія и понятое читается плохо; нужно вырабатывать технику. Провѣрку, о которой говоритъ А. В. Добіашъ, трудно дѣлать всѣмъ, а именно важно заставить всѣхъ учениковъ практиковаться въ чтеніи.

М. И. Лилеевъ не соглашался съ послѣднимъ мнѣніемъ, полагая, что достаточно слушать образцовое чтеніе, но референтъ указывалъ, что опытъ выясняетъ недостаточность одного слушанія; упражненіе въ чтеніи, далѣе, способствуетъ и лучшему пониманію читаемаго, въ чемъ референтъ убѣдился также изъ опыта.

Б. К. Рымша, съ своей стороны, указалъ на малое количество хорошихъ чтецовъ, хотя и многимъ приходится слышать хорошее чтеніе, чтб подтверждаетъ мнѣніе референта; анализъ читаемаго необходимъ, но есть лишь одно изъ условій хорошаго чтенія.

Ф. Ф. Гельбке обратилъ вниманіе на могущее явиться излишество въ упражненіяхъ этого рода и, признавая необходимымъ пріучить къ хорошему чтенію, находилъ нужнымъ сосредоточить эти упражненія въ низшихъ классахъ; они лишь на первое время потребовали бы много времени, а потомъ, когда дѣло это не оказывалось бы запущеннымъ, такія упражненія можно было бы устраивать съ менѣе талантливыми.

В. И. Рѣзановъ находилъ, что эти упражненія въ чтеніи должны бы происходить независимо собственно отъ литературныхъ бесѣдъ.

Ф. Ф. Гельбке высказался еще противъ поощреній, о которыхъ говорилъ референтъ, съ чѣмъ и послѣдній согласился.

Въ виду поздняго времени собраніе рѣшило прекратить дальнѣйшее обсужденіе въ настоящемъ засѣданіи вопросовъ, вызываемыхъ рефератомъ В. И. Рѣзанова, съ тѣмъ, чтобы въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій опять вернуться къ нимъ.

3. Обсуждался вопросъ о торжественномъ засѣданіи въ честь Грибоѣдова (постановленіе Общества 31-го октября 1894 г.); засѣданіе назначено на 12 ч. дня въ воскресенье, 15 января; составленіе и произнесеніе рѣчей взяли на себя д. члены Общества Е. В. Пѣтуховъ и А. П. Каллубовскій.

Засѣданіе 18 января 1895 года.

1. Хр. Мео. Лопаревъ прочиталъ рефератъ: „Къ сказанію о Мамаевомъ побоищѣ“.

Докладчикъ раздѣлилъ рукописное преданіе памятника на двѣ редакціи: болѣе краткую, за которою признаетъ большую древность, и болѣе распространенную, съ указаніемъ рукописей, относящихся къ каждой изъ нихъ. Указавъ на недостатки изслѣдованія г. Тимоѳеева о литературныхъ памятникахъ, относящихся до Мамаева побоища, референтъ на основаніи новыхъ данныхъ подтвердилъ одинъ изъ его выводовъ а именно,—что текстъ сказанія подвергался частымъ наслоеніямъ въ позднѣйшее время, что въ нѣкоторыхъ спискахъ замѣтно вліяніе XV-го, въ другихъ XVI-го, въ третьихъ даже XVII-го вѣка. Особеннаго вниманія въ рукописи г. Лопарева заслуживаетъ разсказъ о счетѣ войска около Дона, былиннаго склада: вожди отдѣльныхъ полковъ являются къ великому князю и докладываютъ, сколько у каждаго изъ нихъ „силы“.—Въ заключеніе г. Лопаревъ высказалъ соображенія, заставляющія его считать „Сказаніе“ произведеніемъ позднѣйшаго времени, не ранѣе конца XV-го вѣка.

Въ преніяхъ по поводу этого реферата участвовали М. Н. Бережковъ и Е. В. Пѣтуховъ.

М. Н. Бережковъ, не соглашаясь съ мнѣніемъ референта, считалъ сказаніе современнымъ событію или писаннымъ по свѣжему преданію: въ немъ, напримѣръ, есть указанія на развѣдчиковъ, „гостей сурожанъ“, называемыхъ по имени; легко было сложить сказаніе вслѣдъ за событіемъ, на манеръ былинный, при большомъ запасѣ былинныхъ формулъ. При этомъ М. Н. Бережковъ обратилъ вниманіе на любопытныя въ этомъ отношеніи нѣкоторыя черты найденнаго референтомъ списка, особенно на эпическій тонъ разговоровъ воеводъ съ княземъ (при указаніи каждымъ изъ нихъ числа подручныхъ имъ воиновъ). Референтъ отвѣчалъ, что преданія имѣли, конечно, значеніе для автора сказанія, но они могли быть поздния; указанія же именъ, отмѣченныхъ М. Н. Бережковымъ, въ другихъ источникахъ онъ не помнитъ; можетъ быть, и они позднѣйшія, какъ несомнѣнно позднѣйшія (XV в.) имена посадниковъ въ его спискѣ. М. Н. Бережковъ думалъ, что всетаки точныя имена людей незнатныхъ имѣютъ значеніе для его мнѣнія; что же

касается именъ посадниковъ, какъ и нѣкоторыхъ другихъ подробностей болѣе позднаго характера, то возможно, что онѣ принадлежатъ отдѣльнымъ спискамъ, которые могутъ быть позднаго происхожденія, а не основной схемѣ сказанія. Референтъ указалъ, что это лишь голыя имена, и ничто не мѣшаетъ считать ихъ подставленными позднѣе; реальнато за ними ничего нѣтъ, подобно тому какъ и вообще мало въ сказаніи реальнаго элемента, мало дѣйствія, больше описываются молитвы; реальный, дѣловой элементъ въ сказаніи лишь тотъ же, что и въ лѣтописи; все лишнее противъ лѣтописи—общія мѣста, не типическія.

Е. В. Пѣтуховъ замѣтилъ, 1) что референтъ не правъ, находя аналогію между отношеніемъ сказанія къ лѣтописи и апокрифа къ св. Писанію: лѣтописи сами часто основываются на отдѣльныхъ сказаніяхъ; поэтому, отдаленность или близость сказанія къ лѣтописи еще не можетъ быть критеріемъ древности или новизны сказанія (какъ это дѣлается въ рефератѣ Х. М. Лопарева); 2) что референтъ разсматриваетъ данное сказаніе отдѣльно, а между тѣмъ его слѣдуетъ разсматривать въ цѣпи различныхъ сказаній о Мамаевомъ побоищѣ; между ними тѣсная литературная связь. Референтъ отвѣчалъ, 1) что примѣнилъ указанный Е. В. Пѣтуховымъ критерій именно для даннаго случая, такъ какъ въ разсказѣ о Мамаевомъ побоищѣ лѣтопись не пользовалась сказаніемъ: она излагаетъ дѣло очень просто, а въ сказаніи много фантастическаго, противорѣчиваго; вопроса объ отношеніи вообще лѣтописи къ сказанію онъ не имѣлъ въ виду, и въ его утвержденіяхъ нѣтъ общаго характера; 2) что считаетъ возможнымъ отдѣльно разсматривать данный памятникъ для своей цѣли, для поясненія отмѣнъ и интерполяцій найденнаго имъ списка; такъ какъ ихъ вообще нѣтъ въ другихъ памятникахъ, то ему достаточно было выяснить ихъ и указать при сравненіи съ какимъ-нибудь однимъ изъ прочихъ памятниковъ.

2. Д. членъ Общества А. В. Добіашъ прочиталъ рефератъ: „О діалогѣ Платона „Менонъ“.

Подчеркнувъ, при изложеніи сюжета діалога, отсутствіе въ „Менонѣ“ свойственной Платоновскимъ діалогамъ выдержанности единства содержанія, референтъ главнымъ образомъ останавливался на томъ затрудненіи, которое представляетъ „Менонъ“ при устанавливаніи хронологическаго порядка литера-

турныхъ трудовъ Платона. Съ одной стороны, „Менонъ“ производитъ впечатлѣніе черняка къ художественно вполнѣ отдѣланному „Протагору“ и долженъ бы быть поэтому помѣщенъ, по времени написанія его, раньше „Протагора“, а съ другой стороны, онъ, отдѣлываясь только намеками отъ такихъ капитальныхъ вопросовъ, какъ вопросъ о безсмертіи души, долженъ быть помѣщенъ послѣ „Фэдона“. Референтъ указывалъ и на сбивчивость въ „Менонѣ“ понятія ἀρετή, а также на нѣкоторыя другія слабыя стороны діалога, и въ заключеніе высказалъ сомнѣніе относительно того, принадлежитъ ли вообще діалогъ „Менонъ“ Платону.

6. Г. Предсѣдатель доложилъ собранію, что, согласно постановленію, состоявшемуся въ засѣданіи 31 октября 1894 года (проток. ст. 8), „для описанія картинной галлереи Института озаботиться приглашеніемъ свѣдущаго въ живописи лица“, онъ обращался съ соотвѣтствующею просьбою къ художнику Іосифу Григорьевичу Турцевичу, который и изъявилъ любезную готовность написать статью съ описаніемъ Институтской картинной галлереи.

7. Секретаремъ доложено о пожертвованіяхъ въ Общество: студентомъ Института Горбуновымъ старопечатнаго мѣсяцеслова XVII в. и студентомъ Института Смѣльницкимъ коллекціи, состоящей изъ 30 русскихъ и иностранныхъ монетъ и медалей и одного кредитнаго билета. Собраніе постановило выразить благодарность жертвователямъ, а также выразить благодарность проф. Карскому за пожертвованіе имъ Обществу своихъ трудовъ (о чемъ доложено въ засѣданіи 31 октября 1894 г.).

8. Обсуждалась программа торжественнаго засѣданія въ память арх. Георгія Конисскаго; засѣданіе назначено на 12 ч. дня въ воскресенье, 19 февраля 1895 г.; составленіе и произнесеніе рѣчей взяли на себя И. А. Сребницкій и М. Н. Бережковъ.

Засѣданіе 4 февраля 1895 года.

1. И. Н. Михайловскій прочиталъ: а) рефератъ д. члена Общества М. И. Демкова (за отсутствіемъ послѣдняго): „О педагогическомъ сборникѣ XVII вѣка“, а затѣмъ б) свой рефе-

ратъ посвященный тому же предмету и содержащій замѣчанія на мнѣнія М. И. Демкова.

М. И. Демковъ—въ своемъ сообщеніи, указавъ на важное значеніе въ исторіи русской педагогики сохранявшагося въ рукописи Имп. Публ. Библ. (гр. Толстого, Отд. II, № 251) и изданнаго Н. А. Лавровскимъ въ Чтеніяхъ Имп. Общ. Ист. и Древн. (1861 г. кн. 3-я) „Предисловія къ пречестнѣйшему князю Петру Михайловичу Черкасскому“, устанавливаетъ, на основаніи самаго обстоятельнаго сличенія, тотъ фактъ, что это предисловіе представляетъ сводъ мѣстъ, дословно заимствованныхъ изъ предисловія къ „Обѣду душевному“ Симеона Полоцкаго и изъ нѣкоторыхъ словъ его, помѣщенныхъ имъ какъ въ „Обѣдѣ“, такъ и въ „Вечерѣ душевной“; въ виду такого дословнаго сходства, г. Демковъ высказываетъ предположеніе, что составитель „Предисловія“ и самаго сборника былъ не кто иной, какъ самъ Симеонъ Полоцкій.

И. Н. Михайловскій, въ своемъ дополнительномъ сообщеніи о томъ же вопросѣ, пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Весь означенный сборникъ представляетъ одно цѣлое.

2) Въ „Предисловіи“ въ дѣйствительности заключается двѣ совершенно различныя части этого цѣлаго: а) обращаемое къ князю П. М. Черкасскому (л.л. 2—4) предисловіе, которое обрывается на словахъ: „сего ради умыслихъ отъ благородія твоего православной душѣ вникающей“... и б) почти вся первая часть, начало которой находится на л. 33-мъ рукописи. Утраченный конецъ этой главы, 2—3 листа, можетъ быть вполнѣ почти возстановленъ, согласно мнѣнію М. И. Демкова, по „Обѣду душевному“ (Слово 2-е въ недѣлю 34-ю по сошествіи Св. Духа).

3) Содержаніе сохранившихся (и также перепутанныхъ) листковъ, относящихся къ главамъ третьей и четвертой цѣлаго сочиненія, и всей послѣдней главы даетъ возможность съ достаточною увѣренностью заключать, что разбираемая рукопись представляетъ не что иное, какъ букварь, составленный для князя П. М. Черкасскаго, въ родѣ тѣхъ, какіе составлены были Бурцовымъ, Поликарповымъ и др.

4) Симеонъ Полоцкій, умершій въ концѣ августа 1680 года, не могъ быть составителемъ этого букваря: употребляемое въ главѣ первой выраженіе: „князя Петра и Алексія *во училище* сущихъ“ указываетъ на то, что молодой княжичъ

(род. въ сентябрѣ 1680 года) былъ во время составленія букваря не новорожденнымъ младенцемъ, а значительно старше, т. е. лѣтъ 5—7, и слѣдовательно букварь составленъ около 1685 года.

При обсужденіи этихъ рефератовъ М. И. Лилеевъ поддерживалъ мнѣнія И. Н. Михайловскаго; со своей стороны, онъ указывалъ на распространенность въ тогдашнемъ московскомъ обществѣ южнорусскихъ книгъ и идей южнорусскихъ ученыхъ; такъ какъ многіе сочувствовали этимъ идеямъ, то нѣтъ основаній отождествлять составителя разсматриваемаго сборника съ Полоцкимъ (даже и помимо хронологическихъ соображеній): мысли послѣдняго могъ внести въ свой сборникъ кто-либо изъ многочисленныхъ его почитателей. Личность составителя сборника остается неизвѣстною; отождествлять его съ кѣмъ-либо изъ другихъ южнорусскихъ выходцевъ не оказывается основаній (мнѣніе Н. А. Лавровскаго, что это былъ Епифаній Славинецкій, нельзя принять и по хронологическимъ соображеніямъ: Епифаній † 1675 г.).

Е. В. Пѣтуховъ освѣдомлялся, есть ли у М. И. Демкова свѣдѣнія о всей рукописи, изъ которой извлечена данная статья, и рекомендовалъ посовѣтовать ему изслѣдовать составъ всей рукописи, постараться также, если возможно, опредѣлить судьбу ея, что можетъ способствовать уясненію вопроса о составителѣ сборника.

2. Д. членъ Общества В. Р. Фохтъ прочиталъ рефератъ „Замѣтка по римской иконографіи“.

Указавъ на шаткость нѣкоторыхъ выводовъ античной иконографіи, референтъ остановился на статьѣ I. Six'а въ послѣднемъ выпускѣ Bulletino dell'instituto archeologico germanico (1894. IX, 2/3, стр. 112—117), гдѣ, на основаніи золотого статера Т. Квинкція Фламинина, одна мраморная голова (№ 318, ср. Beschreibung der antiken Sculpturen... стр. 132) Берлинскаго музея называется портретомъ знаменитаго побѣдителя при Кинокефалахъ. Но, по мнѣнію референта, вопросъ о статерахъ Фламинина и относительно изображенной головы остается нерѣшеннымъ. Мнѣніе, что этотъ золотой чеканенъ признательной Греціей въ честь своего освободителя, не выдерживаетъ критики, въ виду отсутствія обще-греческой чеканки и единой политической Эллады. Монограммъ же и символовъ, указаній на какое-нибудь отдѣльное греческое государство или маги-

страта, на нашей монетѣ не имѣется. Еще менѣе Филиппъ V Македонскій могъ-бы явиться виновникомъ чеканки статера. Латинская легенда и родительный падежъ T. Quincti показываютъ, что золотой чекаленъ въ лагерѣ Фламинина, въ силу его imperium. А лишь Цезарь въ послѣдніе мѣсяцы своего владычества, съ разрѣшенія сената, осмѣлился чеканить монету со своимъ изображеніемъ. Въ провинціяхъ же лишь около 60-го года до Р. Х., на мѣдной монетѣ Помпейополи появляется голова Помпея, какъ героя-основателя. Сходство головъ на монетахъ Филиппа V и на статерѣ Фламинина наводитъ референта на мысль, что мы на нашей монетѣ имѣемъ портретъ Филиппа V. Лишь появленіе у Римлянъ новыхъ враговъ въ Греціи и на востокѣ и личныя соображенія Фламинина спасли македонскаго царя отъ лишенія діадемы (отсутствующей на монетѣ), т. е. царства. Поэтому Фламининъ могъ чеканить подобную монету, какъ памятникъ своей побѣды надъ Филиппомъ. Совсѣмъ не вѣроятно, чтобы на статерѣ была изображена голова Набада, тирана Лакедемонскаго.

По поводу этого реферата И. Г. Турцевичъ замѣтилъ, что нѣтъ основаній говорить о лишеніи Филиппа римлянами царства (и діадемы, какъ знака царской власти), такъ какъ историки не говорятъ объ этомъ; римляне не завоевали Македоніи и вообще всего македонскаго царства, а только освободили Грецію отъ македонскаго владычества и это выставляли единственнымъ мотивомъ и цѣлью войны; наконецъ, они вели переговоры съ Филиппомъ и заключили съ нимъ миръ, какъ съ царемъ.

В. Р. Фохтъ: въ мирномъ договорѣ римлянъ съ какимъ-нибудь царемъ всегда однимъ изъ главныхъ условій являлась regis appellatio. До заключенія же мира вопросъ о царскомъ достоинствѣ оставался открытымъ, и Фламининъ могъ не считать Филиппа царемъ. Далѣе, положеніе Филиппа было до того критическимъ, что Этолійцы разсчитывали на лишеніе его македонскаго царства; римляне же смягчили условія мира лишь въ виду военныхъ приготовленій Антіоха и высокомѣрія нѣкоторыхъ грековъ. Наконецъ, чеканка римлянами монеты, изображавшей царя, отъ власти котораго они освобождали Грецію, лишеннымъ діадемы, имѣла отношеніе лишь къ грекамъ внѣ Македоніи.

Ф. Ф. Гельбке и И. Г. Турцевичъ замѣчали, что тѣмъ не менѣе объясненіе референта не находитъ себѣ аналогій.

В. Р. Фохтъ: монета Суллы Фауста въ память плѣненія его отцомъ Югурты представляетъ подходящую параллель, а для иного объясненія данной монеты также нѣтъ аналогій.

Ф. Ф. Гельбке полагалъ возможнымъ допустить, что Фламининъ дозволилъ себѣ чеканку монеты со своимъ изображеніемъ; что, съ другой стороны, въ изображеніи Филиппа безъ діадемы могли и не узнавать царя.

В. Р. Фохтъ указалъ, что его мнѣніе—лишь гипотеза для объясненія монеты, представляющаго во всякомъ случаѣ затрудненія; изъ 2-хъ гипотезъ ему кажется болѣе удобною изложенная имъ, такъ какъ онъ скорѣе можетъ допустить изображеніе на монетѣ царя безъ діадемы, чѣмъ нарушеніе римскимъ полководцемъ права; но онъ признаетъ трудность за обоими объясненіями.

4. М. И. Лилеевъ указалъ на находящіеся въ г. Черниговѣ архивы: при Казенной Палатѣ, Губернскомъ Правленіи и Статистическомъ Комитетѣ, заключающіе большое количество дѣлъ и не маловажные для изученія мѣстной исторіи документы. М. И. Лилеевъ полагалъ, что Об—во могло бы хлопотать о передачѣ ему этихъ архивовъ, хотя бы и не всѣхъ.

Собраніе, встрѣтивъ эту мысль вполнѣ сочувственно и принимая въ вниманіе, что, находясь въ вѣдѣніи Общества и при высшемъ филологическомъ учебномъ заведеніи, эти архивы могли бы лучше служить изученію мѣстной исторіи, постановило возбудить дѣло о передачѣ Обществу названныхъ архивовъ и просило г. Предсѣдателя предварительно вступить въ частные переговоры съ г. г. губернаторомъ и предсѣдателемъ Казенной Палаты, на что г. Предсѣдатель Общества изъявилъ согласіе.

5. М. Н. Бережковъ, указавъ, что въ г. Могилевѣ 9-го февраля имѣетъ происходить празднованіе памяти арх. Георгія Конисскаго по случаю 100-лѣтія со дня его кончины, предложилъ послать въ этотъ день отъ имени Общества привѣтственную телеграмму могилевскому преосвященному. Собраніе одобрило предложеніе М. Н. Бережкова и предоставило ему составить текстъ телеграммы.

Засѣданіе 22 марта 1895 года.

1. Дѣйств. членъ Общества И. Г. Турцевичъ прочиталъ рефератъ: „Нѣкоторые древне-римскіе водопроводы и народныя легенды объ ихъ возникновеніи".

Референтъ сначала указалъ вкратцѣ на блестящее состояніе водоснабженія въ провинціяхъ Римской имперіи, приводя для примѣра свидѣтелства о немъ касательно африканскихъ провинцій, и на упадокъ этого дѣла послѣ римлянъ. Затѣмъ онъ далъ описаніе водопроводовъ римскаго Кёльна, Нима (Pont du Sard) и Патръ—болѣе обстоятельное перваго и краткое двухъ остальныхъ. Остановился онъ на нихъ, во-первыхъ, потому, что это были довольно замѣчательныя римскія сооруженія въ этомъ родѣ, о которыхъ можно составить вѣрное представленіе по значительнымъ сохранившимся остаткамъ, а, во вторыхъ, потому, что съ ними соединены любопытныя сказанія о ихъ постройкѣ и назначеніи. Референтъ указалъ на то, что вообще въ средніе вѣка съ остатками римскихъ сооруженій нерѣдко соединялись странныя толкованія и преданія, свидѣтельствующія объ интеллектуальномъ и культурномъ уровнѣ этихъ вѣковъ, и для примѣра привелъ сказанія о названныхъ водопроводахъ.

Затѣмъ на вопросы Е. В. Пѣтухова референтъ сдѣлалъ нѣсколько разъясненій, касающихся устройства римскихъ водопроводовъ, (и указалъ на прочность этихъ сооруженій, изъ которыхъ нѣкоторыя дѣйствуютъ до сихъ поръ, а въ средніе вѣка дѣйствовали еще и нѣкоторыя другія).

2. Д. членъ Общества И. Н. Михайловскій прочиталъ рефератъ: „О литературныхъ трудахъ Николая Спаѳарія въ 1672 году".

Въ 1672 году Спаѳаріемъ были составлены слѣдующія сочиненія: Хрисмологіонъ, Мусы, Сивиллы и Ариѳмологій.

Хрисмологіонъ—та книга патріарха Антіохійскаго Макарія „въ лицахъ и съ реченіемъ", о которой говоритъ въ своей челобитной бояр. Матвѣевъ. Переводъ положенной въ основаніе всего сочиненія древней харатейной книги, привезенной, вѣроятно, патр. Макаріемъ, былъ распространенъ въ весьма значительныхъ размѣрахъ собственными толкованіями и разсужденіями Спаѳарія. Все сочиненіе проникнуто одной основной идеей, что монархическая власть, Богомъ предзнаменованная и пророкомъ Даніиломъ истолкованная, выразилась въ полной силѣ лишь

въ тѣхъ четырехъ монархахъ, о которыхъ трактуется въ Хрисмологіонѣ, и преемственно—въ установленномъ Богомъ видѣ „самодержавія“ перешла къ русскимъ государямъ.

„Книга о сивиллахъ“ представляетъ также переводъ какой-то харатейной греческой книги и также съ дополненіями, заимствованными изъ другихъ источниковъ и преимущественно греческихъ.

Сочиненіе „Мусы“ имѣло цѣлью ознакомить читателей въ сжатомъ очеркѣ какъ съ самими музами, такъ и съ сущностью семи свободныхъ наукъ. Къ краткимъ характеристикамъ этихъ наукъ, составленнымъ Спаѳаріемъ, присоединены и тѣ похвалы наукамъ, которыя собраны въ сборникѣ Румянц. Музея (Востоковъ № 376). Въ заключеніе помѣщена статья „Отъ риторства о еже како исчезе мудрованіе, сирѣчь смыслъ, и еже како скрыся слово“—и „ироелегійскіе“ стихи, въ которыхъ упоминается о Спаѳаріи, какъ авторѣ „Мусъ“.

Ариѳмологій сохранился въ двухъ редакціяхъ, изъ которыхъ вторая составлена была въ 1743 году въ раскольнической Выговской пустынѣ. Правильное сужденіе объ этомъ сочиненіи Спаѳарія возможно лишь на основаніи списковъ первой редакціи. Ариѳмологій представляетъ собою сборникъ нравственныхъ наставленій и разныхъ другихъ свѣдѣній, „объемлемыхъ числомъ“, и не можетъ быть ставимъ въ зависимость отъ китайскаго сочиненія Сан-дзе-кингъ, какъ думалъ Н. Кедровъ, а составленъ самимъ Спаѳаріемъ. Источниками служили Библія и сочиненія классическихъ писателей. Не былъ Ариѳмологій и школьной книгой: онъ составленъ для кого-то изъ интеллигентныхъ молодыхъ бояръ, не „отрицавшихъ ученія“.

Референту были предложены нѣкоторые вопросы М. Н. Бережковымъ и А. П. Кадлубовскимъ:

а) объ отношеніи Спаѳарія къ русскимъ источникамъ; референтъ призналъ ихъ для тѣхъ мѣстъ Хрисмологіона, гдѣ Спаѳарій касается русской исторіи;

б) объ отношеніи „Ариѳмологія“ къ китайскому Сан-дзе-кингъ; сходство между ними референтъ признавалъ случайнымъ, основываясь на составленіи Спаѳаріемъ „Ариѳмологія“ именно въ 1672 г., до ознакомленія съ китайскимъ языкомъ; А. П. Кадлубовскій указалъ на существованіе многочисленныхъ параллелей содержанію „Ариѳмологія“ (которыя и могли послужить ему основаніемъ) въ различныхъ христіанскихъ литературахъ,

вопросовъ и отвѣтовъ, сохранившіяся какъ въ письменности, такъ и въ устной словесности, школьнаго происхожденія („Евангелистая пѣснь").

3. Д. членъ Общества Е. В. Пѣтуховъ прочиталъ рефератъ: „О главнѣйшихъ направленіяхъ въ русской литературѣ XVIII вѣка и первой четверти XIX в".

Референтъ выставилъ вначалѣ общее положеніе, что главнѣйшія направленія въ русской литературѣ XVIII и первой половины XIX вѣка—ложноклассицизмъ, сантиментализмъ и романтизмъ—явились не сразу каждое въ свою эпоху и не должны быть соединяемы, какъ это обыкновенно дѣлается въ учебникахъ, исключительно съ именами Ломоносова и Сумарокова, Карамзина и Жуковскаго, какъ ихъ родоначальниками. Это общее положеніе старался онъ доказать далѣе указаніемъ на литературные факты, предшествовавшіе началу литературной дѣятельности названныхъ писателей и во многомъ съ нею однородные. Въ XVII и первыя десятилѣтія XVIII вѣка намеки на ложноклассическіе литературные пріемы и вкусы можно усмотрѣть, напр., въ панегирическихъ одахъ Петру Могилѣ 1632 и 1633 г.г., въ панегирикѣ Сильвестру Коссову 1658 г., въ учебникахъ піитики въ Кіевской высшей духовной школѣ; особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи совѣты Ѳеофана Прокоповича въ его курсѣ „піитики", читанномъ въ Кіевѣ 1705 г. Т. о., Ломоносовъ и Сумароковъ имѣли себѣ предшественниковъ. То же должно сказать и о Карамзинѣ, такъ какъ черты сантиментальнаго характера въ русской литературѣ можно прослѣдить во многихъ прозаическихъ и стихотворныхъ піесахъ журналовъ 70-хъ и 80-хъ годовъ XVIII вѣка, напр: „Покоящійся Трудолюбецъ", „Вечерняя Заря", „Утренній Свѣтъ"; сюда же должны быть отнесены и нѣкоторыя черты литературной дѣятельности М. Н. Муравьева, Н. И. Новикова, И. В. Лопухина и переводы нѣкоторыхъ произведеній сантиментальнаго характера европейской литературы (Руссо, Ричардсонъ). Наконецъ, Жуковскій, какъ романтикъ, имѣлъ въ русской литературѣ предшественниковъ себѣ въ лицѣ Карамзина („Раиса", „Графъ Гвариносъ") и особенно Г. П. Каменева, котораго баллада „Громвалъ" (1804) носитъ на себѣ всѣ черты литературныхъ пріемовъ романтика-Жуковскаго. По мнѣнію референта, эти фактическія данныя, указывающія на постепенность появленія и смѣны у насъ литературныхъ направленій, должны вносить въ истори-

ческое изложеніе этихъ литературныхъ явленій ту необходимую послѣдовательность, которая сопровождаетъ обыкновенно дѣйствительный ходъ событій.

По поводу этого реферата были высказаны нѣкоторыя замѣчанія А. П. Кадлубовскимъ, полагавшимъ, что не слѣдуетъ видѣть въ періодѣ нашего ложноклассицизма прямого продолженія періода нашей школьной литературы XVII и начала XVIII в.; правда, ложно классицизмъ имѣетъ съ нею общія черты, заключающіяся однако болѣе въ пристрастіи къ извѣстнымъ, отдѣльнымъ шаблоннымъ образамъ, взятымъ, какъ и указано референтомъ, изъ классической миѳологіи, но въ цѣломъ представляетъ еще болѣе чертъ различія: такъ хотя въ нѣкоторыхъ родахъ поэзіи искались внѣшнія нормы и въ школьной литературѣ, и поэзія получала внѣшній и служебный характеръ, но въ другихъ родахъ эти нормы касались лишь отдѣльныхъ частностей, какъ въ драматическихъ представленіяхъ, а общее ихъ построеніе не было опредѣлено точной системой, и сочиненіе ихъ нерѣдко соотвѣтствовало внутренней потребности авторовъ: далѣе, постепенное движеніе этой литературы, и въ частности драматической, совершалось въ сторону ослабленія искусственности и сближенія съ жизнью, что выразилось особенно въ развитіи элемента интерлюдій и въ трагикомедіи Прокоповича; вслѣдствіе этого А. П. Кадлубовскій полагалъ, что два эти періода полезнѣе различать въ историческомъ сознаніи, чѣмъ сливать.

Засѣданіе 13 апрѣля.

2. Секретарь доложилъ, что согласно постановленію Общаго Собранія 4 февраля г. Предсѣдателемъ Общества была послана 9 февраля епископу Могилевскому Евгенію телеграмма, составленная д. членомъ Об—ва проф. М. Н. Бережковымъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Могилевъ на Днѣпрѣ. Преосвященному Могилевскому Евгенію. Нѣжинское Историко-Филологическое Общество, приготовляясь праздновать столѣтіе кончины славнаго уроженца Нѣжина, архіепископа Бѣлорусскаго Георгія Конисскаго, пріятнымъ долгомъ почитаетъ въ настоящій день могилевскаго торжества принести поздравленія Вашему Преосвя-

щенству, въ особѣ коего Могилевъ и Нѣжинъ еще разъ соединяются общимъ воспоминаніемъ. Предсѣдатель Общества Гельбке".

3. Секретарь доложилъ, что д. членомъ Об—ва Х. М. Лопаревымъ принесены въ даръ Об—ву его изданія. въ количествѣ 15 томовъ. Собраніе постановило благодарить жертвователя.

4. Выслушанъ докладъ коммиссіи, принимавшей согласно постановленію Общаго Собранія 9-го сентября 1894 г., въ вѣдѣніе Об—ва архивъ бывшаго нѣжинскаго греческаго магистрата, о принятіи ею архива и о состояніи, въ коемъ онъ найденъ.

6. Выслушанъ докладъ г. казначея Об—ва о состояніи средствъ Об—ва за истекшій годъ исполненія имъ своихъ обязанностей; изъ доклада оказалось, что за этотъ срокъ (3 апр. 1894 г.— 3 апр. 1895 г.) доходъ Об—ва, составившійся изъ 42 членскихъ взносовъ, равнялся 210 рублямъ; израсходовано было согласно постановленіямъ Об—ва 41 р. 77 к.; оставалось къ 3 апр. 1895 г. 168 р. 23 к. Вся отчетность найдена Об—вомъ въ полномъ порядкѣ.

7. Продолжалось обсужденіе вопроса объ ознаменованіи со стороны Об—ва исполненія 75 лѣтъ со времени основанія высшаго учебнаго заведенія имени кн. Безбородко (см. протов. 1894 г., № 5, 31 октября). Въ виду того, что Институтъ долженъ былъ отказаться торжественно отпраздновать этотъ день (въ силу существующихъ узаконеній о праздновании юбилеевъ), Собраніе нашло желательнымъ посвятить одно изъ засѣданій Об—ва воспоминанію о прошлой жизни заведенія и постановило устроить въ воскресенье 23 апрѣля, въ 12 ч. дня, торжественное засѣданіе Об—ва, съ рѣчами, посвященными исторіи заведенія. Далѣе была опредѣлена программа засѣданія, составившаяся изъ вступительной рѣчи г. Предсѣдателя и трехъ рѣчей гг. членовъ, содержащихъ обзоръ исторіи заведенія: исторіи Гимназіи Высшихъ Наукъ князя Безбородко—взялся посвятить свою рѣчь Е. В. Пѣтуховъ, исторіи Лицея—И. А. Сребницкій и исторіи Историко-Филологическаго Института—П. И. Люперсольскій.

8. Въ виду окончанія перваго года дѣятельности Об—ва Собраніе постановило: издать сборникъ, въ который вошли-бы: Уставъ Об—ва, списокъ его членовъ, отчетъ о состояніи Об—ва за первый годъ его существованія и читанные въ засѣданіяхъ Об—ва рефераты, авторы которыхъ пожелали бы этого, и которые были бы одобрены для печати Об—вомъ. Для редактированія Сборника, а равно и могущихъ слѣдовать за нимъ другихъ из-

даній Об—ва постановлено избрать редакціонную коммиссію, съ редакторомъ во главѣ, въ которой участвовали бы: секретарь и его товарищъ и одинъ или болѣе членовъ по избранію.

9. Происходило избраніе редакціонной коммиссіи. Редакторомъ изданій Об—ва избранъ Е. В. Пѣтуховъ, членомъ коммиссіи кромѣ секретаря и его товарища,—Ф. Ф. Гельбке.

10. Обсуждался вопросъ о годичномъ торжественномъ засѣданіи Об—ва, съ чтеніемъ отчета о состояніи Об—ва за первый годъ его существованія. Днемъ засѣданія назначено 14 сентября, годовщина торжественнаго открытія Общества.

13. Происходили согласно § 9 устава Об—ва выборы секретаря, казначея и ихъ товарищей на новый годичный срокъ. Въ результатѣ оказались избранными тѣ же лица, которыя исполняли въ истекшемъ году эти обязанности: А. П. Кадлубовскій (секретаремъ Об—ва), И. А. Сребницкій (его товарищемъ), И. Н. Михайловскій (казначеемъ) и О. В. Добіашъ (его товарищемъ).

14. Происходили, согласно тому же § 9 Устава Об—ва, выборы товарища библіотекаря по случаю оставленія Ф. А. Миловидовымъ этого званія еще въ 1894 г., вслѣдствіе перехода на службу въ г. Кіевъ. Избраннымъ оказался д. членъ Об—ва А. Д. Голышкинъ.

Засѣданіе 25 мая.

1. Д. Членъ общества Е. И. Кашпровскій сдѣлалъ отзывъ о новой книгѣ г. Голубовскаго: „Исторія Смоленской земли до начала XV ст.“.

Референтомъ указаны были общіе недостатки изслѣдованія г. Голубовскаго, каковое, по мнѣнію референта, представляетъ изъ себя мелочную компиляцію, густо усѣянную примѣчаніями.

Во 1-хъ). Какъ текстъ, такъ и примѣчанія говорятъ объ отсутствіи самостоятельности и цѣльности личности автора и о недостаткѣ систематической научной строгости, что доводитъ его до самопротиворѣчій. Святославъ Мстиславичъ Смоленскій является у него литовскимъ княземъ по происхожденію (стр. 302), при сильномъ желаніи со стороны автора считать его сыномъ Мстислава Романовича (стр. 196 sq).

Во 2-хъ). Задавшись цѣлью собрать все, что удастся, и сшить исторію Смоленской земли на основаніи чужихъ трудовъ,

авторъ не занялся изученіемъ памятниковъ, имѣющихъ отношеніе къ смоленской старинѣ: часть ихъ трактуется слегка или съ чужихъ словъ (Житіе Авраамія Смоленскаго, Уставная грамота Ростислава Мстиславича, данная смоленской епископіи 1150 г., Повѣсть о св. муч. Меркуріи), другой части совсѣмъ не коснулся. (Историческое описаніе г. Смоленска, Повѣсть о построеніи В. К. Ростиславомъ Мстиславичемъ первой въ Смоленскѣ церкви во имя пресв. Богородицы, родословныя, писцовыя и посольскія книги, подымная опись воеводства Смоленскаго и др.). Всѣ эти матеріалы могли бы освѣтить многое и въ области географіи и исторіи смоленской.

Въ 3-хъ). Недостаточно авторъ знакомъ и съ литературой вопроса; не знаетъ онъ работы Н. Астрова: Удѣльный князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ѳоминской; Н. Квашнина-Самарина: Изслѣдованіе объ исторіи княжества Ржевскаго и Ѳоминскаго; Вл. Успенскаго: Литовскіе пограничные городки; С. Писарева: Княжеская мѣстность и храмъ князей въ Смоленскѣ; и только по наслышкѣ знаетъ Историческій очеркъ г. Вязьмы, принадлежащій перу И. Виноградова. Работы эти дали бы возможность ознакомиться съ удѣлами смоленскими и цѣнными документами изъ архивовъ московскихъ и мѣстныхъ; это далъ бы трудъ Виноградова, а равно и Успенскаго.

Въ 4-хъ). Незнакомство автора со Смоленской землей на мѣстѣ и даже съ центромъ ея, городомъ Смоленскомъ, даетъ только превратныя, вредныя измышленія. Въ предмѣстьи г. Смоленска строится городъ Крупль (стр. 80, пр. 1), хотя на картѣ помѣщенъ онъ на мѣстѣ д. Шеиной Краснинскаго уѣзда Смоленской губерніи. Говоритъ о низменномъ лѣвомъ берегѣ Днѣпра въ Смоленскѣ, тогда какъ послѣдній путешественниками назывался и называется возвышеннымъ, мѣсто же стариннаго центра Смоленска, гдѣ сооружены были знаменитыя Годуновскія стѣны, называется у Гваньини скалой (Kronika W. X. Moskowskiego, Krak., 1611, p. 8), съ чѣмъ согласится всякій, кто видѣлъ Смоленскъ. А между тѣмъ у автора, Смоленскъ нынѣ лежитъ на правомъ возвышенномъ берегу, а въ древнѣйшее время на лѣвой, низменной сторонѣ (стр. 57).

Въ 5-хъ). Есть примѣры извращенія текстовъ источниковъ: г. Голубовскій умышленно пропускаетъ въ духовной грамотѣ Дмитрія Ивановича Донского: „а Коржань да Моишинъ Холмъ придалъ есмъ къ Можайску; а се волости отъѣздныѣ“ (стр.

67, пр. 3); Флетчеру и Целлеру навязываетъ свои собственныя мысли (стр. 89, пр. 3); причемъ надо отмѣтить, что Флетчеромъ пользуется въ какомъ-то сомнительномъ изданіи,—всѣ ссылки дѣлаются на одну и ту же 9 страницу.

Въ 6-хъ). Слишкомъ преувеличиваетъ значеніе своей компиляціи; примѣромъ можетъ служить вся третья глава: „Родъ смоленскихъ князей“, гдѣ онъ коснулся только 51 личности. Изъ числа избранниковъ 24 личности выяснены Погодинымъ (Изслѣд., замѣтки и лекц., т. VI), кромѣ Мстислава Давидовича; а о 19 достаточно ясно говорятъ тѣ же лѣтописи и родословныя книги. Изъ остатка 8-ми четыре вышли темными личностями, какими они были и до изслѣдованія г. Голубовскаго, другіе четыре затемнены уже имъ самимъ, по незнакомству съ родословіемъ вяземскихъ князей, хотя онъ увѣряетъ, что пришлось производить „довольно обширныя изысканія“ относительно выясненія личностей избранниковъ. Избранниками называемъ 51 князя, на личностяхъ которыхъ авторъ остановился, по той причинѣ, что много князей изъ времени до паденія самостоятельности Смоленска не остановили на себѣ вниманія историка Смоленской земли.

Въ 7-хъ). Попытки г. Голубовскаго стать на свои собственныя ноги всегда неудачны, такъ что было бы послѣдовательнѣе и лучше слѣдовать за авторитетами. Попытался выяснить вопросы, „безъ разрѣшенія которыхъ могутъ являться какъ въ туманѣ нѣкоторые моменты исторіи смоленской торговли“ (стр. 110), и сразу обнаружилъ свою несамостоятельность. Копію Смоленской правды, отмѣченную почтеннымъ А. А. Куникомъ буквой C, онъ принимаетъ за новый видъ договора какого-то князя съ Ригой; такимъ образомъ не ищетъ того писца, который снялъ эту копію для архива г. Риги, но ищетъ смоленскаго князя, который не сталъ бы заниматься такими пустяками (Рус.-Лив. Акты, стр. 414, C.). Увѣряетъ читателя, что экземпляръ правды F относится къ XIV в. (стр. 127, пр. 1, 209 и 233), тогда какъ Калайдовичъ, впервые изучавшій ее, сказалъ: „повидимому вся рукопись принадлежитъ къ концу XIII в.“ (Рус. Дост. т. 2, V). Того же мнѣнія держатся знатоки древняго русскаго письма (Куникъ. Рус.-Л. Акт., 416).

Въ 8-хъ). Есть ошибки, говорящія о полнѣйшемъ невѣжествѣ въ области и исторіи, и литературы. Отыскиваетъ онъ г. Роденъ, упоминаемый въ русскихъ лѣтописяхъ подъ 1368 г.,

въ Оршанскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи, причемъ считаетъ его за одно и тоже поселеніе, что и Руда, которую 1501 г. засѣлъ у Литвы московскій служилый князь Семенъ Бѣльскій. Авторъ забылъ, что до 1514 г., когда взятъ былъ полками Василія Ивановича городъ Смоленскъ, западная граница московскихъ владѣній не заходила дальше Дорогобужскаго у. Смоленской губерніи, т. е. за нѣсколько десятковъ верстъ не доходила до г. Смоленска. И только со взятіемъ послѣдняго Василіемъ Ивановичемъ, она придвинулась къ Оршанскому уѣзду, но все-таки не доходила до р. Днѣпра на 8 миль (Герберштейнъ, Записки о Московіи, стр. 182, 211). Затѣмъ, плохое знакомство съ капитальными трудами по исторіи выразилось въ томъ, что авторъ безцѣнный трудъ Востокова: Описаніе рукописей Румянцовскаго музея считаетъ произведеніемъ пера Калайдовича (стр. 181, пр. 1; стр. 202, пр. 8).

Въ 9-хъ). Масса опечатокъ дѣлаетъ книгу не только безполезной, но даже вредной для начинающаго знакомиться съ исторіей великаго княжества Смоленскаго.

По поводу этого чтенія М. Н. Бережковъ указалъ референту на затрудненія при изслѣдованіяхъ въ области исторической географіи и генеалогіи; референтъ высказался со своей стороны вообще противъ увлеченія историко-географическими изслѣдованіями, внѣ почвы такихъ несомнѣнныхъ и современныхъ событіямъ источниковъ, каковы писцовыя книги, и особенно противъ сближенія лѣтописныхъ названій съ новѣйшими поселеніями при помощи указателей къ спискамъ населенныхъ мѣстъ.

2. Д. членъ об—ва І. В. Добіашъ прочиталъ рефератъ: „Объ условіяхъ успѣшнаго веденія урока по чтенію древнихъ авторовъ".

Указавъ на цѣль, къ которой долженъ быть направленъ трудъ преподавателя при классномъ чтеніи древнихъ авторовъ (цѣль эта разъяснена въ „Объяснительной запискѣ къ учебному плану древнихъ языковъ" на стр. 62), референтъ разсматривалъ въ *общемъ* средства, правильное примѣненіе которыхъ могло бы, по его мнѣнію, способствовать достиженію этой цѣли.— На первомъ мѣстѣ онъ старался выяснить вопросъ, какъ слѣдуетъ понимать требуемое для точнаго разумѣнія смысла даннаго греч. или лат. текста *твердое* знаніе словъ. Тутъ референтъ высказалъ свой взглядъ на способъ устанавливанія значенія словъ въ томъ или другомъ контекстѣ, усматривая въ процессѣ

устанавливанія точнаго значенія словъ, помимо *интереса*, еще и неоспоримую *образовательную силу*.—Затѣмъ референтъ перешелъ къ вопросу о *способѣ анализа текста*. Перечисливъ входящіе въ анализъ элементы: грамматическій (этимологическій, синтаксическій и стилистическій), лексикальный, контекстуальный, фразеологическій, логическій и эстетическій, онъ разсматривалъ тѣ дидактическіе пріемы, которые, по его мнѣнію, могутъ содѣйствовать наиболѣе плодотворному разрѣшенію данной задачи на пользу умственнаго, нравственнаго и эстетическаго развитія учениковъ съ одной—и возбужденія въ нихъ интереса и любви къ предмету съ другой стороны. Пріемы эти были изложены въ формѣ то совѣтовъ, то предостереженій съ прибавленіемъ мотивировки каждаго изъ этихъ совѣтовъ и предостереженій.—Были разсмотрѣны слѣдующія дидактическія явленія.

1). О необходимости различать вещи, сообщаемыя ученику догматически, отъ вещей, которыхъ учитель можетъ потребовать отъ него путемъ вопросовъ или какъ вполнѣ извѣстныхъ ему, съ цѣлью повторенія, или какъ вполнѣ доступныхъ его мышленію, съ цѣлью привлеченія его къ участію въ разработкѣ теоріи, стоящей на очереди въ классѣ по ходу наблюденій и занятій вообще.

2). О формулировкѣ и свойствѣ предлагаемыхъ ученикамъ вопросовъ.

3). О необходимости наводить ученика на правильный отвѣтъ, если онъ отвѣтилъ на предложенный ему учителемъ вопросъ неправильно.

4). Какихъ вещей не слѣдуетъ касаться при толкованіи древнихъ авторовъ съ учениками гимназіи?

5). О необходимости слѣдить за тѣмъ, чтобы не было оставляемо безъ надлежащаго разъясненія ничего такого, что по впечатлѣнію, производимому на насъ отвѣтомъ ученика, могло бы вызвать какое-нибудь сомнѣніе относительно правильнаго пониманія имъ разбираемаго текста.

6). О неправильности пріема, состоящаго въ допущеніи или даже предложеніи со стороны учителя готоваго перевода отдѣльныхъ выраженій или цѣлыхъ оборотовъ безъ надлежащаго обоснованія его путемъ лексикальнаго и фразеологическаго анализа.

7). Объ условіяхъ и значеніи дѣлаемыхъ съ цѣлью анализа и направляемыхъ къ постепенному уясненію разбираемаго текста объясненій, которыя должны быть вызываемы лишь настоятель-

ною необходимостью, опредѣляемою тѣмъ или другимъ отвѣтомъ ученика, и должны непремѣнно предшествовать окончательному переводу, который долженъ служить выразителемъ всесторонняго пониманія смысла разбираемаго текста.

8). О свойствахъ окончательнаго перевода.

9). О необходимости привлекать къ участію въ разработкѣ матеріала, по возможности, весь классъ. (Какъ слѣдуетъ понимать это требованіе и въ какой степени способствуетъ его выполненію внѣшняя сторона веденія урока—личность учителя).

10). О правильномъ чтеніи текста вообще, и выразительномъ въ особенности.

11). Объ удобствахъ и пользѣ разработки литературнаго перевода на основаніи перевода, по возможности, дословнаго.

12). Въ какой мѣрѣ при чтеніи древнихъ авторовъ слѣдуетъ прибѣгать къ грамматикѣ?

Наконецъ референтъ указалъ, какъ на одну изъ важныхъ задачъ на урокахъ по чтенію авторовъ, въ особенности въ низшихъ классахъ, на задаваніе новаго урока. Если желательно, чтобы ученикъ даже посредственныхъ способностей былъ въ состояніи выполнить предложенную ему задачу вполнѣ самостоятельно, то, по мнѣнію референта, необходимо давать ему напередъ нѣкоторыя разъясненія, устраняющія все то, что могло бы составить для него непреодолимое препятствіе къ выполненію заданнаго ему урока. Референтъ находитъ даже весьма желательнымъ—на первыхъ порахъ чтенія авторовъ (въ III кл. латинскаго, а въ IV кл. греческаго) вовсе не задавать на домъ уроковъ, а устроить такъ, чтобы рѣшеніе всей задачи цѣликомъ происходило въ классѣ подъ руководствомъ учителя.

По поводу реферата А. М. Фогель высказался противъ стремленія къ крайней методичности въ преподаваніи, особенно въ употребленіи внѣшнихъ пріемовъ, о которыхъ говоритъ референтъ, и указывалъ на необходимость внутренняго отношенія преподавателя къ предмету, любви и интереса къ нему, какъ на главное условіе успѣшности дѣла.

На возраженіе А. М. Фогеля референтъ отвѣтилъ, что задачею реферата онъ себѣ поставилъ разсмотрѣніе всевозможныхъ дидактическихъ дѣйствій, какъ средствъ для возбужденія въ ученикахъ интереса къ излагаемому предмету и развитія ихъ ума. Въ рефератѣ отведено сравнительно большое мѣсто и теплому отношенію къ дѣлу самого учителя.

4). Обсуждалась программа годичнаго торжественнаго засѣданія, назначеннаго на 14 сентября. Постановлено, что засѣданіе будетъ состоять изъ чтенія отчета о дѣятельности Об—ва за первый годъ его существованія и рѣчи одного изъ гг. членовъ; составленіе и произнесеніе рѣчи принялъ на себя А. В. Добіашъ.

5). Е. В. Пѣтуховъ, какъ редакторъ предположеннаго къ изданію сборника, заявилъ, что по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ для помѣщенія въ сборникѣ имѣетъ быть представлено около 10 рефератовъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ Об—ва. На основаніи представленій Е. В. Пѣтухова собраніе обсуждало подробности вопроса о печатаніи сборника и постановило:

а) Сборникъ печатать въ одной изъ типографій г. Кіева; выборъ типографіи предоставить редакціонной коммиссіи;

б) статьи въ сборникѣ расположить по порядку поступленія рукописей ихъ къ редактору, въ виду того, что проведеніе иного порядка, какъ хронологическаго (порядка чтенія статей въ Об—вѣ) вызвало бы значительное замедленіе, такъ какъ не всѣ предположенныя къ печати статьи могутъ быть представлены въ ближайшемъ будущемъ;

в) Сборникъ отпечатать съ одной пагинаціей для всѣхъ статей, имѣющихъ войти въ него;

г) отпечатать его въ количествѣ 200 экземпляровъ, и кромѣ того, по 100 экземпляровъ оттисковъ каждой изъ статей, для выдачи авторамъ; особой обложкой и отдѣльной пагинаціей на счетъ Об—ва этихъ оттисковъ не снабжать;

д) выборку статей изъ протоколовъ засѣданій Об—ва для печатанія въ оффиціальной части сборника поручить редакціонной коммиссіи.

ОТЧЕТЪ

объ основанiи Историко-филологическаго Общества при Институтѣ Кн. Безбородко и объ его состоянiи и дѣятельности за время отъ 3 апрѣля 1894 г. до 14 сентября 1895 г.

Мысль объ учрежденiи при Институтѣ Ученаго Общества возникла въ средѣ нѣкоторыхъ изъ преподавателей Института и впервые была высказана весною 1893 года. Дальнѣйшее движенiе этой мысли имѣло мѣсто въ теченiе лѣтнихъ каникулъ 1893 года. Она встрѣтила сочувствiе со стороны преподавателей Института и Гимназiи, которые и рѣшили ходатайствовать объ учрежденiи при Институтѣ Общества. Они видѣли въ учрежденiи Общества средство для установленiя живого обмѣна мыслей по научнымъ вопросамъ, возбужденiя и усиленiя интереса къ нимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря участiю въ дѣятельности Общества и постороннихъ лицъ, средство и для посильнаго содѣйствiя распространенiю знанiй и интереса къ нимъ и за стѣнами учебнаго заведенiя.

Учредители Общества желали, чтобы дѣятельность его не ограничивалась какою-нибудь узко-спецiальною областью науки, а касалась цѣлаго круга наукъ; содержанiе этого круга опредѣлялось главнымъ образомъ характеромъ самаго учрежденiя, при которомъ возникало Общество, а съ тѣмъ вмѣстѣ и принадлежностью будущихъ его членовъ и дѣятелей почти исключительно къ спецiальностямъ историко-филологическимъ. Поэтому имѣлось въ виду въ кругъ занятiй Общества включить всѣ науки историко-филологическiя, и само оно получило наименованiе Историко-Филологическаго. Характеромъ учебнаго заведенiя, имѣющаго педагогическiя цѣли, вызывалось желанiе расширить кругъ занятiй Общества еще вопросами педагогическими: въ высшей степени желательнымъ являлось установить живое обсужденiе въ Обществѣ вопросовъ педагогики и дидактики.

Учредители дѣла желали, чтобы къ началу новаго учебнаго года были окончены подготовительныя работы. А потому въ теченіе каникулъ былъ составленъ первоначальный проектъ Устава Общества, чтобы по открытіи дѣятельности Конференціи Института его можно было немедленно предложить на ея обсужденіе. Лица, принимавшія участіе въ первоначальномъ обсужденіи этого дѣла, собрались въ самомъ началѣ учебнаго года для обсужденія проекта Устава; послѣ нѣсколькихъ поправокъ и дополненій онъ былъ представленъ въ Конференцію Института, съ приложеніемъ ходатайства о дальнѣйшемъ движеніи дѣла. Подписавшія ходатайство лица указывали на значеніе, которое можетъ имѣть учрежденіе Общества, особенно въ условіяхъ, представляемыхъ жизнью небольшого города, небогатаго общественными просвѣтительными учрежденіями. Конференція Института, разсмотрѣвъ проектъ Устава, одобрила его, съ незначительными измѣненіями. Въ началѣ декабря проектъ Устава былъ представленъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія. Подвергнутый разсмотрѣнію въ Министерствѣ, проектъ Устава съ новыми небольшими измѣненіями былъ утвержденъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 12 марта 1894 года.

Содержаніе Устава въ окончательной формѣ въ краткихъ чертахъ слѣдующее:

Общество имѣетъ своею цѣлью содѣйствовать развитію и распространенію знаній въ области историко-филологическихъ наукъ и разработкѣ вопросовъ педагогическихъ, путемъ живого обмѣна мыслей или печатнаго слова; Обществу предоставляется для достиженія этой цѣли право устраивать засѣданія съ чтеніемъ и обсужденіемъ научныхъ рефератовъ и сообщеній, имѣть библіотеку и другія научныя коллекціи, печатать научныя изслѣдованія, переводы разныхъ сочиненій, матеріалы историческіе, этнографическіе, литературные и т. п., при этомъ труды Общества могутъ печататься безъ предварительной цензуры.

Управленіе дѣлами Общества принадлежитъ Общему Собранію его членовъ. Оно же избираетъ изъ своей среды для веденія дѣлъ должностныхъ лицъ: предсѣдателя, секретаря, казначея, библіотекаря и ихъ товарищей. Члены Общества раздѣляются на почетныхъ и дѣйствительныхъ. Членами Общества могутъ быть прежде всего лица, состоящія на учебной службѣ въ Институтѣ и Институтской Гимназіи; они вступаютъ въ члены Общества безъ особаго избранія, лишь по заявленію желанія;

затѣмъ и лица постороннія, интересующіяся предметами занятій Общества. Уставъ не обусловливаетъ точнѣе права вступленія въ число членовъ Общества, предоставляя это рѣшенію о каждомъ отдѣльномъ лицѣ Общаго Собранія; Общимъ Собраніемъ постороннія Институту лица и избираются въ члены Общества, по предложенію кого-либо изъ членовъ его, посредствомъ закрытой баллотировки. Членами Общества могутъ быть какъ лица, живущія въ городѣ Нѣжинѣ, такъ и иногороднія.—Средства Общества составляются изъ членскихъ взносовъ (5 р. въ годъ), изъ добровольныхъ пожертвованій, изъ сбора за публичныя лекціи, читаемыя въ пользу Общества. Въ случаѣ закрытія Общества все его имущество поступаетъ въ собственность Института кн. Безбородко.

По полученіи извѣстія объ утвержденіи Устава Общества, г. Директоръ Института увѣдомилъ объ этомъ лицъ, служащихъ въ Институтѣ и Гимназіи, и пригласилъ ихъ собраться 3 апрѣля для выслушанія Устава Общества въ окончательной формѣ и для опредѣленія первоначальнаго состава и дѣятельности Общества.

Такимъ образомъ 3-го апрѣля состоялось первое засѣданіе Общества. Засѣданіе было открыто г. Директоромъ Института, который прочиталъ извѣщеніе г. Попечителя Округа объ утвержденіи Устава Общества и Уставъ Общества, а затѣмъ пригласилъ желающихъ вступить въ число членовъ Общества высказаться въ этомъ смыслѣ. Такимъ образомъ вступило въ число членовъ Общества 21 лицо. Г. Директоръ пригласилъ собраніе приступить прежде всего къ избранію должностныхъ лицъ Общества. Избраніе происходило указаннымъ въ Уставѣ образомъ; избранными оказались:

Предсѣдателемъ Общества—директоръ Института *Ф. Ф. Гельбке*;

Товарищемъ его—профессоръ Института *Е. В. Пѣтуховъ;*

Секретаремъ—наставникъ студентовъ и преподаватель Института *А. П. Кадлубовскій;*

Товарищемъ его—наставникъ-руководитель Институтской Гимназіи и преподаватель Института *И. А. Сребницкій*;

Казначеемъ — наставникъ - руководитель Гимназіи *И. Н. Михайловскій;*

Товарищемъ его—наставникъ-руководитель Гимназіи *О. В. Добіашъ.*

Библіотекаремъ—надзиратель Гимназіи *Е. И. Кашпровскій*;

Товарищемъ его—преподаватель Гимназіи *Ф. А. Миловидовъ.*

Засѣданіе продолжалось далѣе подъ предсѣдательствомъ г. предсѣдателя Общества, при секретарѣ А. П. Кадлубовскомъ. Собраніе занялось вопросомъ объ организаціи дѣятельности Общества; было постановлено открыть научную дѣятельность Общества молебствіемъ и публичнымъ засѣданіемъ, а до тѣхъ поръ собираться въ засѣданія лишь дѣлового характера и считать ихъ предварительными. Такихъ засѣданій состоялось четыре (кромѣ 3 апрѣля, еще 24 апрѣля, 12 іюня и 9 сентября 1894 года); они были посвящены первоначальной организаціи Общества. Днемъ открытія Общества на одномъ изъ этихъ засѣданій было назначено 14 сентября 1894 г. Въ первомъ засѣданіи постановлено было увѣдомить объ учрежденіи Общества мѣстныхъ начальствующихъ лицъ, а затѣмъ разослать подобное увѣдомленіе всѣмъ служившимъ и учившимся въ Институтѣ, какъ лицамъ, близкимъ къ нему и потому могущимъ интересоваться умственною жизнью заведенія. Увѣдомляя ихъ, Общество просило ихъ посильнаго содѣйствія—присылкою научныхъ сообщеній, статей, матеріаловъ или же матеріальною помощью и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ отозвались на это приглашеніе выраженіемъ сочувствія и готовности приносить возможными для нихъ средствами помощь возникшему при Институтѣ Обществу и выразили желаніе вступить въ число его членовъ. Подобныя же заявленія были получены и отъ другихъ лицъ, какъ живущихъ въ Нѣжинѣ, такъ и иногородныхъ; нѣкоторыя изъ нихъ сдѣлали и пожертвованія Обществу книгами.

Въ связи съ этимъ Общество занималось избраніемъ членовъ; избраніе происходило опредѣленнымъ Уставомъ способомъ; по 14 сентября 1894 г. избрано баллотировкою 23 члена, изъ нихъ 16—бывшіе студенты Института. Безъ баллотировки же, въ качествѣ лицъ, служáщихъ въ Институтѣ и Гимназіи, вступило въ число членовъ Общества также 23 лица. Слѣдовательно къ 14 сентября 1894 г. Общество состояло изъ 46 дѣйствительныхъ членовъ На этихъ же засѣданіяхъ обсуждались и прочіе болѣе детальные вопросы, касающіеся устройства Общества. 14 сентября 1894 г. актомъ торжественнаго открытія Общества было положено начало его дѣятельности. Актъ открытія состоялъ изъ молебствія и торжественнаго засѣданія Общества. Въ засѣданіи былъ прочитанъ г. секретаремъ Общества отчетъ объ основаніи и предварительной организаціи Общества, а затѣмъ

д. членомъ Общества, профессоромъ Института П. И. Люперсольскимъ, произнесена рѣчь „Объ Иродотѣ и его произведеніи“.

Въ послѣдующее время дѣятельность Общества главнымъ образомъ заключалась въ устройствѣ засѣданій, которыя посвящались чтенію и обсужденію научныхъ сообщеній г.г. членовъ Общества, а также и постороннихъ лицъ, по предметамъ, входящимъ въ кругъ занятій Общества, или же обсужденію дѣлъ Общества. Всего за отчетный годъ было 13 засѣданій, считая въ томъ числѣ и засѣданіе 14-го сентября; (за все же время отъ 3 апрѣля 1894 г. по 14 сент. 1895 г. было 17 засѣданій). Изъ засѣданій 4 были торжественныя; они устраивались въ 12 ч. дня; кромѣ вышеупомянутаго засѣданія, посвященнаго открытію Общества, они были устроены Обществомъ 15 января, 19 февраля и 23 апрѣля 1895 г. и были посвящены: первое—памяти А. С. Грибоѣдова, по случаю исполненія столѣтія со времени его рожденія; второе—памяти архіепископа бѣлорусскаго Георгія Конисскаго, по случаю столѣтія со времени его кончины; третье—воспоминаніямъ о прошлой жизни высшаго учебнаго заведенія имени князя Безбородко, при которомъ состоитъ Общество. по случаю 75-лѣтія со времени его основанія. На этихъ засѣданіяхъ членами Общества было произнесено 7 рѣчей: памяти Грибоѣдова посвятили свое слово Е. В. Пѣтуховъ („А. С. Грибоѣдовъ“), А. П. Кадлубовскій („О значеніи Грибоѣдова въ развитіи русской поэзіи“); памяти Георгія Конисскаго—И. А. Сребницкій („Къ біографіи Георгія Конисскаго“) и М. Н. Бережковъ („Георгій Конисскій, какъ проповѣдникъ“); обзору исторіи учебнаго заведенія кн. Безбородко—Е. В. Пѣтуховъ (Очеркъ исторіи Гимназіи выс. наукъ К. Б.) И. А. Сребницкій (Очерки изъ исторіи Лицея кн. Безб.) и П. И. Люперсольскій („Историко-Филологическій Институтъ князя Безбородко. Историческая записка“). Изъ 9 прочихъ обыкновенныхъ засѣданій Общества 8 были открытыя, т. е. кромѣ членовъ Общества на нихъ присутствовала и посторонняя публика; въ числѣ посѣтителей засѣданій Общества бывали многіе студенты Института. Засѣданія эти происходили: 31 октября и 19 ноября 1894 г.; 2 и 18 января, 4 февраля, 22 марта, 25 мая и 4 іюня 1895 года; устраивались въ вечернее время. Въ засѣданіяхъ читались и обсуждались рефераты научнаго содержанія. Всѣхъ рефератовъ на указанныхъ 8 засѣданіяхъ было прочитано 17. Такимъ образомъ на всѣхъ засѣданіяхъ Общества вмѣстѣ рефератовъ и рѣчей

прочитано въ отчетномъ году 25. Именно, на обыкновенныхъ открытыхъ засѣданіяхъ были прочитаны слѣдующіе рефераты: 1894 г., окт. 31. *М. Н. Бережкова.* Отзывъ о новой книгѣ Д. И. Иловайскаго. „Смутное время московскаго государства".

И. Н. Михайловскаго. Очеркъ жизни и службы Николая Спаѳарія въ Россіи.

19 ноября *Е. В. Пѣтухова.* О нѣкоторыхъ басняхъ Крылова въ педагогическомъ отношеніи.

Е. И. Кашпровскаго. Учрежденіе смоленской епископіи.

1895, 2 января. *В. М. Рѣзанова.* О внѣклассномъ чтеніи учениковъ гимназій.

18 января. *Х. М. Лопарева.* Къ сказанію о Куликовской битвѣ.

А. В. Добіаша. О діалогѣ Платона „Менонъ".

4 февраля. *М. И. Демкова* и *И. Н. Михайловскаго.* О педагогическомъ сборникѣ XVII в.

В. Р. Фохта; Замѣтка по римской иконографіи.

22 марта *И. Г. Турцевича.* Нѣкоторые римскіе водопроводы и народныя легенды объ ихъ сооруженіи и назначеніи.

И. Н. Михайловскаго. О литературныхъ трудахъ Николая Спаѳарія въ 1672 году.

Е. В. Пѣтухова. О главныхъ направленіяхъ въ русской литературѣ XVIII и первой четверти XIX вѣка.

25 мая. *Е. И. Кашпровскаго.* Отзывъ о книгѣ Голубовскаго. „Исторія Смоленской земли до начала XV столѣтія".

О. В. Добіаша. Объ условіяхъ успѣшнаго веденія урока по чтенію древнихъ авторовъ.

4 іюня *И. Г. Турцевича.* О названіяхъ римскихъ городовъ.

И. В. Галанта. Къ вопросу объ уманской рѣзнѣ.

Въ качествѣ референтовъ являлись обыкновенно члены Общества; два реферата принадлежали постороннимъ посѣтителямъ: *Х. М. Лопареву*, въ томъ же впрочемъ засѣданіи, на которомъ былъ имъ прочитанъ рефератъ, избранному въ д. члены Общества, и *И. В. Галанту.* Изъ 23 рефератовъ и рѣчей, прочитанныхъ членами Общества, 21 принадлежалъ профессорамъ и преподавателямъ Ин—та и Гимназіи, 2—иногороднимъ членамъ Общества въ томъ числѣ одному изъ бывшихъ студентовъ Института; послѣдній рефератъ былъ прочитанъ авторомъ, другой же за отсутствіемъ автора однимъ изъ членовъ. По предметамъ сообщенія распредѣлялись такъ: по русской исторіи и русской сло-

весности прочитано по 9 сообщеній, по классич. филологіи—5 и по вопросамъ педагогическимъ 2.

По окончаніи открытыхъ засѣданій устраивались обыкновенно (въ 7 случаяхъ изъ 8) закрытыя засѣданія, въ коихъ присутствовали лишь члены Об—ва, и которыя посвящались обсужденію и рѣшенію текущихъ дѣлъ Об—ва. Кромѣ того, еще одно спеціально дѣловое засѣданіе, также закрытое, происходило 13 апрѣля; съ 4-мя предварительными, такихъ дѣловыхъ засѣданій было 12. Въ этихъ засѣданіяхъ Об—во ближайшимъ образомъ занималось дѣлами своей внутреняей организаціи, избраніемъ дожностныхъ лицъ, новыхъ членовъ.

Что касается состава должностныхъ лицъ Об—ва, то 3-го апрѣля истекъ годичный срокъ, на который избраны были по Уставу Общества его секретари и казначеи. Въ результатѣ новыхъ выборовъ избраны были на эти должности вновь тѣже лица. Въ товарищи библіотекаря, на мѣсто преподавателя нѣжинской гимназіи Ф. А. Миловидова, оставившаго это званіе вслѣдствіе перевода на службу въ Кіевъ, выбранъ 13 апрѣля преподаватель той же гимназіи А. Д. Голышкинъ.

Въ составѣ членовъ Общества произошли слѣдующія измѣненія: Общество лишилось одного изъ своихъ членовъ, въ лицѣ бывшаго студента Института кн. Безбородко, преподавателя Каменецъ-Подольской гимназіи Сергѣя Ивановича *Пономарева*, скончавшагося въ январѣ 1895 г. Новыхъ же членовъ вошло въ составъ Об—ва 9; изъ нихъ одинъ безъ избранія, какъ преподаватель Институтской гимназіи, согласно § 6 устава Об—ва; прочіе 8 приняты въ число членовъ по избранію; изъ нихъ 2—живущихъ въ Нѣжинѣ, 6 иногороднихъ, въ томъ числѣ 5—бывшіе студенты Института.

Т. о. къ концу отчетнаго года, т. е. къ 14-му сентября 1895 г. членовъ Об—ва состоитъ 53; всѣ они—дѣйствительные члены; въ томъ числѣ лицъ, служащихъ въ Институтѣ и его Гимназіи—21, живущихъ въ Нѣжинѣ кромѣ того 5, иногороднихъ—27, въ томъ числѣ г. почетный попечитель Института, два бывшихъ профессора и 20 бывшихъ студентовъ Института.

Изъ различныхъ постановленій, сдѣланныхъ въ засѣданіяхъ Об—ва, отмѣтимъ слѣдующія:

Общество, считая своею обязанностью ознаменовать чѣмъ-нибудь со своей стороны исполненіе 75-лѣтія со времени основанія высшаго учебнаго заведенія имени кн. Безбородко, отозвалось на это событіе устройствомъ вышеуказаннаго уже тор-

жественнаго засѣданія 23 апр. 1895 г. и принятіемъ на себя иниціативы въ описаніяхъ картинной и монетной коллекцій Института (см. въ извлеченіяхъ изъ протоколовъ засѣданій 31 окт. 1894 г., 18 янв. и 13 апр. 1895 г.).

Находя желательнымъ отзываться на историческія воспоминанія, Об—во, какъ уже выше было указано, въ отчетномъ году почтило торжественными засѣданіями память Грибоѣдова и Георгія Конисскаго. Присоединяясь также къ празднеству, устроенному въ память Георгія Конисскаго въ епархіальномъ городѣ архіепископа, Могилевѣ, Об—во въ день могилевскаго празднества послало привѣтственную телеграмму въ Могилевъ на имя Преосвященнаго епископа могилевскаго (см. извлеченія изъ протоколовъ засѣданій 2 и 18 янв., 4 февр. и 13 апр. 1895 г.).

Наиболѣе достойнымъ вниманія является постановленіе Общества ознаменовать первый годъ дѣятельности изданіемъ настоящаго Сборника (см. извлеченія изъ протоколовъ засѣданій 13 апр. и 25 мая 1895 г.).

Возможность издать въ свѣтъ Сборникъ уже по истеченіи 1-го года жизни Об—ва является весьма отрадною. Скудныя средства Об—ва, составляющіяся исключительно изъ членскихъ взносовъ, ставятъ довольно узкіе предѣлы издательскому дѣлу; изданіе означеннаго Сборника должно поглотить почти всѣ средства, которыми располагало Об—во въ отчетномъ году; тѣмъ не менѣе Об—во расчитываетъ и впредь продолжать изданіе своихъ трудовъ, на сколько это будетъ возможно.

Средства Об—ва за это время составлялись изъ пятирублевыхъ членскихъ взносовъ; до 4 сентября 1894 года ихъ поступило 27, такъ что всего въ кассу Об—ва поступило 135 р. изъ нихъ на нужды первоначальнаго обзаведенія, на пріобрѣтеніе канцелярскихъ принадлежностей, печатаніе Устава Общества, упомянутыхъ выше извѣщеній объ учрежденіи Общества, почтовые расходы и т. п. по 14 сентября 1894 г. было израсходовано 13 р. 42 к.; оставалось къ означенному сроку въ кассѣ Об—ва 121 р. 58 к. Въ теченіе слѣдующаго года, по 14 сентября 1895 г. поступило 17 членскихъ взносовъ, на сумму 85 рублей. Расходъ на нужды Об—ва за это время составилъ 33 р. 35 к. Остается къ 14 сентября 1895 г. 173 р. 23 коп. Какъ уже сказано, эта сумма имѣетъ пойти на изданіе Сборника за первый годъ дѣятельности Об—ва.

Очеркъ жизни и службы Николая Спаеарія въ Россіи [1]).

Д. чл. И. Н. Михайловскаго.

Николай Гавриловичъ Спаеари, или Спаеарій, называемый обыкновенно „волошениномъ“, „Μολδαβολάχων“, т. е. „молдовлахомъ“, изрѣдка „греченином“ и самъ себя считавшій „non solum religione, sed etiam natione ac idiomate graecum“, родился въ Молдавіи „отъ отца еллина суща Пелопониса острова“ и принадлежалъ къ молдавскому боярству. Вотъ почему самъ онъ называетъ себя „волоского воеводы бояриномъ“, а по латыни „baro“; французскій посланникъ въ Швеціи Арно-де-Помпоннъ, съ которымъ пришлось Спаеарію вступить въ сношенія, именуетъ его „Seigneur moldave“, „baron“, „gentilhomme“; греки и румыны—„благороднымъ“, „бояриномъ“, а Смоленскій воевода Хованскій, въ своей отпискѣ о пріѣздѣ его въ Россію—„Волоскія земли шляхтичемъ“. Но въ Россіи иначе, какъ перевод-

[1]) При составленіи настоящаго очерка мы пользовались главнымъ образомъ слѣдующими сочиненіями:

Н. Кедровъ. Николай Спаеарій и его Ариемологія (Журналъ Мин. Нар. Пр. 1876, январь).

Ю. В. Арсеньевъ. Путешествіе чрезъ Сибирь Спаеарія. Спб. 1882 (Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. по отдѣленію этнографіи. Т. X, вып. I).

Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Дипломатическое собраніе дѣлъ между Россійскимъ и Китайскимъ государствами (Изд. *Флоринскимъ*. Каз. 1882).

Picot. Notice biographique et bibliographique sur Nicolas Spatar—Milescu. Paris. 1883.

Сырку. Николай Спаеари до пріѣзда въ Россію (Записки Вост. Отд. Имп. Рус. Археол. Общ.—Т. III, 1888, вып. 1—2).

Собранныя въ этихъ сочиненіяхъ свѣдѣнія мы имѣли возможность частію провѣрить, а частію пополнить по дѣламъ Главнаго Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Болѣе интересныя изъ касающихся Спаеарія дѣлъ этого архива приведены нами въ приложеніяхъ.

чикомъ Посольскаго Приказа, Спаѳарій не зовется; только при отправкѣ въ Китай посланникомъ его назвали въ кредитивной грамотѣ „добророжденнымъ дворяниномъ", что сдѣлано было, впрочемъ, по особымъ дипломатическимъ соображеніямъ: „Ево написать бы дворяниномъ"—говорится въ докладной выпискѣ по поводу предполагаемой „китайской посылки",—а не переводчикомъ, потому что въ томъ чину будутъ они" (т. е. китайцы) „имѣть великое подозрѣніе".

Думаютъ, что Спаѳарій родился около 1625 года, но статейный списокъ его посольства въ Китай принуждаетъ насъ принять другую цифру (приблизительно 1635-й годъ). Тамъ сказано, что во время аудіенціи у богдыхана „езувиты, пришедъ къ Николаю, говорили: спрашиваетъ ханъ, много ль ему, Николаю, лѣтъ,—„Николай говорилъ, что возрастомъ есть лѣтъ сорокъ". А это было въ 1676 году.

Образованіе Спаѳарій получилъ основательное и многостороннее: онъ учился въ Константинополѣ, гдѣ усвоилъ языки эллинскій, ново-греческій, турецкій и арабскій и прослушалъ курсъ богословія, философіи, литературы и исторіи; позже свои занятія пополнилъ онъ въ Италіи изученіемъ наукъ естественныхъ и математическихъ и языковъ: латинскаго и итальянскаго. Поэтому современники не только называютъ его „vir polyglottus", „instruit aux langues", „всѣмъ языкамъ наученнымъ", но указываютъ и на спеціальныя его познанія, въ особенности по исторіи: Арно-де-Помпоннъ говоритъ, что онъ „sait assez bien l'histoire, et particulièrement celle de l'Église", а патріархъ Досиѳей—что „есть яко гранографъ, въ которомъ содержатся всякія дѣла вселенныя".

Фамильнымъ прозвищемъ Спаѳарія должно считаться Милеску. Но и на родинѣ могли называть его тѣмъ именемъ, подъ которымъ сталъ извѣстенъ онъ въ Россіи, хотя не слѣдуетъ упускать изъ виду, что употребленное у г. Пико выраженіе „Nicolas Spatar—Milescu" не вполнѣ соотвѣтствуетъ выраженію Некульчи [1]), переведенному у г. Сырку: „Николай Милеску спатаръ изъ Васлуя". Имя Спатара давалось Николаю Милеску, по всей вѣроятности, по званію или по должности спаѳарія, которую занималъ онъ при своемъ господарѣ. Названіе этой

[1]) Ѐра́ оун боіе́ръ, ӑнꙋче Николаи Миле́скꙋ Спатар, дела Ва̀слꙋю;—далѣе Некульча называетъ его Н. Миле́скꙋл., Н. Кърнꙋл.

должности, какъ и многихъ другихъ, заимствовано изъ Византіи, гдѣ спаѳаріями—отъ σπάθη—итал. spada, т. е. шпага, мечъ—называли особыхъ тѣлохранителей императорскихъ, „оружниковъ", какъ переводилось это слово въ нашихъ временникахъ; византійскихъ спаѳаріевъ можно, кажется, приравнять къ русскимъ гриднямъ кіевскаго періода или рындамъ болѣе поздняго времени. Повидимому, тотъ же характеръ тѣлохранителей, свиты господарской должны были имѣть спаѳаріи и въ Дунайскихъ княжествахъ, если только это названіе должности или чина не стало обозначать особаго сословія подобно русскому „дворянинъ", бывшему первоначально тоже чиномъ.

Какъ бы то ни было, Спаѳарій Милеску пользовался довѣріемъ своего господаря и былъ у него секретаремъ и, быть можетъ, не домашнимъ только, но и „secretaire d'estat", какъ называетъ его Арно-де-Помпоннъ; позже онъ дѣлается „πρωτοσπαθάριος"—по Дм. Прокопію—или „generalis"—по собственнымъ словамъ Спаѳарія. Но участіе въ политическихъ интригахъ подвергаетъ Спаѳарія суровой карѣ—ему по приказанію господаря былъ „урѣзанъ" носъ—и принуждаетъ его покинуть свою родину Молдавію, послѣ чего впрочемъ онъ не лишается окончательно той роли, которую игралъ прежде: сначала онъ нашелъ пріютъ и дѣло въ Валахіи, а потомъ исполняетъ разныя порученія дипломатическаго характера то въ Стокгольмѣ, то въ Константинополѣ. Но послѣ оставленія Молдавіи—съ цѣлію или скрыть свои слѣды въ виду возможности преслѣдованія, или по другимъ какимъ-либо причинамъ—Николай Милеску перестаетъ называться этимъ именемъ и навсегда принимаетъ имя Спаѳарія или Спаѳари; въ Молдавіи же, вѣроятно, въ насмѣшку, начинаютъ называть его Кърнуломъ, т. е. курносымъ. Въ то же время Спаѳарій становится извѣстнымъ своими литературными трудами: переводитъ Библію на румынскій языкъ, пишетъ для Арно-де-Помпонна свой „Enchiridion, sive Stella orientalis occidentali splendens, hoc est sensus Ecclesiae orientalis, scilicet graecae, de transsubstantiatione corporis Domini aliisque controversiis" и—какъ есть основаніе предполагать—составляетъ румынскую хронику.

Въ 1671 году—въ маѣ мѣсяцѣ—Спаѳарій пріѣхалъ въ Россію, заручившись очень лестною рекомендаціею Досиѳея, патріарха Іерусалимскаго, въ которой особенно выставляется устойчивость религіозныхъ убѣжденій пріѣзжаго: „есть благоче-

стивый христіанинъ и прямъ въ повелѣніи и тайнѣ и въ послушаніи Святой Каѳолической Апостольской Восточной Церкви". Всегда осторожное московское правительство, не довольствуясь этой рекомендаціею, наводитъ подъ рукою справки какъ у себя дома, такъ и за границею—черезъ своихъ повѣренныхъ. Въ Москвѣ между прочимъ былъ спрошенъ переводчикъ посольскаго приказа Константинъ Христофоровъ и далъ такой отвѣтъ: „Слыхалъ, что онъ"—т. е. Спаѳарій—„человѣкъ ученый. А напередъ-де сего у волошскаго господаря у Ильяша былъ онъ Миколай бояриномъ и пожелалъ было быть на его Ильяшево мѣсто господаремъ. И довѣдався-де о томъ господарь урѣзалъ ему за то носа, который на немъ знакъ и донынѣ есть. А въ Волошской землѣ обычай таковъ: у котораго боярина носъ рѣзанъ и тому ужъ отнюдь господаремъ никогда быть у нихъ невозможно".—Такое заявленіе Христофорова, подтверждая, съ одной стороны, патріаршую рекомендацію учености Спаѳарія, съ другой стороны, удостовѣряло его политическую, такъ сказать, благонадежность, обезпечивало для московскаго правительства дипломатическое спокойствіе и въ будущемъ: честолюбивый человѣкъ имѣлъ право добиваться и добивался, хотя и неудачно, болѣе виднаго положенія на своей родинѣ, причемъ интриги его нимало не вредили интересамъ Русскаго государства; потеря же права и впредь добиваться этого положенія могла служить еще болѣе надежнымъ ручательствомъ, что—принятый на русскую службу—онъ не сдѣлается причиной какихъ-либо политическихъ осложненій или затрудненій.

Значительно позже получены были свѣдѣнія о Спаѳаріи и изъ-за границы: въ началѣ 1673 года прислалъ о немъ „вѣдомость" изъ Берлина Павелъ Миніусъ, считавшій Спаѳарія „измѣнникомъ, Турскаго Салтана лазутчикомъ". Но этотъ неблагопріятный отзывъ не измѣнилъ уже взгляда московскаго правительства на Спаѳарія, вѣроятнѣе всего, по бездоказательности и даже пристрастности этого отзыва.

Между тѣмъ Спаѳарій, пробывъ въ Москвѣ болѣе полугода, билъ челомъ царю Алексѣю Михайловичу о принятіи его на службу; въ своей челобитной онъ, указавъ между прочимъ на то, что былъ „призыванъ къ Москвѣ многажды", что „повинуяся Великаго Государя милости" оставилъ „домъ родителей и братью свою и имѣніе въ отечествіи своемъ", изъявляетъ готов-

ность „побыть въ службѣ на время, въ какой его Великаго Государя изволеніе будетъ“.

По государеву указу отъ 14 декабря 1671 года Спаѳарій былъ принятъ на „вѣчную“ службу въ Посольскій приказъ переводчикомъ эллинскаго, греческаго, латинскаго и волошскаго языковъ и приведенъ „къ вѣрѣ“, т. е. присягѣ, „противъ иныхъ иноземцовъ и переводчиковъ“. Его велѣно было записать въ Розрядѣ по Московскому списку, и окладъ ему положенъ былъ въ 100 рублей (кромѣ помѣстныхъ 500 четвертей въ годъ и кормовыхъ по полтинѣ въ день). Окладъ этотъ, весьма значительный для того времени, вскорѣ былъ увеличенъ сначала до 120 р., а потомъ до 132 рублей, чуть ли не высшей нормы переводческаго оклада того времени. Самое занесеніе въ Разрядѣ „по Московскому списку“ было важнымъ служебнымъ отличіемъ, потому что другіе переводчики записывались по иноземному списку и иногда только, послѣ продолжительной службы, получали это отличіе: такъ переводчикъ польскаго и латинскаго языковъ Семенъ Лаврецкій, принятый на службу еще въ 1660 году, былъ записанъ по Московскому списку лишь въ 1675 году „за свои многія службы“. Такимъ образомъ Спаѳарій, будучи самымъ молодымъ по службѣ, почти сразу занялъ между переводчиками первое мѣсто; по крайней мѣрѣ въ 1673 году онъ уже занимаетъ это мѣсто: „во 181 году апрѣля въ 3 день въ четвергъ на Святой недѣлѣ были у Великаго Государя— у руки и видѣли его В. Г—ря пресвѣтлыя очи Посольского Приказу разныхъ языковъ переводчики Миколай Спотаріусъ съ товарищами 7 человѣкъ [1]“; а изъ „товарищей“ назывался въ такихъ случаяхъ всегда старѣйшій.

Посольскій приказъ въ это время приступилъ къ „строенію“ книгъ. Это выраженіе понимается нѣкоторыми (напр. Н. Кедровымъ, да и другими) въ смыслѣ сочиненія книгъ; но въ дѣйствительности оно имѣло болѣе обширное значеніе. „Строеніе“ книгъ заключало въ себѣ цѣлый рядъ дѣйствій, необходимыхъ для того, чтобы книга могла быть пущена въ обращеніе въ приличномъ обстоятельствамъ видѣ, въ данномъ случаѣ „подана на верхъ“, т. е. поднесена самому Государю. „У строенія были“, т. е. принимали въ немъ участіе мастера различ-

[1]) Приказныя дѣла—связка 448. Дѣло о выдачѣ на 181-й годъ жалованья и поденнаго корму: (7180 (1671) сент. 8—5 іюня 7181 (1673).

ныхъ категорій: 1) составители и переводчики „строившихся книгъ“, 2) „уставнаго письма книгописцы“, т. е. каллиграфы-переписчики, 3) иконописцы и золотописцы, разрисовывавшіе рисунки, заставки и т. п., 4) переплетчики и 5) золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, дѣлавшіе металлическія украшенія къ переплетамъ.

Спрашивается, кому же принадлежала инициатива въ этомъ дѣлѣ? По всей вѣроятности, вѣдавшему въ это время Посольскій Приказъ ближнему боярину Артемону Сергѣевичу Матвѣеву, не безъ нѣкотораго, быть можетъ, воздѣйствія и со стороны новаго переводчика. На такое предположеніе наводитъ насъ то обстоятельство, что какъ разъ съ пріѣздомъ Спаѳарія въ Россію совпадаетъ и начало „строенія“ этихъ книгъ и притомъ книгъ „лицевыхъ“. Спаѳарій не могъ не указать на тотъ успѣхъ, какой должны были имѣть „на верху“ такія книги, какъ Хрисмологіонъ, Сивиллы, Музы, Василіологіонъ и другія; могъ указать онъ и на то, съ какимъ интересомъ отнесся бы Государь къ тому или другому сочиненію въ томъ случаѣ, если бы текстъ иллюстрировался рисунками, тѣмъ болѣе что для рисунковъ этихъ Спаѳарій могъ, кажется, предложить новые оригиналы, привезенные изъ-за границы. Такое предположеніе о привезенныхъ имъ оригиналахъ подтверждается до нѣкоторой степени тѣмъ обстоятельствомъ, что во время пребыванія своего въ Китаѣ, Спаѳарій имѣлъ съ собою между прочимъ „персоны разныхъ христіанскихъ монарховъ и философовъ“, какъ кажется, ему лично принадлежавшія, потому что при спросѣ китайскаго чиновника объ этихъ „персонахъ“, посланникъ выразилъ полную готовность уступить ихъ богдыхану: если „будетъ Богдыханову Величеству надобно, онъ не постоитъ“,—хотя надобности, кажется, не оказалось. Кромѣ того, весьма возможно, что Спаѳарій и самъ умѣлъ рисовать настолько, чтобъ набросать эскизъ, съ котораго иконописцы могли уже сдѣлать красками рисунокъ въ строившуюся книгу; на это умѣнье можетъ намекать выраженіе рекомендательной грамоты патріарха: „дивенъ есть добрымъ писаніемъ“.

Основательны ли или неосновательны всѣ эти предположенія,—мы на нихъ не настаиваемъ—во всякомъ случаѣ бояринъ Матвѣевъ былъ главнымъ распорядителемъ въ дѣлѣ строенія книгъ, и недаромъ онъ ставилъ его себѣ въ заслугу въ извѣстной челобитной своей 1677 года: „Служа вамъ, Великимъ Го-

сударямъ“,—говоритъ онъ—„и желая вашея Государскія къ себѣ милости, сдѣлалъ книги съ товарищи своими и съ приказными людьми и съ переводчики въ Посольскомъ Приказѣ, какія не бывали, и нынѣ на свидѣтельство мое—холопа твоего и ихъ работы въ Посольскомъ Приказѣ“.

О специальной же дѣятельности Спаѳарія въ этомъ дѣлѣ мы имѣемъ точное и опредѣленное свидѣтельство докладной выписки [1]): „А слагалъ тѣ книги и сбиралъ изъ различныхъ книгъ—Посольскаго Приказу Еллино-греческаго языку переводчикъ Николай Спаѳарій да подьячей Петръ Долгово“. Къ сожалѣнію, не вполнѣ ясны роль и степень участія послѣдняго въ дѣлѣ сложенія и сбиранія книгъ; по всей вѣроятности, Долгово помогалъ въ подборѣ матеріала, въ значительной степени почерпавшагося изъ дѣлъ Посольскаго Приказа. Кромѣ того, помощь Долгово нужна была и при переводахъ на русскій языкъ, въ особенности первое время, такъ какъ Спаѳарій, знакомый по служенію на своей родинѣ съ славянскимъ языкомъ, говорилъ на этомъ языкѣ, по всей вѣроятности, плохо, русскаго же разговорнаго совсѣмъ не зналъ. Относительно его ломанной рѣчи есть указаніе въ замѣткѣ [2]) о русской и латинской „подписяхъ“ на Спасскихъ воротахъ въ Кремлѣ, заканчивающейся такими словами: „а переводилъ ту латинскую подпись Посольскаго Приказу переводчикъ Микалосъ Спотали“. Это „Микалосъ, вмѣсто Николай или Миколай. въ достаточной степени, по нашему мнѣнію, обрисовываетъ чистоту его выговора. А на незнаніе русскаго языка указываетъ патріархъ Досиѳей въ своей грамотѣ; назвавъ Спаѳарія премудрымъ „въ латинскомъ, славянскомъ, а наипаче въ еллинскомъ языцехъ“, онъ прибавляетъ: „и русскій можетъ скоро выучить“. И дѣйствительно, Спаѳарій учился и говорить и писать по русски и не только непосредственно по пріѣздѣ въ Россію, но и значительно позже; посылая письмо боярину Матвѣеву изъ Енисейска въ іюлѣ 1675 года, онъ говоритъ въ концѣ: „не прогнѣвись, что я пишу своею рукою по русски для того, что хочу учитися языку и письму“.

Какія книги были „построены“ въ Посольскомъ Приказѣ, мы знаемъ изъ докладной выписки [3]), составленной приблизи-

---

[1]) Д. къ А. И. т. VI, № 43, XXV.

[2]) Сборникъ Румянцевскаго Музея № 413, стр. 123 (*Востоковъ*. Опис. стр. 639).

[3]) Доп. къ А. И. т. VI № 43, XXV.

тельно въ октябрѣ 7183 (1674) года. Изъ этой выписки видно, что съ начала 7180 по сентябрь 7183 года (т. е. съ сентября 1671 года по сентябрь 1674) были „построены" слѣдующія книги: Государственная книга (въ 3-хъ экземплярахъ), Музы, Хрисмологіонъ, „Избраніе и вѣнчаніе на царство царя Михаила Θеодоровича", „О сивиллахъ" и Василіологіонъ; кромѣ того, готовилась „Родословная царей Россійскихъ". Изъ этихъ книгъ одинъ экземпляръ Государственной книги, Хрисмологіонъ, „Избраніе и вѣнчаніе на царство царя Михаила Θеодоровича" и Василіологіонъ повелѣно было хранить въ Посольскомъ Приказѣ, и на эти-то четыре книги и указываетъ бояринъ Матвѣевъ въ своей челобитной.

Когда были приготовлены труды эти вчернѣ? Объ этомъ можно съ большей или меньшею опредѣленностью сказать, сопоставивъ показанія актовъ. Изъ двухъ челобитныхъ золотописцевъ [1]) и выписки Посольскаго приказа [2]) видно, что золотописецъ Гришка Благушинъ съ товарищами писали золотомъ, серебромъ и красками гербы и печати или „клейма" въ Государственной книгѣ съ 19 февраля по 31 мая 1672 года, а приданный имъ въ помощь человѣкъ князя Одоевскаго Митька Квачевскій началъ работу еще съ 13 января. Слѣдовательно, составленіе этого труда—хотя поднесенъ онъ былъ Государю, какъ видно изъ сохранившагося списка, въ 1672 году,—должно отнести къ послѣдней четверти 1671 года и, по всей вѣроятности, къ началу ея, такъ какъ на переписку этой книги крупнымъ уставомъ должно было пойти не мало времени. Поднесенная книга такъ понравилась царю Алексѣю Михайловичу, что повелѣно было „содѣлать еще двѣ книги таковы-жъ"—одну для него лично, а другую для царевича Θеодора Алексѣевича.

Между тѣмъ, пока переписывались, разрисовывались и переплетались всѣ эти книги, Спаθарій трудился надъ составленіемъ новыхъ. Одинъ изъ переписчиковъ, чернецъ Маркеллъ, въ челобитной, поданной въ іюнѣ 1672 года [3]), указываетъ на то, что пишетъ онъ „книжнымъ большимъ письмомъ" „новоприводную книгу Хрисмологіонъ"; онъ же, какъ видно изъ дѣлъ Посольскаго Приказа [4]),

[1]) Тамъ-же—№ 43, Ш—IV.
[2]) Тамъ-же—№ 43, V.
[3]) Доп. къ А. И. VI, № 43, VI.
[4]) Тамъ же № 43, VI, Прик. Дѣла, св. 457: Дѣло о выдачѣ жалованья и другихъ царскихъ наградъ (7180 марта 28—7185), л. 30 (см. прилож. № 3).

писалъ и книгу „Мусы или семь свободныхъ ученій". Такъ какъ въ своей челобитной Маркеллъ указываетъ только на Хрисмологіонъ, то можно думать, что эту книгу получилъ онъ ранѣе книги „Мусы". Другой писецъ Верещагинъ переписывалъ книги: „Объ избраніи царя Михаила Θеодоровича" съ 6-го іюля по 17-е августа и „Сивиллы" съ 22 августа по 13-е сентября. Выдѣливъ изъ числа этихъ четырехъ книгъ предпослѣднюю, такъ какъ объ участіи своемъ въ ея составленіи Спаѳарій ничего не говоритъ въ своей челобитной [1]), мы можемъ отнести составленіе остальныхъ трехъ сочиненій къ серединѣ 1672 года. Хрисмологіонъ былъ готовъ приблизительно въ началѣ іюня, „Мусы"—въ половинѣ слѣдующаго мѣсяца и Сивиллы—въ половинѣ августа. Если же сохранившіеся списки двухъ изъ этихъ сочиненій пріурочиваютъ ихъ къ 1673 году, то разногласіе это объясняется тѣмъ, что только въ 1673 году эти книги были „поданы на верхъ", и сообразно съ временемъ поднесенія книгъ Государю поставлены въ нихъ годъ и число.

Къ концу сентября 1672 года конченъ былъ Спаѳаріемъ предпринятый повидимому по собственной иниціативѣ переводъ новой книги—Ариѳмологіи; а въ концѣ этого года или въ началѣ слѣдующаго онъ приступаетъ къ составленію новаго труда для Посольскаго Приказа—Василіологіона и кончаетъ его къ началу мая, такъ какъ въ другой челобитной упоминавшагося уже Верещагина [2]) говорится, что эта книга была дана ему для переписки 7-го мая 181 года. Переписка, разрисовка и переплетъ этой книги потребовали болѣе году времени, и только 5 сентября 1674 года, какъ видно изъ докладной выписки Посольскаго Приказа [3]), эта книга была поднесена Государю, который при этомъ „указалъ изготовить такіе жъ двѣ книги вновь" и, конечно, для той-же цѣли, какъ и двѣ копіи Государственной книги. Изъ челобитной Арт. Серг. Матвѣева видно, что это было своевременно сдѣлано, и самъ Матвѣевъ поднесъ одинъ экземпляръ царевичу Θеодору Алексѣевичу. Вотъ слова Матвѣева: „Третія книга"—изъ тѣхъ четырехъ, что переданы были по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича—„всѣхъ предковъ твоихъ, благочестивыхъ великихъ государей князей и благочестивыхъ великихъ государей царей и самодержцевъ, славныхъ

---

[1]) Д. А. И. VI, № 43, XXIV.
[2]) Прик. Д. св. 457, то-же дѣло, л. 88.
[3]) Д. А. И. VI, № 43, XXV.

въ ратныхъ побѣдахъ, въ лицахъ съ исторіями; и тое книгу поднесъ тебѣ, Великому Государю, при отцѣ твоемъ Государевѣ, Великомъ Государѣ, я, холопъ твой".

Переводъ Родословной русскихъ государей долженъ быть отнесенъ уже къ 1674 году, равно какъ и слѣдующіе два труда Спаѳарія: „Описаніе церкви св. Софіи въ Константинополѣ" и начало „Книги іероглифійской", окончанію которой помѣшала, по всей вѣроятности, возложенная на него дипломатическая миссія—посольство въ Китай, къ чему приходилось, конечно, заблаговременно подготовляться.

Въ тѣхъ же 1672—74 годахъ предполагалъ Спаѳарій заняться и другими трудами. Такъ въ дѣлѣ объ отпускѣ Газскаго митрополита Паисія Лигарида [1]) есть указаніе на то, что Спаѳарій трудился въ 1672 году надъ составленіемъ греко-славяно-латинскаго лексикона; но что было сдѣлано и было ли что сдѣлано Спаѳаріемъ, никакихъ свѣдѣній нѣтъ. Кромѣ того, какъ въ Хрисмологіонѣ, такъ и въ Василіологіонѣ, касаясь семи чудесъ свѣта, онъ прибавляетъ: „но о сихъ седмихъ чюдесѣхъ особую книгу напишемъ", и также неизвѣстно, осуществилось ли это намѣреніе.

За столь дѣятельное участіе въ строеніи книгъ Спаѳарій получилъ (уже въ концѣ 1674 года) государева жалованья—на 50 рублей соболей; объ этомъ говорится въ резолюціи [2]) на его челобитную: „183-го октября въ 10 день по указу В. Г—ря бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, слушавъ сей выписки, приказалъ переводчику и подьячимъ за ихъ работу дать В. Г—ря жалованья соболей на сто рублевъ и въ томъ числѣ переводчику пятде"... (конецъ столбца оторванъ). Да, по всей вѣроятности, и прибавка 20 рублей къ годовому сторублевому окладу, послѣдовавшая въ январѣ 1674 года, была сдѣлана для поощренія трудолюбиваго переводчика, какъ награда за участіе въ томъ-же строеніи книгъ; слѣдующая же прибавка еще 12 рублей была дана уже по внѣшнему, случайному обстоятельству: „ради объявленія" наслѣдникомъ престола царевича Ѳеодора Алексѣевича.

Благодаря расположенію непосредственнаго своего начальника бояр. Матвѣева, а можетъ быть, и самого царя Алексѣя Михайловича, Спаѳарій получаетъ затѣмъ важное и видное

[1]) Тамъ-же № 54, V.

[2]) Прик. Д. св. 457: то-же дѣло, л. 184.

назначеніе посланникомъ въ Китай. Русское правительство побуждаемо было въ этомъ случаѣ желаніемъ 1) уладить тѣ недоразумѣнія, которыя постоянно возникали на границѣ Китайской, въ верховьяхъ Амура, и 2) завязать, пользуясь удобнымъ случаемъ—присылкой въ Нерчинскъ „листа“ отъ китайскаго правительства по поводу тѣхъ же пограничныхъ столкновеній—торговыя сношенія съ Китаемъ. Есть извѣстіе [1]), что на выгоды той торговли, имѣвшіяся конечно и ранѣе въ виду, указано было проживавшимъ въ это время въ Тобольскѣ Юріемъ Крижаничемъ въ присланномъ къ Осколкову въ Москву небольшомъ сочиненіи „о китайскомъ торгу“, т. е. о торговлѣ съ Китаемъ, которое было показано Осколковымъ „имъ же предстоитъ вѣдати“.

При посланникѣ Спаѳаріи въ дворянахъ велѣно быть новокрещенымъ иноземцамъ Ѳеодору Павлову и Константину Гречанину, а для письма посланы съ нимъ подъячіе Никифоръ Венюковъ и Иванъ Ѳаворовъ. Предполагалось послать со Спаѳаріемъ священника, лѣкаря—„для изыскиванія тамошнихъ лѣкарствъ и всякаго коренья“, затѣмъ человѣка, который „зналъ бы въ каменьяхъ и въ иныхъ другихъ вещахъ“, и „живописца“, знающаго „чертежи и землемѣріе и рѣки писать“. Изъ этихъ четырехъ лицъ въ дѣйствительности поѣхали съ посланникомъ лишь двое: гречанинъ Спиридонъ Евстаѳьевъ—„для знанія каменія“, да „для лѣкарства“—гречанинъ же „золотарь“ Иванъ Юрьевъ; лѣкарь Яганъ Газъ „заскорбѣлъ“ и потому остался въ Москвѣ, равно какъ и не былъ отпущенъ и чертежщикъ подъячій Разряда Леонтій Клишинъ,—потому что „бываетъ онъ въ Украинныхъ во многихъ городѣхъ для чертежнаго дѣла разореныхъ мѣстъ, да и въ Разрядѣ чертежныя дѣла онъ же дѣлаетъ“; не поѣхалъ почему-то и „черный попъ“ Антоній, назначенный въ составъ посольства по царскому указу. Такимъ образомъ ни лѣкаря, ни чертежника отпущено не было; да и священникъ присоединился къ посольству уже на дорогѣ.

Спаѳарія снабдили нашедшимися въ Пушкарскомъ Приказѣ „астрологійскими инструментами“, которыми „мочно разстояніе путей и прямой путь обыскать“, и нѣкоторыми книгами, по которымъ посолъ могъ заранѣе ознакомиться съ Китаемъ. Въ проектѣ самаго посольства книги эти названы такъ: книга „изъ оптеки, въ которой описано Государство Китайское, и лексиконъ китайскій“; въ собственной роспискѣ Спаѳарія сказано:

[1]) Статьи *Безсонова* въ Новомъ времени 1884 года, 22 іюня, № 2986 (Сообщено проф. М. И. Соколовымъ).

„взялъ двѣ книги Китайскаго Государства описаніе, что взяты изъ оптеки"; а по словамъ Крижанича—Спаѳарію дали при отъѣздѣ изъ Москвы „большу голландскую книгу о посольствѣ, въ которой были описаны путь и посольство голландцевъ въ Китай" (отправленное туда лѣтъ за восемь передъ тѣмъ). На эту книгу и ссылается Спаѳарій въ послѣдствіи при спорахъ съ китайскими властями въ Пекинѣ и въ статейномъ спискѣ называетъ ее „книгою голландскаго посольства", книгою „голландскаго языка въ лицахъ, въ которой написано посольство ихъ въ Китаехъ". Были, вѣроятно, у Спаѳарія взяты и свои книги и рисунки, какъ напр. „персоны разныхъ христіанскихъ монарховъ и философовъ", о которыхъ мы упоминали ранѣе.

У руки Государевой былъ Спаѳарій 25-го февраля, а выѣхалъ изъ Москвы—3-го марта и ѣхалъ на Переяславль Залѣсскій, Ростовъ, Ярославль, Вологду—гдѣ разсчитывалъ найти священника для посольства, но не нашелъ, „потому что въ монастырехъ въ такую посылку священникъ годный не сысканъ, и для скудности нарочитые люди не держатся",—на Устюгъ Великій, Сольвычегодскъ, Кай-городокъ, Соликамскъ, Верхотурье, Туринскій острогъ, Тюмень и Тобольскъ, куда прибылъ 30-го марта.

Какъ самъ Спаѳарій, такъ и Тобольскій воевода Салтыковъ въ своихъ отпискахъ указываютъ на то, что для посланника сейчасъ же были собраны въ приказную избу тобольскіе дѣти боярскіе и казаки, а также бухарцы и татары, „которые бывали прежде сего въ Китайскомъ Государствѣ", и спрошены о кратчайшей дорогѣ туда, при чемъ бухарцы указали на степной путь черезъ калмыцкіе улусы, русскіе же служилые люди—на водяной и сухой путь черезъ Енисейскій, Селенгинскій и Даурскіе остроги. Избранъ былъ послѣдній путь и потому, что въ степи между калмыками шла междуусобная война, и потому еще, что путь черезъ русскіе города былъ рекомендованъ Крижаничемъ. Послѣдній прямо утверждалъ, что Спаѳарій „пять недѣль есть здѣ"—т. е. въ Тобольскѣ—„постоялъ, а ни единого обѣда, ни вечери безъ мене не ѣлъ"; что Спаѳарій упросилъ Крижанича написать ему особо все касавшееся сибирскихъ путей и Китая, безпрестанно спрашивая, „готово ли дѣло", и въ двухъ рукописяхъ увезъ съ собою; что Крижаничъ перевелъ посланнику данную ему въ Москвѣ голландскую книгу на латинскій языкъ, сообщивъ и свои замѣчанія касательно Сибири и Китая, такъ что посланникъ зналъ „все, что ему

надобно, како да бы се тамо родилъ".—Объ этой помощи со стороны Крижанича самъ Спаѳарій, впрочемъ, не говорилъ ни слова.

2-го мая, когда рѣки очистились ото льда, Спаѳарій тронулся въ дальнѣйшій путь, получивъ отъ воеводы приличный конвой изъ тобольскихъ дѣтей боярскихъ и казаковъ. Митрополитъ же назначилъ священника—Петра Степанова; но, повидимому, священникъ этотъ присоединился къ посольству позже, такъ какъ въ письмѣ къ боярину Матвѣеву изъ Енисейска Спаѳарій жалуется, что священникъ при посольствѣ „не бывалъ". Проѣхавъ по Сибири Иртышомъ, Обью, Кетью, Енисеемъ, Тунгуской и Ангарой и переправившись черезъ Байкалъ къ устью Селенги, Спаѳарій ѣдетъ далѣе на Нерчинскъ сухимъ путемъ и, прибывъ туда 4 декабря, 19-го трогается въ дальнѣйшій путь къ китайской границѣ, куда и прибылъ 13 января 1676 года. Въ своей отпискѣ, посланной въ Москву изъ Тобольска, Спаѳарій высказывалъ надежду, что на избранный имъ „путь прямой и безопасный—изъ Тобольска до Енисѣйскаго острогу, а отъ Енисѣйскаго до Селенги" придется употребить три мѣсяца, „и отъ Селенги—до Китайскаго Государства 4 недѣли", т. е. всего 4 мѣсяца, а на самомъ дѣлѣ провелъ въ дорогѣ болѣе восьми мѣсяцевъ, т. е. вдвое противъ своего разсчету. Простоявъ затѣмъ въ первомъ китайскомъ селеніи при р. Наунѣ, притокѣ Сунгари, почти три мѣсяца, въ ожиданіи сначала китайскаго пристава, а потомъ разрѣшенія отъ богдыхана продолжать путь далѣе, Спаѳарій только 17 апрѣля тронулся въ дальнѣйшій путь. Здѣсь уже, за нѣсколько лишь дней передъ отъѣздомъ, нагналъ Спаѳарія рейтаръ, доставившій „коробья" съ лѣкарствами, присланныя изъ Сибирскаго Приказа.

15-го мая посолъ прибылъ въ Пекинъ, гдѣ и прожилъ до 1 сентября, когда долженъ былъ отправиться въ обратный путь. Между тѣмъ, по отъѣздѣ Спаѳарія изъ Россіи, многое измѣнилось тамъ и измѣнилось не къ выгодѣ для него лично: скончался царь Алексѣй Михайловичъ, и вскорѣ по вступленіи на престолъ царя Ѳеодора Алексѣевича былъ посланъ въ ссылку покровительствовавшій Спаѳарію бояринъ Матвѣевъ. Въ правящихъ сферахъ относились, конечно, подозрительно и къ тѣмъ, кто прежде пользовался довѣріемъ и расположеніемъ опальнаго, и Спаѳарій былъ и пораженъ, и огорченъ, когда по пріѣздѣ въ Нерчинскъ былъ встрѣченъ воеводой стольникомъ Приклонскимъ не по прежнему: не заботились уже о томъ, чтобы „ему, Николаю,

нигдѣ ни за чѣмъ мотчанья не было", „чтобы никакая мѣшкота не учинилася". Не безъ затаеннаго чувства обиды занесъ онъ въ статейный списокъ: „Въ Енисѣйской пріѣхалъ іюня въ 7 день. И въ Енисѣйскомъ недопустя до берега встрѣтилъ насъ съ Его Великаго Государя указомъ стольникъ и воевода Михайла Васильевъ сынъ Приклонской и велѣлъ намъ изъ дощаниковъ вытить вонъ всѣмъ, что были, и объявилъ намъ Великаго Государя указъ. И послѣ того велѣлъ таможенному головѣ съ цѣловальники осматривать всѣхъ людей, что въ дощаникѣ ни было; и посланни(ка) почалъ осматривать въ карманахъ и за паз(ухой) и въ штанахъ и за голенищи и вездѣ и ни(чего) не нашли; и послѣ того смотрили дворянъ московскихъ и дѣтей боярскихъ и подьячихъ и всѣхъ служилыхъ и до послѣдняго человѣка. И тогда собралися на берегъ всѣ градскіе люди; тутъ же были и мунгальскіе посланцы, которые отпущены были отъ Великаго Государя съ Москвы"—и далѣе: „А посланникъ въ Енисѣйску жилъ іюля до 9 числа, а жили для того, что стольникъ и воевода не отпускалъ". На дальнѣйшую дорогу до Москвы „для прокормленія" посланнику дано было „изъ меншихъ товаровъ" на 300 рублей, „гречанамъ", состоявшимъ въ его свитѣ и подъячимъ—по 100 рублей, „а что затѣмъ осталось и то все взято на Великаго Государя".

5-го января 1678 года вернулся Спаѳарій въ Москву и „въ Посольскомъ Приказѣ"—какъ сказано въ докладной выпискѣ [1])—„своей посылкѣ статейный списокъ подалъ, а расходныхъ книгъ Великаго Государя казнѣ, которая съ нимъ послана, гдѣ что отдалъ и за что кому, или что продалъ и промѣнилъ и на какіе товары и что китайскихъ товаровъ про его Великаго Государя обиходъ купилъ, въ Посольскомъ Приказѣ не подалъ, потому что взятъ къ распросу въ Сибирскій Приказъ".—При статейномъ спискѣ Спаѳаріемъ поданы были, въ видѣ приложеній, составленные въ дорогѣ дневникъ путешествія по Сибири и описаніе Китая; тогда же—частію въ Китаѣ, частію на обратномъ пути—переведено было имъ, какъ продолженіе описанія Китая, сочиненіе Мартини „De bello tartarico".

Хотя Спаѳарій—изъ Елисейска еще—послалъ въ Москву къ думному дьяку Ларіону Иванову, завѣдывавшему послѣ ссылки боярина Матвѣева Посольскимъ Приказомъ, письмо съ цѣлью, конечно, обратить на себя вниманіе новаго начальника

[1]) Книга Китайскаго Двора, № 3.

и заручиться его расположеніемъ, тѣмъ не менѣе „роспросъ", и притомъ не въ своемъ Посольскомъ, а въ другомъ, Сибирскомъ Приказѣ, тянулся довольно долго. Спаѳарію пришлось давать объясненіе относительно неудачнаго исхода самаго посольства и расходованья полученныхъ на посольское дѣло суммъ, пришлось оправдываться вслѣдствіе доносовъ и жалобъ—не особенно основательныхъ, кажется—со стороны нѣкоторыхъ своихъ подчиненныхъ, пришлось, вѣроятно, давать объясненія и по дѣлу боярина Матвѣева[1]). Почти два года не получалъ Спаѳарій содержанія по должности переводчика и только въ концѣ сентября 1679 года снова былъ зачисленъ въ переводчики Посольскаго Приказа съ прежнимъ денежнымъ и помѣстнымъ окладомъ и съ кормовыми деньгами въ половинномъ размѣрѣ. Никакой награды за „китайскую посылку" онъ теперь не получилъ; ему лишь обѣщана прибавка въ будущемъ, „какъ онъ службу свою впредь покажетъ".

Слухи о тѣхъ непріятностяхъ, какія пришлось пережить Спаѳарію при этомъ „роспросѣ", дошли до Молдавіи и сложились тамъ въ цѣлую легенду о ссылкѣ его въ Сибирь и о возвращеніи оттуда только по личному распоряженію Петра Великаго во время Прутскаго похода (когда, кстати сказать, Спаѳарія и въ живыхъ уже не было). Не трудно догадаться, что въ этой легендѣ Сибирь явилась изъ Сибирскаго Приказа, а первообразомъ дорогаго—съ голубиное яйцо величиной—алмаза, будто

---

[1]) По поводу привлеченія Спаѳарія къ дѣлу Матвѣева, обвинявшагося между прочимъ и въ чернокнижничествѣ, преосв. Филаретомъ было высказано предположеніе, что книга, принятая за „черную", была книга о сивиллахъ, а г. Пико предполагаетъ, что поводъ къ этому подозрѣнію и даже къ обвиненію самого Спаѳарія подала „Книга іероглифійская". По нашему мнѣнію, ни то, ни другое. О первой книгѣ не могло быть въ данномъ случаѣ и рѣчи, потому что она „издана" по повелѣнію паря Алексѣя Михайловича: принимать ее за „черную" значило бы косвенно обвинять въ чернокнижничествѣ самого покойнаго Государя, на что врядъ ли кто могъ рѣшиться. Что же касается до „Книги іероглифійской", то она и написана-то не была, и, слѣдовательно, не могли ее и видѣть. Да нужно ли и разыскивать эту „черную" книгу? Вѣдь какую бы книгу ни увидѣлъ доносчикъ—лѣчебникъ ли съ цифрами, какъ объяснялъ самъ А. С. Матвѣевъ, или другую какую-нибудь латинскую книгу, по которой Спаѳарій училъ молодаго Матвѣева читать по латини—для обвинителей было безразлично. Имъ нуженъ былъ только лишній предлогъ къ обвиненію боярина Матвѣева. Что же касается собственно Спаѳарія, то онъ, какъ лицо незначительное и совершенно безвредное для враговъ Матвѣева, врядъ ли и могъ обвиняться въ чернокнижничествѣ: Матьѣевъ былъ уже сосланъ, и имъ, этимъ врагамъ сосланнаго, пожалуй, и невыгодно было снова поднимать завѣдомо вымышленное обвиненіе, благополучно доведенное до конпа и, такъ сказать, сданное въ архивъ.

бы подареннаго Спаѳаріемъ Петру Великому, слѣдуетъ считать тотъ лалъ, который былъ пріобрѣтенъ посломъ въ Пекинѣ, по порученію Посольскаго Приказа, для царя Алексѣя Михайловича.

Относительно дальнѣйшей службы Спаѳарія мы имѣемъ только отрывочныя свѣдѣнія объ исполненіи имъ того или другого служебнаго дѣла; дѣло это заключается преимущественно въ переводѣ разнаго рода дипломатическихъ бумагъ; кромѣ того извѣстно, что онъ состоялъ въ приставахъ при иностранцѣ Де-ла-Невилѣ, посѣтившемъ Россію въ 1689 году. Эти краткія свѣдѣнія о службѣ Спаѳарія [1] можно пополнить слѣдующими двумя извѣстіями: въ 1683 году (или ранѣе) Спаѳарій къ своему денежному окладу получилъ прибавку въ 25 рублей и притомъ въ видѣ награды за „китайскую посольскую службишку [2]", и этотъ увеличенный окладъ въ 157 рублей получалъ, вѣроятно, до самой смерти; въ 1689 году Спаѳарій и трое другихъ переводчиковъ: Гроссъ, Лаврецкій и Тяшкогорскій—получили по атласу на человѣка „для праздника Свѣтлаго Христова Воскресенія и для ихъ государскія и всемірныя радости рожденія царевны Маріи Іоанновны [3]".—Затѣмъ, значительно позже Спаѳарію поручено было перевести изданный въ 1700 году Корбомъ дневникъ пребыванія цесарскаго посольства въ Россіи.

---

[1]) Они собраны у Н. Кедрова и относятся къ 1679, 1684, 1689, 1691, 1696, 1697 и 1700 годамъ. Г. Пико, останавливаясь на словахъ Де-ла-Невиля, что Спаѳарій на свое „послѣднее" путешествіе употребилъ всего 5 мѣсяцевъ, высказываетъ предположеніе, что между 1684 и 1689 годами Спаѳарій ѣздилъ вторично въ Китай по своимъ частнымъ торговымъ дѣламъ. Этимъ частнымъ характеромъ поѣздки, по мнѣнію г. Пико, объясняется полное молчаніе о ней оффиціальныхъ бумагъ Посольскаго Приказа. Но дѣло въ томъ, что и такими путешествіями Посольскій Приказъ не могъ не интересоваться и требовалъ отчета. Кромѣ того, Спаѳарій, состоя переводчикомъ Посольскаго Приказа, никакъ не могъ выѣхать по своему торговому дѣлу въ другое государство. А что онъ состоялъ переводчикомъ Посольскаго Приказа все время своей жизни въ Россіи, это подтверждается и словами его челобитной 1700 года (прик. новыя дѣла за этотъ годъ, св. 2): „служу я холопъ твой тебѣ Великому Государю въ Посольскомъ Приказѣ тридцать лѣтъ".—Не слѣдуетъ забывать, что Де-ла-Невиль передаетъ чужія слова и легко могъ понять или передать ихъ не такъ, какъ они были ему сказаны. Спаѳарій сильно увлекался своими планами и предположеніями: мы видѣли, что онъ разсчитывалъ совершить путешествіе отъ Тобольска до Китайской границы въ 4 мѣсяца, а назадъ думалъ вернуться „будто летаяй". Вотъ подобныя предположенія Спаѳарія легко могли быть приняты Де-ла-Невилемъ за дѣйствительный фактъ.

[2]) Прик. дѣла, св. № 537. Выписка о выдачѣ жалованья перев. Спаѳарію 7188 (1680) сент.—л. 1-й (см. прилож. № 10).

[3]) Прик. дѣла, св. № 578. Дѣло о выдачѣ... соболей и сукна вмѣсто Государева жалованья.. 7197 (1688)—7209 (1701), л. 163.

Кромѣ занятій служебныхъ, Спаѳарій интересовался, конечно, и другими явленіями современной ему московской жизни; такъ, въ 1685 году онъ присутствуетъ при спорѣ Лихудовъ съ Яномъ Бѣлободскимъ. Къ Спаѳарію обращаются съ различными запросами патріархъ Досиѳей и повѣренные его. Такъ племянникъ Досиѳея, архимандритъ Хрисанѳъ (Нотара), интересуется тѣмъ, какъ шло школьное дѣло въ Москвѣ, спрашивалъ Спаѳарія въ 1694 году, готовы ли греческія и латинскія азбуки. На Спаѳарія же указываетъ архим. Хрисанѳъ московскому патріарху, какъ на человѣка компетентнаго въ педагогическомъ дѣлѣ. Трудами Спаѳарія, касающимися его посольства въ Китай, интересуется патріархъ Досиѳей и къ нему обращается въ тѣхъ случаяхъ, когда долго не получаетъ отвѣта на свои письма къ тому или другому изъ высокопоставленныхъ лицъ.

Благодаря своимъ познаніямъ, своей извѣстности и сношеніямъ съ такими лицами, какъ патріархъ Досиѳей, Спаѳарій долженъ былъ возбуждать къ себѣ уваженіе и между русскими, по крайней мѣрѣ со стороны нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ и болѣе просвѣщенныхъ вельможъ того времени, къ какимъ Де-ла-Невиль, отчасти со словъ самого Спаѳарія, причисляетъ князя Вас. Вас. Голицына, князя Черкасскаго и молодого Матвѣева. Эти лица, интересуясь успѣхами просвѣщенія, не могли не интересоваться и сочиненіями, и вообще бесѣдою образованнаго переводчика; могли они обращаться къ нему за совѣтами и указаніями, а можетъ быть, и за непосредственною помощью въ видѣ уроковъ, когда дѣло касается воспитанія ихъ дѣтей. Для нихъ, быть можетъ, и составлялись книги, подобныя Ариѳмологіи; для нихъ же могли переписываться и другія сочиненія Спаѳарія, составленныя первоначально для Посольскаго Приказа. Впрочемъ изъ трудовъ Спаоарія, относящихся къ этому періоду жизни его—со времени возвращенія изъ Китая до смерти,—извѣстенъ пока только переводъ (1697-го года) „Двоесловной бесѣды на ереси“ Симеона, архіеп. Ѳессалоникійскаго и „Толкованій церковной службы“ Марка Евгеника, митропол. Эфесскаго (въ одной книгѣ въ 749 листовъ).

Отъ 1704 года сохранилось нѣсколько дѣловыхъ писемъ Спаѳарія къ боярину Головину, управлявшему въ то время Посольскимъ Приказомъ. Изъ этихъ писемъ видно, что Спаѳарію сильно надоѣдаютъ греческія письма и вообще греческія „махинаціи“, тѣмъ болѣе, что онѣ часто направлены были и противъ

него самого; видно, что болѣе 30 лѣтъ службы въ „многодѣльномъ“ Посольскомъ Приказѣ утомили его: онъ жалуется на ослабленіе зрѣнія и думаетъ объ удаленіи за старостью на покой въ монастырь. Удалось ли ему исполнить это намѣреніе, или же онъ и умеръ, состоя переводчикомъ Посольскаго Приказа, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ прожилъ онъ послѣ этого недолго, и есть основаніе 1709-й годъ считать годомъ его смерти. Въ Моск. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ сохранилось дѣло, изъ котораго видно, что въ этомъ году пріѣзжалъ въ Москву, конечно, съ цѣлью пристроиться въ ней, подобно самому Николаю Гавриловичу Спаѳарію и по его протекціи,—племянникъ его Степанъ Андреевичъ Милескулъ, который прожилъ нѣкоторое время въ его домѣ. Смерть дяди разстроила, вѣроятно, планы Степана Милескула; онъ въ томъ же году отправился назадъ на родину, но, не доѣхавъ до нея, умеръ въ Нѣжинѣ. Изъ этого же документа видно, что Спаѳарій оставилъ двоихъ сыновей: Максима и Никиту. Мать ихъ, которую Невульча называетъ москвитянкою, вѣроятно, умерла ранѣе. Сохранились-ли какія-либо свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ дѣтей Спаѳарія: Максима и Никиты Спаѳаріевыхъ,—не знаемъ.

Такъ протекла въ Россіи жизнь Спаѳарія, почти вся проведенная на службѣ и вся почти ей посвященная. Никто, конечно, не назоветъ блестящею служебную карьеру Спаѳарія, чуть ли не мечтавшаго на родинѣ о господарствѣ. Судьба и въ Россіи какъ будто смѣется надъ его усиліями завоевать себѣ болѣе видное положеніе. Сразу, по пріѣздѣ въ Россію, заручившись расположеніемъ бояр. Матвѣева, Спаѳарій, послѣ паденія его, возбуждалъ большое подозрѣніе къ себѣ въ лицахъ, занявшихъ мѣсто его покровителя; прошло это тяжелое для Спаѳарія время, нашелъ онъ новаго и сильнаго покровителя въ лицѣ князя Вас. Вас. Голицына, но не долго пользовался и его протекціею. А затѣмъ и самая ученость его съ ея схоластическимъ характеромъ могла представляться уже отсталою, въ особенности въ глазахъ новаго Государя, всѣ симпатіи котораго были на сторонѣ практическихъ голландцевъ. Спаѳаріемъ могли дорожить только, какъ опытнымъ переводчикомъ волошскихъ и греческихъ „писемъ“; но выдвигаются впередъ уже другіе люди, съ другимъ направленіемъ и другой подготовкой.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

Выписка, какъ велено ему Миколаю быть въ Посольскомъ Приказе, еллинского и греческого и латинского і волоского языковъ в переводчикахъ, и что ему жъ Миколаю учинено его В. Г-ря жалованья денежной и помѣстной окладъ и кормъ, такова.

В прошломъ во 179-мъ году къ В. Г-рю Ц. и В. Князю Алексѣю Михайловичю всеа В. и М. и Б. Россиі Самодержцу приѣхалъ к Москве послужить на время волоского воеводы бояринъ Миколай Спотариюсъ. А В. Г-ря жалованья за выѣздъ ничего ему не дано, и поденного корму не учинено.

И ныне В. Г-рю Ц. і В. Князю Алексѣю Михайловичю всеа В. и М. и Б. Россиі Самодержцу онъ Миколай бьетъ челомъ, по ево де В. Г-ря и блаженнѣйшихъ патріарховъ грамотамъ призыванъ онъ Миколай многажды, чтобы приѣхать к нему В. Г-рю к Москве, и онде повинуяся ево В. Г-ря неизрѣченной милости оставя домъ родительской и братью свою, и имѣние въ отечествиі своемъ в надежду его Государской милости прибрелъ к нему В. Г-рю к Москве побыть в службе на время, в какой ево В. Г-ря изволение будетъ по его возможению во всещедромъ противъ мѣры его взысканіе нѣсть бо его временамъ указы поставляти. I В. Г-рь пожаловалъ бы ево своимъ В. Г-ря жалованьемъ какъ ему В. Г-рю Богъ известитъ чтобъ ему безполезно время вотще не изжить.

I выписано ему на примѣръ.

(Слѣдуютъ оклады переводчиковъ Посольскаго Приказа: Ивана Тешкогорскаго, Ивана Ѳомина, Ивана Ѳонделдена и Василія Боуша).

180-го декабря въ 14 день, В. Г-рь Ц. и В. Кн. Алексѣй Михайловичъ всеа В. и М. и Б. Россиі Самодержецъ указалъ волошенину Миколаю Спотариюсу быть у своего В. Г-ря дѣла в Посольскомъ Приказе, еллинского, и греческого, и латинского, і волоского языковъ в переводчикахъ, и привести ево в томъ к вѣре, а своего В. Г-ря жалованья велѣлъ ему учинить окладъ помѣсного пятьсотъ четвертей денегъ сто рублевъ, поденнаго корму по полтине на день, и написать его в Розряде по Московскому списку, и послать о томъ ис Посолского Приказу в Розрядъ память. Сесь В. Г-ря указ приказали записать думной дворянинъ Артемонъ Сергѣевичь Матвѣевъ да дьяки думной Григорей Богдановъ да Яковъ Поздышевъ.

А на выписке и указъ закрепилъ по омъ думной дьякъ Григорій Богдановъ.

І в Новгородцкой Приказъ В. Г-ря указъ посланъ о корму, чтобъ ему Миколаю кормъ давали с переводчики в рядъ декабря въ 30 день.

(Книга греческая № 7, содержащая въ себѣ пріѣзды греческихъ и сербскихъ духовныхъ всякаго чина людей, волошскихъ людей и греческихъ купцовъ.—стр. 299—304).

№ 2.

Выписка, какъ велено ему жъ Миколаю выдать В. Г-ря жалованья денежной окладъ и съ того числа корм(ов)ые денги, с которого онъ училъ служить В. Г-рю такова.

Въ прошломъ во 179 году июня въ 3 день приѣхалъ к В. Г-рю Ц. и В. Кн. Алексѣю Михайловичю всеа В. и М. и Б. Россиі Самодержцу к Москве в вѣчную службу волошенинъ Миколай Спотариюсъ, а на приѣзде ему В. Г-ря жалованья ничего не дано, и поденного корму не учинено.

І в нынешнемъ въ 180-мъ году декабря въ 14 день велено ему Миколаю быть в Посольскомъ Приказе еллинского и греческого и латинского і волоского языковъ в переводчикахъ а В. Г-ря жалованья учинено ему помѣсного окладу 500 четій, денегъ 100 рублевъ, поденного корму по полтине на день.

И ныне В. Г-рю Ц. и В. Кн. Алексѣю Михайловичю всеа В. и М. и Б. Россиі Самодержцу Миколай Спатариюсъ бьетъ челомъ. Въ прошломъ де во 179-году приѣхалъ онъ к

Москве и с приѣзду ево и по се время поденного корму ничего ему не давано, а ныне де по указу В. Г-ря учинено ему годового жалованья сто рублевъ, да поденного корму по полтине на день, и чтобъ В. Г-рь пожаловалъ велѣлъ ему свое В. Г-ря жалованье поденной кормъ с приѣзду ево на прошлые мѣсяцы и на нынешней на 180-й годъ по окладу противъ ево братій выдать.

И буде В. Г-рь Ц. и В. Кн. Алексѣй Михайловичь всеа В. и М. и Б. Россиі Самодержецъ переводчика Миколая Спотариюса пожалуетъ свое В. Г-ря жалованье поденной кормъ на прошлые мѣсяцы и по окладу ево на нынешней на 180 годъ противъ ево братій велитъ выдать,

и иметца ему июня съ 3-го числа прошлого 179 году декабря по 14 число нынешняго 180-го году на 194 дни кормовыхъ денегъ 97 рублевъ,

да на нынешней па 180-й годъ по окладу, его сто рублевъ, обоево кормовыхъ денегъ и по окладу 197 рублевъ.

А Посолского Приказу переводчикомъ В. Г-ря жалованье по окладомъ ихъ на нынешней на 180-й годъ выдано.

А на выписке помѣта думнаго дьяка Григорья Богданова такова.

180-го декабря въ 29 день по указу В. Г-ря думной дворянинъ Артемонъ Сергѣевичь Матвѣевъ слышавъ сей выписки приказалъ переводчику Миколаю с которого числа учалъ онъ служить В. Г-ря жалованье и кормовые денги выдать по указу изъ Новгородцкого Приказу и противъ ево братій привести ево к вѣре.

І В. Г-ря указъ в Новгородцкой Приказъ о выдаче В. Г-ря жалованья денежного окладу и кормовые денги с того числа какъ онъ учалъ В. Г-рю служить посланъ дакабря въ 30 день.

И к Архангельскому протопопу Кондрату з братьею послана жъ память, что ево Миколая привести к вѣре противъ иныхъ иноземцовъ и переводчиковъ, генваря, въ 10 день.

(Тамъ же—стр. 305—309).

№ 3.

І в Посолскомъ Приказе выписано.

В прошломъ во 180-мъ году В. Г-ря жалованья давано Посолскаго Приказу книгописцомъ, старцу Маркѣлу июня съ

14-го числа по 5 алтынъ, августа со 8-го числа и с прежнимъ по 2 гривны на день ис Приказу Большого приходу,

Івану Верещагину, июля съ 6-го числа 2 алтына, августа зъ 22 числа и с прежнимъ по гривне на день, изъ доходовъ Новгороцкаго Приказу.

І В. Г-рю Ц. и В. К. Алексѣю Михайловичю всеа В. и М. и Б. Россіи Самодержцу, старецъ Маркѣлъ да Іванъ Верещагинъ бьютъ челомъ чтобъ В. Г-рь пожаловалъ ихъ велѣлъ имъ давать свое В. Г-ря жалованье поденной кормъ въ нынешнемъ 181-мъ году сентября съ 1 числа противъ прошлаго 180 го году. А старецъ Маркѣлъ написалъ июня съ 14-го числа прошлаго 180-го году сентября по 15 число нынешнаго 181-го году.

2 книги свободныхъ наукъ в полдесть на александрѣйской средней бумаге по 8 тетратей въ книге,

да книгу Хрисмология 21 тетрать в десть на средней александрѣйской бумаги что подъ большою.

Іванъ Верещагинъ написалъ июля съ 6 числа о избраніи и о венчаніи царскимъ венцемъ В. Г-ря Ц. і В. К. Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи, 9 тетратей, на середней александриской бумагі і в томъ числѣ порозжихъ 35 страницъ оставлены на лица,

да книги Сивиллъ написалъ 7 тетратей на середней александриской бумаге в полдесть, 181-го сентября въ 23 день по указу В. Г-ря велѣно имъ давать В. Г-ря жалованье противъ прошлаго году буде они у дѣла надобны и дѣло за ними есть.

По сему В. Г—ря указу о поденномъ корму старцу Маркѣлу въ Болшой приходъ память Івану Верещагину в Новгороцкой Приказъ указъ посланы того жъ числа

а взялъ память и указъ переводчикъ Николай Споѳариусъ.

(Приказныя дѣла—св. 457. Дѣло о выдачѣ жалованья и другихъ царскихъ наградъ $\frac{7180}{1672}$ — $\frac{7185}{1677}$ л.л. 30—32).

№ 4.

Росписка Миколая Споѳария такова.

Для В. Г-ря в китайскую посылку взялъ двѣ книги Китайского государства описаніе что взяты изъ оптеки, да

полтора аршина объяри золотной по рудожьлтой землѣ и китайткия листы которые сысканы в Посолскомъ Приказе и статейного Ѳеодора Байкова списку списокъ в тетратяхъ ис Посолского Приказу взялъ и росписался я Николай Спаѳарiі своею рукою.

(Книга Китайскаго Двора № 3. л.л. 266(154) об.—267(155)).

№ 5.

Божiею милостiю Мы Великiй Государь Царь и Великiй Князь Алексѣй Михайловичь всеа Великiя и Малыя и Бѣлыя Росiи Самодержецъ, Московскiй, Кiевскiй, Владимерскiй, Новгородцкiй, Царь Казанскiй, Царь Астраханскiй, Царь Сибирскiй, Государь Псковскiй и Великiй Князь Смоленскiй, Тверскiй, Югорскiй, Пермскiй, Вятцкiй, Болгарскiй и иныхъ, Государь и Великiй Князь Новгорода Низовскiе земли, Черниговскiй, Резанскiй, Ростовскiй, Ярославскiй, Бѣлоозерскiй, Удорскiй, Обдорскiй, Кондинскiй; всеа сѣверныя страны Повелитель и Государь Иверскiе земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскiе земли, Черкаскихъ и Горскихъ князей и иныхъ многихъ государствъ и земель восточныхъ, и западныхъ, и сѣверныхъ Отчичь, и Дѣдичь, и Наслѣдникъ, и Государь и Облададатель—велеможнѣйшему Богдыхану города Камбалука и всего Китайскаго Царства Владѣтелю. Вѣдомо Вамъ, Бугдыхану, чинимъ, что изъ древнихъ отъ нѣколкихъ лѣтъ на великихъ и преславныхъ государствахъ Росiйского Царства были Великiе Государи прародители наши отъ рода Августа Кесаря обладающаго всею вселенною отъ сродича его отъ Великого князя Рюрика и отъ Великого Государя и Великого князя Владимера Святославича и отъ Великого Государя и Великого Князя Владимера жъ Всеволодича Манамаха еже отъ грекъ высокодостойнѣйшую честь воспрiимшаго даже и до Великого Государя хваламъ достойнаго блаженные памяти прадѣда нашего Великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русiи Самодержца и сына его Великого Государя дѣда нашего блаженные памяти Великого Государя Царя и Великого Князя Ѳеодора Ивановича всеа Русiи Самодержца и до отца нашего блаженныя памяти Великаго Государя праведнаго и милостивого, паче же во царѣхъ пресвѣтлѣйшаго и великопрестолнѣйшаго и неизчетные хвалы достойного Царя и Вели-

каго Князя Михайла Өедоровича всеа Русіи Самодержца и многихъ государствъ Государя и Обладателя. Имя ихъ Великихъ Государей предковъ нашихъ во всѣхъ великихъ государствахъ славилось и великіе ихъ государства Російскіе отъ года въ годъ распространились и многіе окрестные великіе государи христіанскіе и мусулманскіе съ ними Великими Государи ссылалися, а иные отъ нихъ Великихъ Государей помощь получили. А съ предки вашими Китайского Государства съ ханы и съ Вами Бугдыханомъ за далнимъ разстояніемъ пути у нихъ Великихъ Государей предковъ нашихъ и у отца нашего блаженные памяти Великого Государя ссылки не бывало и послы и посланники не посылованы. А которые до нашего Царскаго Величества ваши Бугдыхана грамоты и доходятъ и намъ Великому Государю нашему Царскому Величеству за невѣдомостью китайского языка о чемъ Вы Бугдыханъ отъ нашего Царского Величества имѣете требованіе неизвѣстно. И для того Мы Великій Государь наше Царское Величество указали нынѣ къ Вамъ Бугдыхану послать для нашихъ Великого Государя дѣлъ и для выразумленія о чемъ ваше Ханово требованіе нашего Царского Величества посла добророжденного дворянина Николая Гавриловича Спөаріа, и наказали ему сее нашу Великого Государя нашего Царского Величества грамоту Вамъ Бугдыхану подати и про наше Великого Государя нашего Царского Величества здоровье сказати, а ваше Ханово здоровье видѣти и о дружбѣ и о любви напомянути. И желаемъ Мы Великій Государь наше Царское Величество съ Вами велеможнѣйшимъ Ханомъ яко съ наилюбезнѣйшимъ сосѣдомъ быти въ пріятной дружбѣ и любви и въ безурывныхъ ссылкахъ такъ же, какъ Мы Великій Государь наше Царское Величество пребываемъ и дружбу и любовь имѣемъ съ высокостолными государи съ цесаремъ римскимъ и съ иными окрестными великими жъ государи и съ персицкими шахи, а что у насъ Великого Государя у нашего Царского Величества въ нашихъ Царского Величества преславныхъ государствахъ Россійского Царствія Вамъ Бугдыхану будетъ годно и Вамъ бы съ нами Великимъ Государемъ съ нашимъ Царскимъ Величествомъ о томъ обослатися послы или посланники и о всемъ съ ними отписати, а Мы Великій Государь наше Царское Величество Вамъ Бугдыхану ваше требованіе повелимъ исполнити. А что Мы Великій Государь наше Царское Величество къ Вамъ Бугдыхану въ сей нашей

Царского Величества грамотѣ наше Ханово имянованіе и титло написали не противъ вашего Ханова достоинства какъ Вы сами себя описуете и въ томъ бы на насъ Великого Государя на наше Царское Величество Вамъ Бугдыхану не подивить. Потому вѣдомо Вамъ про то подлинно что у предковъ нашихъ у Великихъ Государей Царей Російскихъ съ предки вашими Китайского Государства съ ханы ссылокъ не бывало и того ради намъ Великому Государю нашему Царскому Величеству какъ Вы Бугдыханъ въ своихъ грамотахъ имянованіе и титло свое описуете невѣдомо. А сего нашего Царского Величества вышепомянутого посла велѣти бъ Вамъ Бугдыхану отпустить къ намъ Великому Государю къ нашему Царскому Величеству безъ задержанья со всякимъ спомогательствомъ и съ нимъ прислати къ намъ Великому Государю къ нашему Царскому Величеству пословъ своихъ. А какъ аже дастъ Богъ къ намъ Великому Государю къ нашему Царскому Величеству пословъ своихъ пришлете и въ своей любителной грамотѣ имянованіе свое и титло описати велите, и Мы Великій Государь наше Царское Величество пословъ вашихъ въ порубежныхъ нашихъ городѣхъ укажемъ принять со всякимъ удовольствованіемъ и до царствующаго нашего великого града Москвы велимъ допроводить въ цѣлости потому жъ со всякимъ спомогателствомъ и любительные ваши грамоты выслушавъ любительно и выразумѣвъ изъ нихъ пословъ вашихъ укажемъ къ Вамъ отпустить безъ задержанія и впредь къ Вамъ Бугдыхану учнемъ Ваше Ханово имянованіе и титло въ нашихъ Царского Величества грамотахъ писати во всемъ по вашему Ханову достоинству съ полнымъ Вашимъ имянованіемъ и титломъ, какъ Вы сами себя въ своихъ грамотахъ и титлахъ описуете по вашему достоинству. По семъ Вашу Ханову Велможность въ сохраненіе Всемогущему Господу Богу предаемъ и счастливаго и долголѣтного владѣнія желаемъ. Писанъ государствія нашего во дворѣ въ царствующемъ велицемъ градѣ Москвѣ лѣта отъ созданія міру 7183-го, февраля 28 дня.

(Книга Китайскаго Двора № 3. лл. 222 (109) об.—228 116) об.)

№ 6.

Государю моему многомилостивому, и благодѣтелю Лариону Івановичю Николайко Спаѳарій рабскій чело(мъ) бьетъ. Подай Господь Богъ тебѣ Государю многолѣтное и благополучное здравие сохраненъ десницею Вышняго со всякихъ благъ приращеніемъ.

Вѣдомо тебѣ Государю чиню, что въ нынешнемъ во 185 году июня въ 7 день въ Енисѣйску столникъ і воевода Михайла Васильевичь Приклонской в томъ же часу какъ пристали дощаниками к берегу подалъ ево Великого Государя указную память. Писано ко мнѣ ис Посолского Приказу, чтобъ мнѣ быть во всемъ послушны его Великого Государя указу каковъ обо мнѣ посланъ будетъ изъ Сибирского Приказу. И столникъ і воевода Михайло Васильевичь Приклонской Великого Государя грамоту и указъ каковъ присланъ былъ к нему изъ Сибирского Приказу о насъ о всѣхъ прочелъ и какъ указано было чтобъ меня і всѣхъ людей которые со мною были в Китайскомъ Государстве осмотрѣть накрепко и переписать подлинно что у насъ у всѣхъ сыщется по прежнимъ Великого Государя указомъ, такъ и учинилъ и осматривалъ накрепко и нихто ево Великого Государя указу ни в чемъ ослушны не учинились потому что не токмо что у насъ есть но и головы наши передъ Великимъ Государемъ. И после Государь осмотру столникъ і воевода Михайло Васильевичь какъ ему указано было послалъ к Великому Государю отписку и роспись нашимъ товаромъ напередь наскоро а и насъ после того хотѣлъ отпустить с казною Великого Государя вскоре. I какъ Государь поѣдемъ отселе опять из-ыныхъ сибирскихъ городовъ учну писать к тебѣ Государю про наше путное шествие. И ты Государь прежнюю милость свою не отъими отъ последняго раба своего и изволь пожаловать писать ко мнѣ о своемъ многолѣтномъ здравіи, и засемъ Государь буди здравъ и многолѣтенъ.

(Тамъ же. лл. 441 (331)—442 (332) обор.).

№ 7.

186 года ноября въ 17 день Посолского Приказу толмачь Тараска Аѳонасьевъ про грамотку какову онъ подалъ думному дьяку Лариону Іванову в роспросе сказалъ.

Тому де ныне третей день пріѣхалъ к Москве изъ Сибири пятидесятникъ Дружинка Васильевъ, а ему Тараску знакомецъ, і вчерашняго де дня ходилъ онъ в Сибирской Приказъ искать того пятидесятника для грамотокъ изъ Сибири отъ сродичей своихъ и ево де в Сибирскомъ Приказе сыскалъ и грамотокъ у него спрашивалъ и онъ де почалъ грамотки розбирать, и сказалъ что к нему тутъ грамотки нѣтъ а поищу де на подворье. Да онъ же Дружинка говорилъ ему Тараску послалъ де с нимъ изъ Сибири Николай Спаѳарій которой былъ в Китаяхъ посланникомъ грамотку, а подписано де на ней глухо, толко Государю Лариону Івановичю а чину никакова не объявлено, и он де того человѣка кому отдать не знаетъ, и двора ево гдѣ сыскать не вѣдаетъ, а имянно де кому еѣ отдать того ему Николай не приказалъ и показалъ ему тоѣ грамотку. И онъ де Тараска говорилъ ему что та грамотка разве писана к думному дьяку к Лариону Иванову, потому что Николай де Спаѳарій Посолского Приказу переводчикъ, а думной де дьякъ Ларионъ Івановъ ныне сидитъ в Посолскомъ Приказе, и для де того онъ Тараска тое грамотку взялъ.

(Тамъ же. лл. 442 (332) об.—443 (333) обор.)

№ 8.

187 декабря въ 23 день по Государеву Цареву і В. князя Ѳеодора Алексѣевича всеа В. и М. и Б. Росіи Самодержца указу дати Собора Александроневскаго дьякону Иякову Іванову за переплетъ и за прикладъ пяти книгъ і в томъ числѣ переплетены книги Статейные списки Николая Спотария Василья Даудова Описание Китайского Государства Описание Сибири и Приѣздъ и отпускъ балхинского посла и приѣзды Василья Даудова Маметя Касимова от книги по шести алтынъ по четыре денги с роспискою ис Посолского Приказу. Учинить по сему Государеву указу и записать в книгу и денги за переплетъ и за прикладъ тѣхъ книгъ діакону дать с роспискою.

На оборотѣ: По сему указу дьяконъ Яковъ Івановъ отъ переплету книгъ рубль взялъ и расписался.

(Приказныя дѣла—св. 518. Дѣло о выдачѣ жалованья и корм. денегъ 7187 (1678—79) л. 163-й).

№ 9.

Еллиногреческого і волоского и латинского языковъ Николай Споѳарiі.

А взятъ онъ Николай в Посолской Приказъ в переводчики во 180-мъ году декабря въ 14 день.

І в томъ же году Великого Государя жалованья учыненъ ему окладъ помѣстного 500 чет. денегъ 100 рублевъ поденного корму по полтине на день і велено ево написать в Розряде по Московскому списку.

І в прошломъ во 182-мъ году генваря въ 14 день по указу Великого Государя и по помѣте на выписке думного дьяка Григорья Богданова придано ему Николаю к прежнему ево окладу помѣстного къ 500-мъ четямъ 100 чет., и денгамъ ко 100 рублямъ 20 рублевъ да ему жь велено давать хлѣба изъ Хлѣбенного Приказу по 50 чет. ржи овса потому жъ соли по 10 пудъ на годъ.

Да во 183 году сентября въ 21 день по памяти из Розряду за приписью дьяка Петра Ковелина придано ему Великого Государя жалованья для объявления Великого Государя Царя і Великого Князя Ѳеодора Алексѣевича всеа В. и М. и Б. Росиі Самодержца к прежнему ево окладу помѣстного 100 чет. денегъ 12 рублевъ (*).

І всего ему Николаю В. Г-ря жалованья окладъ и с придачею помѣстной 700 чет. денегъ 132 рубли хлѣба 50 четей ржи и овса тожъ и за рожъ даютъ ему денгами по 21-му алтыну за четь. Соли десять пудъ поденного корму по полтине на день.

І во 183-мъ же году по указу блаженные памяти В. Г-ря Ц. і В. Кн. Алексѣя Михайловича всеа В. и М. и Б. Росиі Самодержца посыланъ х китайскому богдыхану для ево В. Г-ря дѣлъ сь его В. Г-ря грамотою переводчикъ Николай Спофарий.

А В. Г-ря жалованья для той посылки выдано ему по окладу и поденного корму по 185-й годъ а со 185 году по нынешней по 187 годъ и нанынешней на 186 годъ ему Николаю В. Г-ря годового денежного и хлѣбного жалованья и поденного корму и соли не дано.

Итого всего доведетца ему Николаю дать на прошлые на 185 и на 186 да на нынешней на 187-й годъ окладу ево и поденного корму и за хлѣбъ за рожъ денгами всего 1048 рублевъ 16 алтынъ 4 денги да овса 150 чет. да соли 30 пудъ.

И нынѣ то В. Г-ря годовое и хлѣбное жалованіе и соль и поденной кормъ на прошлые на 185-й и на 186-й и на нынешней на 187-й годы ему выдаватли или не выдавать, и о томъ В. Г-рь Ц. и В. К. Ѳеодоръ Алексѣевичь всеа В. и М. и Б. Росиі Самодержецъ что укажетъ.

(Прик. дѣла: до звѣздочки—св. 525, Списокъ служащихъ, кои посыланы были... 7186 (1679), а послѣ звѣздочки—св. 537 Выписка о выдачѣ жалованья перев. Спаѳарію 7188 (1680) сент. л. 5—6).

№ 10.

И Николая Спофария в нынешнемъ во 188-мъ сентября въ 6 день по указу В. Г-ря и по помѣте на выписке думного дьяка Лариона Іванова велено по прежнему ево В. Г-ря указу и по подписной челобитной прошлого 187-го году послать в Розрядъ и написать по Московскому списку съ помѣстнымъ ево и денежнымъ ево окладомъ по прежнему, а своего Г-рева жалованія поденного корму давать ему в дачю вмѣсто прежняго годового денежного жалованія и за поденной кормъ и за хлѣбъ и за соль половину что ему было давано смѣтя противъ прежней ево дачи всего по настоящей ценѣ какова в которомъ году на хлѣбъ и на соль цена будетъ, а какъ онъ службу свою впредь покажетъ и ему въ ево Государеве жалованье прибавка будетъ учинена смотря по ево работе. А в Посолскомъ Приказе имя ево с переводчики по сему В. Г-ря указу написать въ книгу имянно и что ему его Государево жалованіе велено давать изъ Розряду.

И по сей помѣте въ Розрядъ память послана за приписью дьяка Емельяна Украинцова нынешняго 188-го году сентября въ 25 день.

(Тамъ же.—св. 537, лл. 1—2).

№ 11.

Царемъ Государемъ і Великимъ Княземъ Іоанну Алексѣевичю, Петру Алексѣевичю всеа В. и М. и Б. Росиі Самодержцемъ бьетъ челомъ холопъ вашъ Государственного Посолского Приказу переводчикъ Николайко Спаѳарій. По вашему В. Г-рей

указу учинено мнѣ холопу вашему за китайскую мою посолскую службишку вашего В. Г-рей жалованія к прежнему моему окладу денежной придачи дватцать пять рублевъ і то ваше В. Г-рей жалованіе на нынешней на 192-й годъ мнѣ холопу вашему не выдано. Милосердые Государи Цари і Великие князи Іоаннъ Алексѣевичь Петръ Алексѣевичь всеа В. і М. и Б. Росиі Самодержцы пожалуйте меня холопа своего велите Государи то свое В. Г-рей жалованіе дватцать пять рублевъ на нынешней на 192-й годъ мнѣ холопу своему выдать. Цари Государи смилуйтеся пожалуйте.

На оборотѣ: 192-го декабря въ 30 день буде ему придача к окладу учинена, а на нынешней годъ та придача ему не выдана, велѣть ему ту придачю на нынешней на 192-й годъ выдать ізъ Государственного Посолского Приказу, записавъ в росходъ с роспискою. (л. 1-й).

192-го ѳевраля въ 17 день пожаловали В. Г-ри Цари і В. Князи Іоаннъ Алексѣевичь, Петръ Алексѣевичь всеа В. и М. и Б. Росіи Самодержцы Государственного Посолского Приказу переводчика Николая Споѳария велѣли ему выдать свое В. Г-рей жалованіе придаточные денги которые ему учинены в нынешнемъ во 192 году за китайскую его посылку прошлого 183 го году дватцать пять рублевъ изъ Государственного Посолского Приказу. Помѣта о томъ на челобитной думного дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцова, в переводческомъ столпу нынешнего 192 году. Діакъ Іванъ Волковъ.

На оборотѣ: По сему В. Г-рей указу ихъ В. Г-рей жалованіе придачю в окладъ двацять пять рублевъ Николай Спаѳарій взялъ и росписался. (л. 4-й).

(Тамъ же св. 552.—Дѣло по челобитью Спаѳарія о жалованьѣ 7192 (1683) дек. 30).

№ 12.

192-го ѳевраля въ 31 день пожаловали В. Г-ри Цари і В. Князи Іоаннъ Алексѣевичь Потръ Алексѣевичь всеа В. и М. и Б. Росіи Самодержцы, Государственного Посолского Приказу переводчика Николая Споѳария велѣли ему дать своего В. Г-рей жалованія по окладу за хлѣбъ за пятьдесятъ четій ржи за тожъ число овса по торговой середней ценѣ денгами почему хлѣбъ купили межъ Рожества Христова и Крещения за рожь по де-

вети алтынъ за четверть за овесъ по шти алтынъ по четыре денги за четверть всего за рожь и за овесъ по пятнатцати алтынъ по четыре денги за юоть всего за пятьдесятъ юотей ржи і овса двацать три рубли с полтиною изъ Государственного Посолского Приказу. Помѣта о томъ на выписке думного дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцова. Записать в книгу і денги за хлѣбъ дать с роспискою.

На оборотѣ: В. Г-рей жалованіе за хлѣбъ двацять три рубли с полтиною Николай Спаѳарий взялъ и росписался.

(Тамъ же—св. 552, то-же дѣло, л. 5-й).

№ 13.

192 марта въ 29 дењь пожаловали В. Г-ри Цари і В. Князи Іоаннъ Алексѣевичь, Петръ Алексѣевичь всеа В. и М. и Б. Росіи Самодержцы Государственного Посолского Приказу розныхъ языковъ переводчиковъ Николая Споѳария со товарыщи семпатцать человѣкъ велѣли имъ дать своего В. Г-рей жалованія для празника Свѣтлого Христова Воскресения марта съ 1-го числа мая по 1-е жъ число нынешняго 192-го году кормовыхъ денегъ по указнымъ ихъ статьямъ Николаю Споѳарию тритцать рублевъ шеснатцать алтынъ четыре денги, Леонтью Гросу дватцать восмь рублевъ два алтына, Семену Лаврецкому двацать семь рублевъ пятнадцать алтынъ, Костянтину Христоѳорову двацать пять рублевъ двацать алтынъ четыре денги, Ивану Тяшкогорскому да Дмитрею Саитову по осмнатцати рублевъ по десяти алтынъ человѣку, Юрью Гивнеру шеснатцать рублевъ пятнатцать алтынъ четыре денги, Кучюкаю Сакаеву семнатцать рублевъ двацать три алтына, Андрѣю Креѳту пятнатцать рублевъ восмь алтынъ две денги, Степану Чижинскому двенатцать рублевъ шесть алтынъ четыре денги, Сулейману Тонкачову девять рублевъ двацать пять алтынъ две денги, Стасѣю Гадзаловскому Івану Юрьеву Петру Татаринову Девлетю Мелекову, по девяти рублевъ по пяти алтынъ человѣку, Товиясу Мейснеру шесть рублевъ три алтына две денги, Тохтаралѣю Багинину семь рублевъ тритцать одинъ алтынъ, Кадралѣю Сакаеву четыре рубли двацать девять алтынъ две денги, да золотописцомъ Ѳедору Юрьеву семь рублевъ десять алтынъ четыре денги, Матвѣю Андрѣеву да Ѳедору Лопову по шти рублевъ по три ал-

тына по две денги человѣку. Всего переводчиком и золописцомъ двѣсти девяносто четыре рубли дватцать три алтына изъ Новгородцкого приказу а какъ в Государственной Посолской Приказъ ис Приказу Болшие Казны на дачю имъ кормовые денги взяты будутъ и то число денегъ в Новгородцкой Приказъ отдано будетъ і для того в росходъ ихъ не записывать. Помѣта о томъ на выписке дьяка Прокоѳья Возницына в Государственномъ Посолскомъ Приказе. Іванъ Волковъ. (лл. 9—10).

(На лл. 11—13 слѣдуютъ росписки переводчиковъ и золотописцовъ и между ними на л. 13: Великихъ Государей жалованіе кормовіе денги на два мѣсяца трицять рублевъ с полтиною Николай Спаѳарий взялъ и росписался).

(Тамъ же—св. 552, то-же дѣло).

№ 14.

196 апрѣля въ 10 день пожаловали В. Г-ри Цари и В. Князи Іоаннъ Алексѣевичь Петръ Алексѣевичь і В. Г-рыня Благовѣрная Царевна і В. Княжна Софья Алексѣевна всеа В. и М. и Б. Росіи Самодержцы Государственного Посолского Приквзу розныхъ языковъ переводчиковъ і золотописцовъ и толмачей велѣли имъ дать своего В. Г-рей жалованія по окладомъ ихъ і за хлѣбъ по указной статьѣ по розчету на нынешней на 196 годъ іс тѣхъ денегъ которые взяты сего жъ апрѣля въ 7 день в Государственный Посолской Приказъ іхъ Устюжского Приказу тысяча рублевъ.

Николаю Споѳарию в окладъ і за хлѣбъ, сто тритцать рублевъ.

Великихъ Государей жалованіе годовое и за хлѣбъ двѣ доли: Сто трицять рублевъ, Николай Спаѳарій взялъ и росписался.

(Тамъ же—№ 574. Дѣло о жалованьи переводчикамъ 7196 (1688) апр. 10—л. 1-й).

№ 15.

В. Г-рю Ц. і В. Князю Петру Алексѣевичю всеа В. и М. и Б. Росіи Самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твой Николайко Спаѳарій, служу я холопъ твой тебѣ В. Г-рю въ Посолскомъ Приказе тритцать лѣтъ, и всякія писма розныхъ языковъ пе-

ревожу вѣрно и нелѣностно. А нынѣ тому уже приближается годъ, что ваше В. Г-ря жалованіе, указаного мнѣ годовой окладъ и кормовыя денги ничего не дано, а инымъ всѣмъ переводчикомъ по росчету, а инымъ и по половинѣ голового жалованья и кормовыя денги уже давно дано. Милосердый В. Г-рь Ц. і В. К. Петръ Алексѣевичь всеа В. и М. и Б. Росіи Самодержецъ, вели Г-рь и мнѣ холопу твоему свое В. Г-ря жалованье годовой окладъ и кормовыя денги выдать чтобъ было мнѣ холопу твоему чемъ вашу В. Г-ря службу служити и чемъ прокормитися зъ дѣтми своими и съ людишками. В. Г-рь смилуйся пожалуй. (л.˙ 1-й).

На оборотѣ: 1700-го іюня въ 5 день выписать.

І в Государственномъ Посолскомъ Приказе выписано.

В окладной книге Государственного Посолского переводчиковъ нынешнего 1700-го году написано:

Еллиногреческаго латинскаго волоскаго переводчикъ Николай Спаѳаріі, В. Г-ря жалованья окладъ ему, денегъ 157 рублевъ корму по 16 алтынъ по 4 денги хлѣба 50 юѳтей соли 10 пудъ.

И того В. Г-ря денежного и хлѣбного и кормовыхъ денегъ и соли на нынешней 1700-й годъ не дано.

І В. Г-рю Ц. і В. Князю Петру Алексѣевичю всеа В. и М. и Б. Росиі Самодержцу Посолского Приказу переводчикъ Николай Спаѳаріі бьетъ челомъ, работаетъ де онъ в Посолскомъ Приказе ему В. Г-рю тритцеть лѣтъ, і всякие писма розныхъ языковъ переводитъ вѣрно и нелѣностно, а ево де В. Г-ря жалованья на нынешней на 1700 й годъ ничего не дано. А инымъ де переводчикомъ по росчету и по половинѣ годового жалованья и кормовыхъ денегъ дано. І В. Г-рь пожаловалъ бы ево велѣлъ ему свое В. Г-ря жалованіе годовой окладъ и кормовые денги выдать, чтобъ де было чѣмъ ему службу служить и чѣмъ прокормитися з детми и с людми.

І буде В. Г-рь Посолского Приказу переводчика Николая Спаѳария пожалуетъ велитъ ему свое В. Г-ря жалованье на нынешней 1700-й годъ по окладу и за хлѣбъ по указной ценѣ и кормовые денги выдать,

ітого доведетца дать
по окладу и за хлѣбъ, 257 рублевъ
кормовыхъ 182 рубли
всего 439 рублевъ.

А в прошлыхъ годѣхъ по нынешней 1700-й годъ Посолского Приказу переводчикомъ по окладу и за хлѣбъ давано сполна, а кормовые по мѣсячно изъ Новгородцкого Приказу и изъ четвертеі изъ четвертныхъ доходовъ, Справилъ Іванъ Губинъ.

1700-го июня въ 8 день по указу В. Г-ря Ц. і В. К. Петра Алексѣевича всеа В. и М. и Б. Росиі Самодержца, бояринъ Θеодоръ Алексѣевичь Головинъ с товарыщи, приказалъ Посолского Приказу еллиногреческого, и латинского і волоского языковъ переводчику Николаю Споθарию дать его В. Г-ря жалованья на нынешней 1700 годъ ізъ окладу и кормовыхъ і за хлѣбъ треть сто сорокъ шесть рублевъ одиннатцать алтынъ с полу денгою и о даче тѣхъ денегъ в Ратушу к бургомистромъ ис Посолского Приказу послать память [1]). Посниковъ. Михайло Родостамовъ.

И по сей помѣте о даче тѣхъ денегъ из Государственного Посолского Приказу в Ратушу к бургомистромъ послана тогожъ числа за приписью дьяка Василья Посникова. (лл. 2—3).

(Приказныя новыя дѣла—св. 2.—Дѣло по челобитью переводчика Николая Спафарія о выдачѣ ему жалованья 1700 г. юля 5).

№ 16.

В. Г-ря Ц. і В. Князя Петра Алексѣевича всеа В. і М. и Б. Росіи Самодержца жалованія Государственного Посолского Приказу переводчикомъ, и золотописцомъ и толмачомъ годовыхъ дачь.

Переводчикомъ.

Еллиногреческого, латинского волоского Спаθарію по окладу 157 рублевъ, кормовыхъ по 16 алтынъ по 4 денги на день, итого 182 рубли 16 алтынъ 4 денги хлѣба 50 четій ржи овса тожъ, и за хлѣбъ иметца по ценѣ, почему в нынешнемъ 1700-мъ году дано в-Ыноземскомъ Приказе начальнымъ людемъ по 23 алтына по 2 денги за юоть, итого 35 рублевъ всего 374 рубли 16 алтынъ 4 де. і в то число на нынѣшней 1700 годъ велено дать из Ратуши 146 рублевъ 11 алтынъ с полуденгою, а к тому додать 228 рублевъ 5 алтынъ 3 денги, соліи 10 пудъ. (л. 3-й)

---

[1]) Сбоку приписка: в Ратуше не даютъ.

В. Г-рю переводчики и золотописцы и толмачи бьютъ челомъ, чтобъ имъ на нынѣшней 1700-й годъ его В. Г-ря жалованья по окладу, и кормовые, и за хлѣбъ досталные денги для ихъ скудости выдать.

1700-го, августа въ 31 день. В. Г-рь Ц. і В. К. Петръ Алексѣевичь всеа В. и М. и Б. Росіи Самодержецъ пожаловалъ Государственного Посолского Приказу переводчиковъ и золотописцовъ, и толмачей Николая Спаѳарія с товарыщи велѣлъ имъ свое В. Г-ря жалованье на нынѣшней 1700-й годъ досталное чего имъ по окладомъ ихъ и поденного корму сентября съ 1 числа 208-го году сентября по 1-е число 1700-го году не дано а за хлѣбъ по справке с-Ыноземскимъ Приказомъ противъ иноземской дачи по дватцати по три алтына по две денги за юѳть выдать по указнымъ ихъ статьямъ, Николаю Споѳарію триста семдесятъ четыре рубли шеспатцать алтынъ четыре денги, Семену Лаврецкому сто восемъдесятъ восмъ рублевъ тритцать трі алтына, Степану Чижинскому сто пятдесятъ два рубли восмъ алтынъ двѣ денги, Ѳедору Костянтинову сто сорокъ рублевъ двенатцать алтынъ полтретьи денги, Семену Тонкачову пятдесятъ осмъ рублевъ девятнатцать алтынъ двѣ денги, Павлу Кулвинскому восмъдесятъ три рубли, Дмитрею Сеитову сто четырнатцать рублевъ шеснатцать алтынъ четыре денги, Лукѣ Щуковскому тритцать шесть рублевъ два алтына три денги, Резепу Баицыну тритцать девять рублевъ дватцать шесть алтынъ четыре денги, Андрѣю Ботвинкину дватцать пять рублевъ осмнатцать алтынъ двѣ денги, Кадралею Сакаеву тритцать одинъ рубль семнатцать алтынъ двѣ денги, Рамазану Теѳкелеву сорокъ шесть рублевъ тринатцать алтынъ двѣ денги, золотописцомъ Івану Петрову сто сорокъ одинъ рубль дватцать шесть алтынъ четыре денги, Матвѣю Андрѣеву пятдесятъ шесть рублевъ тритцать одинъ алтынъ четыре денги, Дмитрею Квачевскому шестьдесятъ семь рублевъ, Івану Лопову пятдесятъ шесть рублевъ шеснатцать алтынъ четыре денги, толмачомъ Кирилу Панѳилову сорокъ восмъ рублевъ двенатцать алтынъ три денги, Полуехту Кучюмову тритцать рублевъ с половиною, Тарасу Іванову тритцать пять рублевъ дватцать пять алтынъ, Тахтаралею Башнину тритцать рублевъ дватцать пять алтынъ, Леонтью Посникову тритцать шесть рублевъ шеснатцать алтынъ четыре денги, Івану Никитину дватцать пять рублевъ восмъ алтынъ двѣ денги, Юрью Суханову пятнатцать рублевъ дватцать алтынъ пять

денегъ, Василью Коронатову семнатцать рублевъ дватцать пять алтынъ пять денегъ, Дмитрею Петрову дватцать одинъ рубль тритцать алтынъ, Данилу Леншину, Аѳанасью Постригичеву, Івану Волошанину, Магметю Теѳкелеву, Аѳанасью Васильеву, Рамазану Сакаеву по четырнатцаті рублевъ по четыре алтына по двѣ денги человѣку из Новгородцкого из Юстюжского из Володимерского из Галицкого из четвертныхъ доходовъ. А что Николаю Спаѳарію велено было дать из Ратуши сто сорокъ шесть рублевъ одиннатцать алтынъ с полуденгою, и о томъ в Ратушу для вѣдома послать память, чтобъ по тому указу из Ратуши денегъ ему не давать, потому что даны ему сполна ис Посолского Приказу. Приказалъ бояринъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ Головинъ. А когда по окладнымъ выпискамъ В. Г-ря указъ состоитца, і в то время вышеписанное число денегъ із Ратуши взять в Посолской Приказъ.

Діакъ Борисъ Михайловъ.

И по сему В. Г-ря указу о даче денегъ вышеписанного числа переводчикомъ и золотописцомъ и толмачемъ в Новгороцкой Приказъ і в четверти посланъ за приписью дьяка Бориса Михайлова, взялъ Николай Споѳаріі. (лл. 8 об.—9 об.)

(Тамъ же—св. 2.—Дѣло о выдачѣ Пос. Приказу дьякамъ, переводчикамъ, подьячимъ и толмачамъ годового второй половины жалованья—1700 г., авг. 31).

№ 17.

Державнѣйшиі Царь Государь Милостивѣйшиі.

Работаемъ мы тебѣ В. Г-рю в Государственномъ Посолскомъ Приказе всякие твои В. Г-ря приказные дѣла непрестанно денно и ночно а твое В. Г-ря жалованія давано намъ по окладомъ нашимъ и кормовые денги на прошлой 1703 годъ по нынѣшней 1704 годъ выдано все сполна а на нынѣшней 1704-й годъ по окладомъ нашимъ и кормовые денги твое В. Г-ря жалованія намъ не дано.

Всемилостивѣйшиі Г-рь просимъ Вашего Величества вели Г-рь намъ свое В. Г-ря жалованіе на нынѣшней 1704-й годъ по окладомъ нашимъ и кормовые денги выдать противъ прежняго своего В. Г-ря указу.

Вашего величества нижайшиі раби Государственного Посолского Приказу розныхъ языковъ перевотчики и золотописцы и толмачи Николай Спаѳаріі с товарыщи.

Генваря въ „ “ день 1704 году. (л. 1 об.)

И 1704-го ѳевраля въ 17 день В. Г-рь Ц. і В. К. Петръ Алексѣевичь, всеа В. и М. и Б. Росіи Самодержецъ пожаловалъ Государственного Посолского Приказу переводчиковъ золотописцовъ и толмачей Николая Спаѳария с товарыщи, велѣлъ имъ свое В. Г-ря жалованіе на нынѣшней 1704-й годъ по окладу і за хлѣбъ и кормовые, всего три тысячи двѣсти восмьдесятъ рублевъ дватцать алтынъ пять денегъ выдать взамѣнъ за Ратушу от росходу ис Посолского Приказу, и о томъ къ росходу дать указъ. Сей его В. Г-ря указъ приказалъ записать бояринъ Ѳеодоръ Алексѣевичь Головинъ. Діакъ Василей Посниковъ. (л. 8-й об.)

(Тамъ же—св. 4.—Дѣло по челобитью переводчиковъ, толмачей и золотописцевъ о выдачѣ имъ жалованья—1704 г. февр. 17).

№ 18.

Ясневелможный, милостивѣйший мой Государь Ѳеодоръ Алексѣевичъ.

И прежде сего я писалъ: что сей ковъ на Давіда Чауша, на Саву Рагузинского, и на насъ, затеваютъ, все греческіе махинаціе, есть и зависть. Они нынѣ (какъ и похвалились) учинили милому Саве, такую безголовную бѣду въ Керче, какъ я о томъ и предреклъ Велможности Вашей, что на него похваляются. На Чауша также завиствуютъ: что В. Г-рь такъ его жалуетъ: что и самъ *у него на господе*[1], былъ. А нынѣ Чаушъ в Мултянскую землю идетъ, *і не есть ему дѣла до того*[2], онъ волный человѣкъ венгренинъ не ихъ, *сей зѣло*[3], надобенъ, буде (сохрани Боже) поганцы весною будутъ на насъ нашествовать: будучи человѣкъ служивый и *знатный*[4]. Тотъ же і сербовъ, болгаровъ, волоховъ, и мултянъ, и самого Ракоция подиматъ на поганцовъ и вѣдаетъ какимъ способомъ. А на грековъ нѣчего надѣется, у нихъ и оружия і государства нѣтъ, толко зависть осталась. І какъ Государь изволитъ, а его в такомъ нужномъ времяни не надобно отпускать, и чай и Кантакузины о томъ писали прежде. Он бы радъ ѣхать к дому и к дѣтямъ своимъ: толко вы изволите

задержать. А Згура будетъ ему неприятель, поущать патріарха писать о немъ, также и о переводахъ что бутто приказалъ патріархъ: дабы руской человѣкъ переводилъ, і такъ всегда рускіе переводятъ его і иные писма. Прежде сего у меня жилъ Андрей Ботвинкинъ многие годы, онъ переводилъ и латинскіе, по немъ Моисей также жилъ и переводилъ, и нынѣ Андрей переводитъ, а я исправляю всегда и научаю ихъ, потому что они еще не совершенно учены. Я таланта не скрываю, какъ они о томъ сами могутъ сказать. А впредь пожалуй *милостивый мой Государь* вели имъ однимъ *переводить*[5], какъ могутъ. У меня уже і мочи и глазъ нѣтъ. Приказъ у насъ многодѣленъ и без греческихъ писемъ: да и пора мнѣ в монастырь, оставилъ я учениковъ, они могутъ какъ могутъ переводить, а меня для имяни Божия свободи от того. Готовъ елика сила служить и до смерти, і такъ почитай одинъ здѣсь. *Семенъ*[6], и Тяшкогорской не могутже, болны. Придетъ время все откроется, отъ кого и на Саву і на Чауша і на нас навѣты такіе, и для чего. 35 лѣтъ служу, и не было никогда такіе рѣчи. Яви подлинно буде какая вина на кого: а не такъ скрытно, какъ пишутъ для своей корысти греки вымышляя: Богъ ихъ судитъ. Дай Боже здравъ приѣздъ Вашъ, тогда пространно обьявлю о всемъ.

Десница Божія да сохранитъ Велможность Вашу невредимо.

На Москвѣ октября въ 5 день 1704 го.

Нижайшый рабъ Велможности вашей N. С.

На оборотѣ подлинника: Государю Боярину Өеодору Алексѣевичю.

С почты октября въ 18 день 1704 в Питерзбурке.

(Письма къ бояр. Өеодору Головкину отъ переводчика Николая Спафарія съ приложеніями).

Подлинникъ занимаетъ лл. 3—4, а современная копія лл. 13—14. Подлинникъ писанъ очень неразборчиво, почему въ копіи нѣкоторыя мѣста переданы неправильно; они у насъ напечатаны курсивомъ и отмѣчены цифрою, а ниже подъ соотвѣтств. цифрой приведено правильное чтеніе; курсивомъ безъ цифры напечатаны мѣста, пропущенныя въ копіи.

[1]) к нему на господу. [2]) ему дѣло до того нѣтъ, [3]) а онъ Государь. [4]) язычный. [5]) перевесть. [6]) (6 разъ) Симеонъ.

№ 19.

1709-го августа въ 31 день в Государственномъ Посолскомъ Приказе, умершаго тогожъ приказу переводчика Николая Споѳария, словесно сынъ ево Максимъ Споѳаріа доносилъ, которой де іхъ сродникъ, отцу ево Максимову Николаю племянникъ отъ родныхъ, породою волошанинъ, Степанъ Андрѣевъ сынъ Милескулъ, в приѣзде былъ в нынешнемъ году на Москвѣ, і тотъ де іхъ сродникъ сприѣзду своего к Москве жилъ в дому отца ево Максимова, і домогался де онъ у него Максима і у другова брата ево породству в надѣлъ нѣкоторыхъ отца ево Николая пожитковъ, о чемъ онъ Степанъ билъ челомъ на нихъ і московскому коменданту і Сибирскихъ провинцей судиі князю Матвѣю Гагарину, і в тѣхъ де отца ихъ пожиткахъ оному Степану Мелескулу отказано, і тотъ де іхъ сродникъ после того поѣхалъ от нихъ с Москвы на Украину до Нѣжина на ямскихъ, на трехъ, да на своихъ на трехъ же лошадяхъ. А іс которого приказу тѣ ямские подводы ему даны, і отпускъ ему откуду учиненъ, того онъ Максимъ не вѣдаетъ, і от того сродника своего не слыхалъ, а ныне де ему Максиму присланной із армеи, Приказу Малые Росиі подъячей Сава Тернавской сказывалъ что де виделъ онъ Сава в Нѣжинѣ того іхъ сродника, челядниковъ, которые с нимъ были на Москвѣ, что оной Стеѳанъ Мелескулъ приѣхавъ с Москвы в Нѣжинъ, умре, і тамо погребенъ, і билъ челомъ В. Г-рю онъ Максимъ Споѳаріи, дабы сие ево доношение в Посолскомъ Приказе для вѣдома записать, чтобъ імъ впредь отъ ево Стеѳановыхъ свойственниковъ не было какого нарѣкания.

К сему доношению Максимъ Спаѳарий руку приложилъ.

А Приказу Малые Росиі подъячей Сава Терновской, сказалъ. Какъ де онъ в нынешнемъ 1709 году іс Киева іс Посолской Походной Канцѣляриі отпущенъ онъ с писмами в августе мѣсяцѣ к Москве, і ѣдучи де в Нѣжинѣ предъ Успеньевымъ днемъ, въ 14-мъ числѣ сегожъ мѣсяца, попались ему встрѣчю в томъ городе, челядники, два человѣка, которые были в приѣзде на Москвѣ с волошаниномъ с Стеѳаномъ Мелескуломъ, і говорили ему Савѣ тѣ челядники, что де помянутой волошанинъ, приѣхавъ с Москвы в Нѣжинъ умре, і дабы онъ Сава приѣхавъ к Москве сказалъ о томъ сродникомъ іхъ переводчика Николая Споѳария дѣтямъ, Максиму да Никите Споѳариевымъ, і онъ де Сава приѣхавъ к Москве імъ Максиму і Никите о

смерти того іхъ сродника сказалъ, а самъ де онъ Сава оного іхъ сродника в малоросійскихъ городѣхъ нигдѣ не видалъ, і какъ тѣхъ ево челядниковъ зовутъ не упомнитъ.

Сава Терновскій руку приложилъ.

А по справке в Посолскомъ Приказе, тому волошанину Стеѳану Мелескулу, отпуску, такъ же і ямскимъ подводамъ дачи іс того Приказу не было.

І с сей записки для вѣдома в Посолскую Походную Канцелярию посланъ списокъ чрезъ почту сентября въ 2 день. А та почта отпущена с киевскимъ рейтаромъ, с Кузмою Богдавовымъ.

(Молдавскія дѣла—св. 14.—1709, авг. 31.—Извѣтъ Максима Спаѳарія о пожиткахъ отца его переводчика Николая Спафарія требуемыхъ племянникомъ его волошаниномъ Степаномъ Милескулемъ).

Къ біографіи Георгія Кониского.

Д. чл. И. А. Сребницкаго.

(Читано въ торжественномъ собраніи Общества 19 февраля 1895 г.).

13 февраля 1895 г. исполнилось 100 лѣтъ со дня кончины одного изъ видныхъ нашихъ историческихъ дѣятелей—архіепископа Бѣлорусскаго Георгія Кониского [1]). Этотъ юбилей заставилъ вспомнить о присноиамятномъ поборникѣ православія и защитникѣ угнетенной русской народности и въ то же время заставилъ убѣдиться въ скудости свѣдѣній, имѣющихся въ нашей исторической литературѣ объ этомъ историческомъ дѣятелѣ, который, нѣтъ сомнѣнія, заслуживаетъ болѣе обстоятельной біографіи, чѣмъ имѣющіяся въ настоящее время на лицо [2]). До сихъ поръ главнымъ источникомъ свѣдѣній о жизни Георгія Кониского служило жизнеописаніе его при собраніи его сочиненій, изданномъ протоіер. Іоанномъ Григоровичемъ въ 1835 г. Послѣдующія біографіи, какъ напр. г. Павловича въ Христ. Чт. 1873 года, г. Пятницкаго—при новомъ изданіи „Словъ и рѣчей" Георгія Кониского (Могилевъ, 1892 г.), не прибавляя ничего новаго касательно личности Георгія и его частной жизни, прибавляли нѣкоторыя черты для характеристики его общественно-политической дѣятельности и той исторической, такъ сказать обстановки, среди которой ему приходилось дѣйствовать; какъ матеріаломъ, при этомъ пользовались сочиненіями общаго характера, въ родѣ „Исторіи западно-русской церкви"—И. Чисто-

[1]) Вопреки общепринятому начертанію, мы пишемъ фамилію „Кониский" съ однимъ *с*: такъ писалась она въ древнихъ актахъ; такъ пишутъ свое фамильное имя и живущіе въ настоящее время представители этой фамиліи.

[2]) Сознаніе необходимости такой біографіи и выразилось въ назначеніи, при празднованіи юбилея 13 февраля 1895 г. въ Могилевѣ, преміи за жизнеописаніе Георгія Кониского.

вича и „Исторіи возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ“— М. О. Кояловича. Новыхъ матеріаловъ для біографіи Г. Кониского слѣдуетъ искать въ архивахъ—Синодальномъ и Могилевской Д. Консисторіи, да, быть можетъ, не найдется ли чего-нибудь и въ архивѣ Кіевской Духовной Академіи.

Съ своей стороны, представляя, на основаніи извѣстныхъ печатныхъ матеріаловъ, краткій очеркъ жизни Г. Конискаго и его заслугъ въ великомъ дѣлѣ религіознаго и политическаго возсоединенія отторгнутой польскимъ насиліемъ части русскаго народа (и не касаясь учено-литературной и проповѣднической дѣятельности Георгія),—мы воспользуемся и нѣкоторыми ненапечатанными матеріалами, относящимися къ исторіи фамиліи, изъ которой происходилъ Георгій Кониской [1]).

I.

Извѣстная эпитафія, составленная самимъ Георгіемъ, представляетъ собою, можно сказать, краткую, но довольно обстоятельную его автобіографію, которая какъ нельзя лучше можетъ опредѣлить планъ и нашего очерка жизни и дѣятельности Георгія Конискаго:

„Градъ Нѣжинъ—колыбель. градъ Кіевъ—мой учитель,
А въ тридцать восемь лѣтъ я сдѣлался святитель;
Семнадцать лѣтъ потомъ боролся я съ волками,
А двадцать два, какъ пастырь, отдохнулъ съ овцами.
За претерпѣнные труды и непогоду
Архіепископомъ и членомъ сталъ Синоду.
Георгій именемъ, я изъ Конискихъ дому,
И въ жизни былъ коню подобенъ почтовому.
Тутъ трупа моего зарыты кости
Въ годъ семисотый пятый девяностый“.

Итакъ, родиной Георгія былъ городъ Нѣжинъ. Въ біографіяхъ Георгія обыкновенно глухо говорится, что онъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, и даже приводится описаніе герба фамиліи Конискихъ [2]). Пока мы констатируемъ только тотъ фактъ, что родъ Конискихъ былъ коренной, старинный нѣжинскій родъ. Въ Нѣжинѣ этотъ родъ, съ половины XVII ст., занимаетъ видное положеніе и по своей общественной роли и—въ лицѣ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ своихъ членовъ—по

[1]) См. „Приложенія“.

[2]) Григоровичъ, т. I, стр. LXVII, примѣч. 1.

имущественному состоянію. Но это видное положеніе Конискіе занимаютъ не въ средѣ дворянства или шляхетства, а среди нѣжинскаго посполъства, среди нѣжинской, такъ сказать, буржуазіи. Не казачество, а магдебургское право было сферою дѣятельности Кониськихъ.

Что касается до дворянства Конискихъ, то основаніемъ ему, въ позднѣйшее время, считалась грамота, данная въ 1659 г. польскимъ королемъ Яномъ Казиміромъ Еремѣю Касьяновичу Конискому, бургомистру нѣжинскому, первому по времени изъ извѣстныхъ нѣжинскихъ Конискихъ. Въ этой грамотѣ король, „уважая знищеніе мѣста Нѣжина такъ тяжкими чрезъ лѣтъ килько войнами, а особливый респектъ имѣя на заслуги и отваги шляхетного Еремѣя Касьяновича Конискаго, обывателя мѣста Нѣжина“, освобождаетъ его, со всѣми его находящимися въ Нѣжинѣ „добрами“, „отъ всякихъ приватныхъ, замковыхъ и мѣскихъ окладовъ и подачокъ, отъ всѣхъ жолнѣрскихъ тяжестій, повелѣвая, чтобы никто помянутого Еремѣя Касьяновича Конискаго добръ никакими податями и тяжестію вышеименованною обиждать не дерзалъ“. Эта грамота относится такимъ образомъ къ тому времени, когда, послѣ заключенія Выговскимъ гадячскаго договора, польское правительство, съ цѣлью привлечь на свою сторону особенно вліятельныхъ лицъ изъ населенія Малороссіи, щедро раздавало имъ разные „привилеи“ и дипломы на польское шляхетство. Такъ между прочимъ въ это время и другой нѣжинецъ, извѣстный Васюта Золотаренко, получилъ польское шляхетство съ перемѣною даже своей фамиліи на Золотаревскаго [1]). Мы увидимъ дальше попытку католиковъ воспрепятствовать назначенію Георгія Конискаго на каѳедру Бѣлорусской епархіи; если бы при этомъ возникло сомнѣніе въ шляхетномъ достоинствѣ его, католики не преминули бы воспользоваться этимъ аргументомъ противъ него. Но, съ другой стороны, когда во время дарованія православнымъ русскимъ въ Польшѣ религіозныхъ и политическихъ правъ, благодаря настояніямъ Имп. Екатерины II, возникъ вопросъ о предоставленіи епископу Бѣлорусскому права засѣдать въ польскомъ сенатѣ, то Императрица въ перепискѣ своей по этому поводу съ посломъ своимъ въ Польшѣ, кн. Репнинымъ, выразилась, что въ такомъ случаѣ пришлось бы замѣнить Георгія на бѣлорусской каѳедрѣ

[1]) Соловьевъ, Ист. Р., т. XI., стр. 58.

другимъ лицомъ, такъ какъ онъ не можетъ пользоваться сенаторскимъ достоинствомъ, не будучи польскимъ шляхтичемъ [1]).

У Еремѣя Касьяновича Кониского было три сына, изъ которыхъ одинъ, Иванъ, занималъ видную должность нѣжинскаго войта. Старшій сынъ Еремѣя К—ча, Леонтій Еремѣевичъ, имѣлъ сына Григорія, который въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія былъ писаремъ Нѣжинскаго магистрата. Это былъ человѣкъ, пользовавшійся въ Нѣжинѣ большимъ значеніемъ, благодаря, быть можетъ, отчасти своимъ личнымъ качествамъ, отчасти своему значительному состоянію. О послѣднемъ свидѣтельствуетъ множество сохранившихся различнаго рода крѣпостныхъ актовъ, внесенныхъ въ книги нѣжинскаго магистрата, на покупку Григоріемъ Конискимъ большихъ и малыхъ участковъ земли. Въ самомъ городѣ Нѣжинѣ и его предмѣстьяхъ и въ селахъ: Синякахъ, Загоровкѣ, Переходовкѣ, Стодолахъ скупаетъ онъ и укрѣпляетъ за собою за долги дома, дворы, огороды, грунты, плецы, левады и проч. и, наконецъ, пріобрѣлъ отъ какой-то Анастасіи Васютинсковны Петровой Себастіановичевой за 5100 золотыхъ „доброй монеты литовской личбы" хуторъ въ селѣ Переходовкѣ съ грунтами, гаями, лѣсами, полями, сѣножатями, млинами и греблями. Кромѣ должности писаря Нѣжинскаго магистрата, которую Григорій Кониской, какъ сказано въ одномъ универсалѣ гетмана Даніила Апостола 1732 г., „несъ близко тридцати лѣтъ", онъ участвовалъ „въ переводѣ и сводѣ книгъ правныхъ", т. е. въ составленіи свода „правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ". Сыновья этого Григорія Кониского уже пошли по административной войсковой службѣ, и одинъ изъ нихъ, Матвѣй, былъ Ивангородскимъ сотникомъ, а другой, Өедоръ, Нѣжинскимъ полковымъ хорунжимъ. Этотъ же Өедоръ, послѣ изданія жалованной грамоты дворянству 1785 г., на основаніи владѣнія отцомъ его, Григоріемъ, землями съ жившими на нихъ подсусѣдками, на основаніи упомянутой грамоты короля Яна Казиміра 1659 года и универсаловъ малороссійскихъ гетмановъ, черниговскимъ дворянскимъ депутатскимъ собраніемъ былъ утвержденъ въ дворянскомъ достоинствѣ и внесенъ въ 6-ю часть родословной книги, въ 1786 г. Сынъ упомянутаго выше войта Ивана Еремѣевича, Осипъ Ивановичъ, также занималъ должность по городскому управленію именно бургомистра нѣжинскаго

---

1) Соловьевъ, Ист. Р., т. XXVII, стр. 255.

магистрата. Онъ-то и былъ, какъ предполагаютъ, отцомъ преосвященнаго Георгія Конискаго [1]).

Изъ такой среды происходилъ Георгій Конискій, родившійся 20 ноября 1717 г. и нареченный при крещеніи Григоріемъ. О дѣтскихъ годахъ его жизни нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Извѣстно только, что по 11-му году онъ былъ отданъ для ученія въ Кіевскую Академію. Чѣмъ обусловливалось это—также нѣтъ никакихъ указаній. Быть можетъ, вызвано это было замѣченными въ Георгіи уже въ раннемъ дѣтствѣ особенными способностями къ ученію, или существовавшимъ въ Малороссіи въ высшемъ классѣ общества обычаемъ младшихъ сыновей направлять въ духовное званіе: вотъ почему такъ много дворянъ среди малороссійскаго духовенства. И въ самой фамиліи Конискихъ уже раньше былъ подобный примѣръ: младшій сынъ Еремѣя Касьяновича, Иванъ [2]), былъ священникомъ въ с. Комаровкѣ; его сынъ Ѳедоръ священствовалъ тамъ же; еще встрѣчаемъ мы въ 1680 г. Іова Конискаго въ числѣ иноковъ Кіевскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря [3]). Впрочемъ ученіе въ Кіевской Академіи не предполагало заранѣе обязательно духовную карьеру: Академія была разсадникомъ просвѣщенія и для свѣтскихъ людей; изъ нея вышло немало людей, подвизавшихся на различныхъ поприщахъ дѣятельности.

Пятнадцать лѣтъ провелъ Георгій въ кіевской школѣ, изучая преподававшіяся здѣсь науки: богословіе, философію, краснорѣчіе, стихотворство, исторію и физику и языки, кромѣ латинскаго и польскаго, бывшихъ въ Академіи разговорными языками, греческій, еврейскій и нѣмецкій. Эти языки онъ изучалъ подъ руководствомъ извѣстнаго филолога того времени Симона Тодорскаго, бывшаго впослѣдствіи наставникомъ въ православной вѣрѣ императрицы Екатерины II.—По окончаніи ученія въ Академіи Георгій 11 августа 1744 г. принялъ монашество, а въ слѣдующемъ году уже былъ назначенъ учителемъ по классу поэзіи. Согласно съ обычаями того времени, Георгій, преподавая ученикамъ теорію поэзіи, давалъ имъ и образцы въ своихъ собственныхъ произведеніяхъ, изъ которыхъ особенную извѣст-

---

[1]) А. М. Лазаревскій,—Описаніе старой Малороссіи. Нѣжинскій полкъ. Стр. 62 и 509.

[2]) Въ числѣ сыновей Еремѣя К—ча это былъ второй Иванъ; Иванъ 1-й былъ Нѣжинскій войтъ, дѣдъ архіеп. Георгія.

[3]) Григоровичъ, т. I, стр. LXVIII, примѣч. 3.

ность пріобрѣла духовная драма: „Воскресеніе мертвыхъ, обще убо всѣмъ будущее, но страждущимъ неповинно въ вѣцѣ семъ блаженно, а обидящимъ гибельно; въ пяти дѣйствіяхъ, въ пользу чающимъ онаго, показанное въ Кіевской Академіи 1747 года. трудомъ іеромонаха Георгія Конискаго". Въ 1747 г. митрополитъ кіевскій Тимоѳей Щербацкій перевелъ Георгія на каѳедру философіи съ возложеніемъ на него и должности префекта Академіи, а черезъ четыре года, въ августѣ 1751 г., онъ назначенъ былъ ректоромъ Академіи и профессоромъ богословія, при чемъ въ слѣдующемъ году возведенъ въ санъ архимандрита Братскаго монастыря. Памятникомъ дѣятельности Георгія въ качествѣ профессора философіи осталась хранящаяся и доселѣ въ рукописи полная система этой науки подъ заглавіемъ: „Philosophia, juxta numerum IV facultatum quadripartita, complectens logicam, metaphysicam, physicam et ethicam, anno 1749 in Academia Kijoviensi, per dignissimum Academiae praefectum, patrem munificentissimum doctoremque ad cineres colendissimum Georgium Koniskj".

Но недолго оставался Георгій и въ должности ректора Академіи: ему предстояла болѣе широкая и болѣе плодотворная дѣятельность. Его таланты, ученая извѣстность и ревность къ православной вѣрѣ выдвинули его изъ рядовъ тогдашняго православнаго западно-русскаго духовенства, и въ сравнительно молодомъ еще возрастѣ онъ былъ призванъ къ служенію православной церкви въ высшемъ санѣ, епископскомъ. 14 октября 1754 г. скончался православный епископъ Могилевскій Іеронимъ Волчанскій, и единогласный выборъ духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ православной вѣры въ преемники ему палъ на Георгія Конискаго. При этомъ случаѣ католики и уніаты сдѣлали попытку и эту послѣднюю православную епархію въ Бѣлоруссіи отнять у православныхъ. Полоцкій уніатскій епископъ Флоріанъ Гребницкій, хлопотавшій объ этомъ, обратился къ папѣ Бенедикту XIV, и папа 27 февраля 1755 г. обратился съ грамотою къ коронному канцлеру, графу Малаховскому. Онъ писалъ между прочимъ: „ничто имени вашего и высокаго чина, который вы имѣете, достойнѣе быть не можетъ какъ то, чтобы вдовствующей послѣ схизматическаго русскаго епископа Могилевскій престолъ заступленіемъ и стараніемъ вашего благородія къ принятію католической вѣры возвращенъ и чрезъ своего Полоцкаго архіепископа управляемъ былъ... Каждому явно,

коль неправедное, коль непристойное и коль насильное Могилевскаго престола было тогда похищеніе, когда схизматическій епископъ въ началѣ сего вѣка, по трудному тогдашнихъ временъ обстоятельству, усилясь на ономъ престолѣ, оружіемъ Московскимъ подкрѣпленъ... А понеже мы увѣдомились, что послѣдній Могилевскаго престола схизматическій епископъ умеръ; потому ваше благородіе имѣете удобный случай, при которомъ ваше стараніе, вспоможеніе и ревность покажете, чтобъ новый схизматическій епископъ на Могилевскій престолъ возведенъ и поставленъ не былъ, но толь наипаче всякаго схизматическаго епископа, какъ насильника, вовсе выгнать, а оный престолъ, по прежнему короля Сигизмунда опредѣленію, подъ вѣдѣніемъ и управленіемъ Полоцкаго архіепископа да будетъ[1])". Но на этотъ разъ польское правительство признало право православныхъ русскихъ, и, не смотря на всѣ старанія уніатовъ, король Августъ III 23 мая 1755 г. даровалъ Георгію привилегію на епископію Бѣлорусскую, Мстиславскую, Оршанскую и Могилевскую со всѣми правами епископской власти и юрисдикціи и съ правомъ на владѣніе разными маетностями и угодьями[2]). Св. Синодъ съ своей стороны утвердилъ избраніе Георгія, и 20 августа 1755 г. совершено было посвященіе его въ епископскій санъ, въ Кіевѣ, митрополитомъ Тимоѳеемъ Щербацкимъ съ епископами: Іоанномъ Переяславскимъ и Иракліемъ Черниговскимъ.

Съ этого времени начинается боевой періодъ жизни Георгія Конискаго, періодъ, какъ онъ самъ выражается, „борьбы съ волками", грызшими православный русскій народъ, подвластный Польшѣ и католицизму.

II.

Всѣмъ извѣстно положеніе южно-русскаго народа и церкви подъ польскимъ владычествомъ со времени Люблинской уніи. Поляки, задавшись цѣлью слить вполнѣ юго-западную Русь съ Польшею, лишить русскій народъ его національности, встрѣтили неодолимое препятствіе этому въ вѣроисповѣдномъ различіи; они скоро убѣдились, что, пока южнорусскій народъ сохранитъ православную вѣру, ни о какомъ сліяніи съ Польшею не можетъ

---

[1]) Н. Бантышъ-Каменскій,—Исторія объ уніи, стр. 343, 344.
[2]) Ibid. стр. 346—348.

быть и рѣчи. Поэтому поляки устремили всѣ свои усилія на обращеніе русскихъ въ католичество, особенно когда нашли себѣ въ этомъ отношеніи дѣятельныхъ и опытныхъ помощниковъ въ лицѣ іезуитовъ. Но и въ этомъ отношеніи они достигли только очень незначительныхъ успѣховъ: имъ удалось окатоличить и тѣмъ самымъ ополячить только незначительную часть высшаго слоя южнорусскаго общества, на распространеніе же католичества въ массѣ народа пришлось оставить всякія надежды. Тогда, пользуясь разстроеннымъ состояніемъ самой западнорусской церковной іерархіи, происходившимъ отъ отсутствія прочной церковной власти и опредѣленнаго центра, католики изобрѣли унію западно-русской церкви съ римской; эту унію, при помощи обмановъ и насилія, имъ и удалось провести на Брестскомъ соборѣ 1596 г., которому предшествовало самозванное посольство Терлецкаго и Поцѣя въ Римъ. По плану католиковъ, унія должна была служить ступенью для перехода православныхъ въ католичество, представляла православную паперть, придѣланную къ католическому костелу.

Признавая унію оффиціально состоявшеюся, польское правительство считало себя въ правѣ оказывать ей покровительство и содѣйствіе ея распространенію, пропорціонально съ тѣмъ стѣсняя права православной вѣры и постепенно переходя къ мѣрамъ насильственнымъ для искорененія послѣдней и для обращенія православныхъ въ унію. И вотъ, съ началомъ XVII ст. открывается борьба православія съ уніей, борьба не равная. Нужно имѣть въ виду, что это было время царствованія въ Польшѣ Сигизмунда III, извѣстнаго своей фанатической преданностью католичеству и іезуитамъ. На избирательномъ сеймѣ 1632 г., послѣ смерти Сигизмунда III, депутаты, волынскіе православные дворяне, плакались: „Се мы днесь уничижены паче всѣхъ живущихъ на земли; не имамы князя, ни вождя, ни пророка... Но какая тому причина? что терзаетъ утробы наши? То, что права наши нарушены и вольность попрана, священные храмы, издавна сооруженные, иные запустѣли, иные и донынѣ запечатаны, дабы возбранить намъ въ оные входъ для поклоненья единому въ Тройцѣ Богу“ [1]). Горячимъ защитникомъ правъ православныхъ на этомъ сеймѣ явился знаменитый Петръ Могила, и сеймовымъ постановленіемъ православнымъ подтвер-

[1]) Бантышъ-Каменскій, стр. 89.

ждено было свободное исповѣданіе вѣры, совершеніе таинствъ, дозволеніе строить и починять церкви, заводить братства, богадѣльни, школы и типографіи и свободное исправленіе общественныхъ должностей. Эти права православныхъ неоднократно подтверждались въ царствованіе Владислава IV, вообще благодушно относившагося къ православнымъ русскимъ. Но на сколько мало на практикѣ для католиковъ имѣли значенія не только королевскія повелѣнія или сеймовыя конституціи, но даже и акты большей важности, видно хоть изъ того, что когда послѣ пораженій, нанесенныхъ полякамъ Хмельницкимъ и послѣ заключенія зборовскаго договора, кіевскій православный митрополитъ Сильвестръ Коссовъ прибылъ въ Варшаву, чтобы занять свое мѣсто въ польскомъ сенатѣ, онъ былъ встрѣченъ здѣсь такими оскорбленіями, что принужденъ былъ отказаться отъ своего права, предоставленнаго ему зборовскимъ трактатомъ.

Національная и религіозная борьба, начатая южно-русскимъ народомъ подъ предводительствомъ Хмельницкаго и приведшая къ возсоединенію части южной Руси съ Московскимъ государствомъ, окончилась не вполнѣ согласно съ народными желаніями. Только одна часть южной Руси освободилась отъ польскаго владычества, другая же часть, и при томъ большая, Русь юго-западная и сѣверо-западная, Бѣлоруссія, осталась подъ игомъ польскимъ и мучилась подъ этимъ игомъ еще болѣе столѣтія. Положеніе этой, оставшейся подъ властью Польши, половины Малороссіи со второй половины XVII столѣтія становится все болѣе и болѣе тяжкимъ. Начинается систематическое преслѣдованіе православныхъ съ цѣлью обращенія въ унію. Одна за другой переходятъ во власть уніатовъ епархіи, епископскія каѳедры, и съ 1712 г. въ рукахъ православныхъ осталась единственная епархія Бѣлорусская или Могилевская, на которую съ особенной силой и устремились покушенія католиковъ и уніатовъ. И здѣсь, какъ и въ другихъ частяхъ юго-западной и сѣверо-западной Россіи, враги православія стараются захватывать въ унію православныя церкви и монастыри, всѣми способами унижаютъ православное духовенство, стараясь держать его въ бѣдности и невѣжествѣ, оскорбляя православные храмы и обряды; православная вѣра третируется, какъ „хлопская“, сами православные лишены были всѣхъ политическихъ правъ, прежде всего права быть избираемыми послами въ сеймъ. Въ 1717 году сейму представленъ былъ проектъ представля-

ющій собою цинически-откровенную программу систематическаго духовнаго убійства цѣлаго народа. Проектъ этотъ обрекалъ на уничтоженіе не только православную вѣру, но и уніатскую, которая все же была русскою. Проектъ предлагалъ не допускать русскихъ дворянъ ни къ какимъ государственнымъ должностямъ, не заводить съ ними никакой дружбы, развѣ для своей выгоды; не допускать ихъ получать просвѣщеніе, и, оставляя въ невѣжествѣ, доводить до нищеты и крайняго презрѣнья; дозволять жидамъ селиться въ русскихъ городахъ, ибо жиды, по природной своей пронырливости, приберутъ въ свои руки всѣ доходы и, вытѣснивъ русскихъ изъ городовъ въ предмѣстья, вышлютъ ихъ на барщину; епископовъ назначать такихъ, которые находятся въ связяхъ съ фамиліями римскаго исповѣданія, и не допускать къ засѣданію въ сенатѣ, а поповъ оставить безъ образованія и въ невѣжествѣ, дабы они сами не могли знать начала своихъ обрядовъ и не могли научать народъ, что эти обряды происходятъ отъ св. отцовъ; лучшее средство для этого— держать ихъ въ крайней бѣдности, изнурять всякими поборами, чтобы не могли запастись схизматическими книгами, и стѣснить такъ, чтобы они не могли ни повышаться, ни думать, ни дѣлать, что пожелаютъ; тѣ и другіе должны быть подчинены ревизіи латинскихъ прелатовъ, дабы за непристойное поведеніе были публично наказываемы; сыновей поповъ не допускать до образованія и потомъ, какъ не получившихъ образованія, обращать въ крестьянство; крестьянскимъ сыновьямъ запретить учиться въ школахъ. Чтобы оправдать такой образъ дѣйствій, полезно собрать всѣ встрѣчающіяся въ схизматическихъ обрядахъ несообразности, оскорбительныя слова и дѣйствія противъ римлянъ, а если бы этого не было достаточно, разглашать хорошо обдуманные противъ нихъ вымыслы; а еще полезнѣе секретно распространять отъ имени ихъ поповъ или же самихъ владыкъ русскія сочиненія, вредныя Рѣчи Посполитой, имени польскому и католической вѣрѣ. Всѣ эти мѣры нужно начать съ тѣхъ уголковъ земли, гдѣ больше католиковъ, чѣмъ русиновъ; въ случаѣ возмущенія, если трудно будетъ предавать смерти или усмирять бунтующихъ, не должно жалѣть отдавать ихъ въ рабство татарамъ, а оставшійся край заселять народомъ польскимъ и мазовецкимъ [1]).

---

[1]) И. Чистовичъ.—Очеркъ исторіи Западно-русской церкви ч. II, стр. 52, 53.

Но въ то же время, послѣ войнъ Россіи съ Польшею при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, внутреннее разстройство и политическая слабость Польши стали все увеличиваться, Польша стала явно клониться къ паденію и начала подчиняться, даже въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, вліянію сосѣднихъ государствъ, прежде всего Россіи. Русскіе государи и пользуются этимъ вліяніемъ для огражденія правъ и облегченія участи православныхъ русскихъ, оставшихся подъ польскимъ владычествомъ, которые съ своей стороны видятъ въ русскихъ государяхъ своихъ естественныхъ заступниковъ и обращаются къ нимъ съ мольбами о помощи. Въ трактатѣ вѣчнаго мира Россіи съ Польшею 1686 г. одной изъ статей обезпечивалась православнымъ свобода вѣры и отправленія богослуженія, и русскому правительству предоставлялось право наблюденія за исполненіемъ Польшею дарованныхъ православнымъ правъ и льготъ. На этотъ договоръ и стало потомъ ссылаться русское правительство въ своихъ частыхъ обращеніяхъ къ польскому правительству по поводу жалобъ и просьбъ православныхъ въ Польшѣ. Еще болѣе усилилось русское вліяніе въ Польшѣ со времени Петра В. Союзъ Петра съ Августомъ II противъ шведскаго Карла, причемъ Петру пришлось возстановлять Августа на польскомъ престолѣ, далъ ему поводъ принять участіе въ внутреннихъ дѣлахъ Польши. Онъ не могъ приэтомъ не обратить вниманія на положеніе православныхъ русскихъ и на посягательства противъ нихъ уніатовъ. Отъ послѣднихъ пришлось даже ему лично испытать значительную непріятность, въ Полоцкомъ уніатскомъ монастырѣ въ 1705 г. [1]). Съ возстановленіемъ на польскомъ престолѣ Августа II, въ числѣ другихъ дѣлъ начинается непрерывная переписка и переговоры черезъ русскаго посла въ Польшѣ, кн. Петра Долгорукаго, съ польскимъ правительствомъ по поводу диссидентскихъ дѣлъ. Православные жаловались Петру на захватъ уніатами ихъ церквей и монастырей, на чинимыя имъ обиды, но всѣ представленія ничего не помогли: король Августъ и по характеру королевской власти въ Польшѣ, и по своему личному характеру не могъ принять какихъ либо рѣшительныхъ мѣръ въ пользу православныхъ, хотя на словахъ и на бумагѣ и обѣщалъ всяческія удовлетворенія. Съ Замостьскаго сейма 1720 г., когда унія оффиціально признана была

[1]) Соловьевъ, И. Р. т. XV стр. 155.

единственною законною церковью греческаго обряда въ Рѣчи Посполитой, и всѣ захваченныя уніатами епархіи, монастыри и церкви объявлены законно принадлежащими уніи, всѣ усилія уніатовъ устремились на единственную оставшуюся за православными епархію Бѣлорусскую. Особенно часто сталъ обращаться съ мольбами о защитѣ епископъ бѣлорусскій Сильвестръ, изъ князей Святополкъ-Четвертинскихъ, которому лично пришлось немало пострадать отъ враговъ православія. Такъ въ 1722 г. онъ жаловался въ Москвѣ, что на дорогѣ близъ Могилева на него напалъ шляхтичъ Свяцкій, имѣвшій съ нимъ споръ изъ-за назначенія священника, и ранилъ его саблей въ руку. По этому случаю Петръ не только обратился къ польскому правительству, но канцлеръ Головкинъ даже писалъ въ Римъ кардиналу Спиноли, для доклада папѣ, что притѣсненія и насилія православнымъ въ Польшѣ могутъ вызвать такія же дѣйствія со стороны русскихъ противъ католиковъ, живущихъ въ Россіи. Но ничто не помогло, и въ 1723 г. съ Сильвестромъ произошелъ новый казусъ. Онъ поѣхалъ въ Кутеинскій монастырь, но здѣсь на него напали шляхтичи, били его саблями плашмя, стрѣляли въ его свиту и, наконецъ, посадили епископа подъ стражу, откуда онъ писалъ Петру: „Тамъ бьютъ, на другомъ мѣстѣ церкви отъемлются, слугъ увѣчатъ, а самого меня въ заключеніи держатъ. Слезно прошу показать надъ бѣднымъ милосердіе и помощь, отмстить обидамъ непріятелей нашихъ, да не рекутъ языци: гдѣ есть Богъ ихъ [1])“.

При преемникахъ Петра В. не прекращались ни жалобы православныхъ на притѣсненія ихъ католиками и уніатами, ни ходатайства русскаго правительства объ измѣненіи ихъ участи. Въ 1733 г. помощью Россіи возведенъ былъ на польскій престолъ Августъ III Саксонскій, несмотря на соперничество Станислава Лещинскаго, котораго поддерживала Франція. Августъ III неоднократно давалъ обѣщанія охранять всѣ права и привилегіи православныхъ, но, будучи человѣкомъ слабымъ, не могъ противодѣйствовать религіозной и политической нетерпимости правящихъ классовъ въ Польшѣ. Въ 1739 г. бѣлорусскій епископъ Іосифъ Волчанскій жаловался св. Синоду на продолжавшееся отбираніе православныхъ церквей въ унію. По этому поводу русскій резидентъ при Варшавскомъ дворѣ, Петръ Го-

[1]) Бантышъ-Каменскій, стр. 228.

лембіовскій, писалъ канцлерамъ и примасу: „Я выразумѣть не могу, куда такія крайности клонятся. Весьма народу польскому пріятнѣйшіе жиды суть, народъ Богу и людямъ мерзкій: ибо какъ оные при волостяхъ и построенныхъ синагогахъ въ покоѣ содержатся, такъ, насупротивъ того, закону греко-россійскому Божіихъ церквей ни старыхъ починять, ниже новыхъ строить вольности не имѣется, а достальныя на унію насильно отбираются. Поступки такіе натурально никогда добраго конца имѣть не могутъ, но недоброй консеквенціи за оными слѣдовать обыкновенно [1])“.

Со вступленіемъ на престолъ имп. Елисаветы Петровны оживились надежды православныхъ въ Польшѣ въ виду извѣстной преданности государыни православной вѣрѣ и наступившаго съ ея царствованіемъ торжества русскаго начала. Дѣйствительно, переписка и переговоры по диссидентскому вопросу въ царствованіе Елисаветы Петровны пошли еще оживленнѣе, но по прежнему безъ всякихъ результатовъ для православныхъ. Синодъ донесъ императрицѣ о ходѣ этого дѣла за послѣднія 10 лѣтъ и просилъ ходатайства за угнетаемыхъ православныхъ. Императрица обратила вниманіе на представленія Синода и 16 августа 1742 г. послала своему послу въ Польшѣ Кейзерлингу и резиденту Голембіовскому рескриптъ, въ которомъ говорилось: „Всѣ оныя насильства и утѣсненія намъ толь наипаче и особливо чувствительны быть имѣютъ, понеже оныя надъ людьми одного съ нами исповѣданія и для гоненія того самаго исповѣданія чинится; слѣдовательно, все, что въ томъ происходитъ, въ тоже время и до насъ касается, и мы за оныхъ людей въ томъ стоять и сатисфакцію имъ и поправленіе исходатайствовать обязаны [2])“. 24 ноября 1743 г. императрица послала грамоту королю, требуя совершенной сатисфакціи православнымъ и возвращенія отнятыхъ въ унію монастырей и церквей съ ихъ имѣніями. Король обѣщалъ повелѣть разслѣдовать жалобы православныхъ и, если они окажутся справедливыми, удовлетворить. На его указъ объ этомъ оба канцлера, гетманы, примасъ и уніатскій митрополитъ отвѣчали, что жалобы православныхъ признаютъ неосновательными и челобитчиковъ преступниками права въ томъ, что, будучи польскими подданными, не обра-

---

[1]) Чистовичъ, II стр. 65.
[2]) Ibid., стр. 67.

щаются къ своему суду, но адресуются въ Россію. Впрочемъ, они соглашались на учрежденіе коммиссіи для изслѣдованія жалобъ.

Переговоры и переписка съ польскимъ правительствомъ по вопросу о правахъ православныхъ въ Польшѣ велись, конечно, иностранной коллегіей при посредствѣ представителей русской дипломатіи въ Польшѣ. Иностранная коллегія и ея дипломатическіе органы смотрѣли на дѣло не исключительно съ религіозной точки зрѣнія, но имѣли въ виду и цѣли политическія. Поэтому дѣятели изъ среды духовенства были не совсѣмъ довольны дѣйствіями нашей дипломатіи и считали эти дѣйствія не соотвѣтствующими горячему участію самой императрицы къ этому дѣлу, приписывая это между прочимъ и тому, что министры наши при польскомъ правительствѣ въ началѣ царствованія Елисаветы Петровны были иновѣрцы. Іеромонахъ Сильвестръ Коховскій, состоявшій при русской миссіи въ Варшавѣ еще съ 1719 г. и принимавшій тоже большое участіе въ этомъ дѣлѣ, въ донесеніи Синоду отъ 24 октября 1742 г. выражается: „господа министры только пристойнымъ образомъ обыкли стараться безъ представленія договоровъ, утвержденій и конституцій... ибо г. посолъ полномочный (Кейзерлингъ) евангеликъ, а г. резидентъ (Голембіовскій)—римской вѣры [1])". Затѣмъ между Синодомъ и иностранной коллегіей возникли даже пререканія, и Синодъ находилъ дѣйствія коллегіи недостаточно энергичными, особенно по вопросу объ учрежденіи въ Польшѣ коммиссіи для разсмотрѣнія жалобъ православныхъ. Такъ продолжало тянуться дѣло въ безплодныхъ переговорахъ, а положеніе православныхъ не только не улучшалось, но становилось еще болѣе тяжелымъ. Въ это время католики и поляки стали усиленно пользоваться еще однимъ способомъ насильственнаго обращенія православныхъ въ унію—именно посылкой миссій. Составлялись экспедиціи ксензовъ, обыкновенно въ сопровожденіи вооруженныхъ отрядовъ, отправлялись въ назначенное мѣсто и начинали дѣло пропаганды, т. е. проповѣдывали и всякими способами загоняли православныхъ въ уніатскія или католическія церкви. Мѣстныя власти оказывали этимъ миссіямъ важное содѣйствіе, прибѣгая нерѣдко и къ мѣрамъ насильственнымъ: православные заключались въ тюрьмы, подвергались страшнымъ истязаніямъ. Такъ

[1]) Ibid., стр. 70

получались картины, изображенныя Г. Конискимъ въ словѣ на день рожденія Екатерины II. „Полтора вѣка уже прошло, говорилъ Георгій, какъ Вѣра наша Греко-Россійская въ особливой ненависти и тяжкомъ гоненіи въ семъ государствѣ страждаетъ... Нынѣ кому неизвѣстно, въ какомъ жалкомъ видѣ наша благочестивая вѣра въ семъ государствѣ?.. Церкви православныя сараямъ паче и хлевникамъ скотскимъ подобны, а не храмамъ христіанскимъ: жидовскія божницы далече благолѣпнѣйшій указують видъ. Таково церквей внѣшнихъ и рукотворенныхъ состояніе, плача достойное, но еще гораздо плачевнѣйше внутреннихъ, нерукотворенныхъ, самаго, говорю, сословія правовѣрныхъ христіанъ. Отнятъ отъ нихъ свѣтъ ученія: школамъ и семинаріямъ быть не допускаютъ; а потому не только низкаго состоянія люди, но и самое дворянство въ простотѣ крайней и невѣжествѣ принуждено жить. Тому же дворянству прегражденъ входъ къ чинамъ и достоинствамъ; жалуемыхъ за службу отчинъ недостойными осуждены. Граждане изъ уряду гражданскаго исключены, податьми излишними и другими тягостями неравно обременены, за тѣмъ всѣ обще до послѣдней нищеты пришли. Дворянина отъ крестьянина трудно распознать. Утѣсняются, правда, подобными озлобленіями и единовѣрные наши, греки, въ Турецкомъ государствѣ: но тамъ агаряне, Христовы противники, а здѣсь христіане христіанъ агарянскимъ средствомъ утѣсняютъ. Тамъ побѣдитель утѣсняетъ побѣжденныхъ; а здѣсь свободные свободныхъ, и равные равныхъ, единыя матере братія братію и тогожде тѣла одни члены другихъ членовъ... Агаряне, лишивши грековъ ученія и чиновъ, въ прочемъ, особливо въ вѣрѣ, свободу даютъ; здѣсь, лишивши всѣхъ потребъ для настоящаго житія, еще и того лишить стараются, безъ чего будущую вѣчную жизнь тратить надобно. Плѣнивши тѣло и душу, и совѣсть желѣзными узами обложити хотятъ: Вѣру, сказую, Православную въ послѣдней нищетѣ и просторѣ исповѣдать не допускаютъ. А къ тому какія ужасныя и жалости достойныя употребляютъ средства, прошу послушать. Ежели православные наши люди званія крестьянскаго; то на нихъ просто, какъ хищными волками нападеніе дѣлается. Духовные, властію и силою мірской укрѣпясь, гонятъ православный народъ, какъ овецъ неимущихъ пастыря, или до костеловъ, или до уніатскихъ церквей,—гонятъ не точію изъ до-

мовъ, но изъ церквей нашихъ. Во время самаго Евангельскаго чтенія, пришедъ въ церковь нашу, прикащикъ бьетъ народъ плетью, какъ скотъ гоня изъ хлѣва, что близъ самаго Могилева въ недавнемъ времени сдѣлалось. И если поселяне или граждане слушаютъ ихъ ученія, и отъ вѣры своей отступить не хотятъ; тутъ они чинятъ ужасныя угроженія и страхованія: ставятъ висѣлицы, вкапываютъ столбы, возгнѣщаютъ костры; розги, терніе и другія мучительныя орудія представляютъ. Отлучивъ дѣтей отъ матерей, и матерей отъ дѣтей, дѣтей убо предъ очами матерей подъ розги кладутъ, а матерей предъ очами дѣтей. Тутъ вопли и рыданія, каковы, можетъ быть, токмо во время избіенія младенцевъ отъ Ирода слышаны были. И сія трагедія не токмо вѣрная, но и недавняя есть: совершалась она въ мѣстечкѣ Улѣ. И не одни только дѣлаются пострахи; приводятся оные многажды и въ самое дѣло. На моихъ глазахъ сѣчена дѣвица, вопервыхъ розгами, потомъ шиповникомъ, дабы вѣры нашей отверглась—не отверглась. Женщина полгода въ тюрьмѣ, съ младенцемъ при сосцахъ, была тѣснена, и младенца тамъ же въ тюрьмѣ, а мужа особо біеннаго и увѣченнаго лишилась, самой при томъ персты ручные жжены, чтобы вѣры нашей отверглась,—не отверглась. Другая въ мѣстечкѣ Невлѣ, закована бывши при костелѣ, въ куницу, тою же куницею удавлена была до смерти... Такъ звѣрски и мучительски съ бѣдными крестьянами мѣщанами поступаютъ! На дворянъ же понеже насиліемъ явнымъ нападать самое имя дворянское отражаетъ ихъ, для того змѣиныя хитрости употребляютъ. Дѣлаютъ разныя прицѣпки, приходятъ въ домы дворянъ, будто для поздравленія праздникомъ, со святымъ Крестомъ; либо процессіи свои дѣлая, находятъ на церкви наши, въ поселеніи дворянъ состоящія, и ими защищаемыя; при коемъ случаѣ, учиня ссору и драку, и нарочно повалясь, ломаютъ кресты свои: а сіе сдѣлавши, тотчасъ вопятъ и протестуютъ: „хула на Бога, хула на Христа! Богохульники и Христоубійцы, схизматики“! Съ тѣми крестами изломанными бѣгутъ въ суды, и успѣваютъ выходить на невинныхъ дворянъ, будто на богохульниковъ и Христоубійцъ, приговоры смертные. Вотъ сему недавной образецъ: въ Мстиславскомъ воеводствѣ, въ запрошломъ 1765 году въ мѣсяцѣ декабрѣ, до восьмидесяти человѣкъ дворянъ по такой точно клеветѣ приговорены на жесточайшую казнь, то есть, живыхъ въ четверти разрубить. Молчу о пастыряхъ бѣдныхъ,

священствѣ нашемъ. Сколь многіе изъ нихъ изгнаны изъ домовъ; сколь многіе въ тюрьмахъ, въ ямахъ глубокихъ, въ псарняхъ, вмѣстѣ со псами, заперты были, гладомъ и жаждою моримы, сѣномъ кормлены; сколь многіе биты и изувѣчены, а нѣкоторые и до смерти убиты [1])".

Таково было положеніе Бѣлорусской епархіи, когда на каѳедру ея вступилъ Георгій Конискій. Мы видѣли, что не мало приходилось „бороться съ волками" и предшественникамъ его, изъ которыхъ нѣкоторые были люди твердой воли и непреклонной преданности православію, какъ напр. Сильвестръ Четвертинскій и Іеронимъ Волчанскій. Но Георгій заключалъ въ своей личности много такихъ условій, которыя ставили его въ болѣе видное положеніе: возрастъ, въ пору полнаго цвѣтущаго развитія физическихъ и духовныхъ силъ, богатыя способности, прекрасное образованіе и несокрушимая сила воли и чисто малорусское упорство въ достиженіи своей цѣли. Вотъ какъ между прочимъ характеризуетъ Георгія Конискаго одинъ новѣйшій историкъ западно-русской церкви: „Кромѣ того, что онъ былъ еще молодъ и выносчивъ, онъ былъ довольно гибокъ и подъ часъ уклончивъ, умѣлъ найтись во всякомъ затруднительномъ положеніи и не только не потеряться въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, но еще подмѣтить и направить въ свою пользу слабыя стороны своихъ противниковъ. По складу его малороссійскаго ума, самыя серьезныя его донесенія правительству блещутъ юморомъ и остроуміемъ. Иронія и острота пробиваются у него сквозь слезы [2])".

Мы видѣли, что въ проектѣ 1717 года большое значеніе придавалось оставленію православнаго духовенства безъ образованія и въ невѣжествѣ, чтобы священники не могли поучать народъ. Дѣйствительно Георгій, при вступленіи своемъ на Бѣлорусскую каѳедру, нашелъ, по его словамъ, такихъ священниковъ, которые „ни членовъ вѣры христіанской не знали, ни силы закона Божія не разумѣли, и тако вожди суще слѣпіи слѣпцамъ". Поэтому Георгій и началъ свою дѣятельность съ заботъ объ образованіи православнаго духовенства, о приготовленіи достойныхъ священниковъ. Въ 1757 г. онъ положилъ основаніе семинаріи въ Могилевѣ, хотя, вслѣдствіе недостатка въ

[1]) Слова и рѣчи Г. Конискаго. Могилевъ. 1892. стр. 87—92.

[2]) Чистовичъ, II, стр. 107.

учителяхъ, ему пришлось ограничиться на первое время открытіемъ только низшихъ классовъ; эта семинарія получила поддержку и отъ русскаго правительства, и по указу 16 марта 1758 г. ей стали ежегодно выдавать въ пособіе 400 рублей. Положивши такимъ образомъ основаніе разсаднику образованныхъ священниковъ, Георгій позаботился и о наставленіи тѣхъ, которые уже были на лицо. Онъ устроилъ при архіерейскомъ домѣ типографію, въ которой первымъ дѣломъ напечаталъ „Катихизисъ или Сокращенное христіанское ученіе“ Θеофана Прокоповича со своими дополненіями и разъясненіями и разослалъ его по своей епархіи при окружной грамотѣ духовенству.

Затѣмъ Георгій вступаетъ въ борьбу съ волками, которые съ яростью устремляются на паству и на него самого. По сосѣдству, въ Полоцкомъ воеводствѣ, Лепельскаго уѣзда, въ мѣст. Улѣ, появляется одна изъ описанныхъ миссій съ доминиканцемъ Овлочинскимъ во главѣ. При помощи польскихъ солдатъ, они отняли у православныхъ Преображенскую церковь и стали производить надъ православными неслыханныя жестокости и насилія, загоняя ихъ силою въ католическія церкви, отбирая у православныхъ насильственно дѣтей для обращенія въ католичество, лишая православныхъ погребенія и, наконецъ, прибѣгая къ розгамъ и даже висѣлицамъ и кострамъ. Объ этомъ Конискій донесъ Синоду, и русское правительство обратилось съ нотою (4 авг. 1758 г.) къ польскому королю. Началась по обычаю переписка, не приведшая ни къ какимъ результатамъ. Между тѣмъ Георгій, не смотря на всѣ опасности, рѣшилъ объѣхать свою епархію, „дабы не показать себя не только передъ бѣдными, гонимыми паствы своей людьми, но и передъ самыми нападателями наемникомъ, видящимъ волка грядуща и бѣгающимъ“.

Въ іюлѣ 1759 г. отправился Георгій въ Оршу, гдѣ въ то время оказался и миссіонеръ Овлочинскій. Здѣсь Георгію и пришлось вытерпѣть цѣлый рядъ оскорбленій и обидъ до покушенія на самую его жизнь. При въѣздѣ Георгія изъ монастыря въ городъ толпы миссіонеровъ, шляхтичей и жолнеровъ сопровождали его насмѣшками, криками и ругательствами, запретили звонить въ колокола и разогнали вышедшія на встрѣчу епископу цеховыя процессіи. Когда Георгій совершалъ богослуженіе, католики ворвались въ церковь и произвели страшное безчиніе: въ шапкахъ, они прерывали богослуженіе, осыпали Геор-

гія ругательствами, кричали ему: „попе, хлопе, схизматику!“ и выгнали его изъ церкви, преслѣдовали до Кутеинскаго монастыря. Затѣмъ окружили и монастырь, добираясь до Георгія съ цѣлью убить его, и епископъ спасся только вывезенный изъ монастыря въ телѣгѣ, прикрытый сверху навозомъ. Снова жалобы Георгія Синоду, и снова ходатайства Елизаветы чрезъ ея посла Воейкова ни къ чему не привели; а между тѣмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше усиливались неистовства католиковъ и уніатовъ въ бѣлорусской епархіи. Дошло дѣло наконецъ до самого Могилева, резиденціи Георгія. Еще въ 1759 г. назначенъ былъ въ Могилевъ плебаномъ Михаилъ Зеновичъ, родственникъ виленскаго епископа. Опираясь на это свое родство, онъ и сталъ въ Могилевѣ гонителемъ православія и ожесточеннымъ врагомъ Георгія. Наконецъ однажды съ толпой іезуитскихъ воспитанниковъ и ихъ префектомъ Бадовскимъ онъ произвелъ нападеніе на архіерейскій домъ и православную семинарію. Разломавъ ворота, они бѣгали по двору, кричали, стрѣляли, били окна, переранили нѣсколькихъ учениковъ и монаховъ. Георгій спасся отъ этого покушенія, спрятавшись въ подвалѣ. Съ такой яростью устремились на Георгія враги православія, видя не безъ основанія и въ немъ особенно опаснаго противника для себя, который не уступитъ имъ, что бы ни пришлось ему испытать отъ нихъ. „Не всѣ мои обиды—писалъ онъ Синоду 10 сентября 1760 г.—которыя съ людьми здѣшними благочестивыми греко-россійскаго исповѣданія претерпѣваю, и не всегда вашему святѣйшеству доношу, но часто жду конца имъ, и когда уже того не вижу, тогда ваше святѣйшество утруждаю“ [1]). Зная хорошо характеръ поляковъ, Георгій понималъ, что одними ходатайствами и устными переговорами отъ нихъ ничего нельзя добиться: пока тянулись эти безконечные переговоры, мученія православныхъ все усиливались. Онъ желалъ, чтобы Россія наконецъ показала Польшѣ свою силу, и только этимъ можно было чего-нибудь добиться. Послѣ устроеннаго на его жизнь покушенія Зеновичемъ Георгій просилъ, чтобы этого Зеновича „россійскою командою взять секретно въ Россію *на спокойнѣйшее пребываніе,* какимъ однимъ случаемъ все духовенство римское далеко больше убоялось бы и воздерживалось отъ изобижденій, нежели многочисленными рескриптами коро-

[1]) Чистовичъ II, стр. 108.

левскими, якожъ они одного того боятся". На случай, если бы нельзя было этого сдѣлать, Георгій просилъ, чтобы изъ находящихся на границѣ армейскихъ полковъ хотя батальонъ какой занялъ зимнія квартиры въ Могилевѣ.—Если же и это неудобно, то повелѣно бъ было русскому послу домогаться, чтобы тотъ неспокойный плебанъ перемѣненъ былъ и замѣненъ другимъ болѣе спокойнымъ [1]). Георгій пробовалъ и самъ устрашать миссіонеровъ и посылалъ сказать имъ, чтобы они опасались когда-нибудь отъ Россійской имперіи реваншу: „но они то въ одинъ смѣхъ обращаютъ". Сильно долженъ былъ страдать Конискій отъ всего, что ему приходилось переживать, и онъ писалъ русскому правительству: „Ежели такой скорой помощи не можно подать, прошу учинить милость съ душею моею, и снявши съ меня иго сіе епископское, мнѣ неудобоносимое, повелѣть въ какомъ-нибудь монастырѣ въ Россіи жить въ чину монаховъ рядовыхъ безмолвно, дабы могъ я легшее испытаніе въ день судный улучить, нежели какое ожидаетъ здѣшняго безпомощнаго, а потому совсѣмъ недѣйствительнаго епископа" [2]). По рѣшенію конференціи, опять было поручено послу Воейкову потребовать отъ польскаго правительства гарантіи православнымъ, а также домогаться, чтобы Овлочинскій за свои поступки и дерзкія рѣчи былъ наказанъ. Литовскій канцлеръ, князь Чарторыйскій отвѣчалъ на это обычнымъ упрекомъ, что находящіеся въ польскихъ областяхъ не уніаты, въ противность правъ, обращаются съ своими обидами не къ своему, а къ чужому правительству, и обиды ихъ большею частью выдуманныя или по меньшей мѣрѣ преувеличенныя. Не получивъ удовлетворенія этимъ путемъ, иностранная коллегія поручила военной, „чтобы Овлочинскаго, когда случится быть въ близости самой границы, нарочно посланною небольшою комадною безъ разглашенія захватя, отправить немедленно прямо сюда въ тайную канцелярію" [3]). Наконецъ въ 1762 г. вступила на престолъ Императрица Екатерина II. Георгій отправился въ Москву на коронацію Императрицы и въ рѣчи, произнесенной по этому случаю, 29 сентября 1762 г., изобразилъ печальное состояніе православной вѣры въ Польшѣ и со слезами просилъ Императрицу

---

[1]) Ibid. стр. 109.
[2]) Ibid. стр. 111.
[3]) Ibid. стр. 112.

о защитѣ: „Здѣсь свѣтильникъ Вѣры, ото дней Владиміровыхъ зажженный, блистаетъ доселѣ; у насъ свѣтильникъ оный свирѣпствующіе отъ запада вихри на многихъ мѣстахъ совсѣмъ превратили. Здѣсь храмы Господни славословіемъ имени Его свободно гремятъ: у насъ храмы Божіи множайшіе отняты, прочіе опустошены и запечатаны, развѣ совъ и врановъ гнѣздящихся гласы издаютъ. Здѣсь, чѣмъ кто благочестивѣе, тѣмъ и честнѣе: у насъ благочестивымъ именоваться въ стыдъ ставятъ; за благочестіе раны, узы, темницы, домовъ разореніе, а нерѣдко и животовъ лишеніе издревле терпимъ. Однако и въ толикихъ египетскихъ озлобленіяхъ смѣемся и сквозь слезы утѣшаемся, и въ горести души торжествуемъ и въ послѣднемъ утѣсненіи. А для чего такъ? Надежда избавленія нашего веселитъ насъ; надежда не въ травѣ, какъ говорятъ, но въ самомъ уже плодѣ состоящая. Молимъ же Ваше Императорское Величество: не посрами насъ, надежда наша, въ чаяніи нашемъ! Спаси насъ десницею Твоею, и мышцею Твоею покрый насъ“! [1]).

Екатерина, своимъ геніальнымъ государственнымъ умомъ постигшая, въ чемъ заключались истинные національные интересы и задачи Россіи, повела и польскій вопросъ по прямой дорогѣ къ окончательному его рѣшенію. Она поняла и въ диссидентскомъ вопросѣ необходимость перейти отъ слова къ дѣлу, какъ объ этомъ заявлялъ и Георгій Кониской. Она оцѣнила также и личность этого неутомимаго борца за православіе, незамѣнимаго дѣятеля въ этомъ отношеніи. Въ іюнѣ 1763 г. Синодъ хотѣлъ перевести Георгія во Псковъ на мѣсто умершаго Гедеона Криновскаго; но Екатерина на представленіе объ этомъ переводѣ отвѣтила: „Георгій нуженъ въ Польшѣ“ [2]).

Въ 1764 г. Екатериной возведенъ былъ на польскій престолъ Станиславъ Понятовскій, послѣдній король польскій. Со вступленіемъ его на престолъ возбуждается снова, и съ особенной силой диссидентскій вопросъ, который на этотъ разъ, руководимый мощной рукой Екатерины, и привелъ къ великимъ событіямъ. Диссиденты, на этотъ разъ не только православные, но и протестанты, обратились къ Екатеринѣ съ просьбою о покровительствѣ и защитѣ, и императрица поручила Кейзерлингу и Репнину сдѣлать объ этомъ представленіе польскому правительству.

---

[1]) „Слова и рѣчи“, стр. 83, 84.

[2]) Григоровичъ, стр. XLII.

Въ 1765 г. Конискій долженъ былъ отправиться въ Варшаву, чтобы представиться новому королю и получить отъ него подтвердительную грамоту. Императрица снабдила его рекомендательною грамотою съ просьбой о возстановленіи правъ и привилегій православныхъ. 27 іюля Георгій представлялся королю и при этомъ произнесъ блестящую рѣчь на латинскомъ языкѣ, которая поразила самихъ поляковъ и затѣмъ была переведена на разные европейскіе языки. „Вѣра наша—говорилъ между прочимъ Георгій—единственное преступленіе, въ которомъ насъ обвиняютъ... Мы—христіане, но христіанами же утѣсняемся; вѣрные, но вѣрными озлобляемы болѣе, нежели невѣрные! Запечатаны наши церкви, въ которыхъ прославляется Христосъ; а жидовскія синагоги, гдѣ изрыгаютъ хулы на Него, открыты и неприкосновенны. За то, что мы не дерзаемъ толковать вѣчные Божіи законы согласно съ преданіями человѣческими, и, такъ сказать, не смѣшиваемъ неба съ землею,—за то, говорю, называютъ насъ схизматиками, еретиками, богоотступниками. За то, что страшимся противорѣчить съ безстыдствомъ гласу совѣсти, осуждаютъ насъ на заключеніе въ темницы, на раны, на позорную казнь и сожженіе! Впрочемъ, заключилъ свою рѣчь Георгій, сіе наше дѣло Вашему Королевскому Величеству препоручаетъ Пресвѣтлѣйшая Императрица Всероссійская, яко единственная покровительница вѣры нашей, въ Высочайшей своей грамотѣ, которую Вашему Величеству съ благоговѣніемъ подношу“ [1]). Выслушавъ рѣчь, король сказалъ Георгію: „все будетъ вамъ подтверждено, на что только имѣете прежнія права“. Потомъ спросилъ его: „много ли такихъ, какъ вы, умныхъ людей въ Россіи?—„я самый послѣдній“, отвѣчалъ смиренно святитель [2]). Затѣмъ Георгій подалъ польскому правительству меморіалъ, въ которомъ между прочимъ напомнилъ, что по трактату 1686 г. должно быть въ Польшѣ четыре православныхъ епархіи, а между тѣмъ изъ нихъ осталась только одна, и та страшно бѣдствуетъ. Уніаты, на разсмотрѣніе которыхъ былъ переданъ этотъ меморіалъ, представили свои возраженія, на которыя и Георгій долженъ былъ возражать. Дѣло затянулось надолго. Георгію пришлось долго жить внѣ своей паствы, въ качествѣ ея повѣреннаго

[1]) „Слова и рѣчи“, стр. 85, 87.
[2]) Григоровичъ, стр. XLVI.

и ходатая: онъ долженъ былъ изучать юридическіе и историческіе акты и документы, чтобы на основаніи ихъ доказывать законность своихъ требованій.

Тяжелый это былъ періодъ его жизни. Апостольскими трудами трудился онъ, какъ говорили ему въ то время православные. А въ его епархіи въ отсутствіе его враги продолжали хозяйничать, отнимая у православныхъ церкви.

Еще въ 1764 г. Екатерина вмѣстѣ съ Фридрихомъ прусскимъ ходатайствовали въ Польшѣ о правахъ диссидентовъ; но сеймъ не только не удовлетворилъ эти ходатайства, но рѣшилъ лишить диссидентовъ свободы вѣры и гражданскихъ правъ. Русскій посолъ горячо протестовалъ противъ этого. Когда же Екатерина узнала о томъ, что и ходатайство, возбужденное Конискимъ лично у короля, не привело ни къ какимъ результатамъ, а дѣло тянулось въ безплодныхъ спорахъ и переговорахъ, она приказала Репнину устроить такъ, чтобы на будущемъ сеймѣ 1766 г. дѣло о православныхъ и диссидентахъ было непремѣнно рѣшено въ ихъ пользу. Если-бы сеймъ не согласился на это требованіе, Екатерина предписывала Репнину составить изъ православныхъ и диссидентовъ конфедерацію, которая бы просила помощи у Россіи; тогда предполагалось, какъ бы уступая ея просьбамъ, послать въ Польшу русскія войска и провести дѣло силою. Это требованіе вызвало страшный взрывъ фанатизма въ Польшѣ, такъ что даже Репнинъ пытался отклонить государыню отъ ея намѣренія; но Екатерина твердо рѣшила такъ или иначе довершить то, что ея предшественники начинали и не доводили до конца.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1766 г. открылся сеймъ; 11 ноября на сеймѣ заговорили о дѣлѣ некатоликовъ; поднялся страшный шумъ; большинство пословъ въ одинъ голосъ вопили, что ни за что не допустятъ нарушить права религіи. Одинъ изъ пословъ, Гуровскій, сталъ было говорить за свободу некатоликовъ, но ему угрожали саблями. Король Станиславъ, на содѣйствіе котораго въ этомъ вопросѣ Екатерина имѣла основаніе возлагать надежды, не оправдалъ этихъ надеждъ: онъ велъ себя двоедушно, отлынивая въ вопросѣ о некатоликахъ и желая воспользоваться сеймомъ для своихъ цѣлей, въ родѣ уничтоженія liberum veto, увеличенія войска и податей. Тогда пришлось прибѣгнуть къ тому средству, которое заранѣе предвидѣла Екатерина. 20 марта 1767 г. составилась слуцкая конфедерація

православныхъ для дого, какъ говорили они, „чтобы доставить себѣ наши права и привилегіи, свободу нашей вѣры, нашей чести, нашей жизни и имущества, будучи готовы защитить все сіе самимъ дѣломъ до послѣдней капли крови нашей“ [1]). Въ этой конфедераціи принялъ участіе и Георгій Конискій. Мы можемъ представить себѣ, каково было душевное состояніе Георгія, переживавшаго въ Варшавѣ этотъ достопамятный сеймъ, какимъ нетерпѣніемъ, сомнѣніемъ и по временамъ отчаяніемъ должна была мучиться его душа. Фанатизмъ и упорство католиковъ дошли до крайняго предѣла; вліятельнѣйшія лица въ государствѣ употребляли всѣ усилія, чтобы провалить на сеймѣ вопросъ о некатоликахъ; король чѣмъ дальше, тѣмъ больше становился игрушкой разныхъ партій, переходя изъ рукъ русскаго посла въ руки Чарторыйскихъ или еще болѣе крайней католической партіи. Съ другой стороны не мало огорченій доставлялъ Георгію и представитель Россіи въ Польшѣ, князь Репнинъ. Будучи вѣрнымъ, неуклоннымъ исполнителемъ распоряженій императрицы, Репнинъ лично, душою, такъ сказать, не входилъ въ сущность цѣлей Екатерины, а тѣмъ болѣе Георгія Конискаго. У него политика и дипломатія преобладали надъ дѣломъ религіознымъ; онъ не понималъ или не хотѣлъ понять значенія православной вѣры для западно-русскаго народа, не принималъ во вниманіе его исторіи, его многовѣковой борьбы за православную вѣру, какъ символъ его народности. Въ донесеніяхъ Репнина императрицѣ мы встрѣчаемся иногда съ ходатайствами не за православныхъ, а за уніатовъ и даже католиковъ; онъ выражалъ желаніе, чтобы домогательства правъ для некатоликовъ и не-уніатовъ не нарушали преимуществъ господствующей католической религіи, чтобы не показалось, что Россія желаетъ распространенія православія; онъ выражалъ опасеніе, чтобы, даруя православнымъ больше правъ, чѣмъ имѣютъ уніаты, не побуждать уніатовъ возвращаться къ православію [2]). Георгій, конечно, не мало „докучалъ“ Репнину и письменно и устно, чѣмъ, быть можетъ, вызывалъ недовольство Репнина: въ перепискѣ Репнина съ Екатериной мы встрѣчаемъ фразу о неудобныхъ *персональныхъ* качествахъ Бѣлорусскаго епископа [3]). Напр. Георгій писалъ Репнину: „уже доку-

[1]) Бантышъ-Каменскій, стр. 388.
[2]) Костомаровъ,—Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой, т. I, стр. 112, 113.
[3]) Соловьевъ—Исторія Россіи, т. XXVII, стр. 241.

чилъ я вашему сіятельству, представляя о бѣдныхъ людяхъ, не только крестьянскаго и гражданскаго, но и шляхетскаго чина, религіи греко-русской, которые, кромѣ другихъ утѣсненій, напослѣдокъ смертными приговорами принуждены были принять римскую, либо уніатскую вѣру, дабы имъ въ нынѣшнемъ трактатѣ ясно прописана была свобода возвратиться, если похотятъ, къ прежней своей вѣрѣ... Но понеже сіе мое представленіе доселѣ мѣсто не имѣло... для того симъ послѣднимъ разомъ отваживаюсь напомянуть вашему сіятельству...—умилосердитесь, не оставьте добавить въ трактатѣ яснаго содержанія пунктъ, чтобы свободно было при религіи греко-русской остаться, если захотятъ, всѣмъ тѣмъ, которые докажутъ, что они принуждены были оставить оную сами, или въ отцахъ и дѣдахъ своихъ. Если же, паче чаянія, сіи несчастливые люди почему либо не могутъ быть участниками Высочайшей Ея Императорскаго Величества милости и премощнѣйшей Ея протекціи; въ такомъ случаѣ прошу Ваше Сіятельство дозволить мнѣ не бывать больше ни на какихъ по сему дѣлу конференціяхъ, дабы и совѣсть моя была покойнѣе, и тѣ несчастные люди, безъ помощи оставленные, на судъ Божій меня не зазывали“ [1]).

Наконецъ Репнинъ, побуждаемый императрицей, да и образомъ дѣйствій самихъ поляковъ, перешелъ къ мѣрамъ дѣйствительнымъ. Въ Польшу вступили русскія войска, и Репнинъ сталъ распоряжаться сеймомъ по своему усмотрѣнію. Наконецъ, 13 октября, главные вожаки крайней католической партіи: краковскій епископъ Каэтанъ Солтыкъ, кіевскій епископъ Іосифъ Залускій и воевода краковскій графъ Ржевускій, по приказанію Репнина, были арестованы полковникомъ Игельстромомъ и подъ конвоемъ отвезены сначала въ Вильну, а потомъ въ Калугу. Три сенатора, отъ имени короля, пріѣхали требовать у Репнина объясненія. Онъ отвѣчалъ: „Я обязанъ объяснять свои поступки только своей государынѣ. Арестованные не будутъ освобождены до тѣхъ поръ, пока не будетъ все сдѣлано, согласно волѣ императрицы“. Послѣ такихъ энергичныхъ поступковъ все пошло какъ по маслу. Назначили делегацію изъ шестидесяти пословъ, а изъ нихъ выбрали четырнадцать человѣкъ и положили рѣшить дѣло большинствомъ голосовъ. Совѣщанія происходили 19 ноября въ присутствіи русскаго посланника и

[1]) Григоровичъ. Ч. II, стр. 210—215.

министровъ Пруссіи, Англіи, Швеціи и Даніи. Поодаль сидѣлъ Кониской. Очень много разсуждать и разглагольствовать нельзя было.—„Я требую не толковъ, не объясненій—говорилъ Репнинъ—а послушанія“. Коммиссія постановила слѣдующее: всѣ диссиденты шляхетскаго происхожденія уравниваются съ католическою шляхтою во всѣхъ политическихъ правахъ; но королемъ можетъ быть только католикъ, и религія католическая остается господствующею. Бракъ между католиками и диссидентами дозволяется; изъ дѣтей, рожденныхъ отъ смѣшанныхъ браковъ, сыновья остаются въ религіи отца, дочери—въ религіи матери, если только въ брачномъ договорѣ не будетъ на этотъ счетъ особенныхъ условій. Всѣ церковныя распри между католиками и диссидентами рѣшаются смѣшаннымъ судомъ, состоящимъ на половину изъ католиковъ и на половину изъ диссидентовъ. Диссиденты могутъ строить новыя церкви и заводить школы; они имѣютъ свои консисторіи и созываютъ синоды для дѣлъ церковныхъ. На этихъ, постановленныхъ коммиссіей, условіяхъ и утвержденъ былъ, 13 февраля 1768 г., трактатъ между Россіею и Польшею съ предоставленіемъ Россіи права гарантіи ненарушимости произведенныхъ въ Польшѣ реформъ. Эта гарантія и ставила уже Польшу въ полную зависимость отъ Россіи. Въ составъ смѣшаннаго суда, назначеннаго на основаніи этого постановленія, вошелъ и Георгій. Для руководства при разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ онъ составилъ книгу: Prawa y wolnosci obywatelów Korony Polskiej y W. X. Litewskiego religii Greckiey wyznawcom służące. 1767“. Георгій понималъ, что пунктъ трактата 13 февраля 1768 г. о господствѣ католической религіи подастъ католикамъ опять поводъ къ преслѣдованію тѣхъ насильственно обращенныхъ въ католичество, которые теперь пожелали бы опять перейти въ православіе. Мы видѣли уже, какъ онъ докучалъ Репнину просьбами, чтобы это право выговорено было для православныхъ трактатомъ. Но всѣ его хлопоты не только у Репнина, но даже и у государыни не привели къ успѣху. Тогда Георгій отъ себя разослалъ по Западной Россіи приглашенія, чтобы до утвержденія трактата православные прислали ему заявленія, кто гдѣ уже присоединился къ православію или желаетъ, но не можетъ. Эта мѣра произвела могущественное дѣйствіе на всю Западную Русь, и отовсюду посыпались заявленія. Но не былъ Георгій вполнѣ доволенъ полученными резуль-

татами. Не было дано столько, сколько онъ хотѣлъ, простора для возвращенія уніатовъ и католиковъ въ православіе. Кромѣ того, извѣрившись въ дипломатіи, онъ опасался, чтобы и то, что было сдѣлано. не осталось только на бумагѣ. Сейчасъ послѣ утвержденія трактата (28 февраля), онъ писалъ графу Н. И. Панину: „не оставьте употребить полномочное ваше стараніе, дабы тѣ люди, которые до ратификаціи въ сеймѣ трактата, изъ уніи или религіи римско-католической въ греко-россійское православіе переходъ учинили, отъ нападеній и мучительствъ, подобныхъ прежнимъ, защищены были сильною рукою. Прошу также, чтобы и самый трактатъ, толиками движеніями и усиліями совершенный, не остался на одной бумагѣ". То же писалъ онъ къ архимандриту Платону, Иннокентію, епископу псковскому, оберъ-прокурору Синода И. И. Меллисино и духовнику государыни, прося содѣйствія [1]). Бывали у него минуты, когда онъ, измученный непрерывными трудами, тревогами и безпокойствами, падалъ какъ бы духомъ и хотѣлъ оставить дѣло, которому отдалъ всю свою жизнь. Въ письмѣ своемъ отъ 1-го марта 1768 г. преосвященному Гавріилу С.-Петербургскому между прочимъ онъ говоритъ: „остается много еще трудовъ и хлопотъ въ разсужденіи приведенія трактата въ дѣйствіе, особливо, что касается до взыскиванія отнятыхъ у насъ церквей и монастырей, а паче всего душъ христіанскихъ, насильно въ уніи, какъ въ плѣнѣ, держимыхъ. Потребны на то и люди исправные и деньги. Однако я о томъ въ св. Синодъ прошенія еще не посылаю, не могши доселѣ уговориться съ его сіятельствомъ княземъ-посломъ. Завременно прошу Ваше Высокопреосвященство усмотрѣть кого-либо на мое мѣсто, поелику я здѣшнихъ тягостей больше сносить не могу. И если не буду уволенъ, то непремѣнно принужденъ буду безвѣстно уходить, до чего однако мнѣ придти, не думаю, чтобы допустила милость, купно же и справедливость Вашего Высокопреосвященства" [2]). Въ тотъ же день Кочискій писалъ духовнику Екатерины: „дѣло наше—Богу благодареніе!—уже окончено на бумагѣ. Но чтобъ и въ самой вещи исполнилось, надобно еще много трудовъ и хлопотъ, для которыхъ да промыслитъ Богъ и святѣйшее Архипастырство наше человѣка способнаго и

---

[1]) Григоровичъ, ч. II, стр. 230—239.
[2]) Ibid, стр. 232, 233.

крѣпкаго. А я уже и душею и тѣломъ изнемогъ“ [1]). События, вызванныя диссидентскимъ вопросомъ, на этомъ, какъ извѣстно, не остановились. Вскорѣ послѣдовала барская конфедерація, подавленіе ея русскими войсками, происшедшая война съ Турціей, такъ прославившая царствованіе Екатерины II. Но эта война дала возможность Фридриху II осуществить свою давнюю мысль о раздѣлѣ Польскихъ земель. Занятая турецкой войной, Россія не могла воспрепятствовать осуществленію этого плана, и въ 1772 г. произошелъ 1-й раздѣлъ Польши. Россія, предоставивъ Австріи лучшую изъ попавшихъ въ раздѣлъ, и притомъ исконную русскую область—Галицію, получила самую бѣдную изъ всѣхъ земель, входившихъ въ составъ Польскаго государства—Бѣлоруссію—2200 кв. м. и около $1\frac{1}{2}$ мил. жителей. 4 присоединенныя провинціи—могилевская, оршанская, рогачевская и мстиславская—составили Бѣлорусскую епархію, въ которой велѣно было Георгію оставаться на прежнемъ положеніи. Такъ ходомъ событій, въ которыхъ Георгій принималъ такое видное и дѣятельное участіе, положено было начало разрѣшенію великаго историческаго вопроса. А для самого Георгія это было осуществленіе самыхъ завѣтныхъ его желаній и надеждъ: Бѣлоруссія, угнетенная поляками, освобождалась отъ ига и возсоединялась съ великимъ русскимъ отечествомъ. Не риторической только фразой были слова Георгія, но выражали дѣйствительно душевное состояніе его самого и всей Бѣлоруссіи, когда онъ въ благодарственной своей рѣчи Екатеринѣ въ придворной церкви въ Петербургѣ 10 марта 1773 г. говорилъ: „Мы и въ восторгъ приходимъ и недоумѣваемъ, сонъ ли се сладкій намъ, или истинное событіе, вѣльми желанное, но никогда нечаянное“ [2]).

III.

1772-мъ годомъ, по счету самого Георгія, окончился 17-лѣтній періодъ борьбы его „съ волками“, и начался періодъ „отдыха съ овцами“. Но не скоро еще успокоился этотъ безпокойный, дѣятельный духъ, весь поглощенный одной идеей—торжества православія. Уніатскій вопросъ оставался для Бѣло-

[1]) Ibid. стр. 241.
[2]) „Слова и рѣчи“, стр. 102.

руссіи жгучимъ и послѣ присоединенія ея къ Россіи. По прежнему, административные и политическіе виды и цѣли правительства не вполнѣ совпадали съ стремленіями Георгія. Послѣ присоединенія Бѣлоруссіи уніаты—и отдѣльныя лица, и цѣлыми приходами—стали проявлять желаніе переходить въ православіе; но высшее уніатское духовенство всѣми мѣрами старалось противодѣйствовать этому и, указывая на это, какъ на нарушеніе правъ и цѣльности уніатской церкви, обращалось за содѣйствіемъ къ русской администраціи. Георгій, съ своей стороны, донося Синоду, что уніатскіе священники и цѣлые приходы просятъ принять ихъ въ православіе по ихъ добровольному и издревле крывшемуся въ сердцахъ желанію, усиленно просилъ синодъ дозволить свободное присоединеніе къ православію всѣхъ желающихъ, указывая, „что самыя еврейскія общества подтверждены въ совершенной и ни въ чемъ неограниченной свободѣ въ публичномъ отправленіи ихъ вѣры“; просимъ, что если ужъ нельзя отнять у уніатовъ церквей, то позволить для возсоединившихся строить новыя. Однако Синодъ вынужденъ былъ отвѣтить, „что принятіемъ оныхъ желающихъ цѣлыми приходами или селеніями до будущаго разсмотрѣнія удержаться [1])“.

Такъ продолжалось до 1780 г., когда Екатерина, выведенная изъ терпѣнія хитростями тогдашняго полоцкаго уніатскаго архіепископа Іасона Смогоржевскаго, желавшаго остаться въ Полоцкѣ послѣ того, какъ онъ былъ избранъ въ уніатскіе митрополиты и освобожденъ отъ русскаго подданства, приказала ему выѣхать изъ Полоцка и издала рескриптъ Бѣлорусскому намѣстнику гр. Чернышеву, разрѣшавшій спрашивать въ вакантныхъ уніатскихъ приходахъ народъ, желаетъ ли онъ быть въ уніи или православіи, и въ случаѣ желанія его принять православіе, назначать туда православныхъ священниковъ. Это уже было полное торжество для Георгія. Возсоединеніе уніатовъ пошло быстро, и въ 3 года (1781—83), по свѣдѣніямъ Георгія, доставленнымъ въ Синодъ, присоединилось къ православію 112,578 человѣкъ [2]).

Послѣдніе 15 лѣтъ жизни преосвященнаго Георгія были временемъ заслуженнаго отдыха и покоя отъ тяжкихъ трудовъ

---

[1]) *Кояловичъ*, Исторія возсоединенія уніатовъ, стр. 130.
[2]) Ibid. стр. 213.

въ борьбѣ за православіе. Но этотъ покой не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ бездѣйствія. Покой этотъ только далъ Георгію досугъ для тихихъ кабинетныхъ занятій и для устройства внутренняго порядка въ своей епархіи. Георгій старается очистить православную церковь въ своей епархіи отъ нѣкоторыхъ католическихъ наслоеній, явившихся въ ней въ періодъ господства католицизма и уніи. Такъ въ 1783 г. онъ разсылаетъ духовенству своей епархіи увѣщательную грамоту, запрещавшую, подъ страхомъ изверженія отъ священства, обливательное крещеніе. Въ другой подобной же грамотѣ 1789 г. онъ предостерегаетъ духовенство отъ неправильнаго и небрежнаго исполненія таинства исповѣди. Въ руководство своему духовенству Георгій издалъ книжку: „О должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ". Недостатки общества Георгій обличалъ съ каѳедры церковной, и его проповѣди дышали особенной жизненностью. „Для сбереженія христіанъ отъ заразы" антирелигіозной, которая такъ широко распространилась въ XVIII в., Георгіемъ написанъ отвѣтъ на „письмо г. Вольтера къ учителямъ церкви и богословамъ". Въ этотъ же періодъ Георгій получилъ возможность дать окончательное устройство семинаріи, основанной имъ еще въ 1757 г. Въ маѣ 1780 г. Императрица Екатерина посѣтила Могилевъ вмѣстѣ съ императоромъ Іосифомъ II. Они вмѣстѣ принимали участіе въ закладкѣ церкви во имя св. Іосифа Обручника. Императрица при этомъ пожаловала Георгію значительную денежную сумму, которою онъ и воспользовался для устройства новаго зданія для семинаріи. Въ 1785 г. зданіе было окончено, и Георгій открылъ полную семинарію, вызвавъ для преподаванія нѣсколькихъ студентовъ изъ Кіевской Академіи. На содержаніе семинаріи стало отпускаться изъ казны 2500 р. въ годъ, вмѣсто прежнихъ 400 р.

Наконецъ за всѣ понесенные труды и непогоду, по именному указу Государыни, 23 сентября 1783 г., Георгій былъ возведенъ въ санъ архіепископа и члена св. Сѵнода.

Въ 1787 г. произошло послѣднее свиданіе Георгія съ великой императрицей, такъ его понимавшей и цѣнившей. Во время своего извѣстнаго путешествія на югъ Россіи Екатерина проѣзжала чрезъ Мстиславль. Здѣсь 19 января 1787 г. встрѣтилъ ее Георгій и привѣтствовалъ своей знаменитой рѣчью, представляющею одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ образцовъ ораторскаго искусства. Императрица обласкала Георгія и пожало-

вала ему 1000 руб., а также 1000 руб. на соборъ и архіерейскій домъ и 300 руб. на Мстиславскій монастырь. Вскорѣ послѣ этого, удрученный годами, недугами, слѣдствіемъ многотрудной и полной тревогъ жизни, Георгій сталъ заблаговременно готовиться къ смерти; онъ написалъ духовное завѣщаніе, составилъ самъ себѣ вышеприведенную эпитафію, которая потомъ и была помѣщена надъ его гробницей, и оставилъ трогательное письмо къ своему предполагаемому преемнику, поручая его милости своихъ родственниковъ и служителей: „Не могу именовать особу вашу, писалъ онъ, яко зависящую отъ избранія Божія. Но самый союзъ, который сближаетъ дѣлателей единаго винограда и преемника съ предшественникомъ тѣсно связуетъ и въ свое время купно поставитъ предъ Господиномъ винограда, увѣряетъ меня, что Ваше Преосвященство не отринете и перваго и послѣдняго прошенія предшественника вашего. И въ семъ на васъ, яко на пастыря, Богомъ даннаго и по жребію общія службы близкаго мнѣ союзника и клеврета, совершенно надѣясь, кончу вмѣстѣ и прошеніе мое и животъ [1])“.

Но еще 7 лѣтъ послѣ этихъ приготовленій прожилъ Георгій, не оставляя трудовъ по управленію своей паствой и наставленію ея своимъ краснорѣчивымъ словомъ.

13-го февраля 1795 г., во вторникъ 1-й седмицы великаго поста, въ 11 часу утра почилъ преосвященный Георгій и погребенъ былъ въ Спасской церкви г. Могилева. Въ городѣ и краѣ, гдѣ Георгій провелъ болѣе половины своей жизни, 40 лѣтъ, гдѣ онъ такъ много и съ такою пользою потрудился, народъ и доселѣ свято чтитъ память своего великаго святителя. Въ нашей же исторіи имя Георгія Кониского навсегда остается тѣсно связаннымъ съ одной изъ самыхъ важныхъ ея эпохъ, въ событіяхъ которой онъ принималъ такое видное и дѣятельное участіе.

---

[1]) Григоровичъ, стр. LXIII, LXIV.

Приложенія[1]).

1.

Грамота короля Яна Казимира Еремѣю Касьяновичу Кониском у. (1659 г.).

Янъ Казимѣръ, Божіею милостію, король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, мазовецкій, жмудскій, инфляндскій, чернѣговскій а шьведскій, готскій, вандальскій дѣдизній король.

Ознаймуемъ тымъ прывилеемъ нашимъ кому о томъ вѣдати надлежитъ ижъ наши желанія и хотѣнія до того всячески и справляемъ намѣренія, чтобы якъ наискорѣй такъ тяжкими чрезъ лѣтъ килко знищенніе украинскіе краи войнами до желаемой исправить могли свободы и частыми провреждениыхъ непріятеля нападками обывателей и мѣсто отъ крайняго охранили раззоренія, того для на суплѣку намъ поданную, уважая знищеніе мѣста нашего Нѣжина, а особливый респектъ имѣя на заслуги и отваги шляхетного Іеремѣя Касьяновича Кониского, обывателя мѣста помянутаго Нѣжина, его зо всякими добрами, гдѣ же суть, въ мѣстѣ и на предмѣстьѣ будучими, отъ всякихъ приватныхъ, замковыхъ и мѣскихъ окладовъ и подачокъ въ чемъ нибудь, а на що колвекъ постановленныхъ, на потомніе времена уволняемъ; такоже чинимъ его волнимъ отъ всѣхъ жолнерскихъ тяжестій, повелѣвая всѣмъ въ силѣ артикуловъ воинскихъ нынѣшнимъ листомъ нашимъ, чтобы никто помянутого Іеремѣя Касьяновича Кониского добръ никакими податями и тяжестію вышеименованною обиждать не дерзалъ, что для вѣ-

[1]) Документы эти, въ официіальныхъ копіяхъ прошлаго столѣтія, получены нами отъ одного изъ прямыхъ потомковъ Григорія Леонтьевича Кониского.

дома всѣмъ, кому о томъ вѣдати надлежить, а паче подстаростамъ и державьцамъ провіянтовъ замковыхъ, яко и окладовъ мѣскихъ ексакторамъ нынѣ и предъбудучимъ обяцяя повелѣваемъ, чтобы помянутый Кониской самъ и зъ добрами своими объ томъ всѣми при той вольности отъ насъ данной въ цѣлости и ненарушимо содержанъ былъ для ласки нашей и подъ карою въ правѣ на преступниковъ росказаннаго нижеописаннаго, и въ томъ для лѣпшей вѣры рукою подписались и печать коронную приложить повелѣли въ Варшавѣ, дня 10, мѣсяца септеврія 1659, панованія нашего польскаго а шведскаго 12 року. Янъ Казимѣръ король.

2.

Универсалъ гетмана Даніила Апостола Григорію Леонтьевичу Конискому (1732 г.).

Ея Императорскаго Величества войска Запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ и кавалеръ ордена Святаго Александра Невскаго Даніилъ Апостолъ.

Пану полковникове Нѣжинскому зъ старшиною полковою и кому колвекъ о томъ вѣдати надлежатыметь, ознаймуемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ, ижъ писаръ магистрату Нѣжинскаго панъ Григорій Кониской при поданной своей суплѣцѣ презентовалъ намъ привилей Его Королевскаго Величества польскаго покойнаго Яна Казимѣра дѣду его, пана Кониского, Іеремѣю Касьяновичу Конискому, обывателевѣ Нѣжинскому, за отваги и заслуги его, въ 1659 году мѣсяца септеврія въ 10 день на увольненіе добръ его отъ постоевъ и отъ всякихъ податей и повинностей данный, также и универсалы антецессоровъ нашихъ: 1, измѣнника Мазепы—дѣду его, пана Григорія Кониского, Ивану, войту на тотъ часъ будучому нѣжинскому, да брату его родному Леонтію Еремовичамъ, на млинъ съ отбираніемъ съ него части господарской, гай, купленніе и волно занятіе, поля пахотніе, тавожъ и на подсусѣдковъ, которіе при млину и на властныхъ ихъ грунтахъ въ селѣ Загоровцѣ живутъ, уволняючій оныхъ отъ тягости сельской—1692 году апрѣля 25 дня. 2. Гетмана Скоропадскаго на вышеписанные млинъ, гай, поля пахотніе и волне занятые и подсусѣдки въ подтвержденіе помянутымъ Ивану и Леонтію Еремовичамъ—1709 году апрѣля 25.

3. Покойнаго полковника Нѣжинскаго Лукьяна Жураковскаго ему, пану писарю, на грунта около Переходовки и Стодолъ будучіе по купчей записи, отъ госпожи Анастасіи Васютинсковны Петровой Себестіяновичевой данной, а именно на млинъ на рѣцѣ Смолянцѣ съ каменными заставками и ступками, гай, лѣса, поля, сѣножати и футоръ зъ гайкомъ въ селѣ Переходовцѣ будучимъ, и чтобъ подсусѣдковъ его край млина и въ футорѣ и въ прочихъ грунтахъ живучихъ до жадныхъ не потягати повинностей, особливо же дабы греблю, прогонъ и Молохву и Рудки казаки и посполитые переходовскіе и стодольскіе шарваркомъ гатили—1718 году февраля 20. 4. Нынѣшняго полковника Нѣжинскаго, пана Ивана Хрущова, такожъ на всѣ вышеписанные грунта съ ихъ угодьями въ безпрепятственное владѣніе помянутому пану Григорію Конискому, писареви магистратовому нѣжинскому, минувшаго 1729 году декабря 23 въ подтвержденіе данный. На что просилъ онъ, панъ Кониской и нашой гетманской унѣверсальной конфермаціи. Мы пре то, гетманъ и кавалеръ, по силѣ Высокомонаршей Императорскаго Величвства за собственною Ея Величества рукою въ подтвержденіе уряду нашего гетманскаго Всемилостивѣйше жалованной грамоты, имѣючи власть всякіе воинскіе и гражданскіе въ Малой России устроевать порядки, стасуючися же до прежде данныхъ унѣверсаловъ и респектуючи на его, пана Конискаго, службу, въ которой четвертый уже годъ, переводя и сводя польскія правни книги на русскій діалектъ съ другими особами, къ тому жъ дѣлу опредѣленными, для общенародной всей Малороссіи въ судовыхъ расправахъ нужды, и со всякимъ прилежаніемъ и пилностію трудится, велѣли сей нашъ зъ войсковой енералной канцеляріи выдать унѣверсалъ, чрезъ который мѣти хочемъ и рейментарско приказуемъ, абы панъ полковникъ Нѣжинскій зъ старшиною полковою и никто иный, а особливо съ обывателей загоровскихъ, переходовскихъ и стодольскихъ во владѣніи всѣхъ вышеписанныхъ грунтовъ, млиновъ, гаіовъ, лѣсовъ, полей пахотныхъ и въ отбираніи зъ нихъ надлежащихъ користій жадной и наименьшей неважился чинити трудности, препятствія и перешкоды, особливо же дабы подсусѣдковъ его, пана Конискаго, при млинѣ, футорѣ и другихъ грунтахъ живучихъ, до своихъ партикулярныхъ не потягали работъ и повинностей. Данъ въ Глуховѣ. Іюля 17, 1732 г. Звышеименованный гетманъ и кавалеръ рукою власною.

3.

Универсалъ того-же гетмана тому-же Григорію Конискому (1732 г.).

(По титулѣ). Пану полковниковѣ Нѣжинскому зъ старшиною полковою, а особливе коммиссарамъ полковымъ тамошнимъ и всѣмъ, кому бъ о томъ вѣдать надлежало, объявляемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ, ижъ магистрату Нѣжинскаго писарь Григорій Конискій чрезъ поданную намъ свою суплѣку жалостно доносилъ, что служитъ онъ на урядѣ писарства магистратоваго нѣжинскаго близко тридцати лѣтъ и отправлялъ дѣла не только званію своему подлежащія, но сверхъ тихъ и въ прочихъ государственныхъ и войсковыхъ, якожъ нынѣ въ дѣлѣ Ея Императорскаго Величества въ переводѣ и сводѣ книгъ правныхъ четвертый годъ уже труждается, а нѣкоторая старшина полковая, не распектуя на ти его службы, мимо дворы мѣщанскіе, по нѣякойсь злобѣ домъ его постояльцамъ въ квартиры отводятъ, отъ чего онъ немалую узналъ обиду и разореніе и просилъ нашего въ томъ обороннаго унѣверсалу. Мы пре то, гетманъ и кавалеръ, Высокомонаршій Императорскаго Величества указъ до антецессора нашего, бывшаго гетмана покойнаго Скоропадскаго присланный, охраняючій старшинскіе и заслуженныхъ казаковъ отъ постоевъ домы, приводячи во исполненіе, респектуючи же навитъ показанныя его, пана Григорія Конискаго, службы, также на службы сыновъ его, пановъ Димитрія и Матѳея Конискихъ, при боку нашемъ въ войсковой генеральной канцеляріи, уставичне велѣли зъ войсковой генеральной канцеляріи выдать сей нашъ унѣверсалъ, за чимъ абы панъ полковникъ нѣжинскій, старшина, а особливе комисаре полковые тамошніе помянутаго пана Григорія Конискаго дому въ квартеру постояльцамъ отводить не важились пильно грозимъ и реиментарско упоминаемъ. Данъ въ Глуховѣ. 1732 году, ноября 11.

4.

«Сальвогвардія» фельдмаршала Миниха тому же Григорію Конискому (1736 г.).

Войскъ Ея Императорскаго Величества Господамъ генералитету, штабъ и оберъ-офицерамъ и прочимъ всякаго чина лю-

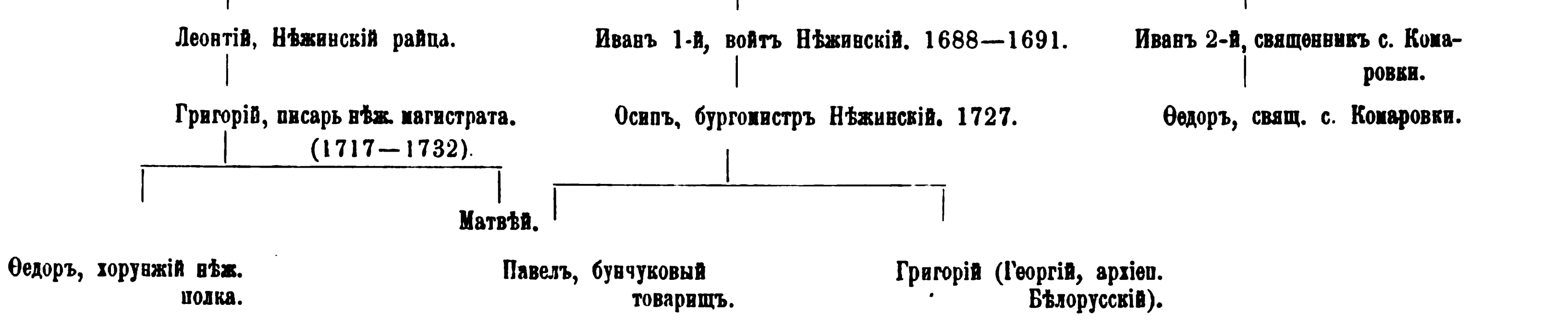
демъ чрезъ сіе повелѣвается въ имѣющемся въ городе Нежине малороссійскаго войскового канцеляриста Димитрія Кониского отца его, нѣжинскаго магистрату писаря дому, безъ крайней нужды, постоя никому не имѣть и никакихъ обидъ и разореній отнюдь не чинить и живущихъ въ томъ домѣ и зо всего онаго невыгонять и неутѣснять, подъ опасеніемъ за оное военнаго суда, чего для воувѣреніе данъ сей листъ сальвогвардій при подписаніи и съ приложеніемъ обыкновенной моей печати, въ мѣстечкѣ Васильковѣ, октября 9 дня 1736 году. Ея Императорскаго Величества генералъ-фелдмаршалъ, государственной военной коллегіи президентъ, при кадецкомъ корпусѣ аншефъ, надъ фортификаціями Всероссійской имперіи и надъ ландмилицкимъ украинскимъ корпусомъ генералъ-директоръ, кирасирскаго и пѣхотнаго полковъ полковникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, графъ фонъ Минихъ.

5.

«Сальвогвардія» ему же отъ фельдмаршала Ласси.

По указу Ея Импер. Величества Самодержицы Всероссійской и пр. и пр. и пр. Чрезъ сіе объявляю войскъ Ея И. Величества всероссійскаго всякаго чина и достоинства людемъ, оказателя сего, нѣжинскаго магистрату писаря Григорія Кониского въ имѣющемся его и двухъ сыновъ его домѣ Ея И. Величества службы, окромѣ Господъ генералитета, постоя отнюдь не имѣть и тѣмъ не утѣснять и сколько крайне возможно отъ обидъ и отягощенія защищать, и кому сіе объявлено быть имѣетъ, исполнять неотмѣнно, чего во вящшее увѣреніе данъ сей оному Конискому и дѣтямъ его сальвогвардій листъ при подписаніи руки и съ приложеніемъ обыкновенной печати моей, въ лагерѣ при рѣчкѣ Гапчукѣ, сентября 6 дня 1740 году. Ея И. Величества Всемилостивѣйшей Государыни Генералъ-фельдмаршалъ, надъ Лифляндіею губернаторъ и разныхъ орденовъ кавалеръ Петръ Лессій.

РОДОСЛОВІЕ КОНИСКИХЪ.

А. С. ГРИБОѢДОВЪ.

(1795—1895).

РѢЧЬ,

произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ по случаю исполнившагося столѣтія со дня рожденія А. С. Грибоѣдова.

Д. чл. Е. В. Пѣтухова.

Мм. Гг!

Въ исполненіе возложеннаго на меня почетнаго порученія Историко-филологическаго Общества говорить сегодня объ А. С. Грибоѣдовѣ, я рѣшаюсь остановить Ваше вниманіе на такомъ вопросѣ касательно автора „Горя отъ ума“, который въ одинаковой мѣрѣ долженъ интересовать и его біографа, и критика его сочиненій. Непродолжительная, такъ трагически окончившаяся жизнь Грибоѣдова не была богата внѣшними фактами, сколько позволяютъ судить объ этомъ имѣющіяся данныя, и интересъ наблюдателя этой исключительной, глубоко одаренной и несчастной личности неудержимо переносится къ исторіи ея внутренней жизни, ея умственнаго развитія и душевнаго настроенія, гдѣ, какъ оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи, можно найти не менѣе, если еще не болѣе трагизма, чѣмъ въ преждевременной и жестокой смерти поэта, передъ которымъ только что открылась литературная слава, семейное счастіе и выгоды блестящаго общественнаго положенія.

А. С. Грибоѣдовъ родился 5 янв. 1795 года, въ родовитой дворянской семьѣ, въ Москвѣ. „Домъ, въ которомъ жилъ Грибоѣдовъ—говоритъ одинъ изъ біографовъ поэта—и который сохранился почти до сихъ поръ въ томъ видѣ, въ какомъ былъ

при нихъ, находится въ той части Москвы, которая и теперь не совсѣмъ утратила характеръ барскаго квартала, и своими старинными фасадами, фронтонами и львами на воротахъ, домами-особняками, назначенными для одного лишь семейства и окруженными многочисленными службами, напоминаетъ о прежнемъ бытѣ богатаго помѣщика. Въ этомъ московскомъ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ въ старину сложились особые нравы и порядки; въ то время какъ въ другихъ частяхъ города лишь изрѣдка виднѣлись дворцы магнатовъ, высившіеся изъ нестройныхъ группъ мѣщанскихъ построекъ, здѣсь селились одни „столбовые", составляя замкнутый мірокъ, связанный узами родства, свойства, дружбы и сплетенъ. Себя только и свою жизнь эти люди считали *свѣтомъ*; у нихъ были свои мудрецы, законодатели и законодательницы свѣтскихъ приличій, свои esprits forts. Родовыя и общественныя традиціи свято наблюдались, и самостоятельная жизнь гасла и замирала въ этомъ заколдованномъ кругу" [1]). Въ этой обстановкѣ пробылъ Гр. свои дѣтскіе и отроческіе годы. Наиболѣе вліятельнымъ лицомъ въ семьѣ Грибоѣдовыхъ была мать поэта, Настасья Ѳедоровна, которая, при всей любви къ сыну и именно въ силу этой любви, не хотѣла предоставить ему свободы ни самостоятельнаго развитія, ни выбора среды будущей его дѣятельности, направляя все сама по тому плану, который помогли ей выработать ея барскія понятія. Отецъ, по свойствамъ своего характера, игралъ въ своемъ домѣ незначительную роль, но за то Настасья Ѳедоровна нашла себѣ ревностнаго и вполнѣ единодушнаго помощника въ своемъ братѣ Алексѣѣ Ѳедоровичѣ Грибоѣдовѣ (изъ другой вѣтви того же рода), который былъ весьма замѣтнымъ лицомъ въ тогдашнемъ московскомъ свѣтскомъ обществѣ и взялъ на себя обязанность ввести своего племянника въ тотъ кругъ, который считалъ для него единственно приличнымъ и необходимымъ для его будущей карьеры. Впослѣдствіи Гр. вспоминалъ объ этомъ руководителѣ своей юности не безъ горечи и сарказма, причисляя его къ тѣмъ людямъ, у которыхъ „была въ душѣ безчестность и лживость на языкѣ"; „онъ какъ левъ дрался съ турками при Суворовѣ, потомъ пресмыкался въ переднихъ всѣхъ случайныхъ людей въ Петербургѣ, въ отставкѣ жилъ сплетнями.

[1]) *Алексѣй Веселовскій*. Этюды и характеристики. М. 1894, стр. 495—496.

Образецъ его нравоученій: я, братъ [1])"! Живая, даровитая, воспріимчивая и съ задатками протеста натура Гр.—юноши питалась въ этой средѣ такой духовной пищей и набиралась такихъ наблюденій и впечатлѣній, которыя впослѣдствіи блистательно выразились въ глубоко-сатирической идеѣ „Горя отъ ума", составивши самый живой нервъ этой комедіи. Дядя Алексѣй Өедоровичъ нашелъ въ ней мѣсто въ лицѣ Фамусова.

Воспитаніе въ болѣе тѣсномъ смыслѣ и обученіе мальчика поручено было иностранцамъ: сначала ученому, но педантическому Петрозиліусу, а затѣмъ Богдану Ивановичу Іону, также весьма ученому человѣку—доктору правъ, знатоку классиковъ—который съ ученостію соединялъ добродушный характеръ, съумѣлъ привязать къ себѣ своего воспитанника и сдѣлался для него не только наставникомъ, но и близкимъ другомъ. Вмѣстѣ съ прохожденіемъ первоначальныхъ основъ научнаго образованія, имѣвшаго цѣлію подготовить юношу для поступленія въ университетъ, у Гр. шли весьма основательныя музыкальныя занятія, которыя впослѣдствіи сдѣлали изъ него далеко недюжиннаго піаниста и даже теоретика, въ музыкальномъ общеніи съ которымъ находилъ удовольствіе даже такой строгій цѣнитель какъ М. И. Глинка. Эти музыкальныя занятія раздѣляла съ Гр. его сестра Марья Сергѣевна, которая сочувствовала брату и во многомъ другомъ, кромѣ музыки, и съ которой дѣлился онъ своими по большей части отрицательными и сатирическими впечатлѣніями отъ окружавшей ихъ жизни. Есть извѣстіе, что она принимала участіе въ выборѣ Гр. живыхъ оригиналовъ нѣкоторыхъ лицъ будущей комедіи (II. 525).

Замѣтивши богатыя способности сына, Настасья Өедоровна Грибоѣдова строила самые блестящіе планы относительно его карьеры, имѣя въ виду главн. обр. дипломатическое поприще. Чтобы окончательно расчистить ему въ этомъ отношеніи дорогу, мать отдала сына [2]) въ Московскій университетъ на „этико-политическое отдѣленіе. На лекціи его неизмѣнно сопровождалъ

---

[1]) Сочиненія А. С. Грибоѣдова, подъ ред. *А. И. Шляпкина*. Спб. 1889, т. I, стр. 153—154.—Дальнѣйшія ссылки сдѣланы по этому же изданію.

[2]) Въ которомъ году—точно неизвѣстно. *Г. Шляпкинъ* полагаетъ, что въ 1810 или 1811 (I, стр. VII), но у *Шевырева* читаемъ: „въ кандидатахъ 1808 года встрѣчаемъ славнаго нашего комика Александра Грибоѣдова (Исторія Импер. Московскаго университета. М. 1855, стр. 399); ср. объ этомъ письмо въ редакцію „Русскихъ Вѣдомостей" г. *В. Бабыкина* 1895, № 25.

Іонъ, удерживая авторитетъ домашняго гувернера и оберегая своего воспитанника отъ соблазновъ. При такой тщательной охранѣ молодого человѣка отъ нежелательныхъ внѣшнихъ вліяній и случайныхъ знакомствъ и связей, Гр. очень трудно было тѣсно сблизиться съ кѣмъ-либо изъ своихъ университетскихъ товарищей; по крайней мѣрѣ мы не знаемъ въ этомъ отношеніи ни одного примѣра, но изъ профессоровъ особенное вниманіе Гр-ва привлекъ весьма извѣстный въ то время Іоганнъ Теофилъ Буле, читавшій исторію и эстетику, прекрасный знатокъ и издатель сочиненій Аристотеля, знатокъ и страстный любитель философіи, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ тогдашняго Московскаго университета, не только продолжавшій въ Москвѣ свои научныя занятія, начатыя на родинѣ въ Германіи, но и благодаря своей живой отзывчивости и широкой ученой любознательности—глубоко заинтересовавшійся вопросами русской исторіи и археологіи. Гр. пользовался университетскими и еще болѣе домашними курсами и бесѣдами Буле. Между ревностнымъ и ученымъ профессоромъ и даровитымъ и жаждавшимъ знаній студентомъ произошло сближеніе, изъ котораго Гр. вынесъ для себя чрезвычайно много пользы. Серьезныя научныя занятія съ Буле несомнѣнно играли въ умственномъ развитіи Гр. чрезвычайно важную роль, расширяя передъ нимъ разносторонній горизонтъ полезныхъ свѣдѣній, возбуждая научную любознательность и охоту къ самостоятельной работѣ въ области науки. Ученыя бесѣды Буле со своимъ любознательнымъ ученикомъ падали на весьма благодарную почву, подготовленную не только природными данными ученика, но и стараніями добраго и образованнаго Іона. Позднѣе Гр. возростилъ эти плодотворныя сѣмена, брошенныя на его воспріимчивый умъ и душу двумя нѣмцами, путемъ постояннаго самообразованія, чтеніемъ серьезныхъ и научныхъ книгъ; и можно безъ преувеличенія сказать, что если бы обстоятельства жизни Гр. сложились для него менѣе насильственно и ему была бы предоставлена возможность предаться занятію наукой, то изъ него выработалась бы замѣчательная научная сила. Въ его собственно литературной дѣятельности эти чисто научныя занятія сыграли не малую роль, т. к. пріобрѣтенная имъ солидная образованность, содѣйствуя разностороннему развитію его ума, помогла ему скорѣе и глубже распознаться въ современной дѣйствительности, опредѣлить свои отношенія къ окружав-

шей его средѣ и выработать независимый взглядъ на разнообразныя теченія тогдашней русской общественной мысли. Есть даже мнѣніе, не лишенное вѣроятности [1]), что Буле могъ имѣть нѣкоторое вліяніе на Грибоѣдова въ выборѣ послѣднимъ преимущественно драматическаго рода въ своей литературной дѣятельности. Буле былъ поклонникомъ комедіи, рано познакомилъ своего ученика съ римскими писателями-комиками, съ Аристотелемъ и, вѣроятно, простыя и здравыя мнѣнія послѣдняго о драмѣ, воспринятыя Гр. изъ вполнѣ авторитетнаго источника, были оцѣнены имъ по достоинству—въ противовѣсъ неотжившимъ еще въ ту пору (въ 10-хъ и 20-хъ годахъ нын. столѣтія) ложноклассическимъ литературнымъ понятіямъ и вкусамъ и пріобрѣтшей уже большой авторитетъ и силу въ литературѣ романтической мечтательности, неясности и неопредѣленности.

Въ университетѣ Гр. оставался недолго, вышедши изъ него въ 1812 году со степенью кандидата. Онъ оказался въ числѣ тѣхъ молодыхъ русскихъ людей, которыхъ охватила волна патріотическаго воодушевленія въ отечественную войну и которые, бросивъ мирныя занятія или шумныя развлеченія свѣтской жизни, взялись за оружіе. Гр. вступилъ въ полкъ, набиравшійся гр. Салтыковымъ, но смерть послѣдняго была причиною того, что полкъ былъ распущенъ прежде своего сформированія, и Гр. не пришлось побывать на полѣ военныхъ дѣйствій. Однако это обстоятельство имѣло на судьбу Гр. то вліяніе, что побудило его поступить въ военную службу,—и вотъ въ концѣ 1812 года Гр. оказывается въ Иркутскомъ гусарскомъ полку, стоявшемъ первоначально въ Могилевѣ, потомъ въ Слонимѣ и наконецъ въ Брестѣ, подъ начальствомъ весьма гуманнаго и просвѣщеннаго генерала А. С. Кологривова.

Это былъ первый самостоятельный жизненный шагъ нашего поэта. Съ перваго взгляда можетъ показаться удивительнымъ и непонятнымъ, что могло заставить талантливаго, образованнаго и умнаго юношу оставить столицу, домашній кровъ и ученыхъ друзей и засѣсть въ провинціальную глушь, въ товариществѣ такихъ служакъ, для которыхъ главнымъ интересомъ въ жизни былъ разгулъ и карты, и съ которыми Гр. не могъ дѣлиться богатыми—запасами своего научнаго и художественнаго образованія. Но если принять въ расчетъ тотъ семейный гнетъ, ко-

[1]) *Веселовскій*, цит. соч., стр. 501.

торый приходилось Гр. постоянно чувствовать въ родной обстановкѣ—гнетъ на мнѣнія, чувства и склонности—то такой шагъ можно напротивъ найти весьма естественнымъ. Восемнадцатилѣтній Гр. переживалъ въ это время весьма важную эпоху своего развитія. Его умъ вошелъ въ сознательное соприкосновеніе съ сокровищами науки въ хорошемъ ея источникѣ, уже достаточно понималъ лживость и односторонность окружавшей его среды и увлекалъ его въ противоположную сторону благородной, независимой и общеполезной дѣятельности; не засоренное условными требованіями чувство его возмущалось взглядами, понятіями и жизнію того самаго круга, къ которому привязывали его рожденіе и всегда высоко и нѣжно понимаемыя имъ обязанности сына. Въ его душѣ народился и вызрѣвалъ непримиримый протестъ противъ такой дѣйствительности и, не будучи способнымъ къ сдѣлкѣ, Гр. не могъ не чувствовать трагизма своего положенія. Полный энергіи, нравственной силы и благородныхъ стремленій, онъ не могъ не желать вырваться изъ этого заколдованнаго круга и выйти на свѣжій воздухъ, хотя бы при этомъ приходилось ему пожертвовать и кое-какими изъ такихъ условій московской жизни, которыя ему были по душѣ.

На первыхъ порахъ въ этой новой обстановкѣ Гр. предается безграничному веселью и весьма неумѣренно празднуетъ свое первое соприкосновеніе съ свободой. Выходокъ въ родѣ тѣхъ извѣстныхъ, о которыхъ разсказываетъ С. Н. Бѣгичевъ (I стр. VIII), было вѣроятно, немало, но объ этомъ періодѣ жизни Гр. мы имѣемъ весьма скудныя свѣдѣнія. Впрочемъ, и тутъ Гр. отыскиваетъ себѣ пріятеля по душѣ въ лицѣ только что упомянутаго своего товарища по службѣ С. Н. Бѣгичева, тѣсныя дружескія связи съ которымъ не прерывалось у него во всю послѣдующую его жизнь: Гр. нашелъ въ немъ, кромѣ добраго сердца, еще извѣстные умственные интересы, любовь къ литературѣ и искусству, и въ одномъ изъ первыхъ писемъ къ нему высказалъ убѣжденіе, что тотъ въ полку не можетъ имѣть друзей себѣ „ни по сердцу, ни по уму“ (I. 159). Въ это же время Гр. впервые выступаетъ въ печати двумя статьями (Описаніе праздника въ честь генерала Кологривова и „О кавалерійскихъ резервахъ“), напечатанными въ Вѣстникѣ Европы 1814 года: обѣ онѣ показываютъ несомнѣнное умѣнье и нѣкоторый навыкъ владѣть перомъ, а вторая, кромѣ того, свидѣтель-

ствуетъ еще о весьма серьезныхъ интересахъ къ экономической сторонѣ военнаго дѣла [1]).

Въ 1815 году Гр. появляется въ Петербургѣ, проводитъ здѣсь еще около года въ военномъ мундирѣ, пользуясь развлеченіями столичной жизни, сближаясь съ петербургскими литераторами и устраивая первое представленіе своей пьесы „Молодые супруги" (29 сент. 1815 года), а затѣмъ въ мартѣ 1816 года выходитъ въ отставку. Еще черезъ годъ слишкомъ (въ іюлѣ 1817 года) онъ опредѣляется въ вѣдомство Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а въ іюлѣ слѣдующаго 1818 года—секретаремъ при повѣренномъ въ дѣлахъ въ Персіи К. С. Мазаровичѣ. Переѣздъ въ Петербургъ составляетъ чрезвычайно важный моментъ въ исторіи развитія Гр.: онъ порвалъ связи со средой, въ которую вступилъ лишь по ст... стороннимъ побужденіямъ, не имѣя съ ней ничего общаго, и мѣняетъ ее на среду, ему гораздо болѣе близкую—петербургскихъ литераторовъ, куда влекла его рано пробудившаяся и уже нашедшая себѣ къ этому времени нѣкоторое выраженіе страсть къ литературѣ. Кромѣ С. Н. Бѣгичева, онъ никого не выдѣлялъ изъ своей прежней военной среды для душевнаго сближенія и нѣсколько позднѣе такъ писалъ своему другу, продолжавшему оставаться въ военной службѣ: „ты жалуешься на домашнихъ своихъ казарменныхъ Готтентотовъ: это—участь умныхъ людей, мой милый, большую часть жизни своей проводить съ дураками, а какая ихъ бездна у насъ!" (I. 166). Кромѣ упомянутой передѣлки „Молодые супруги", Гр. въ этотъ періодъ своей петербургской жизни въ сообществѣ съ П. А. Катенинымъ сочиняетъ комедію „Студентъ" (1817), съ А. А. Жандромъ переводитъ съ французскаго піесу Барта Les fausses infidelités подъ загл. „Притворная невѣрность" (представлена 11 февр. 1818 года), помогаетъ вмѣстѣ съ Н. И. Хмѣльницкимъ кн. А. А. Шаховскому въ соч. комедіи „Своя семья или замужняя невѣста" (представлена 24 янв. 1818 года); кромѣ того, сочиняетъ нѣсколько мелкихъ стихотворныхъ піесъ и принимаетъ участіе въ журнальной полемикѣ, выступая на защиту перевода П. А. Катенина Бюргеровой

---

[1]) Есть извѣстіе, что еще въ началѣ 1812 года у Гр. были кое-какія наброски „Горя отъ ума" (*Л. Майковъ*. Замѣтки объ А. С. Грибоѣдовѣ. Сборн. Студ. Спб. у-та, вып. II 1860, стр. 236). М. б., ко времени пребыванія въ Брестѣ въ 1814 году, относится и переводъ комедіи франц. писателя Creuzé de Sesser „Le secret du menage" подъ заглавіемъ „Молодые супруги" (I, стр, IX; II стр. 513).

баллады „Ленора“. Эта послѣдняя статья замѣчательна по очень здоровымъ критическимъ сужденіямъ, высказаннымъ Гр. и указывающимъ на весьма значительное литературное и художественное развитіе автора. Современное ему романтическое теченіе въ литературѣ онъ называетъ „слезливымъ“; въ поэтическихъ произведеніяхъ онъ ищетъ „натуры“, а находитъ лишь одни мечтанія; онъ сторонникъ „простоты“ поэтическаго творчества и не прочь указать на „простонародныя пѣсни“ какъ на такой матеріалъ, который не лишенъ художественнаго авторитета. О задачахъ литературной критики онъ такого мнѣнія: „естьли разбирать твореніе для того, чтобы опредѣлить, хорошо ли оно, посредственно или дурно, надобно прежде всего искать въ немъ красотъ. Естьли ихъ нѣтъ, не стоитъ того, чтобы писать критику“ (I. 14—16. 23). Столь здоровыя сужденія въ тогдашней литературной средѣ далеко не были общими. Эта петербургская жизнь сильно пришлась по душѣ Грибоѣдову, и у него невольно навертывались сравненіе ея съ московской жизнью не въ пользу послѣдней. Объ этомъ онъ такъ говоритъ въ письмѣ къ Бѣгичеву отъ 18 сент. 1818 года: „Въ Москвѣ все не по мнѣ— праздность, роскошь, не сопряженная ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему-нибудь хорошему. Прежде тамъ любили музыку, а нынче и она въ пренебреженіи; ни въ комъ нѣтъ любви къ чему-нибудь изящному... Отечество, сродство и домъ мой въ Москвѣ. Всѣ тамошніе помнятъ во мнѣ Сашу, милаго ребенка, который теперь выросъ, много повѣсничалъ, наконецъ становится къ чему-нибудь годенъ, опредѣленъ въ миссію и можетъ со временемъ попасть въ статскіе совѣтники, а больше во мнѣ ничего видѣть не хотятъ. Въ Петербургѣ я, по крайней мѣрѣ, имѣю нѣсколько такихъ людей, которые не знаю, на столько ли меня цѣнятъ, сколько я думаю, что стою; но, по крайней мѣрѣ, судятъ обо мнѣ и смотрятъ съ той стороны, съ которой хочу, чтобы на меня смотрѣли. Въ Москвѣ совсѣмъ другое: спроси у Жандра, какъ однажды за ужиномъ матушка съ презрѣніемъ говорила о моихъ стихотворныхъ занятіяхъ, и еще замѣтила во мнѣ зависть, свойственную мелкимъ писателямъ, оттого что я не восхищаюсь Кокошкинымъ и ему подобными“ (I. 168—169). Это письмо было писано Гр. изъ Воронежа, уже на пути въ Персію. Не смотря на высказанное тутъ несочувствіе къ Москвѣ и къ сужденіямъ, господствовавшимъ въ его родномъ домашнемъ кругу, Гр. съ большой нѣжностію говоритъ въ этомъ

же письмѣ о матери и сестрѣ, вспоминая о прощаніи съ ними при проѣздѣ черезъ Москву: „мать и сестра такъ ко мнѣ привязаны, что я былъ бы извергомъ, если бы не платилъ имъ такою же любовью: онѣ точно не представляютъ себѣ иного утѣшенія, какъ то, чтобъ жить вмѣстѣ со мною. Нѣтъ! я не буду эгоистомъ: до сихъ поръ я былъ только сыномъ и братомъ по названію; возвратясь изъ Персіи, буду таковымъ на дѣлѣ, стану жить для моего семейства, переведу ихъ съ собою въ Петербургъ" (I 168). Проведши болѣе трехъ лѣтъ на службѣ въ Персіи, Гр. въ февралѣ 1822 года опредѣленъ былъ секретаремъ по иностранной части (главнымъ обр., для сношенія съ Персіей) при главнокомандующемъ на Кавказѣ А. П. Ермоловѣ и черезъ годъ своей новой службы, въ мартѣ 1823 года, получилъ отпускъ въ Петербургъ, проведши т. о. въ Персіи и на Кавказѣ безвыѣздно около пяти лѣтъ.

Это время, проведенное Гр. за предѣлами и на одной изъ отдаленнѣйшихъ окраинъ Россіи, среди чужого или получужого населенія, вдали отъ друзей и знакомыхъ, не могло пройти вполнѣ безслѣдно для нашего поэта. Прежде всего, онъ обогатилъ себя хорошимъ знаніемъ восточныхъ языковъ, особенно персидскаго и арабскаго. Объ этихъ знаніяхъ весьма горячо отзывался А. П. Ермоловъ въ письмѣ къ гр. К. В. Нессельроде, ходатайствуя передъ послѣднимъ о переводѣ Гр. на службу изъ Персидской Миссіи въ секретари по иностранной части къ главнокомандующему на Кавказѣ и проча его въ директоры школы восточныхъ языковъ которую имѣло тогда въ виду открыть русское правительство [1]); объ томъ же свидѣтельствуетъ и Н. Н. Муравьевъ (впослѣдствіи—Карсскій), бравшій у Грибоѣдова уроки персидскаго языка, а взамѣнъ ихъ учившій его по-турецки [2]). 17 ноября 1820 года Гр. писалъ кн. А. А. Шаховскому (по французски): „познанія мои заключаются въ знаніи языковъ: славянскаго, русскаго, французскаго, англійскаго, нѣмецкаго. Въ бытность мою въ Персіи я занялся персидскимъ и арабскимъ [3]).

[1]) *А. Берже.* Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ въ Персіи и на Кавказѣ. „Русская Старина" 1874, октябрь, стр. 288.

[2]) Записки Ник. Ив. Муравьева Карскаго. „Русскій Архивъ" 1888, № 5, стр. 104—108.

[3]) Къ этому умѣстно прибавить здѣсь, что еще будучи университетскимъ студентомъ Гр. хорошо владѣлъ латинскимъ языкомъ, а позднѣе принялся и за греческій, отъ красотъ котораго былъ въ восторгѣ (I, 162).

Для того, кто хочетъ быть полезенъ обществу, еще мало имѣть нѣсколько выраженій для одной и той же мысли, говоритъ Риварoль; чѣмъ мы болѣе просвѣщены, тѣмъ полезнѣе можемъ быть своему отечеству. И я именно для того, чтобы пріобрѣсть познанія, прошу о увольненіи меня отъ службы или объ отозваніи изъ грустной страны, въ которой вмѣсто того, чтобы чему-нибудь выучиться, еще забываешь то, что знаешь" (I. 175). Но Грибоѣдова занималъ не одинъ языкъ того населенія, среди котораго онъ находился; онъ присматривался и серьезно изучалъ политическія отношенія восточныхъ народностей къ Россіи, и результатомъ этого послѣдняго является какъ письмо его къ издателю „Сына Отечества" изъ Тифлиса отъ 21 янв. 1819 года, въ которомъ онъ изобличаетъ недостовѣрность иностранныхъ газетныхъ извѣстій о событіяхъ въ Грузіи (I. 24—28), такъ въ особенности многія важныя замѣчанія въ его путевыхъ письмахъ касательно природы Персіи и Кавказа, географіи, этнографіи, исторіи и современнаго состоянія этихъ въ ту пору весьма мало изученныхъ странъ, наконецъ—отношеніе къ этимъ странамъ русской народности, какъ оно представлялось ему необходимымъ съ точки зрѣнія политическаго достоинства Россіи и ея государственныхъ интересовъ. Послѣ описанія пріема русскихъ персіянами въ Эривани, Гр. дѣлаетъ такое любопытное замѣчаніе: „Разгоряченный тѣмъ, что видѣлъ и проглотилъ, я перенесся за двѣсти лѣтъ назадъ въ нашу родину. Хозяинъ представился мнѣ въ видѣ добродушнаго москвитянина, угощающаго пріѣзжихъ изъ нѣмцевъ, фораши—его домочадцами, самъ я—Олеарій. Крѣпкіе напитки, сырыя овощи и блюдца съ сахарными брашнами, все это способствовало къ переселенію моихъ мыслей въ нашу сѣдую старину, и даже увертливый красный человѣчекъ, который хотя и называется Англичаниномъ, а право нельзя ручаться—изъ какихъ онъ, этотъ анонимъ, только разсыпался въ нелѣпыхъ расказахъ о томъ, что дѣлается за моремъ, я видѣлъ въ немъ Маржерета, выходца при Дмитріѣ, прозванномъ самозванцемъ, и всякаго другого бродящаго иностранца того времени, который въ нашихъ теремахъ пилъ, ѣлъ, разживался и, возвратясь къ своимъ, ругательствомъ платилъ русскимъ за русское хлѣбосольство" (I 41). Въ другомъ мѣстѣ „Путевыхъ писемъ", переходящихъ иногда въ чрезвычайно краткія и лаконическія замѣтки о видѣнномъ, слышанномъ или передуманномъ, это сочувствіе къ русской старинѣ переходитъ

въ выраженіе горячаго и самоотверженнаго патріотическаго чувства, высказаннаго по поводу тѣхъ же восточныхъ дѣлъ: „Голову мою положу за несчастныхъ соотечественниковъ“ (I 56). Вполнѣ естественно, что умный и образованный Катенинъ совѣтовалъ Грибоѣдову подѣлиться съ читающей публикой своими свѣдѣніями и впечатлѣніями о Кавказѣ и Персіи, но въ ту пору Гр. отъ этого совершенно отказался—безъ сомнѣнія, предъявляя къ себѣ слишкомъ строгія требованія, въ этомъ отношеніи. Къ этому же времени относятся и весьма интересныя замѣчанія Гр. по разнымъ вопросамъ русской исторіи, которыя онъ набрасывалъ по поводу чтенія серьезныхъ историческихъ сочиненій и первоисточниковъ. Особенно обращаютъ на себя вниманіе замѣтки Гр. на разныя мѣста I книги Дѣяній Петра Великаго изд. Голиковымъ (М. 1788); въ этихъ замѣткахъ, не смотря на ихъ отрывочность, и краткость, можно однако же прослѣдить вполнѣ ясно руководящую мысль и совершенно сознательное, критическое отношеніе къ читаемой книгѣ: на Петра онъ смотритъ весьма сдержанно и по мѣстамъ не скрываетъ своего недовѣрія и несочувствія къ его реформаторской дѣятельности (I 67. 71—75); это подтверждается и слѣдующими словами въ цитованномъ уже письмѣ къ Бѣгичеву изъ Воронежа: „Одинъ томъ Петровыхъ акцій у меня въ бричкѣ, и я зѣло на него и на его колбасниковъ сержусь“ (I, 169). Къ этому же приблизительно времени относятся и замѣчательныя „Desiderata“ Грибоѣдова, представляющія рядъ выписокъ, вопросовъ, замѣчаній и сопоставленій, обличающихъ обширную и серьезную начитанность Гр., широту его научныхъ интересовъ, глубину и проницательность хорошо развитого и смѣлаго ума. Замѣтки по содержанію своему вращаются гл. обр. въ области исторіи, археологіи и этнографіи Россіи, и намѣченные въ нихъ вопросы только въ наше время частію поставлены и разрѣшены наукой, а частію лишь ждутъ еще новой постановки и изслѣдованія. (I. 75—83).

Наконецъ, вдали отъ родины Гр. по временамъ усердно предавался и чисто-литературнымъ занятіямъ. Въ „Путевыхъ письмахъ“, обращенныхъ къ С. Н. Бѣгичеву, онъ говоритъ: „въ Петербургѣ, гдѣ всякій приглашалъ, поощрялъ меня писать и много было охотниковъ до моей музы, я молчалъ, а здѣсь, когда некому ничего прочесть, потому что не знаютъ по-русски, я не выпускаю пера изъ рукъ“ (I. 35). Хотя въ послѣднемъ

замѣчаніи должно видѣть нѣкоторое преувеличеніе [1]) и лишь слѣдъ мимолетнаго бодраго настроенія, однако въ эти годы Гр., кромѣ плана трагедіи „Родамистъ и Зенобія", плана и сцены изъ драмы „1812 годъ", маленькой піесы „Проба интермедіи" да двухъ небольшихъ стихотворныхъ вещицъ, обработалъ планъ „Горя отъ ума" и окончилъ два первые акта.

Общее настроеніе Гр. въ это время не можетъ быть названо свѣтлымъ; его тяготило одиночество, оторванность отъ литературнаго круга, съ которымъ онъ успѣлъ сжиться, и отъ друзей; по временамъ онъ жестоко скучалъ. „Смертная лѣнь и скука, ни за что приняться не хочется", писалъ онъ Катенину 26 марта 1819 года изъ Тегерана (I. 170); въ февралѣ слѣдующаго года изъ Табриза онъ писалъ ему же съ горькой ироніей: „положимъ однако, что я еще не совсѣмъ съ ума сошелъ; различаю людей и предметы, между которыми движусь" (I. 171). Въ письмѣ къ В. К. Кюхельбекеру изъ Тифлиса отъ 1 окт. 1822 года Гр. замѣчаетъ: „налегла на меня необъяснимая мрачность... Пожалѣй обо мнѣ, добрый мой другъ" (I 178), а 26 января 1823 года писалъ онъ изъ Тифлиса г-жѣ Ю. К. Глинкѣ (по французски): „Кто бы сказалъ полгода тому назадъ, что кончу я тѣмъ, что буду завидовать даже злополучной его звѣздѣ [2]). Ахъ! ежели чье-либо несчастіе можетъ облегчить другого несчастнаго, то передайте ему, что если онъ зналъ меня здѣсь прежде—беззаботнымъ, веселымъ и даже шаловливымъ, то за то теперь я въ тягость самому себѣ и одинокъ среди населенія, къ которому совершенно равнодушенъ; еще нѣсколько дней, и я покидаю этотъ городъ, оставляя здѣсь скуку и разочарованіе, которыя меня преслѣдуютъ здѣсь и которыя, быть можетъ, я обрѣту и въ другомъ мѣстѣ" (I. 181—182). Съ такимъ невеселымъ настроеніемъ ѣхалъ Гр. въ Петербургъ въ свой четырехъмѣсячный отпускъ, и нисколько неудивительно, что онъ постарался найти возможность обратить этотъ срокъ въ двухгодичное пребываніе въ сѣверной столицѣ. Для Грибоѣдова, какъ писателя, эти два года были самыми блестящими: кромѣ оперы-водевиля „Кто братъ, кто сестра" (представлен-

---

[1]) Въ письмѣ къ П. А. Катенину читаемъ нѣчто обратное (въ февралѣ 1820 года, изъ Табриза): „Веселость утрачена, не пишу стиховъ, можетъ и творилось бы да читать некому, сотрудники не русскіе". (I. 172).

[2]) В. К. Кюхельбекера, жившаго въ это время въ деревнѣ въ большой бѣдности, послѣ невольнаго выхода въ отставку изъ службы на Кавказѣ.

ной 11 сент. 1824 г.) „Пролога къ Фаусту“, „Хищниковъ на Чечемѣ“ и еще нѣсколькихъ небольшихъ стихотворныхъ прозаическихъ вещей, онъ въ это время окончилъ „Горе отъ ума“, уединившись спеціально для этого на нѣсколько недѣль лѣтомъ 1824 года въ имѣніе своего друга С. Н. Бѣгичева въ Ефремовскомъ уѣздѣ Тульской губерніи. Хотя комедія Гр. не была ни цѣликомъ напечатана при жизни автора, ни поставлена на настоящей сценѣ, но, быстро разойдясь во множествѣ списковъ какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, она доставила автору громкую литературную извѣстность, много друзей и много враговъ. Слѣды радостнаго настроенія отъ этихъ успѣховъ сохранились въ письмѣ Гр. къ Бѣгичеву отъ августа 1824 года (I. 185—186). Для характеристики той роли, которую игралъ въ это время Гр. въ литературныхъ кругахъ Петербурга весьма интересна (кромѣ разсказовъ П. А. Каратыгина, А. А. Бестужева и др.) піеса Ѳ. В. Булгарина „Литературные призраки“, напечатанныя въ „Литературныхъ листахъ“ 1824 года. Она написана въ формѣ бесѣды нѣсколькихъ литераторовъ, между которыми Гр. выведенъ подъ именемъ Талантина; здѣсь онъ съ большимъ жаромъ проповѣдуетъ о необходимости для писателя широкаго и основательнаго образованія, и такая роль Гр. совершенно совпадаетъ съ тѣми данными касательно этого предмета, о которыхъ мы говорили выше. Гр. тутъ выставенъ съ весьма благопріятной стороны, и сочувствіе автора піесы безспорно къ нему относится. Тѣмъ труднѣе поэтому понять въ высшей степени странное и рѣзкое по тону письмо Гр. къ Булгарину (съ которымъ онъ былъ до тѣхъ поръ въ очень хорошихъ, дружескихъ отношеніяхъ), послѣдовавшее въ октябрѣ 1824 года за опубликованіемъ этого произведенія; тонъ его крайне неспокойный и нервный, а нѣкоторыя выраженія указываютъ на тревожное состояніе духа Грибоѣдова: „всемѣрно отъ нихъ (людей) удаляюсь. Я просто въ несогласіи самъ съ собою“ (I. 193). Впрочемъ, позднѣе отношенія между ними уладились, и мы имѣемъ цѣлый рядъ слѣдовавшихъ за тѣмъ весьма дружескихъ писемъ А. С-ча къ Булгарину. Мрачное настроеніе Гр. за это время проскальзываетъ и въ другихъ мѣстахъ его переписки. „Мы всѣ здѣсь ужаснѣйшая дрянь!“ пишетъ онъ въ 1824 году къ Катенину (I 190); „Братъ—писалъ онъ въ началѣ слѣдующаго года къ Бѣгичеву—ты меня зовешь въ деревню. Коли не теперь, не нынѣшнимъ лѣтомъ, такъ вѣрно со

временемъ у тебя поищу прибѣжища, не отъ бурей, не отъ угрызающихъ скорбей, но рѣшительно отъ пустоты душевной. Какой міръ! Кѣмъ населенъ! И какая дурацкая его исторія!" (I. 194); въ февралѣ того же 1825 года онъ пишетъ Катенину: „живу я ...очень уединенно, рѣдко съ кѣмъ вижусь изъ старыхъ знакомыхъ, съ большимъ числомъ изъ нихъ не возобновилъ прежнихъ короткихъ связей, вновь ни съ кѣмъ не дружусь; лѣта не тѣ, сердце холоднѣе" (I. 199); въ маѣ того же года—къ Бѣгичеву: „Бѣдное человѣчество! Что наши радости и что печали?" (I. 200). Но по крайней мѣрѣ „холодности сердца" въ это время у Грибоѣдова мы вправѣ не совсѣмъ довѣрять: въ цитованномъ уже письмѣ къ Бѣгичеву отъ 4 января 1825 года онъ говоритъ о сближеніи своемъ съ танцовщицей Е. А. Телешовой: эта любовь отклонила его даже отъ задуманной поѣздки въ чужіе края (I. 194) [1]).

Причины мрачнаго настроенія Гр. были другія, и главной изъ нихъ была та, что его жизнь продолжала складываться совершенно противно его склонностямъ и вкусамъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе его тянула къ себѣ кабинетная жизнь, литературныя и ученыя занятія, наконецъ желаніе свить свое семейное гнѣздо, а между тѣмъ обстоятельства толкали его въ отдаленный край, къ службѣ, къ которой онъ не чувствовалъ внутренняго влеченія. Въ маѣ 1825 года онъ выѣхалъ изъ Петербурга и чтобы оттянуть время прибытія въ Тифлисъ, избралъ круговой путь черезъ Кіевъ и Крымъ. Литературнымъ результатомъ этой поѣздки были въ высшей степени интересныя путевыя записки о Крымѣ, съ природо-описательными картинами, историческими и археологическими замѣтками и даже слегка набросанными рисунками тѣхъ предметовъ, которые особенно останавливали на себѣ вниманіе путешественника (Соч. I. 93—107). Едва успѣлъ Гр. явиться къ своему служебному посту, какъ въ январѣ 1826 года получено было приказаніе арестовать его по

[1]) Кстати будетъ упомянуть тутъ для характеристики страстной и увлекающейся натуры Гр. объ его особой слабости къ женщинамъ, которыя хотя и заслужили однажды отъ него названія „крикливаго пола", (I. 187), но при случаѣ легко находили доступъ къ его сердцу (см. напр. его письма къ Н. А. Каховскому въ „Сборникѣ Моск. Общ. Люб. Росс. Словесности" м. 1891, стр. 535—536, 538—539); въ письмѣ къ А. А. Жандру, 1825 года, онъ говоритъ объ этой своей слабости, которая ему „испортила полъ-жизни" (I. 176); въ письмѣ къ Бѣгичеву, того же года, онъ признается: (отъ этого чувства) я въ грѣшной моей жизни чернѣе угля выгорѣлъ" (I. 194).

подозрѣнію въ участіи въ декабрьскихъ событіяхъ 1825 года и немедленно доставить въ Петербургъ. Гр. былъ оправданъ и награжденъ чиномъ. Лѣтомъ 1826 года мы его видимъ въ Москвѣ, гдѣ честолюбивая мать беретъ съ него у иконы Иверской Божіей Матери торжественную клятву—очевидно противъ собственнаго желанія—продолжать дипломатическую службу. Въ февралѣ 1827 года главнокомандующимъ на Кавказѣ, вмѣсто Ермолова, назначенъ былъ родственникъ Грибоѣдовыхъ гр. И. Ѳ. Паскевичъ, передавшій въ вѣдѣніе Гр. дѣла по заграничнымъ сношеніямъ съ Персіей и Турціей. Онъ участвовалъ въ эриванскомъ походѣ, велъ выгодно кончившіяся для Россіи переговоры съ Аббасъ Мирзою и, какъ одинъ изъ выдающихся дипломатическихъ участниковъ этой войны, посланъ былъ гр. Паскевичемъ въ Петербургъ въ качествѣ вѣстника о заключенномъ 10 февраля 1828 года Туркманчайскомъ мирѣ. Въ мартѣ этого года Гр. прибылъ въ Петербургъ въ послѣдній разъ и уѣхалъ отсюда мѣсяца черезъ два, совершенно для себя неожиданно и противъ желанія, но къ великому удовольствію матери въ санѣ полномочнаго министра при персидскомъ дворѣ, щедро награжденный за предшествующую службу деньгами и чиномъ. Остальные мѣсяцы своей жизни вплоть до трагической смерти въ Тегеранѣ 30 января 1829 года отъ разъяренной толпы, провелъ Гр. въ хлопотливыхъ служебныхъ переѣздахъ и болѣзни; среди этихъ тревожныхъ и мрачныхъ дней жизни Грибоѣдова свѣтлой точкой блеснула женитьба его въ августѣ 1828 года на княжнѣ Н. А. Чавчавадзе и кратковременное семейное счастіе. Въ эти послѣдніе, самые безпокойные четыре года жизни Гр. научные вопросы и интересы не покидаютъ его: онъ проситъ то о той, то о другой книгѣ своихъ пріятелей (I. 216. 219. 225); заботится о лучшемъ помѣщеніи для общей пользы восточныхъ рукописей, добытыхъ въ войнѣ съ Персіей (I. 302); В. Ѳ. Одоевскому, по поводу занятій того философіей Шеллинга, пишетъ изъ Кіева 10 іюня 1825 года: „Милый мой мудрецъ, сердечно радуюсь твоимъ занятіямъ, не охлаждайся: онѣ всякой жизни придаютъ высокое значеніе" (I. 203). Но писалъ онъ весьма немного; кромѣ упомянутыхъ путевыхъ записокъ о Крымѣ, къ этому времени еще относятся путевыя записки объ Эриванскомъ походѣ и о путешествіи по Эриванской области (1827 года), Два письма къ издателю „Сѣверной Пчелы" о взятіи Карса и Баязета (1828 года), отрывки

изъ трагедіи „Грузинская ночь" (1827—1828) да два-три небольшихъ стихотворенія. Большую часть своего времени Гр. употреблялъ на весьма ревностное выполненіе своихъ трудныхъ и отвѣтственныхъ служебныхъ обязанностей, требовавшихъ большого вниманія, сосредоточенности, осторожности и умѣнья, и на сложную оффиціальную переписку. Но причины этого упадка поэтической дѣятельности еще болѣе лежали въ состояніи духа Гр., которое въ это время сдѣлалось чрезвычайно мрачнымъ и безнадежнымъ. „А мнѣ такъ скучно, такъ грустно!—пишетъ онъ еще съ дороги изъ Θеодосіи Бѣгичеву 12 сент. 1825 года—Я съ нѣкоторыхъ поръ мраченъ до крайности. Пора умереть! не знаю, отчего это такъ долго тянется. Тоска невыносимая! Воля твоя, если это долго меня промучитъ, я никакъ не намѣренъ вооружиться терпѣніемъ; пускай оно остается добродѣтелью тяглаго скота. Представь себѣ, что со мною повторилась та ипохондрія, которая выгнала меня изъ Грузіи, но теперь въ такой усиленной степени, какъ еще никогда не бывало... Сдѣлай одолженіе, подай совѣтъ, чѣмъ мнѣ избавить себя отъ сумасшествія или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди" (I. 208). Черезъ три мѣсяца изъ Екатериноградской станицы, 7 дек. 1825 г. Гр. писалъ тому же своему другу, отвѣчая на его утѣшеніе и совѣты: „кромѣ здраваго разсудка есть во мнѣ какой-то внутренній распорядокъ, наклоняетъ меня къ мрачности, скукѣ, и теперь я тотъ же, что въ Θеодосіи: не знаю, чего хочу, и удовлетворить меня трудно. Жить и не желать ничего—согласись, что это положеніе не завидно". (I 213). Общество живыхъ людей ему дѣлается противно; онъ ищетъ уединенія отъ нихъ (I. 204) и мысленнаго сближенія съ людьми, отошедшими въ вѣчность (I. 207). Другими онъ не доволенъ столько же, сколько и самимъ собой: „въ обыкновенныя времена никуда не гожусь—пишетъ онъ изъ Тифлиса Булгарину, 16 апр. 1827 года—и не моя вина: люди мелки, дѣла ихъ глупы, душа черствѣетъ, разсудокъ затмѣвается и нравственность гибнетъ безъ пользы ближнему" (I. 226). Порою слѣдуя совѣтамъ друзей, онъ дѣлаетъ усилія сбросить съ себя эту мрачность и найти утѣшеніе въ простыхъ развлеченіяхъ жизни, но повидимому—безуспѣшно: „я принялъ твой совѣтъ—пишетъ онъ Бѣгичеву 9 дек. 1826 года—пересталъ умничать... со всѣми видаюсь, слушаю всякій вздоръ и нахожу, что это очень хорошо. Какъ-нибудь дотяну до смерти". Въ этомъ же письмѣ, нѣсколько

далѣе, онъ намекаетъ и на причины своего мрачнаго настроенія: „Буду ли я когда-нибудь независимымъ отъ людей? Зависимость отъ семейства, другая отъ службы, третья отъ цѣли въ жизни, которую себѣ назначилъ, и, можетъ статься, наперекоръ судьбы... Мученіе быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ“ (I. 222). И такъ зависимость отъ семьи т. е. гл. обр., отъ матери, направлявшей его, сообразно своимъ планамъ, по нежеланной ему жизненной дорогѣ [1]); зависимость отъ службы; зависимость отъ цѣли жизни, которую онъ не могъ найти, т. к. тратилъ свои душевныя силы на дѣло, въ которомъ не находилъ для себя удовлетворенія. Всѣ три зависимости, значитъ, могутъ быть сведены къ одной—отъ образа жизни, къ которому принуждала его противъ воли взятая служба. На это и самъ Гр. не разъ и совершенно опредѣленно указываетъ въ своихъ письмахъ: „я рожденъ для другого поприща“, говоритъ онъ въ цитованномъ уже письмѣ къ Булгарину (I. 226); „(службу) я ненавижу отъ всего сердца, не смотря ни на что, что бы она ни обѣщала мнѣ въ будущемъ“ (I. 252), говоритъ онъ въ письмѣ къ П. Н. Ахвердовой отъ 3 окт. 1827 года, а въ другомъ письмѣ ей же (ноябрь 1828 года) пишетъ: „мнѣ кажется, что я не вполнѣ на своемъ мѣстѣ;, нужно бы побольше житейскаго такта, побольше хладнокровія. Дѣла портятъ мой характеръ; я дѣлаюсь угрюмымъ; иной разъ нападаетъ на меня охота остепениться, и тутъ уже я дѣйствительно глупѣю. Нѣтъ, я вовсе не гожусь для службы“ (I. 308). Въ письмѣ къ П. М. Устимовичу изъ Тавриза (1828 года) онъ въ особенности жалуется на свою службу въ Персіи: „Какъ тошно въ этой Персіи“ (I. 304), „у насъ здѣсь скучно, гадко, скверно. Нѣтъ! уже не испытать мнѣ на томъ свѣтѣ гнѣва Господня. Я и здѣсь вкушаю довременно всѣ прелести тьмы кромѣшной“ (I. 326).

Если употребить очень старое сравненіе, то жизнь Гр. при концѣ уподобилась догорающей лампадѣ: она ярко вспыхнула прежде чѣмъ погаснуть, оставивъ на темномъ горизонтѣ душевнаго настроенія поэта блестящую и кратковременную полосу радости и счастья. Именно такими представляются тѣ немногія письма Гр., въ которыхъ идетъ рѣчь о его женѣ: тутъ

---

[1]) Въ 1825 году онъ писалъ В. Ѳ. Одоевскому: „Я почти увѣренъ, что истинный художникъ долженъ быть человѣкъ безродный. Прекрасно быть опорою отцу и матери во всякихъ случаяхъ жизни, но вниманіе къ ихъ требованіямъ, часто мелочнымъ и нелѣпымъ, стѣсняетъ живое, свободное, смѣлое дарованіе“ (I. 202—203).

къ нему возвращается его веселость, бодрость духа, энергія, хотя и прежнее настроеніе не совершенно исчезаетъ, и онъ какъ бы боится вѣрить въ такой рѣшительный поворотъ судьбы. Вотъ относящееся сюда замѣчательное мѣсто изъ письма Гр. къ г-жѣ В. С. Миклашевичъ изъ Эчміадзина, отъ 17 сентября 1828 года: „Какъ это все случилось? Гдѣ я, что и съ кѣмъ? Будемъ вѣкъ жить, не умремъ никогда?“ Слышите? Это жена мнѣ сейчасъ сказала ни къ чему—доказательство, что ей шестнадцатый годъ. Но мнѣ простительно-ли, послѣ стольких опытовъ, стольких размышленій вновь бросаться въ новую жизнь, предаваться на произволъ случайностей и все далѣе отъ успокоенія души и разсудка. А независимость, которой я былъ такой страстный любитель, изчезла можетъ быть навсегда, и какъ ни мило и утѣшительно дѣлить все съ прекраснымъ, воздушнымъ созданіемъ, но это теперь такъ свѣтло и отрадно, а впереди такъ темно, неопредѣленно! Всегда ли такъ будетъ?“ (I. 277—278). Послѣднее изъ извѣстныхъ доселѣ писемъ Гр. и единственное обращенное къ его женѣ изъ Казбина отъ 24 дек. 1828 года, т. е. писанное почти лишь за мѣсяцъ до смерти, замѣчательно по цѣльности жизнерадостнаго настроенія и по несравненной красотѣ того чистаго и нѣжнаго чувства, которое его продиктовало (I. 332—334).

Такъ, съ возродившимися надеждами, но уже съ подломленной душей, лишенной необходимаго равновѣсія и однакоже страстно желавшей счастія и покоя, при истинно-трагической обстановкѣ, въ чужомъ краю, безъ семьи и друзей, сошелъ въ могилу Грибоѣдовъ. Смерть эта была по всей справедливости преждевременной, похитивши отъ Россіи великую умственную и литературную силу, отъ которой можно было еще многаго ожидать въ будущемъ. Но будучи внезапной и преждевременной, смерть эта, въ своихъ болѣе глубокихъ основаніяхъ, далеко не была случайной. Смерть Гр. напоминаетъ намъ также преждевременную и неожиданную для многихъ, но совсѣмъ не случайную смерть другого великаго нашего поэта—соименника Грибоѣдова, А. С. Пушкина. Да и вообще между этими двумя необыкновенными людьми было много общаго. Оба они были въ высокой степени художественныя натуры, оба страстно любили свое поэтическое призваніе (I. 222), возвышенно, свято и необыкновенно добросовѣстно къ нему относились; оба видѣли въ трудѣ необходимый спутникъ таланта и геніальности (I. 186),

постоянно стремились къ пополненію и расширенію своего образованія; оба носили въ душѣ горячія національныя симпатіи, оба стремились побывать въ чужихъ краяхъ и не побывали (I. 190. 194); оба испытали тяжелый нравственный гнетъ близкой среды, которая была ихъ ниже, не понимала ихъ возвышенныхъ стремленій и легкомысленно и эгоистически толкала ихъ на путь мишурныхъ служебныхъ или свѣтскихъ успѣховъ; оба лелѣяли въ душѣ идеалъ тихаго семейнаго счастія и мирнаго кабинетнаго труда; оба предчувствовали свою необыкновенную развязку (I. 165) и, наконецъ, оба они дѣйствительно пали жертвою разлада своихъ внутреннихъ стремленій съ тѣми, которыя были имъ извнѣ навязаны, внезапно и насильственно-трагически отошедши отъ этой жизни и оставивши послѣ себя хотя поздній, но назидательный урокъ тѣмъ, кто могъ считать себя въ этомъ близко заинтересованнымъ.

Мм. Гг., я не нахожу лучшаго окончанія для своей сегодняшней бесѣды какъ—привести Вамъ нѣсколько строкъ изъ поэтическаго „Путешествія въ Арзрумъ" Пушкина, гдѣ онъ говоритъ о Грибоѣдовѣ по поводу случайной встрѣчи тѣла убитаго поэта, обезображенные останки котораго возвращались его отечеству. „Не думалъ я встрѣтить уже когда-нибудь нашего Грибоѣдова. Я разстался съ нимъ въ прошломъ году въ Петербургѣ предъ отъѣздомъ его въ Персію. Онъ былъ печаленъ и имѣлъ странныя предчувствія... Онъ погибъ подъ кинжалами персіянъ, жертвой невѣжества и вѣроломства. Обезображенный трупъ его, бывшій три дня игралищемъ тегеранской черни, узнанъ былъ только по рукѣ, нѣкогда прострѣленной пистолетною пулей.

„Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 году. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизмѣнные спутники человѣчества, все въ немъ было необыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о немъ какъ о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой-

нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ „Московскомъ Телеграфѣ“. Впрочемъ движеніе наше къ славѣ происходитъ, можетъ быть, отъ самолюбія: въ составъ славы входитъ и нашъ голосъ“ [1]).

Какъ показываетъ изученіе Гр., въ отзывѣ этомъ есть коекакіе невѣрныя черты, объясняемыя отчасти его непосредственной близостью къ страшному событію, но въ немъ слышится убѣжденный и негодующій голосъ великаго человѣка, который видѣлъ въ Гр. натуру себѣ близкую и сдѣлавшуюся жертвою роковыхъ обстоятельствъ жизни.

---

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина, изд. Лит. фонда, т. IV, стр. 430—431.

О нѣкоторыхъ басняхъ Крылова въ педагогическомъ отношеніи.

Сообщеніе Д. чл. Е. В. Пѣтухова.

Въ сужденіяхъ о литературной дѣятельности И. А. Крылова признается неоспоримымъ, что басня была его настоящимъ, единственнымъ призваніемъ въ области литературы, и что ей почти исключительно обязанъ онъ своей великой славой среди современниковъ и потомства: Крылова, какъ лирическаго поэта, журналиста или драматурга, въ раннюю пору его литературной дѣятельности, знала ближайшая къ нему литературная среда и весьма немногіе изъ публики; Крылова же—баснописца зналъ и знаетъ старый и малый изъ нѣсколькихъ русскихъ поколѣній, едва лишь побывавшій въ первоначальной школѣ; басни его были переведены на многіе иностранные языки. Яркая слава Крылова, какъ баснописца, оставила въ тѣни его другія литературныя заслуги, и можно сказать, что если въ настоящее время имя Крылова не есть простое историческое напоминаніе чего-то прошлаго, а—обозначеніе дѣйствительной и для современнаго намъ поколѣнія великой литературной силы, то это—лишь благодаря его баснямъ, заключающимъ въ своей превосходной литературной формѣ неисчерпаемый источникъ наставленій народной мудрости и здраваго смысла.

Начавъ появляться съ перваго десятилѣтія истекающаго вѣка [1]), басни Крылова, на протяженіи длиннаго ряда десятилѣтій, не могли однако же, какъ это было вполнѣ естественно, оставаться въ одинаковой роли къ тѣмъ смѣнявшимся поколѣ-

[1]) Полное собраніе сочиненій И. Крылова, съ біографіею его, написанною *П. А. Плетневымъ*. Т. I. Спб. 1847, стр. XLVIII.

віямъ, къ которымъ онѣ обращались. Съ развитіемъ русской литературы, тѣ или другія формы ея выраженія, получившія свое начало почти всѣ еще въ первой половинѣ XVIII вѣка, падали, уступая мѣсто другимъ или видоизмѣняясь въ своей исторической роли и силѣ вліянія на читателей. Этой общей участи не избѣгла и форма басни. Басня первыхъ десятилѣтій XIX вѣка, не говоря уже о прошломъ столѣтіи, была далеко не тѣмъ, чѣмъ она является въ настоящее время, когда она и существуетъ почти исключительно благодаря старымъ, безсмертнымъ образцамъ Крылова и не привлекаетъ къ своей обработкѣ, по крайней мѣрѣ въ прежней формѣ, новыхъ литературныхъ силъ. Въ прежнее время господства въ поэзіи дидактическихъ элементовъ, басня была весьма любимымъ выраженіемъ моральныхъ тенденцій въ краткой, забавной и привлекательной формѣ, басни любили читать и еще болѣе любили слушать въ хорошемъ чтеніи: самъ Крыловъ не разъ имѣлъ случай читать свои басни среди взрослыхъ членовъ Императорской семьи, и постоянно вызывалъ выраженія одобренія и восторга. Но съ теченіемъ времени басня, какъ литературная форма, стала отживать свое значеніе, смѣняясь другими литературными формами, болѣе отвѣчавшими требованіямъ времени: такимъ образомъ она мало-по-малу сдѣлалась исключительно народнымъ и школьнымъ матеріаломъ для чтенія и изученія. Съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ смотрѣть въ настоящее время на басни Крылова: будучи выражены въ отжившей уже для текущаго движенія литературы формѣ, онѣ читаются и изучаются народомъ и въ школѣ, гдѣ не имѣютъ себѣ, въ этомъ родѣ, сколько-нибудь равносильныхъ соперниковъ.

Итакъ, басни Крылова въ настоящее время оправдываютъ свое дѣйствительное, а не историческое только, существованіе своимъ почти исключительно педагогическимъ назначеніемъ. Высокія достоинства ихъ въ этомъ смыслѣ признаны всѣми, и мы приведемъ здѣсь лишь заключенія двухъ выдающихся знатоковъ школьнаго дѣла. „Касательно Крылова—говорилъ покойный *В. И. Водовозовъ*—кажется никто не выражалъ сомнѣнія, что его басни могутъ быть настольной дѣтскою книгой. Простота слога, живость и игривое остроуміе разсказа, художественная его отдѣлка, въ которой мы вмѣстѣ находимъ и краткость и законченность, наконецъ здравый смыслъ, которымъ проникнуты басни Крылова—все это качества драгоцѣнныя въ педагогическомъ

отношеніи"[1]). „Извѣстно — говоритъ *Н. А. Лавровскій*,— что басни Крылова, эти маленькія по объему, забавныя по содержанію литературныя произведенія, которыя съ такой любовью и съ такимъ наслажденіемъ читаютъ наши дѣти, обнимаютъ собою обширный міръ жизни, и внутренній и внѣшній. Начиная отъ возвышенныхъ и святыхъ истинъ вѣры, проходя чрезъ необозримый рядъ явленій умственныхъ и неразрывно съ ними связанныхъ явленій нравственныхъ, захватывая длинный рядъ явленій обыденной практической жизни, онѣ нисходятъ до указанія на частные случаи и столкновенія, теперь часто для насъ даже непонятные. Въ басняхъ Крылова вы встрѣтите и правила вѣры, и опыты своеобразной философіи, и глубоко обдуманные совѣты житейской мудрости, и спокойное наблюденіе и столь же спокойный и безпристрастный судъ надъ важными явленіями современной жизни, и наконецъ, игру мысли и поэтической фантазіи надъ интересами дня"[2]).

Но надо помнить, что не всѣ безъ исключенія басни Крылова одинаково цѣнны и пригодны въ педагогическомъ отношеніи.

Въ самомъ дѣлѣ, что можно потребовать отъ книги басенъ, предназначенныхъ для дѣтскаго чтенія и изученія?

Было бы, конечно, большимъ заблужденіемъ и важной педагогической ошибкой требовать, чтобы всякая предназначенная для ребенка строка заключала въ себѣ нравственное наставленіе. Въ педагогическомъ дѣлѣ нѣтъ ничего вреднѣе, какъ постоянно навязываемая мораль, способная притупить нравственную воспріимчивость дѣтскаго ума и сердца и незамѣтно привить ему легкое отношеніе къ моральнымъ вопросамъ, сдѣлать изъ него резонёра, ханжу и лжеца; неиспорченный дѣтскій умъ нуждается въ разнообразіи и свободѣ всякихъ впечатлѣній, въ томъ числѣ и нравственныхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ положительно необходимо, чтобы та духовная пища, которая предлагается ребенку черезъ доступную ему книгу, была не только безупречной въ своей нравственной основѣ, но и заключала бы въ себѣ матеріалъ, неспособный въ самомъ худшемъ случаѣ навести его

---

[1]) О педагогическомъ значеніи басенъ Крылова. Журналъ Минист. Нар. Просв. 1862, № 12, отд. II, стр. 72.

[2]) О Крыловѣ и его литературной дѣятельности. Ж. М. Нар. Просв 1868, № 2, стр. 445. Ср. тамъ же, стр. 392—393.

на заключенія и примѣненія какого-нибудь нежелательнаго свойства. Можно сказать даже болѣе: желательно, чтобы этотъ матеріалъ, при своемъ художественномъ по возможности соотвѣтствіи съ дѣйствительностію, способенъ былъ вызвать при случаѣ въ ребенкѣ не только вѣрное заключеніе ума, но и благородное движеніе сердца, возвышенный порывъ чувства, великодушный поступокъ, желаніе быть добрымъ, справедливымъ и вообще хорошимъ человѣкомъ. Все сомнительное, двусмысленное, могущее вызвать разныя толкованія или доступное въ своемъ настоящемъ смыслѣ лишь зрѣлому уму, должно быть изъ такого матеріала безусловно изъято

Должно сказать, что при всѣхъ своихъ высокихъ художественныхъ и иныхъ достоинствахъ басни Крылова, въ цѣломъ своемъ видѣ, не отвѣчаютъ такому требованію. Это мнѣніе уже было высказываемо въ нашей литературѣ [1]) и встрѣчало возраженія [2]). Мы, со своей стороны, постараемся мотивировать его возможно большимъ числомъ фактическихъ указаній.

Крыловъ не разъ обращается въ своихъ басняхъ къ осужденію невѣжества („Пѣтухъ и жемчужное зерно", „Мартышка и очки", „Свинья подъ дубомъ" и др.), но въ числѣ его басенъ, касающихся вопроса о просвѣщеніи, знаніи, фигурируютъ и такія, какъ „Огородникъ и философъ" (1811), „Ларчикъ" (1808), „Водолазы" (1813), „Крестьянинъ и лисица" (1830).

Хотя въ первой баснѣ представителемъ просвѣщенія и является „великій краснобай", „недоученный философъ, который лишь изъ книгъ болталъ про огороды", однако обращенныя къ нему слова огородника:

„Прилежность, навыкъ, руки:
Вотъ всѣ мои тутъ и науки"!

звучатъ скрытой насмѣшкой надъ книжнымъ просвѣщеніемъ, особенно въ виду заключенія самого автора:

У огородника взошло все и поспѣло:
Онъ съ прибылью, и въ шляпѣ дѣло;
А философъ —
Безъ огурцовъ.

Подобной насмѣшкѣ подвергается отъ автора „механики мудрецъ" въ баснѣ „Ларчикъ". Не станемъ да и нельзя ут-

---

[1]) *Водовозовъ*, Назв. статья, стр. 72—76; *Галаховъ*. Исторія русской словесности, древней и новой, 2-е изд. т. II, 318—324.

[2]) *Гротъ Я.*, Рецензія на „Исторію р. слов." Галахова, Ж. М. Н. Пр. 1869, № 2, стр. 489—492. Ср. Сборникъ II Отд. Акад. Н. т. Ш. Спб. 1869, стр. 279—22.

верждать, чтобы у баснописца было намѣреніе осмѣять просвѣщеніе и безусловно выше его поставить грубый опытъ; въ мысли Крылова скорѣе было желаніе указать на смѣшныя стороны педантства и выставить достоинства простого здраваго ума и обыкновенной смѣтливости и догадки, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не опасаться за двусмысленность вывода изъ этихъ басенъ въ педагогическомъ отношеніи. Было бы очень грустно, если бы ребенокъ увлекся такой критикой педантства и поверхностнаго просвѣщенія въ противоположную сторону поклоненія тому, что уже привлекательно для дѣтскаго или вообще неразвитого ума по той одной причинѣ, что не требуетъ отъ человѣка усилія и труда. Еще менѣе удачно выражена мораль въ баснѣ „Крестьянинъ и лисица“: тутъ слова крестьянина о лошади, обращенныя къ лисицѣ:

„Эхъ, кумушка, не въ разумѣ тутъ сила
...Все это – суета

отзываются уже весьма рѣзкимъ тономъ неуваженія къ „разуму“, который весьма смѣло ставится здѣсь ниже грубой силы.

Тоньше и неуловимѣе выраженъ недостатокъ уваженія къ знанію въ „Водолазахъ“: тутъ ставятся ему какія-то границы, переходъ за которыя уже будетъ „дерзостью“ и обязательно поведетъ къ погибельному концу“. Быть можетъ, въ баснѣ слѣдуетъ видѣть указаніе на различныя заблужденія ума, но быть можетъ и—нѣтъ; во всякомъ случаѣ мораль басни поддается двоякому толкованію.

Стремленіе къ просвѣщенію, къ возможно большему накопленію знаній, разностороннее расширеніе своихъ понятій предполагаетъ извѣстную подвижность ума, къ осужденію которой уже очень близко подходитъ Крыловъ въ „Водолазахъ“, какъ-бы ни толковать эту басню. Но у него есть и такія басни, гдѣ эта подвижность ума, составляющая необходимое условіе духовнаго усовершенствованія человѣка, далеко не встрѣчаетъ себѣ должнаго признанія и уваженія: таковы—„Два голубя“ (1809), „Пастухъ и море“ (1819), изъ которыхъ въ послѣдней предлагается слѣдующая мораль:

.. Лучше вѣрнаго держаться,
Чѣмъ за обманчивой надеждою гоняться.
Найдется тысячу несчастныхъ отъ нея
На одного, кто не былъ ей обманутъ;
А мнѣ, что говорить ни станутъ

Я буду все твердить свое:
Что впереди—Богъ вѣсть, а что мое—мое!

Напрасно было бы прибавлять, что условность этой морали не можетъ подлежать сомнѣнію: рекомендуемая тутъ житейская мудрость—въ видѣ крайней осторожности и дѣланія чего-либо лишь навѣрняка и безъ всякаго риска—не можетъ вызвать симпатіи молодого сердца, не искалѣченнаго губительной рутиной практической жизни и чувствующей свои силы для смѣлой и благородной дѣятельности. Не можетъ внушать ни любви къ дѣятельности, ни идеи о плодотворности настойчиваго труда басня „Тѣнь и человѣкъ" (1814), въ которой проводится не особенно высокая въ нравственномъ отношеніи мысль о зависимости человѣка отъ капризной „фортуны". Къ этой же категоріи относится и басня „Дубъ и трость" (1806), рекомендующая уступчивость и излишнюю нравственную гибкость.

Если въ названныхъ басняхъ Крылова выразились, по нашему мнѣнію, нѣкоторые недочеты во взглядахъ великаго баснописца на умственныя требованія человѣка и нормальную дѣятельность его воли, то мы имѣли и такія басни, въ которыхъ подобные недочеты простираются на еще менѣе оспоримую сферу дѣятельности его чувства: такова въ особенности весьма популярная басня „Стрекоза и муравей" (1808), въ которой рядомъ съ справедливымъ обличеніемъ легкомыслія (довольно, впрочемъ, невиннаго и даже граціознаго) и похвалой труду, въ концѣ оправдывается судомъ автора не только жестокосердый эгоизмъ самолюбиваго труженика, но и его злая насмѣшка надъ ближнимъ, попавшимъ въ бѣду:

Ты все пѣла? это дѣло:
Такъ поди же попляши!

Кромѣ того, можно указать и еще на нѣкоторыя басни, мораль которыхъ должна быть признана довольно сомнительной: таковы „Котъ и поваръ" (1812), въ которой стремленіе подѣйствовать на порокъ словомъ и убѣжденіемъ ставится въ комическое положеніе и на мѣсто его рекомендуется насиліе; „Конь и всадникъ" (1814), гдѣ осуждается довѣріе къ чужой свободѣ; затѣмъ „Паукъ и пчела" (1825) со своимъ крайнимъ матеріализмомъ; „Разборчивая невѣста" (1806) съ дозой рекомендуемой житейской пошлости; „Музыканты" (1808), въ которыхъ „прекрасное поведеніе" играетъ жалкую и незаслуженную унизительную роль передъ знаніемъ.

Наконецъ намъ кажется, что мораль басенъ „Вороненокъ“ (1811) и „Слонъ на воеводствѣ“ (1808) лишена опредѣленности и можетъ вызвать собою различныя толкованія, въ педагогическомъ отношеніи совершенно не желательныя.

Указывая на эти уклоненія отъ болѣе или менѣе общепринятой нормы въ сферѣ басенной крыловской морали, мы, конечно, не имѣемъ ни малѣйшаго намѣренія бросать какую-либо тѣнь на нравственный образъ автора—ни какъ писателя, ни какъ человѣка. Нѣкоторыя изъ названныхъ нами басенъ, какъ полагаютъ [1]) могли явиться отголоскомъ единичныхъ фактовъ современной жизни и литературы („Водолазы“, „Конь и всадникъ“), и по одному этому уже не могли имѣть прямыхъ цѣлей общей морали; другія могутъ быть истолкованы иначе, чѣмъ это намѣчено нами, и дать другой матеріалъ и другую точку зрѣнія для оцѣнки ихъ со стороны нравственнаго содержанія; наконецъ, и вообще басня сама по себѣ не есть лишь арсеналъ ходячей морали, а также и сатира, легкій разсказъ или шутка, выражавшая собою извѣстный взглядъ автора на современныя ему событія, лица или обстоятельства. Мы не говоримъ уже о томъ, что Крыловъ, какъ писатель, не можетъ опасаться никакой критики и не нуждается ни въ какой защитѣ, а, какъ человѣкъ, давно и разносторонне уже оцѣненъ въ нашей литературѣ. Мы хотѣли только поставить передъ лицомъ простыхъ и здравыхъ педагогическихъ требованій двухсмысленную мораль нѣкоторыхъ крыловскихъ басенъ, которая, ничего не отнимая отъ нихъ въ смыслѣ ихъ высокаго литературнаго достоинства, однакоже затрудняетъ пользованіе ими для дѣтскаго чтенія и изученія и ставитъ воспитателю въ обязанность необходимую внимательность и осторожность. Если въ наше время весьма значительныхъ успѣховъ знанія и широкаго уваженія къ образованію (хотя бы въ теоріи и на словахъ) мало можно опасаться нежелательныхъ выводовъ изъ тѣхъ басенъ Крылова, гдѣ онъ не вполнѣ удачно касается вопросовъ просвѣщенія, то относительно другихъ басенъ было въ высшей степени желательно не допускать возможности лишній разъ за-

[1]) *Я. Гротъ*, назв. ст. въ Сб. II Отд. А. Н., т. VI, стр. 281, *Кеневичъ* „Библіографическія и историч. примѣчанія къ баснямъ Крылова“, тамъ же, стр. 185.

родиться или укрѣпиться въ сердцѣ ребенка жестокому и насмѣшливому безучастію къ чужой бѣдѣ, поспѣшному желанію насилія надъ чужой волей или слѣпому житейскому матеріализму. Наше время такъ нуждается въ противоположныхъ побужденіяхъ!

Крыловъ какъ художникъ-баснописецъ выше всякой похвалы, но какъ школьный моралистъ, онъ долженъ быть принимаемъ съ критикой и болѣе разумнымъ выборомъ.

Насъ могутъ упрекнуть въ произвольномъ пониманіи названныхъ здѣсь басенъ Крылова, которое не можетъ имѣть мѣста при правильномъ къ нимъ отношеніи. Мы и не думаемъ, что ихъ можно понимать только такимъ образомъ, а хотимъ указать именно на то, что ихъ позволительно тольковать и такъ и иначе, мораль ихъ двусмысленна, а потому въ педагогическомъ отношеніи и неудачна. Что возможность указаннаго пониманія названныхъ нами басенъ дѣйствительно есть, это находитъ себѣ извѣстную опору въ нѣкоторыхъ нравственныхъ качествахъ самого баснописца, о которыхъ оставили намъ свидѣтельство люди его знавшіе лично. Приведемъ прежде всего рѣзкій, мало спокойный отзывъ Ф. Ф. Вигеля: „Если бы о Крыловѣ мнѣ сдѣлали сей вопросъ (т. е. былъ ли онъ добрый человѣкъ), то я долженъ бы былъ отвѣчать отрицательно. Чрезмѣрное себялюбіе, даже безъ злости, нельзя назвать добротой; въ дѣяніяхъ Крылова, въ его разговорахъ былъ всегда одинъ только расчетъ; въ его стихахъ чистота, стройность и размѣръ, вездѣ умъ, нигдѣ не проглянетъ чувство... Человѣкъ этотъ никогда не зналъ ни дружбы, ни любви, никого не удостоивалъ своего гнѣва, никого не ненавидѣлъ, ни о комъ не жалѣлъ. Никогда не вспоминалъ онъ о прошедшемъ; никогда не радовался ни славѣ нашего оружія, ни успѣхамъ просвѣщенія... Единственную страсть, или лучше сказать что-то похожее на нее, имѣлъ онъ къ карточной игрѣ, но и въ ней былъ всегда остороженъ и всегда презиралъ игроковъ, съ коими однако же прожилъ вѣкъ. Двѣ трети столѣтія прошелъ онъ одинъ сквозь нѣсколько поколѣній, одинаково равнодушный какъ къ отцвѣтшимъ, такъ и къ зрѣющимъ. Съ хозяевами домовъ, кои, по привычкѣ, онъ часто посѣщалъ, гдѣ ему было весело, гдѣ его лелѣяли, откармливали, былъ онъ очень ласковъ, любезенъ; но если печаль какая ихъ постигала, онъ неохотно

ее раздѣлялъ“ [1]). Хотя этотъ строгій отзывъ, безъ сомнѣнія,носитъ черты увлеченія и односторонности—какъ это уже было замѣчено въ литературѣ о Крыловѣ [2]), но онъ находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе въ отзывахъ другихъ лицъ, несомнѣнно расположенныхъ къ Крылову и близко его знавшихъ. Такъ П. А. Плетневъ о немъ писалъ: „Умомъ своимъ сосредоточеннымъ и дальновиднымъ, сердцемъ опытнымъ и охлажденнымъ, характеромъ безпокойнымъ и скрытнымъ, жизнію недѣятельною и не опрятною, пріемами простыми и чуждыми свѣтскости, Крыловъ представлялъ совершенную противоположность Гнѣдичу, который до многаго додумывался медленно и не всегда вѣрно, увлекался добрымъ и довѣрчивымъ чувствомъ... Крыловъ ничего не полюбилъ, какъ человѣкъ общественный и образованный, какъ писатель геніальный... Не увлекаясь никакими замыслами, онъ отсторонился отъ людей, можетъ быть не чувствуя въ себѣ столько свѣжести силъ, чтобы съ вѣрнымъ успѣхомъ раздвигать дорогу между ними“ [3]). Приблизительно то же говоритъ и М. Лобановъ: „Есть люди, которые живутъ только по расчетамъ холоднаго ума, другіе, напротивъ, движутся однимъ сердцемъ... Крыловъ, не дѣлавшій умышленно зла, честный въ высокой степени, не чуждый даже тайныхъ благодѣяній и, въ полномъ смыслѣ слова, добрый человѣкъ, принадлежалъ болѣе къ первому разряду и—физическая ли тяжесть, крѣпость ли нервовъ, любовь ли къ покою, лѣнь и безпечность или чуждость семейныхъ связей были тому причиною, что его не такъ то легко было подвинуть на одолженіе или на помощь ближнему. Онъ всячески отклонялся отъ соучастія въ судьбѣ того или другого. Всѣмъ желалъ счастія и добра, но въ немъ не было горячихъ порывовъ, чтобы доставить ихъ своему ближнему“ [4]).

При такихъ свойствахъ Крылова, какъ человѣка, намъ кажется въ высшей степени естественнымъ, что благороднѣйшія наклонности человѣческаго ума и особенности сердца, требующія

---

[1]) Записки Ф. Ф. Вигеля. Съ подлинной рукописи М. 1891—1893 I, стр. 135.

[2]) *Я. Гротъ* Литературная жизнь Крылова. Сб. II отд. Ак. Н. VI, стр. 26, Ср. тамъ же, стр. 283: „Замѣтки о нѣкоторыхъ басняхъ Крылова“; *Лавровскій*, назв. ст., стр. 417—418.

[3]) Соч. *И. А. Крылова* т. I, Стр. LIV—LVI.

[4]) Жизнь и сочиненія Ивана Андреевича Крылова. Соч. академика Михаила *Лобанова*. Спб. 1847, Стр. 58.

для своего реальнаго выраженія извѣстный подъемъ воли и душевныхъ силъ, не нашли себѣ въ Крыловѣ, какъ авторѣ, проповѣдника и истолкователя. Его мораль была въ значительной своей части моралью опытнаго, мудраго, но мало подвижнаго ума, охлажденнаго чувства и слабой, бездѣятельной воли!

Смутное время Московскаго государства. Соч. Д. Иловайскаго.

(Окончаніе исторіи Россіи при первой династіи). Москва, 1894.

Д. ч. М. Н. Бережкова.

Новая книга почтеннаго историка достойна его имени. Съ обычнымъ искусствомъ онъ даетъ въ ней отчетливое изображеніе событій смутнаго десятилѣтія 1603—1613 годовъ, ясные очерки дѣйствующихъ лицъ.

На первомъ мѣстѣ, какъ оно и естественно, поставлено лицо перваго Лжедимитрія. Авторъ доказываетъ, что Лжедимитрій былъ орудіемъ польской интриги противъ Москвы; эта интрига зародилась въ средѣ немногихъ магнатскихъ фамилій, именно Мнишковъ, Вишневецкихъ и Сапѣговъ; они дали ходъ и первую поддержку названому Димитрію, а католическіе монахи да польскій король уже позже вошли въ планъ интриги, приложили руку къ дѣлу уже налаженному; и не московскіе бояре такимъ образомъ подготовили самозванца, хотя бояре очень неравнодушно встрѣтили его, какъ удобное для своихъ цѣлей орудіе, довели его до самой Москвы, до престола, а за тѣмъ свергли, когда орудіе перестало быть нужнымъ. Самозванецъ—не Григорій Отрепьевъ, а другое лицо, вѣроятно ополяченный западнорусскій шляхтичъ, индиферентный въ церковно-религіозномъ дѣлѣ, неискренно принявшій католичество и не мирволившій езуитамъ, человѣкъ съ недюжинными умственными способностями, а главное съ большимъ запасомъ смѣлости, даже дерзости. Всѣ эти соображенія Д. И. Иловайскаго, и прежде высказанныя въ наукѣ болѣе и менѣе опредѣленно, болѣе и менѣе послѣдовательно и доказательно, получаютъ въ его книгѣ новое подкрѣпленіе, по мѣстамъ остроумное, вполнѣ основательное: отнынѣ едва ли кто будетъ поддерживать старое мнѣніе о тожествѣ

Лжедимитрія съ Григорьемъ Отрепьевымъ, который по чистой случайности сталъ „козломъ отпущенія“ за чужіе грѣхи. Въ самомъ дѣлѣ: какъ-то не пристала московскому человѣку, да еще іеродіакону, необыкновенно дерзкая роль перваго самозванца, (вѣдь первый Лжедимитрій, по злости и успѣху предпріятія, представляетъ единственное явленіе среди всѣхъ русскихъ самозванцевъ, когда нибудь бывшихъ); эта роль гораздо больше подходитъ ополяченному русскому человѣку изъ западной Руси, ловко подготовленному и сильною рукой поддержанному съ перваго раза, а потомъ на крыльяхъ сочувственной общенародной молвы, да при помощи бояръ московскихъ, быстро дошедшему до самой Москвы. Былъ ли убѣжденъ названый Димитрій въ своемъ царственномъ происхожденіи,—на этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, нѣтъ затрудненія отвѣчать. Пускай любители психологическихъ анализовъ будутъ еще стараться находить признаки убѣжденности Лжедимитрія въ своемъ царскомъ происхожденіи; пускай иные до сихъ даже поръ, по примѣру Маржерета, готовы считать его истиннымъ сыномъ Грознаго: это будутъ праздные вопросы и безполезныя фантазіи; нѣтъ никакого сомнѣнія, въ чемъ мы вполнѣ согласны съ Д. И. Иловайскимъ, что Лжедимитрій, по всѣмъ даннымъ, былъ сознательный обманщикъ, игравшій свою дерзкую роль сначала полушутя, потомъ какъ будто съ нѣкоторымъ толкомъ, а подъ конецъ съ отчаяніемъ, безъ всякаго уже разсудка.

Все это еще разъ хорошо освѣщено въ новой книгѣ г. Иловайскаго и хорошо соображено. Вообще все обозрѣніе событій смутнаго времени у нашего историка сдѣлано ясно и съ внутренней послѣдовательностью; историкъ выгодно соединяетъ свойства критическаго разслѣдованія и вмѣстѣ стройнаго прочувствованнаго изложенія; онъ умѣетъ соблюдать требованіе на счетъ того, что называется „историческая перспектива“.

Конечно, къ автору „Исторіи Россіи“, во вниманіе къ его замѣчательному труду, можно предъявить и нѣкоторыя пожеланія. Такъ, напримѣръ, было бы желательно видѣть у него болѣе обстоятельное изображеніе дѣятельности русскаго земства въ смутное время, тѣмъ болѣе что эта дѣятельность вообще у русскихъ историковъ представляется, на нашъ взглядъ, не достаточно рельефно. Въ самомъ дѣлѣ: слѣдя на первомъ планѣ за дѣятельностью собирателей Руси, московскихъ великихъ князей и царей, безспорно главныхъ дѣятелей въ созданіи государства,

ихъ вотчины; слѣдя на второмъ планѣ за услугами, кои оказывались московскимъ государямъ со стороны духовенства, бояръ и всего служилаго сословія, наши историки оставляютъ нѣсколько въ тѣни жизнь общинъ,—городовъ, волостей и всѣхъ вообще „міровъ" тяглаго сословія. А между тѣмъ собирать землю значило въ сущности собирать населеніе, устроять бытъ этого населенія, распредѣленнаго по городамъ и селамъ; общины все размножались и росли, крѣпли въ своей внутренней жизни; отъ царя Іоанна Грознаго онѣ получили широкое самоуправленіе, льготы и вообще средства къ дальнѣйшему своему устройству: Грозный видѣлъ ихъ значеніе, подготовилъ еще большее ихъ значеніе въ будущемъ. Дѣйствительно, въ смуту, наступившую по прекращеніи стараго царскаго рода, города съ уѣздными волостями, да съ низшимъ служилымъ классомъ, въ уѣздахъ испомѣщеннымъ, проявили энергичную дѣятельность и возстановили государственный порядокъ: земля по видимому распадалась, но въ сущности собиралась вокругъ той же Москвы, къ которой она цѣлые вѣка уже тяготѣла. Вотъ эту сторону внутренней жизни Московскаго государства мы желали бы видѣть болѣе рельефно представленной въ изложеніи нашего талантливаго историка.

Въ связи съ ростомъ земства, да съ его дружной и толковой дѣятельностью въ междуцарствіе, долженъ быть разсматриваемъ, по нашему мнѣнію, вопросъ о томъ, была ли дѣйствительно взята боярами ограничительная запись съ царя Михаила Ѳедоровича, другими словами говоря: была ли возстановлена послѣ смуты царская власть въ ея прежнемъ значеніи, во всей полнотѣ ея силы? Нѣтъ сомнѣнія, что родовитые московскіе бояре желали заручиться записью отъ новоизбраннаго царя въ родѣ той, какая была взята отъ царя Василія Ивановича Шуйскаго; такое желаніе на мѣстѣ бояръ было вполнѣ согласно съ ихъ преданіями и интересами: но успѣли ли они въ своемъ намѣреніи? Нашли ли они благопріятную минуту повести рѣчь съ царемъ, или съ земскимъ соборомъ, по этому высоко важному дѣлу? Есть ли надежныя указанія на то, что запись дѣйствительно существовала? Д. И. Иловайскій довольно подробно разсматриваетъ эти важные вопросы, но не успѣлъ придти къ рѣшительному выводу. Вотъ что у него сказано на 258-й страницѣ его книги: „что касается до ограничительныхъ въ пользу бояръ условій, о которыхъ была рѣчь еще въ перепискѣ Филарета Никитича съ Ѳ. И. Ше-

реметевымъ, то имѣемъ рядъ свидѣтельствъ о томъ, что Михаилъ Ѳедоровичъ передъ своей коронаціей утвердилъ запись, предложенную ему боярами въ этомъ смыслѣ. Но въ какомъ видѣ существовала эта запись, наши источники не даютъ точнаго отвѣта на такой вопросъ. По всѣмъ признакамъ, это была запись собственно боярская, которой осталась чужда Великая Земская Дума: ибо въ дошедшей до насъ избирательной грамотѣ, подписанной членами этой Думы, о таковой записи нѣтъ и помину" [1]). Намъ лично, насколько мы успѣли вникнуть въ этотъ интересный вопросъ,—начальный вопросъ въ исторіи Михаилова царствованія, тѣсно связанный притомъ съ событіями смуты и даже всего XVI-го вѣка, дѣло представляется въ иномъ видѣ. Не видать, чтобы члены боярской думы успѣли выполнить свое желаніе. Не было благопріятной для того минуты ни въ Костромѣ, гдѣ Михаилъ и его мать столь рѣшительно и искренно отказывались отъ высокаго жребія, ни въ Москвѣ предъ коронованіемъ и послѣ него, когда тамъ засѣдали выборные земскіе люди, члены Великаго Земскаго Сбора, избравшіе на царство Михаила: ужели эти выборные люди не узнали бы о намѣреніи бояръ, и не помѣшали бы ему исполниться? Вѣдь земскіе люди хорошо понимали, что лучшее средство къ умиренію земли было въ томъ, чтобы возстановить царскую власть въ полномъ ея значеніи; всякое умаленіе ея или ограниченіе въ пользу бояръ могло бы продолжить внутреннюю смуту. Что же касается извѣстій псковскаго современнаго лѣтописца, или подъячаго Котошихина, говорящихъ объ уменьшеніи царской власти Михаила, то эти извѣстія въ сущности не опредѣленныя: онѣ не больше, какъ догадки и соображенія. Такой же видъ догадокъ да соображеній еще больше имѣютъ показанія писателей XVIII вѣка: Страленберга, Фокеродта и нашего Татищева; они смотрѣли на прошлое съ точки зрѣнія и подъ вліяніемъ событій петровскаго, да аннинскаго времени, но недостаточно вошли въ исторію собственно Михаилова царствованія, а лучшій изъ нихъ,—умный и честный Татищевъ колебался, то признавая запись Михаилову, то отрицая ее: колебаніе на его мѣстѣ много значущее.

Во всякомъ случаѣ, если бояре, до пріѣзда изъ плѣна Филарета Никитича, или въ какой нибудь краткій промежутокъ

[1]) Сравн. въ примѣчаніи 24-мъ, на стр. 319—322, критику источниковъ и литературныя указанія.

между однимъ и другимъ земскимъ соборомъ, получили отъ царя Михаила, послѣ почтительной конечно просьбы къ нему, какую нибудь запись въ обезпеченіе своихъ служебныхъ правъ, то запись эта имѣла очень скромное значеніе: она не была и не могла быть въ умаленіе царской власти, а только въ нѣкоторое обезпеченіе самихъ бояръ. Такъ представляется намъ это дѣло. Вопросъ заслуживаетъ однако точнѣйшаго разслѣдованія и строгого научнаго рѣшенія [1]).

Съ удовольствіемъ мы прочитали тѣ страницы въ книгѣ г. Иловайскаго, гдѣ идетъ рѣчь о Сусанинѣ: авторъ еще разъ хорошо подкрѣпляетъ дѣйствительность подвига этого крестьянина (стр. 253; 316—318). Но не можемъ согласиться съ сужденіемъ о князѣ Д. М. Пожарскомъ, будто показаніе дворянина Сумина, что князь Пожарскій въ свое время домогался избранія на царство черезъ подкупъ, „не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго" (стр. 312). По нашему убѣжденію, это показаніе дворянина, сдѣланное въ пылу гнѣва и мѣстнической вражды, есть именно невѣроятное; оно стоитъ одинокимъ, сколько намъ извѣстно, и совершенно противорѣчитъ всему, что мы знаемъ о доблести скромнаго князя.

Наши замѣчанія—дань почтенія историку. Искренно желаемъ ему дальнѣйшихъ успѣховъ на обширномъ полѣ Русской исторіи, на которомъ онъ такъ давно и плодотворно трудится. Желаемъ также, чтобы книга его нашла себѣ больше читателей: право, жаль, что хорошія историческія книги у насъ мало читаются.

---

[1]) В. О. Ключевскій касается этого вопроса, но не рѣшаетъ его съ полной опредѣленностью: Боярская дума древней Руси, стр. 387—389 и Приложеніе подъ № VIII. Ал. И. Маркевичъ посвятилъ особую монографію тому же предмету, весьма обстоятельно изслѣдовалъ его, но также не пришелъ къ точнымъ и вполнѣ убѣдительнымъ выводамъ, на нашъ взглядъ. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1891, сент. октябр.).

Георгій Кониской, какъ проповѣдникъ.

Д. ч. М. Н. Бережкова.

(Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Общества, 19 февраля 1895 г.)

Нашъ знаменитый нѣжинецъ обладалъ разносторонними дарованіями, отдавался разнообразной жизненной дѣятельности. Съ выдающимся успѣхомъ пройдя курсъ ученія въ Кіевской Духовной Академіи, онъ остался въ ней для учительской и ученой службы, былъ постепенно профессоромъ наукъ словесныхъ, философскихъ и богословскихъ, въ то же время несъ начальническія должности префекта и ректора Академіи: и теперь, сравнительно въ молодую пору жизни, и позже, на могилевской архіерейской каѳедрѣ, Георгій Кониской счастливо соединялъ въ себѣ качества научнаго и практическаго дѣятеля. Архіерейское служеніе въ Бѣлоруссіи, въ продолженіе 40-ка почти лѣтъ, онъ проходилъ съ полнымъ достоинствомъ; при характерѣ твердомъ и вмѣстѣ гибкомъ, умѣ основательномъ и остромъ, образованный Кониской оказался настоящимъ государственнымъ человѣкомъ, прямымъ сотрудникомъ Екатерины Великой и Св. Синода въ дѣлѣ возсоединенія Западной Россіи. Наконецъ въ Могилевѣ же преосвященный Георгій показалъ себя усерднымъ и талантливымъ проповѣдникомъ.

Вотъ на этой послѣдней сторонѣ его дѣятельности я рѣшаюсь теперь остановить Ваше благосклонное вниманіе. Я желалъ бы указать главное содержаніе и существенныя черты проповѣдей его; не знаю, успѣю ли въ краткой рѣчи сдѣлать это надлежащимъ образомъ, т. е. достойно памяти чтимаго нами іерарха и его талантливой проповѣди; во всякомъ случаѣ подѣ-

люсь съ Вами хоть не многими и—надѣюсь—не со всѣмъ безполезными замѣчаніями, какія пришли мнѣ на умъ при чтеніи проповѣдей Конискаго.

Долгое время живая проповѣдь съ церковной каѳедры была въ Россіи дѣломъ рѣдкимъ, необычнымъ. Въ древней Руси было много благочестивыхъ и прямо святой жизни пастырей, которые учили людей живымъ примѣромъ своей праведной жизни; много было и такихъ, которые „творили и учили",—учили простымъ назидательнымъ словомъ, ведя краткія огласительныя бесѣды, всего болѣе нужныя простому народу: по всей вѣроятности, такихъ пастырей и учителей, говорившихъ краткія катехизическія поученія и нравственныя наставленія, было больше, чѣмъ упоминается о нихъ въ нашихъ источникахъ историческихъ; вѣдь такія краткія поученія и наставленія могли и должны были имѣть мѣсто какъ въ храмахъ, такъ и внѣ храмовъ, при разныхъ житейскихъ случаяхъ, наприм. при объѣздѣ епархій, при посѣщеніи домовъ для требоисправленія, на мірскихъ собраніяхъ и т. п. Но собственно живое проповѣдничество съ церковной каѳедры, какъ оно есть у насъ теперь, въ древней Руси было большою рѣдкостью. Обычнымъ дѣломъ благочестивыхъ пастырей и мірянъ, внѣ богослуженія, было чтеніе и бесѣда на дому, разсылка пастырскихъ окружныхъ посланій, переписка лицъ, живущихъ въ разныхъ мѣстахъ, списываніе и распространеніе назидательныхъ книгъ; въ особенности древняя Россія любила переписывать и читать сборники готовыхъ учительныхъ статей, въ томъ числѣ и переводныхъ проповѣдей съ греческаго или со славянскихъ языковъ: всего этого было достаточно въ древней Россіи, мало образованной, за то высоко любознательной, высоко почитавшей книгу. И если она имѣла очень мало своихъ природныхъ проповѣдниковъ, т. е. такихъ, которые составили бы себѣ имя болѣе или менѣе значительнымъ числомъ проповѣдей, болѣе или менѣе замѣчательныхъ по содержанію и искусству изложенія, то главная тому причина—именно недостатокъ образованія и школы, въ частности школы проповѣднической; при отсутствіи же ея, да живыхъ образцовъ своего собственнаго проповѣдничества, подъ конецъ не стало даже сознанія надобности живой устной проповѣди, не было и вкуса къ ней; находили возможнымъ обходиться безъ нея, замѣняли ее чтеніемъ готовыхъ учительныхъ сборниковъ.

Но вотъ въ Западной Россіи XVI-го вѣка по особымъ условіямъ ея церковной и общественной жизни, почувствовалась надобность въ правильной школѣ, т. е. грамматической и филологической; она была существенно необходима для поддержки православнаго общества и русской народной самобытности противъ наступающаго римскаго католицизма и полонизма; ей предстояла высокая задача служить русскому просвѣщенію и самой Церкви православной. Какъ однако исполнить такую задачу? Какимъ образомъ сразу устроить школу, неотложно нужную? Дѣло очень мудреное для Западной Россіи, которой что называется почти „нечѣмъ было взяться", которая притомъ же находилась подъ польскою государственной властью, мало къ ней благосклонной, даже суровой и несправедливой. На первый разъ рѣшили подражать польско-латинской школѣ: стали заводить науку, стали писать и говорить противъ польскихъ католиковъ, да уніатствующихъ русскихъ, по пріемахъ тѣхъ же католиковъ и уніатовъ; въ частности стали усвоять пріемы и правила католической проповѣди, и сполна усвоили ихъ, какъ общее съ католиками достояніе. И хоть непріятно, можетъ быть, на первый разъ было западно-русскимъ писателямъ становиться на схоластическія латинскія ходули, да идти на помочахъ школьной теоріи проповѣдничества, но иначе почти невозможно было поступать въ первое время, какъ посредствомъ ходулей и помочей, счужи заимствованныхъ. И что же? Чѣмъ дальше, тѣмъ больше православные русскіе люди юго-западной, позже и восточной Россіи, освоивались съ пріемами схоластической проповѣди, прилаживали къ заимствованнымъ внѣшнимъ формамъ свое православное содержаніе, дѣлали эти формы все больше подвижными, легкими, какъ бы естественными; люди посредственныхъ дарованій такъ вошли во вкусъ схоластики, что ничего лучше ея не желали и не представляли себѣ. Но люди талантливые со временемъ переросли схоластику, стали выше условныхъ правилъ школьной проповѣди, дали и новую теорію ея, и новые лучшіе образцы. Въ XVIII вѣкѣ, особенно въ истекающемъ нашемъ вѣкѣ, обозначилась своя русская школа проповѣдниковъ даровитыхъ и образованныхъ, съ глубокой богословствующей мыслью, съ простымъ изящнымъ вкусомъ при говореніи и письменномъ изложеніи проповѣди: не говоря о многихъ іерархахъ, сколько замѣчательныхъ проповѣдниковъ оказалось въ средѣ городскихъ и сельскихъ священниковъ Россіи!

На празднествѣ въ честь одного изъ лучшихъ, уже не схоластическихъ проповѣдниковъ прошлаго вѣка, мы должны однако еще разъ отдать должную похвалу старинной школѣ и схоластической теоріи проповѣдничества: онѣ сдѣлали не мало пользы, прививши русской школѣ нѣкоторый классицизмъ, давши нужное для перваго разу умѣнье взяться за составленіе проповѣди; онѣ лишній разъ доказали, что всякія дарованія нуждаются въ наукѣ и образованіи чрезъ серьезный трудъ, и что каждая школа созидается послѣдовательною работой нѣсколькихъ поколѣній въ одномъ разумномъ направленіи. Въ частности такъ было и впередъ такъ будетъ съ русскою школой церковнаго проповѣдничества.

Обращаюсь къ разсмотрѣнію словъ и рѣчей Георгія Конискаго.

Въ настоящее время сборникъ собственноручныхъ проповѣдей Конискаго, числомъ 55-ть, хранится въ библіотекѣ Кіевской Духовной Академіи, куда онъ поступилъ въ 1804 году отъ Н. Н. Бантыша-Каменскаго, какъ о томъ свидѣтельствуетъ отмѣтка на заглавномъ листѣ сборника. Извѣстный начальникъ Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ, Бантышъ-Каменскій былъ землякомъ Георгія Конискаго и ученикомъ его по Кіевской Академіи; со временъ школьнаго ученья онъ сохранялъ почтительную память объ учености и талантѣ Конискаго. Съ своей стороны преосвященный Георгій былъ благосклоненъ къ младшему земляку, знаменитому ученому архивисту: онъ предоставилъ Бантышу-Каменскому, вѣроятно на временное пользованіе, свои рукописныя проповѣди, а тотъ впослѣдствіи возвратилъ ихъ на мѣсто первоначальной службы Конискаго, въ Кіевъ [1]). Съ подлинной кіевской рукописи сдѣлана новѣйшая копія, находящаяся въ библіотекѣ Могилевской Духовной Семинаріи; но въ ней за-

---

[1]) Въ своемъ почтенномъ трудѣ, „Историческомъ извѣстіи о возникшей въ Польшѣ уніи", Бантышъ-Каменскій, пользуясь разными документами, вышедшими изъ-подъ пера Георгія Конискаго, справедливо отзывается о немъ, какъ объ „ученѣйшемъ мужѣ" (стр. 59 назв. книги по изданію 1805 года).

Георгій, въ міру, какъ предполагаютъ, Григорій Осиповичъ, сынъ нѣжинскаго бургомистра, родился въ Нѣжинѣ 20 ноября 1717 года, сконч. въ Могилевѣ 13 февраля 1795. (Ал. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, Нѣжинскій полкъ, стр. 509. Сравн. статью И. А. Сребницкаго, Къ біографіи Георгія Конискаго).

Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій род. въ Нѣжинѣ 16 декабря 1737 г. скон. въ Москвѣ 20 января 1814. (Словарь достопам. людей рус. земли, Д. Н. Бантыша-Каменскаго, часть 1, по изданію 1836 года).

ключается еще семь лишнихъ проповѣдей противъ кіевскаго сборника; сверхъ того помѣтки на могилевской рукописи говорятъ, что въ рукахъ разныхъ священниковъ могилевской епархіи еще недавно находились, но нынѣ уже утратились такія проповѣди Георгія Конискаго, которыя не вошли ни въ рукописные сборники, ни въ печатныя изданія. Выходитъ такимъ образомъ, что не всѣ слова преосвященнаго Георгія сохранились: иныя вовсе утратились, а иныя можетъ быть еще найдутся.

Въ свое время самъ Георгій Конискій напечаталъ небольшое собраніе своихъ словъ въ могилевской типографіи, имъ же заведенной; теперь книжка составляетъ библіографическую рѣдкость [1]). Въ 1835 году гомельскій протоіерей, ученый археографъ Іоаннъ Григоровичъ напечаталъ въ двухъ книжкахъ собраніе сочиненій Конискаго; кромѣ словъ и рѣчей, сюда вошли окружныя посланія Георгія къ его паствѣ, письма къ разнымъ лицамъ, стихотворенія, мысли, замѣтки. Изданіе снабжено біографической статьей и критическими примѣчаніями; для своего времени очень хорошее, это изданіе заинтересовало между многими другими и поэта Пушкина, который внимательно читалъ изданіе отца Григоровича, и сдѣлалъ сочувственный отзывъ о немъ и о самыхъ произведеніяхъ Конискаго [2]). Такъ какъ изданіе Григоровича, еще разъ послѣ перепечатанное, (въ 1861 году), разошлось, то вполнѣ умѣстно было предпринять новое изданіе словъ и рѣчей Конискаго; ближайшимъ къ тому поводомъ послужило то обстоятельство, что Могилевская Духовная Семинарія, основанная преосв. Георгіемъ Конискимъ, праздновала 1 октября 1885 года свой столѣтній юбилей, причемъ ректоръ семинаріи архимандритъ Сергій (впослѣдствіи епископъ черниговскій) указывалъ на существенную необходимость новаго изданія

---

[1]) Ее отмѣчаютъ: Новиковъ въ „Опытѣ историч. словаря“, митр. Евгеній въ Словарѣ историч. о писателяхъ дух. чина, Сопиковъ въ Опытѣ рос. библіографіи I, № 1421, съ замѣткою „рѣдка“, и Григоровичъ, говорящій: „экземпляры сего изданія нынѣ весьма рѣдки“. (Собраніе сочин. Георг. Конискаго, I, стр. LXXXI, примѣч. 29). Книжка въ 4-о издана въ 1761 году. Редакція новѣйшаго могилевскаго изданія признается, что эта книжка не была въ ея распоряженіи. (Предисловіе, стр. 39). Жаль,—а она навѣрное могла бы служить ей при установленіи точнаго текста словъ Конискаго. Я, впрочемъ, также незнакомъ съ книжкой.

[2]) Собраніе сочиненій Георгія Конискаго, архіепископа Бѣлорусскаго, съ портретомъ и жизнеописаніемъ его. Изд. протоіер. I. Григоровичемъ. Части 1—II. Спб. 1835. Статья Пушкина — въ „Современникѣ“ за 1836 годъ. Сочиненія А. С. Пушкина, т. V, стр. 287—291, изд. подъ редакц. П. О. Морозова.—Въ упрекъ Григоровичу ставятъ, что онъ подновлялъ слогъ рѣчи Георгія Конискаго.

проповѣдей знаменитаго архипастыря. Оно дѣйствительно было исполнено въ 1892 году редакціей „Могилевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, и включило въ себя 77-мь словъ и рѣчей Конискаго,—но только словъ и рѣчей. Издатели справедливо предполагаютъ, что этою цифрой не ограничивается количество проповѣдей Георгія, что въ дѣйствительности, за 40 лѣтъ его архіерейства въ Могилевѣ, это количество было гораздо большее. Очень вѣроятно, въ самомъ дѣлѣ, что иныя слова говорились имъ наизусть, и вовсе не были положены на бумагу; возможно, что не всѣ проповѣди авторъ одинаково цѣнилъ, не всякую проповѣдь давалъ списывать; иная проповѣдь можетъ быть произносилась не разъ и т. п. Какъ бы то ни было, новѣйшій печатный сборникъ словъ и рѣчей Конискаго вышелъ не большой, не то что сборники другихъ проповѣдниковъ XVIII вѣка, наприм. Ѳеофана Прокоповича, Анастасія Братановскаго, Платона Левшина. Тщательное могилевское изданіе не исключаетъ надобности въ новыхъ разысканіяхъ на счетъ правильности текста проповѣдей Конискаго, и въ новыхъ поискахъ другихъ словъ его. Необходимо полное собраніе всѣхъ сочиненій его, достойное его памяти [1]).

Перечесть сборникъ словъ и рѣчей Конискаго, не большой по объему,—всего 77 нумеровъ, какъ было сказано,—не составляетъ трудности, а скорѣе удовольствіе для читателя: онъ бесѣдуетъ тутъ съ проповѣдникомъ одушевленнымъ, умнымъ, наблюдательнымъ, который хорошо выразилъ въ книгѣ проповѣдей свое время и общество.

Его первое слово „при вступленіи на паству“ въ высшей степени замѣчательно. Это слово—о себѣ самомъ, о своей пастырской обязанности учить, проповѣдывать: епископъ, какъ пророкъ и апостолъ, долженъ непрестанно возвѣщать волю Божію;

---

[1]) Слова и рѣчи Георгія Конискаго, архіепископа Могилевскаго. Изданіе редакціи „Могил. Епарх. Вѣдомостей“. Могилевъ на Днѣпрѣ, 1892. Тутъ находимъ обстоятельныя свѣдѣнія о рукописяхъ кіевской и могилевской, равно о печатныхъ изданіяхъ, и библіографическія указанія разнаго рода. Но загадочнымъ представляется сообщеніе редакціи, будто сверхъ изданія о. Григоровича существовала еще какая-то объемистая печатная книга проповѣдей Конискаго, въ 2-хъ томахъ, хранившаяся въ библіотекѣ Могилевской Духовной Семинаріи, а послѣ-де утраченная: что за авторитетъ тотъ священникъ, который будто бы видѣлъ эту объемистую печатную книгу? Не введена ли здѣсь въ заблужденіе почтенная редакція? Такой книги, навѣрное можно сказать, не существовало. (Смотр. предисл. къ изданію на стран. 39, въ примѣчаніи 1).

для епископа лучшій образецъ въ семъ дѣлѣ—апостолъ Павелъ, „который не только по праздникамъ, не только по недѣлямъ, но и по всякъ день, еще и по всяку нощь проповѣди говорилъ, и не въ соборѣ только, но и по единому всякаго поучалъ, да и какъ поучалъ? Со слезами!.. Всего яснѣе оный же вселенскій епископъ Павелъ истолковалъ епископскую должность въ посланіи своемъ къ Коринѳянамъ: „аще благовѣствую, говоритъ онъ о себѣ самомъ—нѣсть ми похвалы, нужда бо ми належитъ; горе же мнѣ, аще не благовѣствую“. (I Коринѳ. 9, 16). Въ примѣръ же обязательный себѣ могилевскій архипастырь ставитъ отцовъ церкви: Аѳанасія, Василія, Григоріевъ, Іоанна и прочихъ святыхъ отцовъ, а въ заключеніе говоритъ скромно и съ достоинствомъ: „простите мнѣ, благочестивые слушатели, завременно прошу, простите въ томъ, что я, по званію пастыря и стража, не стану молчать, живучи съ вами.. Ежели стану молчать, гибелію грозитъ мнѣ Богъ; убо когда хощете, чтобы я молчалъ предъ вами, снимите съ мене чинъ сей: буду весьма благодаренъ. Простите также и въ томъ, ежели въ словѣ моемъ коснуся иногда чіихъ-либо нравовъ и дѣйствій. И паки прошу не только простить за слово, но и внимать слову: свидѣтельствуюсь Богомъ живымъ, что басней и вымысловъ человѣческихъ говорить предъ вами не стану, и преній болѣе вредныхъ, нежели полезныхъ предлагать вамъ не захочу. Долгъ мой—говорить вамъ „словеса Господня, словеса чиста, сребро разжено, искушено земли, очищено седмерицею“. (Псал. 11, 7). Это первое слово есть какъ бы программа будущей дѣятельности преосв. Георгія, которую онъ дѣйствительно исполнялъ все время служенія на бѣлорусской каѳедрѣ съ горячей ревностью [1]).

[1]) Два слѣдующія по порядку времени слова находятся въ ближайшей связи съ первымъ и по содержанію.—Это вступительное слово отмѣчается 12-мъ ноября 1755 года. (Григоровичъ, I, стр. 13). А пріѣхалъ въ Могилевъ Георгій Конискій 26 октября, какъ записано въ мѣстной хроникѣ: точныя ли эти даты? Почему такой сравнительно длинный промежутокъ между пріѣздомъ въ городъ и первымъ словомъ къ паствѣ?

Кстати, вотъ какъ описанъ въѣздъ въ Могилевъ новаго архіерея въ упомянутой Могилевской хроникѣ подъ 26-мъ октября 1755 года: „лишь только насталъ день св. Димитрія, въ 8 часовъ въ цехахъ начался барабанный бой, а купцы въ полномъ парадѣ и уборѣ на лошадяхъ отправились къ Печерску; за купцами своимъ порядкомъ пошли цехи до Виленской брамы, у Королевской же брамы ожидалъ прибытія архипастыря могилевскій магистратъ. И такъ впереди ѣхали купцы, за ними архипастырь, и когда остановился предъ брамою, привѣтствованъ рѣчью: ее произносилъ Ѳедоръ Козловскій съ воодушевленіемъ, отъ лица магистрата. Ар-

Нѣтъ надобности мнѣ объяснять,—вы и сами о томъ догадаетесь,—что Георгій Кониской, какъ ученый богословъ, много начитанный въ св. Писаніи на разныхъ языкахъ, обильно пользуется имъ въ своихъ проповѣдяхъ, что слова Писанія у него постоянно на устахъ, въ его свободномъ распоряженіи: это само собою разумѣется о начитанномъ въ Библіи благочестивомъ пастырѣ. Важнѣе отмѣтить ту черту проповѣди Конискаго, что она у него строгая проповѣдь. Его любимая тема—страшный судъ Христовъ во второмъ пришествіи; онъ любитъ разъяснять внутреннюю связь христіанскихъ догматовъ о воплощеніи Сына Божія, объ искупленіи Имъ рода человѣческаго чрезъ крестную смерть и о второмъ Его славнѣмъ пришествіи на всеобщій страшный судъ. Дѣйствительно, всѣ три догмата находятся въ ближайшей внутренней связи,—и Георгій, объясняя эту связь, любитъ извлечь изъ ея разсмотрѣнія надлежащій урокъ слушателямъ: нѣсколько проповѣдей его на великіе праздники Свѣтлаго Христова Воскресенія, Рождества Христова и иные праздничные дни, начатыхъ въ высоко торжественномъ и радостномъ тонѣ, подъ конецъ какъ разъ сводятся къ напоминанію о страшномъ судѣ, о великомъ отвѣтѣ, который имѣютъ дать христіане за дѣла свои. Отсюда урокъ: ходить достойно христіанскаго званія и великой жертвы Христа, принесенной за насъ Богу.

Вообще онъ рядомъ излагаетъ ученіе догматическое и нравственное, но больше нравственное ученіе, въ примѣненіи къ нравамъ своего времени и общества, учитъ и наставляетъ, порицаетъ, обличаетъ горячо и строго. Духъ моднаго вольнодумства въ высшемъ слоѣ русскаго общества, маловѣріе или практическое невѣріе вѣка, ослабленіе добрыхъ нравовъ семейныхъ и общественныхъ, злоупотребленія господъ крѣпостнымъ правомъ, роскошь, для удовлетворенія которой дѣлались утѣсненія кресть-

хіерей, въѣхавъ въ городъ, поблагословилъ народъ, и пошелъ въ Братскую церковь, въ которой, совершивъ св. литургію, поѣхалъ въ Спасскую каѳедру, въ сопровожденіи множества народа: можно сказать, что здѣсь собрался людъ обоего пола и всѣхъ классовъ, со всего города и окрестностей. По прибытіи къ Спасу также говорены рѣчи, послѣ которыхъ магистратъ и все купечество угощены обѣдомъ, при звукахъ братской музыки. Послѣ всего этого архипастырь водворился на престолъ могилевской каѳедры". (Хроника бѣлорусскаго города Могилева, собранная и писанная Александромъ Трубницкимъ и проч. Отдѣльный оттискъ изъ „Чтеній въ Общ. Истор. и Древн. при Москов. Унив." за 1887 годъ, на стр. 78.—Въ этой хроникѣ есть и другія отмѣтки про служеніе въ Могилевѣ Георгія Конискаго, интересныя для біографіи его).

янству, неправосудіе и лихоимство чиновниковъ, равнодушіе священниковъ къ пастырскому долгу учить народъ, живущій въ бѣднотѣ и во тьмѣ религіознаго невѣжества,—все это находитъ въ Георгіѣ Конискомъ горячаго порицателя, и все это дѣйствительныя черты тогдашнихъ нравовъ Бѣлоруссіи, „несчастной епархіи моей", по выраженію Георгія [1]). Для образца, какимъ тономъ проповѣдникъ говорилъ, приведу двѣ выдержки подлинными его выраженіями.

Въ словѣ на праздникъ Пятьдесятницы 4 іюня 1788 года, богословствуя о свойствахъ Пресвятаго Духа и о грѣхахъ людскихъ противъ Духа Святаго, проповѣдникъ говоритъ между прочимъ: „законами божественными своими Духъ Святой оградилъ насъ, и далъ намъ такую Императрицу, которая, изъ чистаго усердія къ правдѣ и защищенію обидимыхъ, законами гражданскими наполнила Россію, какъ рѣка весенняя, бреги свои далече преходящая: но гдѣ у насъ исполненіе божественныхъ и государственныхъ законовъ? гдѣ правосудіе? гдѣ защищеніе обидимыхъ? Не правда ли въ воровство, и защищеніе въ лихоимство обращено? Духъ Сей благодати и любви Божія къ намъ тщится всемѣрно насадить и вкоренить любовь въ насъ къ Богу и ближнему, къ братіи нашей немощной, убогой и презрѣнной: но въ комъ у насъ любовь такая? Одни изъ насъ пресыщаются, другіе гладомъ погибаютъ; одни въ роскошахъ утопаютъ, другіе въ слезахъ и горестяхъ; и не се ли есть огорченіе Духа любви Божія, не се ли угашеніе пламени Его, который воспалити въ насъ тщится Онъ? По благодѣяніяхъ многихъ, коими Богъ благословилъ Россію, се Обличитель Сей міра о грѣсѣ наказуетъ уже насъ не одною и не одинакою плетью наказаній Своихъ: то язвою моровою, то гладомъ, то войною, и

[1]) Стр. 231 могилевск. изданія, которое и дальше будетъ цитоваться. Въ предисловіи къ изданію, въ статьѣ г. Плаксина, хорошо намѣчено содержаніе словъ Георгія Конискаго и краткая характеристика ихъ.

Было бы очень полезно сравнить историческое содержаніе проповѣдей Конискаго, въ видахъ дополненія его и провѣрки, съ мемуарами и памятниками литтературными XVIII вѣка: тогда лучше будетъ понятенъ обличительный тонъ проповѣдей Георгія. Тогда окажется, что онъ—правдивый проповѣдникъ: говорю это теперь же, на основаніи нѣкотораго знакомства съ мемуарами и литтературою прошлаго вѣка. Съ другой стороны было бы интересно провести сравненіе между свѣтскими одами, да похвальными рѣчами свѣтскихъ писателей въ честь имп. Екатерины съ похвальными словами церковныхъ проповѣдниковъ: знаменательнымъ является этотъ высокій тонъ рѣчи о государынѣ духовныхъ и свѣтскихъ писателей, и самый слогъ ихъ рѣчи, очень похожій у тѣхъ и другихъ писателей.

въ сихъ однакъ наказаніяхъ мы нераскаянны и неисправны пребываемъ, и по всему подобны есьмы тѣмъ богохульникамъ, которые у Исаіи пророка говорятъ: „плинѳы падоша, а мы мраморные дома воздвигнемъ, сикоморы посѣчены, на то мѣсто поставимъ кедры". (Ис. 9, 10). И опять: „завѣтъ сотворихомъ со смертію и договоръ со адомъ: буря носимая не пріидетъ на насъ, положихомъ лжу надежду нашу и лжею покрыемся". (Ис. 28, 15).

А вотъ другое мѣсто изъ слова въ день св. великомученицы Варвары, говореннаго въ томъ же году 4 декабря, на текстъ: „сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша" (I Іоан. 5, 4). Приводя примѣры высокой вѣры религіозной, въ частности примѣръ великомученицы, проповѣдникъ спрашиваетъ слушателей: „осмотримся, христіане, можно ли и со свѣчкою сію вѣру между нами найти? Вѣрны именуемся, но міръ побѣждаетъ насъ, а не мы его: „все, еже въ мірѣ,—сказуетъ Іоаннъ Богословъ—похоть есть плотская, и похоть очей, и гордость житейская" (I Іоан. 2, 16). Всѣ сіи похоти побѣждаютъ насъ, а не мы оныя. Вѣрны есмы, а сосуды наши тѣлесные, храмы Духу Святому быти долженствующіе, въ гнѣздо блудилища и всякія содомскія мерзости врагу нашему добровольно, ни мало не противящеся, уступаемъ. Вѣрны именуемся, а роскошь насъ плѣнила, и какъ вола, за роги поцѣпленнаго, водитъ насъ: отсюду лихоимство, отсюду неправда въ судѣ, обиды невинныхъ, потачки злодѣемъ, даже и самымъ христоубійцамъ, іудеямъ. Вѣрны показуемъ себя, но съ единовѣрными братіями нашими никакимъ образомъ сообщатися нехотимъ: мы въ изобиліяхъ утопаемъ, они и капли отрады въ нуждахъ своихъ лишаются; мы домъ на домъ строимъ, приборами въ нихъ и Францію, и Англію, и Китай, и Америку собрать тщимся, единовѣрныхъ же въ тѣсныхъ и холодныхъ хижинахъ нѣсколько отдохнуть не попущаемъ. Вѣрны есмы, гордящеся однакъ врожденіемъ [1]) нашимъ, или же честишкою, пріобрѣтенною самимъ коварствомъ и обманомъ, думаемъ, что мы не тогожде Адама сыны, что и слуги наши, поставляемъ ихъ ниже собакъ нашихъ, не помня того, что въ одномъ гробѣ будемъ лежать съ ними, а возстать о далъ бы Богъ равно! Но сказано богачу, мучимому во адѣ: „помяни, яко воспріялъ еси благая въ животѣ твоемъ, Лазарь же злая" (Лук. 16, 25).

---

[1]) Рожденіемъ, благородствомъ.

Такъ-то Кониский обличаетъ маловѣріе или, выражаясь точнѣе, практическое невѣріе своего епикурейскаго матерьялистическаго вѣка [1]). И такой строгій, горячій тонъ, съ такими суровыми, рѣзкими выраженіями, является обычнымъ въ его проповѣдяхъ; кажется, онъ былъ впору и вмѣру, за исключеніемъ развѣ немногихъ слишкомъ уже рѣзкихъ выраженій на нашъ современный слухъ.

Очень часто строго важный тонъ у Конискаго, иногда въ одной и той же проповѣди, переходитъ въ иной: проповѣдникъ начинаетъ болѣе или менѣе благодушно подсмѣиваться надъ людскими пороками и недостатками, впадаетъ въ юморъ, въ иронію. По всей вѣроятности это являлось у него непосредственнымъ выраженіемъ его природнаго ума и чувства [2]). Едва ли онъ намѣренно желалъ вдаваться во что-нибудь, похожее на шутку; вѣдь онъ былъ очень серьезенъ и, конечно, не считалъ умѣстнымъ брать юмористическій тонъ въ церковномъ словѣ, при его высокомъ благочестивомъ взглядѣ на дѣло проповѣдническое. Можетъ быть проповѣдникъ желалъ иногда упростить свою рѣчь, стать понятнѣе для слушателей,—и вотъ тутъ-то, незамѣтно для самого себя, впадалъ въ юморъ, начиналъ говорить простонародныя слова и выраженія, иногда уже слишкомъ простыя и неизящныя, даже грубыя, а иногда очень мѣткія, дышущія полной правдой жизни и энергіей выраженія. Такъ напр. Конискій не разъ говоритъ съ насмѣшкой о деистахъ, которые „не помѣщаютъ въ премудрой головушкѣ своей, чтобы Богъ захотѣлъ быть человѣкомъ“, и вообще отрицаютъ узкимъ разсудкомъ таинственные христіанскіе догматы [3]). Съ ироніей же говоритъ онъ о масонахъ, о римскихъ папахъ, о нерадивыхъ свя-

---

[1]) Стран. 321—322; 363.

[2]) Вотъ что замѣчено о правительственныхъ оффиціальныхъ донесеніяхъ Конискаго по дѣламъ его епархіи: „по складу его малороссійскаго ума, самыя серьезныя донесенія его правительству блещутъ юморомъ и остроуміемъ, иронія и острота пробиваются у него сквозь слезы: грустно, невыразимо тяжело, а малороссійскій юморъ всетаки беретъ свое“. (И. Чистовичъ, Очеркъ исторіи Западно-русской церкви, част. II, стр. 107). То же раньше замѣчено и митрополитомъ Евгеніемъ Болховитиновымъ: „сей пастырь, не смотря на бѣдственную жизнь свою, во всѣхъ случаяхъ сохранялъ природную отважность духа и оборотливость ума“. (Словарь историч. о писателяхъ духовн. чина въ статьѣ о Георгіѣ Конискомъ).

[3]) Стран. 147. Сравн. на стр. 168—169, въ словѣ на день пророка Иліи 1785 года, вообще замѣчательномъ по силѣ обличеній, упоминаніе объ одномъ иностранцѣ—деистѣ, учителѣ въ одной могилевской семьѣ: проповѣдникъ обзываетъ его „хвилозопомъ“, „новымъ безмозглымъ мудрецомъ“. (Слово „дуракъ“ не разъ

щенникахъ, о худыхъ молебникахъ, т. е. тѣхъ кто невнимательно совершаютъ молитву, о лицемѣрныхъ постникахъ, о людяхъ преданныхъ пьянству, о плотоугодникахъ и т. д. [1]). Есть указаніе, что противъ масоновъ Георгій Конискій не только говорилъ въ храмѣ, но и поднималъ дѣло у свѣтской власти: иронія обращалась уже въ серьезное дѣло [2]). Такъ говорилъ и дѣйствовалъ ревностный стражъ своей паствы!

Особый отдѣлъ проповѣдей Конискаго составляютъ тѣ, которыя были говорены на высокоторжественные царицыны дни: восшествія на престолъ, коронаціи, рожденія, имянинъ. Тутъ нашъ проповѣдникъ держитъ возвышенный тонъ, а объ Императрицѣ говоритъ съ глубокимъ почтеніемъ и прямо съ энтузіазмомъ: славитъ ея благочестіе, правительственную мудрость, заботы о благѣ подданныхъ, о величіи Имперіи; съ благодар-

---

употребляется въ проповѣди Конискаго по адресу также деистовъ, натуралистовъ и всякихъ мнимыхъ мудрецовъ: слово это, кажется, звучало нѣсколько мягче, чѣмъ теперь на нашемъ языкѣ).

[1]) О масонствѣ на стр. 389. О римскихъ папахъ, установившихъ юбилейные годы съ цѣлью небезкорыстной, на стр. 249—251. (Вѣрно впрочемъ замѣчено, что Конискій былъ вообще очень остороженъ относительно католиковъ: предисловіе къ изданію на стр. 46). О нерадивыхъ священникахъ своей паствы—стр. 312—313: 404, и другія мѣста. О худыхъ молебникахъ—стран. 330—331; 349. О лицемѣрныхъ постникахъ мѣтко сказано: „постимся, а жуемъ непрестанно доброе имя братіи нашея; молитву творимъ безъ вниманія и сокрушенія; исповѣдуемъ грѣхи, коихъ не хочемъ оставить“: стран. 293. Траги-комическое изображеніе пьяницъ на стр. 254—255. О плотоугодіи сказано: „добрецо Епикурово, си есть угожденіе плоти“, стр. 200.

Замѣтить слѣдуетъ, что насмѣшка обыкновенно выражается уменьшительнымъ именемъ: „родныя дѣтки Евы“, „Вольтеровы честныя дѣтки“ т. е. раціоналисты, „жирненькая овечка“, т. е. богатый прихожанинъ и т. под. Среди важной рѣчи полуславянской подобныя уменьшительныя имена звучатъ, на нашъ современный слухъ, особенно комично: нельзя безъ улыбки читать многія страницы Конискаго, вообще весьма серьезнаго, глубоко набожнаго. Общій тонъ его рѣчи остается всётаки важнымъ, серьезнымъ, несмотря на эти частыя ироническія выраженія.

[2]) Разсказъ о жалобѣ Георгія Конискаго на могилевскихъ масоновъ мѣстному губернатору, М. В. Коховскому, находится въ запискахъ Добрынина (Истинное повѣствованіе или жизнь Гавріила Добрынина, изд. 2-е, стран. 195—197). Но вѣрно ли авторъ понялъ дѣло, будто архіерей жаловался губернатору на прежняго правителя его канцеляріи, Алѣевцева, какъ на заводчика масонства? Вѣдь въ Могилевѣ тогда служили С. И. Гамалѣя и Ѳ. П. Ключаревъ, настоящіе и горячіе масоны (Тамъ же, 193—194). Не ихъ ли имѣлъ въ виду Конискій? Если вѣрить Добрынину, то Алѣевцевъ будто бы успѣлъ обратить все дѣло въ шутку, когда онъ былъ позванъ къ отвѣту предъ губернатора и архіерея, разсмѣшилъ Конискаго, равно и губернатора Коховскаго. Во всякомъ случаѣ вѣрно, что архіерей сдѣлалъ серьезный шагъ противъ мѣстнаго масонства, лично пріѣхавъ къ губернатору переговорить о масонахъ, какъ вредныхъ сектантахъ.

ностью свидѣтельствуетъ о благодѣяніяхъ ея въ частности для Бѣлоруссіи, освобожденной ею какъ бы изъ плѣна вавилонскаго, т. е. изъ польской зависимости. Если собрать всѣ вмѣстѣ отзывы Конискаго о государынѣ Екатеринѣ II, то изъ нихъ однихъ можетъ составиться величественное изображеніе ея и ея достопамятнаго правленія. Въ нихъ нѣтъ излишка похвалъ: личность царицы, дѣйствительно великой, внушала всѣмъ почтеніе, а многимъ ближе ее знавшимъ, даже энтузіазмъ, удивленіе. А Георгій Конискій зналъ ее лично, чувствовалъ ея благодѣянія къ себѣ самому, особенно къ Бѣлоруссіи, и имѣлъ всѣ основанія прославлять ея благочестіе. Въ самомъ дѣлѣ: развѣ это не благочестивый подвигъ—забота объ угнетенномъ западно-русскомъ народѣ, который въ безпорядочной и фанатичной Польшѣ жилъ хуже, чѣмъ христіяне въ Турціи,—дѣятельная забота о возстановленіи его человѣческихъ правъ на свободу вѣроисповѣданія предковъ, о присоединеніи его къ общерусскому государству? Да, это подвигъ столько же для церкви, сколько и для государства[1]). И что бы ни говорили про философское „свободомысліе“ Екатерины,—она, конечно, уплатила ему извѣстную дань,—несомнѣннымъ все таки остается, что она была искренно религіозна: не можетъ быть великая душа не рели-

[1]) Отмѣтимъ важнѣйшія мѣста въ словахъ Конискаго лично про государыню Екатерину: въ словѣ на день рожденія императрицы, отъ 21 апрѣля 1767, сказанномъ въ Вильнѣ, въ Свято-Духовскомъ монастырѣ, проповѣдникъ славитъ ея благочестивое заступленіе за православныхъ жителей Польши: дѣло шло о диссидентахъ, когда энергично дѣйствовали князь Репнинъ и Георгій Конискій; слово при этомъ имѣетъ видъ обстоятельной исторической записки о судьбахъ православія въ Польшѣ: стр. 87—96. О томъ же заступленіи государыни, какъ уже о дѣлѣ совершившемся, и объ апостольской ревности ея и сына ея, Павла Петровича, на стр. 108—110. О славныхъ дѣяніяхъ и добродѣтеляхъ государыни, достойной всякихъ вѣнцовъ, любопытно слово въ день коронаціи ея, на текстъ: „положилъ еси на главѣ Его вѣнецъ отъ камене честна“, слово отъ 22 сентября 1782 г. на стр. 110—117. Опять о благочестіи и апостольской ревности Екатерины, выразившейся между прочимъ въ устройствѣ и обезпеченіи Слуцкой православной епархіи въ Польшѣ, въ 1785 году: стран. 160 и 166. Въ словѣ на коронацію отъ 22 сентября 1786 разъясняется смыслъ свящ. миропомазанія (какъ раньше коронованія вѣнцомъ, такъ что оба слова въ связи), и доказывается, что благодать помазанія обильно дѣйствуетъ въ русской государынѣ: стр. 213—218. Въ словѣ на день восшествія на престолъ, отъ 28 іюня 1787 г. въ 25-лѣтній юбилей царствованія Екатерины, дѣлается обзоръ славныхъ дѣлъ ея, оканчивая послѣднимъ, т. е. путешествіемъ ея по Россіи до Крыма: стр. 247—253. Еще отзывы о личности государыни на стр. 327—328; о славныхъ побѣдахъ ея на сушѣ и на морѣ, стр. 343—346; о благочестіи ея, подобномъ благочестію св. великомученицы Екатерины, стр. 357; о мудрости ея на стр. 402, 463, и другія мѣста, кромѣ рѣчей, сказанныхъ въ лицо государынѣ.

гіозною! Притомъ свободомысліе еще не есть вольнодумство. Скажемъ болѣе: не можетъ быть, чтобы Императрица, любившая свой народъ и имъ любимая, не была однихъ съ нимъ чувствъ и воззрѣній, т. е. православныхъ, русскихъ.

Особую группу ораторскихъ произведеній Конискаго, правда очень не большую, составляютъ его рѣчи. Ихъ сохранилось только четыре, и всѣ онѣ—образцовыя по искусству изложенія, силѣ мысли, стройности и красотѣ выраженія: видно, что авторъ употребилъ особое стараніе на ихъ отдѣлку; въ нихъ очень удачно соединяется вдохновеніе съ ясностью и спокойствіемъ мысли. Рѣчи эти суть слѣдующія въ хронологическомъ порядкѣ ихъ говоренія: 1. Рѣчь государынѣ Екатеринѣ II-й, произнесенная въ Москвѣ, на празднествѣ коронаціи 29 сентября 1762 года (т. е. собственно недѣлю спустя послѣ дня коронаціи). 2. Рѣчь на латинскомъ языкѣ королю польскому Станиславу Августу, произнесенная въ Варшавѣ, 27 іюля 1765 года, въ защиту православныхъ подданныхъ короля. 3. Рѣчь государынѣ Екатеринѣ Великой, сказанная въ Петербургѣ, въ придворной церкви 10 марта 1773 года, по случаю присоединенія Бѣлоруссіи къ Имперіи, въ благодарность за это присоединеніе. 4. Рѣчь той же государынѣ при встрѣчѣ ея въ Мстиславлѣ, во время путешествія ея по Имперіи, сказанная 19 января 1787 года. (Эта рѣчь начинается остроумнымъ оборотомъ: „оставимъ астрономамъ доказывать“, — всѣмъ извѣстная, классическая рѣчь Георгія Конискаго).

На этомъ я кончу мою маленькую поминку о знаменитомъ архипастырѣ проповѣдникѣ[1]).

---

[1]) А о рѣчахъ считаю нужнымъ войти здѣсь въ нѣкоторыя подробности.

Несомнѣнно была произнесена Конискимъ еще одна рѣчь императрицѣ Екатеринѣ, при посѣщеніи ею г. Могилева въ 1780 году, вмѣстѣ съ императоромъ австрійскимъ Іосифомъ II. Объ этомъ посѣщеніи и рѣчи Георгія такъ говорится въ цитованной выше хроникѣ могилевской: „1780 г. мая 24, въ 11-ть часовъ утромъ прибывши въ Могилевъ императрица Екатерина поѣхала въ каѳедральную Спасскую церковь на литургію; *здѣсь встрѣтилъ ее рѣчью епископъ Георгій Конискій*, со всѣмъ духовенствомъ. За два дня предъ прибытіемъ монархини пріѣхалъ въ Могилевъ римскій императоръ Іосифъ II, подъ именемъ графа Фалькенштейна. Во время пребыванія государыни въ Могилевѣ съѣздъ разныхъ вельможъ и дворянъ такъ былъ великъ, что въ городѣ всѣ дома были заняты, а въ пріемный день однихъ каретъ у дворца стояло до трехсотъ. Екатерина и Іосифъ на память этого свиданія собственноручно заложили фундаментъ церкви св. Іосифа. Оба монарха, побывъ въ Могилевѣ до 30 мая, послѣ обѣда уѣхали въ Петербургъ“. (Хроника бѣлорус. города Могилева, стр. 83—84).

Г. И. Добрынинъ, подробно описавшій этотъ пріѣздъ императрицы и императора, также свидѣтельствуетъ, въ качествѣ очевидца, что Екатерина по въѣздѣ въ Могилевъ направилась мимо присутственныхъ мѣстъ прямо въ соборную церковь, гдѣ преосвящ. могилевскій Георгій Конисскій, встрѣтивъ монархиню съ духовенствомъ и клиромъ, по чиноположенію церкви, и ставъ на проповѣдническомъ мѣстѣ, *провозгласилъ приличную сему случаю рѣчь*". (Истин. повѣств. стр. 209). Далѣе тотъ же авторъ сообщаетъ слѣдующія любопытныя извѣстія: „въ праздникъ Вознесенія и въ день воскресный государыня слушала обѣдню въ соборной церкви при отправленіи священнослуженія могил. еп. Георгіемъ Конисскимъ, при чемъ съ достойнымъ зрѣнія благочестіемъ и нравственной простотою предстояла священному олтарю, и при важнѣйшихъ дѣйствіяхъ богослуженія изображала на себѣ полный крестъ, и покланялась столь низко, сколь позволяетъ сложеніе человѣческаго корпуса; сіе примѣтно было всѣмъ единовѣрцамъ и католикамъ. По заложеніи церкви св. Іосифа—продолжаетъ ниже Добрынинъ—Георгій Конисскій сказалъ предъ императрицею *краткую рѣчь*, безъ сомнѣнія, приготовившись, а императрица отвѣтствовала ему еще короче, безъ сомнѣнія, не готовившись". (Тамъ же стр. 209—210 Смотр. далѣе 211 о пожалованіи Георгію брильянтоваго креста; снесите разсказъ въ запискахъ Л. Н. Энгельгардта, который говоритъ о пожалованіи архіерею не креста, а панагіи: стр. 23-я Записокъ, издан. „Русскимъ Архивомъ". Гдѣ вѣрнѣе, не могу сказать). Отмѣчу еще одно любопытное извѣстіе Добрынина, что послѣ проводовъ императрицы бѣлорусскій намѣстникъ, фельдмаршалъ графъ Зах. Гр. Чернышевъ съ губернскими чиновниками имѣлъ обѣдъ у преосв. Георгія, на которомъ „подтянули нещадно у всещедраго владыки шампанскаго вина". (Тамъ же стр. 215). Такъ Могилевъ праздновалъ пріѣздъ Высочайшихъ особъ, по современнымъ извѣстіямъ.

Отъ этихъ интересныхъ подробностей возвращаюсь къ вопросу о рѣчахъ преосв. Георгія. Итакъ несомнѣнно, что въ 1780 году, въ пребываніе Екатерины въ Могилевѣ, Конисскій привѣтствовалъ ее рѣчью, вѣроятно даже не одной рѣчью. Но печатались ли онѣ, неизвѣстно; вѣроятно, не печатались, судя по отсутствію указаній на то; мнѣ по крайней мѣрѣ не встрѣчалось никакихъ указаній.

Митр. Евгеній пишетъ, что при проѣздѣ Императрицы чрез Могилевскую губернію, въ 1787 году, ей были говорены Георгіемъ Конисскимъ *двѣ рѣчи*, напечатанныя тогда же въ Москвѣ. (Словарь о писат. дух. чина на стр. 93). Новая загадка! Изъ „Журнала Высочайшаго путешествія 1787 года", въ томъ же году изданнаго, видно, что преосв. Конисскій встрѣчалъ тогда государыню только въ одномъ мѣстѣ, и говорилъ только одну рѣчь, именно въ г. Мстиславлѣ 19 генваря 1787 года. (Смотр. стр. 18—20 названнаго „Журнала", гдѣ описана вся обстановка, при которой говорилась знаменитая рѣчь уже 70-ти лѣтнимъ ораторомъ, а также записаны пожалованія Императрицы лично Георгію, потомъ церквамъ и монастырямъ) Для другой рѣчи, по видимому, не было мѣста и случая. Точно ли говоритъ здѣсь преосвященный Евгеній? Развѣ не видалъ ли онъ печатную рѣчь 1780 года, да по ошибкѣ отнесъ ее къ тому же 1787 году, такъ что вышло сразу двѣ рѣчи одного года? Но въ печатныхъ сборникахъ Григоровича и новѣйшемъ могилевскомъ изданіи нѣтъ никакой рѣчи Конисскаго отъ 1780 года, и есть только одна (мстиславская) отъ 1787 года.

О рѣчахъ 1762 и 1765 г. смотр. интересныя указанія у Н. Бантыша-Каменскаго (Истор. изв. объ уніи, стр. 373—374; 379—385, гдѣ и тексты), у м. Евгенія, у Григоровича и проч. Латинскую рѣчь 1765 г. переводили по русски Н. Н. Бантышъ-Каменскій и о. Григоровичъ.

Нѣсколько словъ о значеніи А. С. Грибоѣдова въ развитіи русской поэзіи.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ Кн. Безбородко по случаю столѣтія со дня рожденія Грибоѣдова.

Д. ч. А. П. Кадлубовскаго.

Мм. Гг.!

Я принялъ на себя почетную и лестную обязанность посвятить свое скромное слово памяти великаго человѣка, столѣтіе со дня рожденія котораго мы празднуемъ сегодня, память котораго собрала насъ здѣсь, какъ собираетъ нынѣ и въ другихъ мѣстахъ русскихъ людей, еще разъ напомнить о его дѣятельности, о его заслугахъ. Заслуги эти и значеніе его разнообразны и велики, и въ короткое время, которымъ я располагаю, я не могу расчитывать дать всестороннюю ихъ оцѣнку. Я позволю себѣ остановиться на вопросѣ, который прежде всего представляется мнѣ, когда приходится говорить о значеніи и заслугахъ извѣстнаго историческаго дѣятеля: вопросъ о томъ, что новаго внесъ онъ въ ту сферу дѣятельности, въ которой работалъ, что далъ для ея будущаго, какое мѣсто занимаетъ онъ въ ея послѣдовательномъ развитіи; позволю себѣ остановиться на этомъ вопросѣ примѣнительно къ Грибоѣдову потому, что недостаточно, представляется мнѣ, оцѣнивается онъ съ этой стороны, со стороны роли и значенія его въ послѣдовательномъ ходѣ развитія русской поэзіи, бывшей сферою его дѣятельности, той дѣятельности, которая и составляетъ его славу.

Русская поэзія, которой посвящены были лучшія силы Грибоѣдова, во все время послѣ того, какъ поэзія была признана

впервые, какъ особая область литературы, въ концѣ XVII и особенно въ XVIII вѣкѣ, находится, начиная отъ западно-русскаго школьнаго стихотворства и до Пушкина, въ періодѣ постояннаго развитія и усовершенствованія; каждый почти ея представитель вноситъ въ это дѣло то большую, то меньшую долю. Какая же доля внесена была Грибоѣдовымъ, трудившимся для русской поэзіи въ первую четверть настоящаго столѣтія?

Ложноклассицизмъ—вотъ слово, которое со школьныхъ годовъ мы запоминаемъ, какъ характеристику преобладающаго направленія русской поэзіи въ XVIII вѣкѣ; лишь въ концѣ вѣка это направленіе встрѣчаетъ болѣе или менѣе смѣлые протесты и противодѣйствіе. Мы представляемъ себѣ это направленіе, какъ господство извѣстной, именно французской, теоріи поэзіи, ея искусственныхъ, рутинныхъ, часто прямо фальшивыхъ правилъ, которымъ слѣпо подчиняются однако дѣятели литературы. Но сущность ложноклассицизма, какъ историческаго явленія, лежитъ болѣе глубоко; она заключается не столько въ господствѣ французской поэтики, сколько въ подчиненіи художественнаго творчества кодексу внѣшнихъ правилъ вообще, кодексу, сводящемуся къ рецептурѣ, по которой можно и нужно сочинять тѣ или другія произведенія. Рецепты называютъ извѣстный литературный родъ: поэму, оду, трагедію—и перечисляютъ тѣ свойства, которыя писатель долженъ вложить въ свое произведеніе, смотря по тому, въ какомъ „родѣ“ будетъ онъ писать; поэтическія формы рѣзко разграничивались, и смѣшеніе признаковъ наприм. трагедіи и комедіи въ одномъ произведеніи строго преслѣдовалось теоріей и критикой [1]); искусство поэзіи сводилось къ внѣшней техникѣ. Дѣло въ томъ, что хотя поэзія уже и сознавалась, какъ особая область литературы, какъ искусство, и чувствовалось различіе между поэзіей и прозой, но сознаніе это было еще мало развито, пониманіе искусства и его задачъ не могло еще идти глубоко; истинную цѣну произведенію

---

[1]) Россія въ этомъ отношеніи слѣдовала за Западомъ; и на Западѣ мы встрѣчаемъ очень интересныя явленія этого рода; напр. Лессингъ, по заслугамъ стяжавшій славу разрушателя ложноклассицизма, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ самъ стоитъ на почвѣ воззрѣній, отличавшихъ ложноклассицизмъ; противъ смѣшенія трагическаго элемента съ комическимъ онъ высказывается (Dramaturgie, 69; переводъ Рассадина, стр. 348 и слѣд.) съ неменьшею рѣшительностью, чѣмъ Вольтеръ, утѣшавшій нашего Сумарокова своимъ письмомъ въ отвѣтъ на его жалобы по поводу „слезныхъ комедій“; только Лессингъ сдержаннѣе выражается и старается обосновать философски свою мысль.

давала та польза, та поучительность, которую непосредственно можно было изъ него извлечь, тѣ мысли, которыя были въ немъ выражены; на элементъ собственно поэтическій смотрѣли лишь какъ на пріятную „забаву“, на поэтическую форму—какъ на средство подсластить горькую иной разъ пилюлю нравоученія; самая сущность поэзіи очень нерѣдко понимается въ смыслѣ стихотворной формы [1]). Въ уста дѣйствующихъ лицъ влагались поэтому разсужденія, съ дѣйствіемъ не связанныя и на нашъ взглядъ лишь мѣшающія ему, а на взглядъ нашихъ предковъ дававшія особую цѣну произведенію. И въ результатѣ холодна и суха была эта литература—трудно сказать „поэзія“. Не было и рѣчи о душевномъ участіи художника въ предметахъ и дѣйствіяхъ, которые онъ изображалъ или „пѣлъ“, о томъ, чтобы въ произведеніи отразилась живая душа его, чтобы онъ самъ пережилъ, выстрадалъ свои созданія, чтобы мы могли примѣнить къ нему знаменитыя слова Бѣлинскаго о Пушкинѣ: „Да, я свято вѣрю, что онъ вполнѣ раздѣлялъ безотрадную муку отверженной любви черноокой черкешенки или своей плѣнительной Татьяны, этого лучшаго и любимѣйшаго идеала его фантазіи; что онъ вмѣстѣ со своимъ мрачнымъ Гиреемъ томился этою тоскою души, пресыщенной наслажденіями и все еще не вѣдавшей наслажденія, что онъ горѣлъ неистовымъ огнемъ ревности, вмѣстѣ съ Заремою и Алеко, и упивался дикою любовью Земфиры; что онъ скорбѣлъ и радовался за свои идеалы; что журчаніе его стиховъ согласовалось съ его рыданіями и смѣхомъ“ [2]). Бѣлинскій вѣрилъ, по выраженію одного изъ отдаленныхъ своихъ преемниковъ на поприщѣ русской критики, „въ то, что душа самого поэта разлита въ этихъ созданіяхъ и живетъ ихъ жизнью“ [3]). Обо всемъ этомъ не было и рѣчи, какъ въ связи съ этимъ не было ея и вообще о томъ, чтобы въ поэтическомъ произведеніи отражалась дѣйствительная жизнь, съ ея радостями и страданіями; да это и не пришлось бы по вкусу той барской средѣ, въ которой и для которой существовала эта литература; эти люди не хотѣли волноваться и страдать съ поэтомъ, они искали

---

[1]) Интересно, что хотя всегда высказывалось, что различіе между поэзіей и прозой не въ формѣ рѣчи, тѣмъ не менѣе на дѣлѣ недалеко уходила отъ этого взгляда критика и теорія: теорія упорно наприм. остерегалась признать романъ поэтическимъ родомъ; это уже было сдѣлано романтиками.

[2]) *Бѣлинскій*, сочиненія, I, 85.

[3]) *Н. Н. Страховъ*. Критическія статьи о Тургеневѣ и Толстомъ, 298.

въ искусствѣ средства пріятно и забавно провести время, да вмѣстѣ съ тѣмъ прочесть или выслушать нѣсколько хорошихъ истинъ, нравственныхъ мыслей, о соотвѣтствіи которыхъ съ жизнью они—увы!—мало думали. Такому настроенію какъ разъ пришлась въ пору французская поэтическая теорія. Поэзія такимъ образомъ не являлась средствомъ для выраженія души самого поэта, душа его не разлита въ его созданіяхъ; внутренняя потребность творчества отсутствуетъ или слаба, она замѣняется внѣшней техникой; отсюда отсутствіе искренности, формальность и холодность.

Вотъ почему въ созданіяхъ этой литературы мы видимъ не живыхъ людей, а отвлеченныхъ носителей той или другой добродѣтели, того или другого порока, изображенныхъ внѣ условій пространства и времени и лишь поставленныхъ по волѣ автора другъ къ другу въ такія отношенія, что они или страдаютъ, какъ въ трагедіи, или попадаютъ въ смѣшныя положенія, какъ въ комедіи...

Извѣстны тѣ протесты, которые раздавались мало по малу противъ господствующаго направленія; въ нашей литературѣ ранѣе всего они заключались въ исканіи посредствующихъ между признанными школой литературныхъ формъ; таковы „мѣщанскія драмы“, соединяющія нѣкоторыя черты трагедіи и нѣкоторыя—комедіи; затѣмъ протесты направлялись на самый тонъ и манеру изложенія, шли противъ холодности, отличавшей ложноклассицизмъ, хотя бы и съ соблюденіемъ предѣловъ традиціонныхъ формъ; на смѣну ложноклассицизму идутъ направленія сентиментальное и романтическое; но именно исканіе чувства въ поэзіи отличаетъ сентиментализмъ, а не самое чувство; личность поэта все еще не отражается сама въ его поэзіи, чувствительность является дѣланною и идетъ въ разрѣзъ съ холодностью и искусственностью всего построенія произведеній; я имѣю въ виду преимущественно драматическую литературу и наиболѣе виднаго представителя этого ея направленія, Озерова; съ указанной точки зрѣнія его трагедіи мало чѣмъ отличаются отъ Сумароковскихъ.

Романтическое движеніе имѣло въ своемъ содержаніи много общаго съ сентиментальнымъ, отличаясь также извѣстной приподнятостью настроенія, слабымъ знаніемъ дѣйствительной жизни и чувства, да и недостаточнымъ вниманіемъ къ нимъ. Все же оно дѣлало большой шагъ впередъ въ смыслѣ искренности; но

было въ этомъ отношеніи одностороннее, отражая лишь извѣстную сторону душевной жизни; да и развивалось оно преимущественно въ предѣлахъ немногихъ, довольно замкнутыхъ, литературныхъ формъ, особенно элегіи и баллады. Такова была дѣятельность Жуковскаго, расширившаяся уже въ болѣе позднюю пору, подъ новыми вліяніями.

Въ области драмы и театра болѣе, чѣмъ въ другихъ, жило старое направленіе; драма составляла его главную силу, была главной его представительницей и оттого наиболѣе держалась противъ новыхъ теченій. Конечно, комедія, которой одной дозволялось брать свои сюжеты изъ современной жизни и изъ среды обыкновенныхъ людей, была болѣе доступна обновленію и оживленію; и мы замѣчаемъ постоянно попытки то представить дѣйствительныя черты жизни, охарактеризовать современные общественные недостатки, то внести въ комедію національную окраску, то даже изобразить народные типы (Лукинъ; Аблесимовъ и др.); но всетаки истинно пережитого, перечувствованнаго еще немного; эти реальныя черты современной жизни хотя и подмѣчены подъ часъ вѣрно, но болѣе во внѣшнихъ очертаніяхъ, онѣ не слагаются въ одну вполнѣ цѣлостную, органическую и связанную картину, недостатки искусственной теоріи сохраняютъ свою силу: дѣйствіе строится по шаблону, разсужденія дѣйствующихъ лицъ не связаны съ дѣйствіемъ, сами они не являются всесторонне освѣщенными живыми людьми; и эти недостатки мы видимъ даже у наиболѣе сильнаго до Грибоѣдова представителя русской драматической литературы, Фонвизина.

Я позволилъ себѣ это можетъ быть слишкомъ длинное отступленіе для того, чтобы, взглянувъ теперь на дѣятельность Грибоѣдова, сравнить ея черты съ чертами литературы предшествующей поры; сравненіе это должно обнаружить, какой огромный шагъ впередъ сдѣланъ былъ Грибоѣдовымъ на пути развитія поэзіи, какъ искусства, въ частности драматической поэзіи, къ области которой и относятся его заслуги.

Грибоѣдовъ имѣлъ много данныхъ для того, чтобы занять самостоятельное положеніе въ воззрѣніяхъ на поэзію, стать независимо отъ господствовавшихъ въ его время литературныхъ вкусовъ. Кромѣ большого поэтическаго дарованія, онъ отличался яснымъ, свѣтлымъ и развитымъ умомъ, который отразился на его литературныхъ работахъ, и который высоко цѣнили знавшіе его („Грибоѣдовъ очень уменъ“; „это одинъ изъ самыхъ умныхъ

людей въ Россіи", замѣчалъ въ 1828 г. Пушкинъ [1]), и значительнымъ образованіемъ, которымъ онъ превосходилъ современныхъ литераторовъ, не исключая и Пушкина того времени. Воспитанникъ Московскаго Университета, онъ кромѣ общаго вліянія университетскаго образованія испыталъ руководство одного изъ образованнѣйшихъ профессоровъ, Буле, который особенно занимался философіей и эстетикой; онъ не мало содѣйствовалъ развитію литературныхъ вкусовъ своего воспитанника. Буле былъ сторонникомъ классической литературной школы; но, широко образованный, онъ болѣе цѣнилъ самую античную литературу, чѣмъ подражанія ей; учениковъ своихъ онъ знакомилъ съ разными произведеніями литературы древней и новой, возбуждалъ интересъ къ нимъ, пріучалъ ихъ самостоятельно изучать предметъ и углубляться въ него. На даровитаго юношу онъ имѣлъ сильное вліяніе. Грибоѣдова мы видимъ знакомымъ и съ классическими литературами (Плавтомъ, Теренціемъ; Буле особенно любилъ комедію, знакомилъ учениковъ своихъ съ ея образцами) и глубоко начитаннымъ въ произведеніяхъ западныхъ литературъ.

По выходѣ изъ университета Грибоѣдову удавалось попадать въ наиболѣе образованную среду: съ 1812 года мы видимъ его въ военной службѣ; а военное общество того времени было однимъ изъ самыхъ передовыхъ и образованныхъ, даже провинціальное; въ немъ много было людей, преданныхъ интересамъ мысли, науки и литературы [2]). По оставленіи имъ военной службы мы видимъ его въ Петербургѣ, въ общеніи съ наиболѣе вид-

---

[1]) Соч. Грибоѣдова, изд. Шляпкина, I, XXXIX.

[2]) См. напр. записки Басаргина: онъ характеризуетъ общество главной квартиры въ Тульчинѣ, какъ болѣе серьезное, чѣмъ свѣтское или беззаботно веселое: при развлеченіяхъ каждый еще старался объ умственномъ и нравственномъ образованіи. Собираясь по вечерамъ, отдавали другъ другу отчетъ въ томъ, что дѣлали, читали, думали; толковали о современныхъ событіяхъ, объ отвлеченныхъ вопросахъ, дѣлились вообще свѣдѣніями и мыслями (стр. 66).

Записки Никитенко, I, 114 и слл.; Записки Якушкина, Тургенева и др. Срв. *Пыпинъ*, Общественное движеніе при Александрѣ Первомъ, 348 и слл., гдѣ это явленіе обстоятельно разъяснено.

Среди военныхъ людей того времени можно назвать такихъ, какъ Пестель, Рылѣевъ, Юзефовичъ. О послѣднихъ двухъ см. напр. Записки Никитенко въ указанномъ мѣстѣ; интересно впечатлѣніе, произведенное Рылѣевымъ на автора Записокъ, тогда еще мальчика.—Самому Грибоѣдову пришлось въ военной средѣ встрѣтить С. Н. Бѣгичева, съ которымъ онъ такъ сошелся; онъ высоко цѣнилъ этого человѣка, и Бѣгичевъ имѣлъ на него не малое благотворное вліяніе.

ными представителями литературы и образованности; увлекаемый теченіемъ, онъ поступаетъ въ масонскую ложу [1]), а въ числѣ масоновъ находился едва ли не весь цвѣтъ тогдашней образованности; Грибоѣдова мы видимъ въ одной ложѣ съ Чаадаевымъ и Пестелемъ [2]). Все это содѣйствовало дальнѣйшему развитію молодого Грибоѣдова; его умственное развитіе и интересы крѣпнутъ: онъ ревностно занимается исторіей и обнаруживаетъ серьезный, научный интересъ къ ней; интересъ къ литературѣ у него такъ силенъ, что онъ способенъ предаваться чтенію и размышленію о читанномъ и въ дорогѣ, во время отдыховъ; напримѣръ, во время перваго путешествія въ Персію, въ 1818 году, онъ читаетъ „Дѣянія Петра Великаго" Голикова: „одинъ томъ Петровыхъ акцій у меня въ бричкѣ", пишетъ онъ своему другу Бѣгичеву, „и я зѣло на него и на его колбасниковъ сержусь" [3]); другой разъ читаетъ онъ Шенье [4]) (во время эриванскаго похода), или Т. Мура [5]). Широкое развитіе и обширная начитанность помогли Грибоѣдову воспитать въ себѣ хорошій литературный вкусъ: онъ умѣетъ цѣнить Шекспира [6]), восторгается Гете, высоко ставитъ Шиллера и Байрона [7]); въ письмахъ его встрѣчаемъ не мало указаній и на другихъ европейскихъ писателей; не говорю уже о Мольерѣ, изученіе котораго вызвано было между прочимъ и воздѣйствіемъ Буле (любившаго, какъ уже замѣчено, комедію), и вліяніе котораго такъ отразилось на дѣятельности самого Грибоѣдова. Булгаринъ, глубокій почитатель Грибоѣдова, въ статьѣ „Литературные призраки" [8]) вывелъ его подъ именемъ Талантина [9]) и заставилъ разговаривать съ другими современными литераторами о вопросахъ поэзіи и науки; можно предполагать, что Талантину дѣйствительно приписаны вкусы, взгляды и мысли самого Грибоѣдова; въ статьѣ

---

[1]) *Пыпинъ*, н. соч., 300, 312.

[2]) Тамъ же, 494.

[3]) Соч. Грибоѣдова, изд. Шляпкина, I, 169.

[4]) Тамъ же, 114.

[5]) Тамъ же, 53.

[6]) Сообщеніе Бестужева; см. въ изд. Шляпкина, I, XXII.

[7]) Соч. Грибоѣдова, I, XXXII, XXXIII.

[8]) Тамъ же, I, 370.

[9]) Что подъ Талантинымъ разумѣется именно Грибоѣдовъ, можно заключать изъ многихъ мѣстъ самой статьи, а также на основаніи впечатлѣнія, произведеннаго ею на Грибоѣдова, который прямо призналъ въ Талантинѣ себя и отвѣчалъ Булгарину извѣстнымъ ругательнымъ письмомъ (Соч. I, 192—3). Такъ понимается статья Булгарина давно уже біографами Грибоѣдова.

Булгарина мы можемъ видѣть лишнія данныя для заключенія объ обширной начитанности Грибоѣдова не только въ художественной литературѣ, но и исторической (въ томъ числѣ въ памятникахъ, что подтверждается и сохранившимися замѣтками самого Грибоѣдова), философской, о его интересѣ къ вопросамъ эстетики и знакомствѣ съ западно-европейскими сочиненіями по этому предмету (Блера, Бутервека, Шлегелей, Зульцера).

Ко всему этому надо прибавить личный характеръ Грибоѣдова, отличавшійся правдивостью и искренностью; онъ заставлялъ его вооружаться противъ фальши всякаго рода, долженъ былъ содѣйствовать и отвращенію Грибоѣдова къ фальши въ искусствѣ.

Все это, вмѣстѣ взятое, помогло Грибоѣдову стать въ положеніе независимое по отношенію къ литературѣ, литературнымъ вкусамъ. Въ самомъ началѣ мы видимъ его примкнувшимъ не къ кружку романтиковъ, центромъ котораго было литературное общество, извѣстное подъ именемъ Арзамаса, и встрѣчаемъ въ союзѣ съ тѣми литераторами, которые поддерживали традиціи ложноклассицизма, особенно съ Катенинымъ. Арзамасцы смѣются надъ нимъ, какъ напримѣръ Батюшковъ; „кандидатъ Бесѣды пресловутой", съ насмѣшкой называетъ его, вторя Батюшкову, В. Л. Пушкинъ, въ 1816 году, не подозрѣвая, что этотъ молодой человѣкъ станетъ гораздо выше литературныхъ споровъ того времени. Классическія традиціи, оставшіяся до извѣстной степени въ Грибоѣдовѣ подъ вліяніемъ Буле, любовь къ театру и драмѣ, которымъ всегда оказывали наибольшее вниманіе именно классики,—вотъ, полагаю, причины, почему Грибоѣдовъ держался ближе къ старой литературной партіи; но важна была и другая, внутренняя причина: повидимому Грибоѣдовъ скорѣе мирился съ классицизмомъ, чѣмъ съ тою мечтательностью, часто сентиментальностью, которыя проявлялись представителями новаго литературнаго теченія, съ туманностью, возведенной въ принципъ отрѣшенностью отъ жизненности и реальности, которыя отличали романтизмъ; скорѣе онъ мирился съ плоскостью классической драмы, чѣмъ съ туманностью романтической поэзіи, съ открытой холодностью, чѣмъ съ фальшивой чувствительностью. Кромѣ того, присоединеніе его къ старой партіи давало ему, можетъ быть, и болѣе свободы; теорія ея являлась уже слишкомъ устарѣлой, слишкомъ теряла силу, и съ литературными вкусами романтиковъ Грибоѣдову пришлось бы больше

считаться, чѣмъ съ правилами этой теоріи. Какъ бы то ни было, весьма знаменательнымъ и смѣлымъ представляется также положеніе, принятое молодымъ писателемъ среди враждующихъ партій, рисуя большую самостоятельность его мысли, прямоту и умѣнье еще въ юные годы выработать себѣ въ извѣстныхъ вопросахъ опредѣленные взгляды. И вотъ, еще въ юности пишетъ Грибоѣдовъ пародію на Озерова („Дмитрій Дрянскій"), до насъ не дошедшую. Зато дошла до насъ написанная имъ вслѣдъ затѣмъ комедія „Студентъ", гдѣ осмѣиваются, и иной разъ довольно безпощадно, члены Арзамаса, главнымъ образомъ Жуковскій и Батюшковъ; выставленный въ смѣшномъ, почти каррикатурномъ видѣ, герой пьесы съ восторгомъ говоритъ о „плѣнительныхъ мелодіяхъ пѣвцовъ своей печали" [1]), ищетъ въ людяхъ „этого стремленія, этого позыва души туда! къ чему то высшему, неизвѣстному"! [2]) Декламируетъ свои стихи, представляющіе пародію на стихи Жуковскаго и Батюшкова (изъ которыхъ нѣкоторые цѣликомъ и взяты сюда), въ родѣ слѣдующихъ:

Дружись, о другъ, съ мечтой.
Таинственный покой
Сопутствуетъ намъ съ нею;
И Грація—печаль,
И сумрачная даль,
И будущность зарею—
Намъ будутъ съ ней сіять,—

при чемъ онъ самъ восхищается, какъ „эта неопредѣленность будущаго, сумракъ дальній приготовляютъ сердце къ тихому сладостному мечтанію";
или:

И мрачныхъ мыслей сынъ
Съ мечтою, не одинъ,
Онъ преплываетъ море
Туманныхъ, бурныхъ думъ,
Отъ коихъ взоръ и умъ
Смущеньемъ цѣпенѣютъ [3]).

Онъ заботится, чтобы стихи его вышли постращнѣе, и т. д.; а для полноты картины авторъ заставляетъ слугу героя, Федьку, въ качествѣ представителя здраваго смысла, изобличать ихъ полную непонятность. И впослѣдствіи Грибоѣдовъ не оставляетъ случая поиронизировать слегка надъ утрированной чувстви-

---

[1]) Соч. Грибоѣдова, II, 125.
[2]) Тамъ же, 131.
[3]) Тамъ же, 128, 129.

тельностью и романтической мечтательностью дѣятелей школы Арзамаса: такъ, въ 1819 году онъ въ путевыхъ, наскоро набросанныхъ запискахъ, отмѣчаетъ однакоже: „нынче мы съ трудомъ проработывались между камней, по гололедицѣ, въ царствѣ Жуковскаго, надъ пропастями; туманы, туманы надъ горами“ [1]). Далѣе, говоря объ утонченной любезности хозяина перса (у котораго пришлось ему однажды остановиться въ своихъ странствованіяхъ), онъ замѣчаетъ, что въ отвѣтъ на нее „Карамзинъ бы заплакалъ, Жуковскій стукнулъ бы чашей въ чашу, я отблагодарилъ янтарнымъ гроздnымъ сокомъ, нектаромъ Эривани, и пурпурнымъ Кахетинскимъ“ [2]). Здѣсь хорошо выразилась конкретнымъ образомъ любовь Грибоѣдова не къ туманной мечтѣ и приподнятости чувства, а къ реальной, дѣйствительной жизни, жизни, одѣтой въ плоть и кровь, простое, трезвое отношеніе его къ вещамъ.

Недружелюбныя отношенія между Грибоѣдовымъ и сентиментально-романтическимъ кружкомъ объясняютъ и непріязненность, съ которою встрѣтилъ „Горе отъ ума“ Карамзинъ.

Эта трезвость воззрѣній Грибоѣдова, любовь его къ естественности, къ отсутствію преувеличеній,—стоитъ въ связи не только съ обширною начитанностію его, способствовавшей развитію его литературнаго вкуса, но и съ его историческимъ образованіемъ [3]); оно содѣйствовало укрѣпленію трезвыхъ взглядовъ на жизнь, на человѣческія отношенія и дѣятельность, давало прочную опору для здоровыхъ, реальныхъ воззрѣній, поддерживало нерасположеніе къ мечтательности и туманности. Если любовь къ историческимъ занятіямъ въ началѣ развилась также не безъ вліянія Буле, то впослѣдствіи она усилилась и окрѣпла у него подъ вліяніемъ того общаго оживленія патріотизма и интереса къ русской жизни и исторіи, которое охватило русское общество послѣ отечественной войны, и въ томъ числѣ лучшихъ представителей тогдашней образованности; сочувствіе къ народу развивается вмѣстѣ съ этимъ; и у Грибоѣдова ясно сказывается любовь къ народу, къ народной жизни и поэзіи; въ нихъ усматриваетъ онъ простоту, естественность и свободу, и

---

[1]) Тамъ же, I, 36.

[2]) Тамъ же, 41.

[3]) Серьезность и настоящая научность его историческихъ занятій отмѣчается всѣми біографами его и видна въ различныхъ его замѣткахъ; см. сочиненія, т. I.

именно эти стороны цѣнитъ (см. напр. его статью „Загородная поѣздка“ [1]) 1826 г.; любовь и вѣра въ народъ особенно отразилась въ планѣ драмы „1812 годъ“ [2]).

Но вооружаясь во имя естественности и простоты противъ романтиковъ, съ классиками сойтись вполнѣ и признать ихъ теорію Грибоѣдовъ также не могъ: обѣ школы все таки были для него искусственными и стѣсняли его дарованіе. Онъ спорилъ со своими друзьями классиками, напримѣръ, съ Катенинымъ, и они считали его романтикомъ [3]). Никто до Грибоѣдова въ русской литературѣ не становился въ такое независимое положеніе, не охранялъ такъ ревниво свободу творчества отъ рамокъ внѣшней теоріи. Впослѣдствіи, уже послѣ „Горя отъ ума“, онъ гордо и смѣло провозгласилъ принципъ свободы творчества въ извѣстномъ письмѣ Катенину [4]); это замѣчательное письмо содержитъ его „поэтику“, „несложную“, по выраженію Алексѣя Н. Веселовскаго, и представляетъ наиболѣе ясное и полное отрицаніе искусственной теоріи, какого еще не раздавалось въ русской литературѣ: „я, какъ живу, такъ и пишу свободно и свободно“ — такова заключительная и главная мысль письма. Можно сказать, что Грибоѣдовъ завершилъ дѣло низверженія классической теоріи и освобожденія отъ нея русской литературы.

До сихъ поръ мы касались литературныхъ воззрѣній Грибоѣдова, насколько они выражены были теоретически; въ этой формѣ они особаго вліянія имѣть не могли, потому что большею частью не были обнародованы въ свое время, выраженные въ письмахъ и т. п. бумагахъ. Но онъ проводилъ ихъ и на практикѣ и въ своемъ собственномъ художественномъ творчествѣ совершилъ дѣло разрушенія старыхъ, стѣснительныхъ взглядовъ, внѣшней теоріи. Еще къ 1817 году, къ эпохѣ, когда только начиналъ свою дѣятельность Пушкинъ, относятъ планъ драмы „1812 годъ“, планъ, свидѣтельствующій о замыслахъ широкихъ и свободныхъ отъ стѣсненій классической теоріи. Но если отъ драмы „1812 годъ“ остался лишь планъ, то дошло до

---

[1]) Сочиненія, I, 108—109. Во многихъ мѣстахъ этой статьи, какъ въ другихъ своихъ замѣткахъ, какъ въ рѣчахъ Чацкаго, Грибоѣдовъ является предшественникомъ славянофиловъ, у лучшихъ изъ которыхъ большое сходство въ нѣкоторыхъ чертахъ воззрѣній и настроеній съ Грибоѣдовымъ.

[2]) Сочин., II, 214.

[3]) *Зотовъ*, Театр. воспоминанія.

[4]) Соч., I, 196—7.

[5]) *А. Веселовскій*, Этюды и характеристики, 504.

насъ вполнѣ главное произведеніе Грибоѣдова, основа его славы „Горе отъ ума"; оно представляетъ въ сущности полное торжество освобожденія русской драматической поэзіи отъ господства классической теоріи; правда, нѣкоторыя внѣшнія условія классической техники драмы тутъ соблюдены, напримѣръ законъ трехъ единствъ; но иной, новый и свѣжій духъ вѣетъ въ его знаменитомъ созданіи, и глубоко ошибочно причислять его къ образцамъ ложно-классической драмы въ русской литературѣ

Изученіе исторіи „Горя отъ ума" выяснило прежде всего, какая глубокая связь была между жизнью Грибоѣдова и его произведеніемъ; это не потѣшная фабула, придуманная для „забавы", это нѣчто такое, что цѣлые годы носилось передъ воображеніемъ автора, носилось, если вѣрить нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, болѣе 10 лѣтъ [1]). Какая разница, если вспомнимъ, какъ Сумароковъ надписывалъ на своей комедіи съ чувствомъ гордости: „зачата 12 генваря 1750, окончена генваря 13—1750" [2])!

Для Грибоѣдова его твореніе было серьезнымъ дѣломъ жизни. Не придуманныя лишь приключенія изобразилъ онъ въ своей комедіи, а то, что онъ переживалъ, отъ чего страдалъ, что волновало его душу. Душевныя волненія искали себѣ выхода, выраженія, и „комедія" Грибоѣдова была художественнымъ образомъ, въ который они вылились; созданіе этого образа было внутренней потребностью его творца, точно вопль изстрадавшагося сердца, средствомъ облегчить свою душу, а не забавой, было дѣломъ жизни, а не игрою воображенія, не игрушкой, не картиною случайнаго сплетенія по прихотливой волѣ автора потѣшныхъ положеній.

Въ поэзіи и искусствѣ въ настоящее время все болѣе видятъ выраженіе въ образѣ того, что наполняетъ и волнуетъ душу художника; потребность художественнаго творчества сравнивается съ потребностью высказаться, дать выходъ своему чувству въ словѣ, искусство съ языкомъ. И какъ ищется часто слово, которое наилучшимъ образомъ выразило бы душевное состояніе говорящаго, такъ и поэтъ часто долго вынашиваетъ въ своей душѣ занимающій его мысль образъ, пока онъ не достигнетъ наибольшей ясности и опредѣленности. Такимъ образомъ, художественный образъ, какъ и слово, помогаетъ самому художнику уяснять себѣ свое душевное состояніе; „искусство есть органъ

[1]) *А. Веселовскій*, Этюды и характеристики, 504.
[2]) Соч. *Сумарокова*, V, 298 (2 изд., 1787 г.).

самосознанія“, замѣчаетъ изучавшій эту его сторону покойный профессоръ Потебня [1]); искусство, какъ и языкъ, по дальнѣйшему его разъясненію, облегчаетъ душу, дѣйствуетъ успокоительно, уничтожая власть волнующаго душу чувства, аффекта. Необъектированное состояніе души покоряетъ себѣ сознаніе; объектированное въ словѣ или художественномъ образѣ, покоряется ему и ложится въ основаніе дальнѣйшей сознательной душевной жизни [2]).

Съ этой точки зрѣнія, въ этомъ смыслѣ всякая истинная поэзія и всякое вообще истинное искусство глубоко субъективно, какъ выраженіе внутренняго міра художника, завѣтнѣйшихъ думъ и чувствъ его, и чѣмъ выше, тѣмъ субъективнѣе. И если ни къ кому изъ предшествовавшихъ писателей русскихъ не приложимъ вполнѣ этотъ взглядъ, то во всей силѣ онъ приложимъ къ Грибоѣдову, къ первому изъ русскихъ поэтовъ. Этотъ то субъективизмъ, эта связь между личностью поэта и образами его фантазіи, эта искренность, явились въ поэзіи Грибоѣдова въ неслыханной дотолѣ въ русской литературѣ силѣ и полнотѣ, получили огромное развитіе сравнительно съ предыдущей порой; а слѣдующимъ за „Горемъ отъ ума“ крупнымъ твореніемъ русской поэзіи былъ „Евгеній Онѣгинъ“! Въ этомъ я усматриваю важную заслугу Грибоѣдова въ постепенномъ развитіи поэзіи, какъ искусства, въ нашей литературѣ, и эту именно сторону его значенія въ исторіи русской литературы хотѣлось мнѣ выяснить.

Уже давно утвердилось въ русской литературѣ мнѣніе, что Грибоѣдовъ въ лицѣ Чацкаго изобразилъ самого себя; онъ далъ ему черты своего характера и міровоззрѣнія. Еще Пушкинъ отмѣчалъ эту связь между Чацкимъ и самимъ Грибоѣдовымъ [3]). При чтеніи съ одной стороны рѣчей Чацкаго, съ другой—данныхъ о самомъ Грибоѣдовѣ (его писемъ, записокъ, воспоминаній о немъ его друзей), намъ бросаются въ глаза черты сходства между поэтомъ и его героемъ. Приведемъ хотя нѣкоторыя изъ нихъ, не заботясь объ ихъ систематичной группировкѣ и выбирая первыя, какія обратятъ наше вниманіе. Мы остановились на любви къ правдѣ, естественности, свободѣ въ искус-

---

[1]) *Потебня*, Мысль и языкъ, 2 изд., стр. 198.

[2]) Тамъ-же, 197.

[3]) Въ письмѣ къ А. А. Бестужеву, въ 1825 г.

ствѣ у Грибоѣдова; но мы упомянули уже, что эта черта его стоитъ въ связи съ его любовью къ правдѣ, простотѣ, съ нерасположеніемъ ко всякой фальши и дѣланности и въ жизни. Эта правдивость и всѣ обусловливаемыя ею черты составляли самое выдающееся свойство характера Грибоѣдова. „Кровь сердца всегда играла у него на лицѣ. Никто не похвалится его лестью, никто не дерзнетъ сказать, будто слышалъ отъ него неправду; онъ могъ самъ обманываться, но обманывать никогда", говоритъ о Грибоѣдовѣ одинъ изъ его друзей [1]); современники удивлялись его благородству, прямотѣ, искренности; таковъ и Чацкій, возмущающійся всякою лестью и необдуманно смѣло и откровенно высказывающійся передъ окружающими людьми; припомнимъ интересный для характеристики Чацкаго моментъ, когда онъ, говоря съ Софьей въ 3-мъ дѣйствіи комедіи о Молчалинѣ, хочетъ подавить свои чувства, говорить спокойно и разсудительно, но не выдерживаетъ,—черта, тонко подмѣченная и прекрасно изображенная поэтомъ. У обоихъ, у Грибоѣдова и у Чацкаго, мы видимъ горячую любовь къ правдѣ въ самомъ широкомъ нравственномъ значеніи этого слова: вездѣ у Грибоѣдова видно высокое уваженіе человѣческаго достоинства и способность видѣть въ человѣкѣ прежде всего человѣка, самая искренняя и глубокая гуманность, величайшая справедливость, горячая любовь къ людямъ и желаніе имъ добра, желаніе, переходящее и въ дѣло; доброе, любящее сердце у него и въ личныхъ отношеніяхъ, на любви къ людямъ основана и его глубокая преданность общественнымъ интересамъ; Грибоѣдовъ горячій сторонникъ и поборникъ свободы; онъ врагъ всего, что противорѣчитъ его идеалу правды, понятію человѣческаго достоинства: онъ съ презрѣніемъ относится къ мелочнымъ интересамъ, узкимъ и эгоистическимъ, которые наблюдаетъ у людей, негодуетъ на господство ихъ въ окружающей жизни, на ея пошлость, косность и ничтожность; онъ ненавидитъ всѣми силами своей души рабство (ненавидитъ самое слово *рабъ*, по его собственному признанію [2]), презираетъ сословные предразсудки, внѣшнія отличія, иронизируетъ надъ ними; любитъ простоту жизни, порицаетъ роскошь. Человѣкъ, серьезно обра-

[1]) А. А. Бестужевъ. *Отеч. зап.* 1860, № 10: Знакомство Бестужева съ Грибоѣдовымъ. Срв. у *Шляпкина*, сочиненія Грибоѣдова, т. I, хронологическая канва, стр. XXV.

[2]) „По духу времени и вкусу я ненавижу слово: рабъ." (Соч. II, 401).

зованный, онъ преданъ интересамъ просвѣщенія, является горячимъ его поборникомъ [1]); онъ негодуетъ на тѣхъ, которые „хотѣли

[1]) Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ писемъ и замѣтокъ Грибоѣдова. Например, въ „Загородной поѣздкѣ“ (I, 107—109) видно сочувствіе къ крестьянамъ и неудовольствіе на сословную рознь, въ силу которой словно „у насъ господа и крестьяне происходятъ отъ двухъ различныхъ племенъ“.

Въ планѣ драмы „1812 годъ“ О. Ѳ. Миллеръ указывалъ уваженіе къ народу, къ земской силѣ, ироническое отношеніе къ барству (Др. и Н. Рос., 1879, № 4, срв. Соч. Гриб., изд. *Шляпкина,* II, 250).

I, 179: „Ахъ эти избалованныя дѣти тучности и пищеваренія, которыя заботятся только о разогрѣтыхъ кострюлькахъ etc. etc. Переселилъ бы я ихъ въ сокровенность моей души: для нея ничего нѣтъ чужаго,—страдаетъ болѣзнію ближняго; кипитъ при слухѣ о чьемъ-нибудь бѣдствіи“... (Письмо В. К. Кюхельбекеру, 1822).

I, 168; „Мать и сестра такъ ко мнѣ привязаны, что я былъ бы извергомъ. если бы не платилъ имъ такою же любовью.. Я не буду эгоистомъ; до сихъ поръ я былъ сыномъ и братомъ по названію; возвратясь изъ Персіи, буду таковымъ на дѣлѣ, стану жить для моего семейства“... (С. Н. Бѣгичеву, 1818).

Грибоѣдовъ очень сочувствуетъ справедливому и гуманному отношенію къ побѣжденнымъ: I, 214: „Дѣйствовать страхомъ и щедротами можно только до времени; одно строжайшее правосудіе миритъ покорные народы съ знаменами побѣдителей“ (С. Н. Бѣгичеву, 1825).

Проѣзжая на Кавказѣ въ 1827 г. мимо старыхъ зданій и обращаясь къ нимъ какъ въ „свидѣтелямъ временъ минувшихъ“, Грибоѣдовъ говорилъ: „событія важныя проходили передъ вами: вы видѣли борьбы народовъ... и послѣднія минуты жизни вашей видятъ невиданное прежде, радость покоренныхъ“ (I, 129). Но если ему представлялись репрессивныя мѣры, то онъ съ нѣсколько горькой ироніей характеризовалъ войну съ кавказкими горцами, какъ „борьбу горной и лѣсной свободы съ барабаннымъ просвѣщеньемъ“ (С. Н. Бѣгичеву, 1825. См. I. 213).

Стремленіе служить общественнымъ интересамъ между прочимъ выразилось у Грибоѣдова въ оффиціальныхъ его запискахъ объ устроеніи завоеванныхъ кавказскихъ областей (Соч., I).

О себѣ Грибоѣдовъ признавался, что „сроду не имѣлъ ни малѣйшихъ видовъ честолюбія“ (I, 163: С. Н. Бѣгичеву. 1818).

I, 256: „Узнай въ герольдіи наконецъ, какого цвѣту дурацкій мой гербъ“ (Ѳ. В. Булгарину, 1828).

Соч. Грибоѣдова, I, 193: „Вчера я обѣдалъ со всею сволочью здѣшнихъ литераторовъ. Не могу пожаловаться, отовсюду колѣнопреклоненія и фиміамъ, но вмѣстѣ съ этимъ—сытость отъ ихъ дурачествъ, ихъ сплетенъ, ихъ мишурныхъ талантовъ и мелкихъ ихъ душишекъ“. (С. Н. Бѣгичеву, 1825).

Тамъ же, 226: „люди мелки, дѣла ихъ глупы, душа черствѣетъ, разсудокъ затмѣвается, и нравственность гибнетъ безъ пользы ближнему“. (Ѳ. В. Булгарину, 1827).

Въ письмѣ къ С. Н. Бѣгичеву 1826 г. Грибоѣдовъ возмущается тѣмъ, что вокругъ него человѣческое „достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ“ (I, 222).

I, 168. „Въ Москвѣ все не по мнѣ,—праздность, роскошь, не сопряженныя ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему-нибудь хорошему“. (С. Н. Бѣгичеву, 1818).

I, 45: „Рабы, мой любезный“, восклицаетъ Грибоѣдовъ, характеризуя ничтожество персовъ (С. Н. Бѣгичеву, 1819).

I, 14: „Куртинцы имѣютъ болѣе жестокости въ характерѣ, и это есть неминуемое слѣдствіе храбрости, необузданной просвѣщеніемъ“ (1827).

бы оставить народъ нашъ въ младенчествѣ“ [1]). Мы отмѣтили уже у Грибоѣдова особенный, глубокій интересъ къ историческимъ занятіямъ, главнымъ образомъ его серьезное изученіе отечественной исторіи; эти занятія хорошо гармонировали съ тѣмъ патріотическимъ настроеніемъ, которое охватило послѣ войны 1812 года лучшихъ русскихъ людей; Грибоѣдовъ до конца жизни полонъ горячей любви къ родинѣ [2]), пламенно желаетъ ея процвѣтанія и, насколько хватаетъ силъ, служитъ ей; историческія занятія въ свою очередь поддерживали этотъ патріотизмъ; они развивали серьезное отношеніе и любовь къ прошлому, уваженіе къ историческимъ завѣтамъ минувшихъ временъ народной жизни; во многомъ являясь предшественникомъ послѣдующихъ славянофиловъ, только не доводя своихъ мыслей до такой ясной формулировки, Грибоѣдовъ желаетъ родной странѣ и ея народу постояннаго развитія, прогресса, но не разрывающаго съ прошлымъ, а развитія органическаго, въ духѣ жизненныхъ началъ этого прошлаго, началъ, сохраненіе которыхъ Грибоѣдовъ, опять сближаясь со славянофилами, готовъ былъ искать въ простомъ народѣ; въ немъ онъ готовъ былъ усматривать носителя началъ здоровой жизни и самобытной цивилизаціи; въ его жизни Грибоѣдову чуялась желанная ему простота и правдивость [3]); и эта любовь къ народу является еще одной, ярко выдающейся у Грибоѣдова, чертой; да и самая его гуманность, чувство любви къ людямъ, участіе къ низшимъ и слабѣйшимъ должны были заставить его любить народъ, особенно въ виду современнаго его положенія, далеко не облегчавшаго Грибоѣдову возможности изгнать изъ своего словаря ненавистное ему слово *рабъ*. И всѣ вышеуказанныя черты сквозятъ или прямо выражены и въ рѣчахъ главнаго героя Грибоѣдова [4]). У нихъ общее міровоззрѣніе, общія черты характера; и недостатки у нихъ обоихъ сходны: гордость, слишкомъ однако оправдываемая и извиняемая условіями жизни и каче-

---

[1]) I, 203 (В. В. Одоевскому, 182[illegible]).

[2]) См. напр. Воспоминанія Булгарина въ „Сынѣ Отечества“ 1830, № 1 (срв. у *Шляпкина*, I, XXXIII).

[3]) Эти черты особенно выразились въ статьѣ „Загородная поѣздка“ (I, 107).

[4]) Рѣчи Чацкаго слишкомъ общеизвѣстны; укажемъ здѣсь хотя бы на монологи его во 2-мъ дѣйствіи комедіи („И точно началъ свѣтъ глупѣть“... и „А судьи кто?“... Соч. II, 248, 259), въ 3-мъ дѣйствіи („Въ той комнатѣ незначущая встрѣча“... Соч. II, 310) и др.

ствами окружающей среды; вспыльчивость и раздражительность; мало у обоихъ благоразумной разсудительности, такта [1]).

Но этого сходства мало; и выразителемъ своего характера и міровоззрѣнія сдѣлалъ Грибоѣдовъ Чацкаго потому, что прежде всего въ положеніи Чацкаго онъ воплотилъ свою жизнь, свое положеніе въ окружающей его средѣ и свое къ ней отношеніе; оттого невольно онъ передалъ Чацкому и свои личныя черты. Изученіе біографіи Грибоѣдова не оставляетъ никакого сомнѣнія въ автобіографическомъ значеніи комедіи; таково значеніе того положенія, которое занимаетъ Чацкій въ обществѣ: вѣдь; это самого Грибоѣдова возили ребенкомъ на поклонъ къ „Нестору негодяевъ знатныхъ", его дядѣ, который послужилъ оригиналомъ для Фамусова, и портретъ котораго былъ кромѣ того и прямо набросанъ Грибоѣдовымъ въ статьѣ: „характеръ моего дяди" [2]); вѣдь онъ самъ испыталъ гнетъ родственной среды, гнетъ условныхъ предразсудковъ, фальши и невѣжества окружавшей его жизни, онъ выстрадалъ самъ тотъ горячій протестъ противъ зла и мрака, тотъ пламенный призывъ къ добру и свѣту, свободѣ и правдѣ, который звучитъ въ каждой фразѣ его героя; вѣдь онъ самъ, съ дѣтства страдавшій отъ сознанія общественной неправды, такъ же горячо, какъ и Чацкій, возмущался ею и раздражался, при этомъ порою такъ же не взвѣшивая всѣхъ условій, безъ надлежащей осторожности; такъ возмущался онъ неискренней, двуличной политикой персовъ и наконецъ жизнью заплатилъ за свою рѣзкую борьбу съ нею. Весьма интересный анекдотъ [3]) передаетъ даже, будто той сплетнѣ о сумасшествіи, которая нанесла послѣдній и тяжелый ударъ Чацкому, подвергся въ Москвѣ самъ Грибоѣдовъ. Исторія созданія „Горя отъ ума", насколько она теперь выяснена, противорѣчитъ такому показанію объ автобіографическомъ значеніи развязки комедіи, но оно характерно для насъ тѣмъ, что свидѣ-

[1]) Вспомнимъ хотя бы письмо Грибоѣдова Булгарину 1824 г. (Соч. I, 192), поступокъ его съ литераторомъ Ѳедоровымъ, разсказанный Каратыгинымъ (тамъ-же, I, XIX), свидѣтельства знавшихъ его о его самолюбіи (напр. Шимановскаго, Рус. Арх. 1875, II и соч. Грибоѣдова, I, XXIX). Подобнымъ характеромъ отличается и поведеніе Чацкаго.

[2]) Сочиненія, т. I, стр. 153.

[3]) *Русск. Стар.* 1878, № 3, стр. 546.

Намъ не приходилось въ литературѣ о Грибоѣдовѣ встрѣчать указанія на этотъ разсказъ. Между тѣмъ онъ весьма интересенъ, именно тѣмъ, что указываетъ лишній разъ на сближеніе въ сознаніи общества Грибоѣдова и Чацкаго.

тельствуетъ, какъ за Чацкимъ чувствовался Грибоѣдовъ, какъ въ представленіи самого общества творецъ былъ отождествленъ со своимъ созданіемъ.

Произведеніе, вылившееся изъ души художника, отразившее его внутреннюю жизнь, запечатлѣнное полною искренностью, какой доселѣ не проявляли художественные образцы русской поэзіи, проникнуто и въ самомъ своемъ исполненіи психологической правдой; и прежде всего здѣсь результатъ этой искренности, этой связи комедіи съ жизнью поэта. Всѣ черты характера Чацкаго раскрываются въ выходкахъ его противъ общества, выходкахъ, тѣсно связанныхъ съ ходомъ жизни въ домѣ Фамусова, а эта послѣдняя въ свою очередь течетъ совершенно естественно, такъ, какъ текла она вообще въ тогдашнемъ московскомъ обществѣ. Критика много говорила объ этихъ выходкахъ и рѣчахъ Чацкаго, какъ и о любовной интригѣ комедіи, и пламенныя рѣчи Чацкаго казались неловко, смѣшно, внѣшнимъ образомъ приложенными къ сатирической картинѣ нравовъ общества, неестественными и ходульными; любовный элементъ въ комедіи казался внѣшнимъ для дѣйствія, созданнымъ лишь въ угоду той самой теоріи, власти которой не признавалъ Грибоѣдовъ. Во главѣ рѣзкихъ приговоровъ, произнесенныхъ надъ „Горемъ отъ ума" съ такой точки зрѣнія, стоитъ извѣстная оцѣнка Бѣлинскаго [1]). Въ лицѣ Аполлона Григорьева критика впервые постаралась понять въ связи, какъ одно цѣлое, и этотъ любовный элементъ въ дѣйствіи комедіи, и рѣчи Чацкаго, и тогда ей представилась и художественная цѣлостность произведенія, и живое непрерывное развитіе въ немъ дѣйствія, Чацкій же показался лицомъ живымъ, типомъ вполнѣ правдивымъ и психологически вѣрнымъ. Ор. Ѳ. Миллеръ [2]), Гончаровъ [3]), а также лучшій изслѣдователь Грибоѣдова, Алексѣй Н. Веселовскій [4]) поддерживали, съ тѣми или другими видоизмѣненіями, эту точку зрѣнія на Чацкаго и на построеніе комедіи. Новѣйшая критика находитъ естественнымъ для „правдивой натуры" [5]) стремленіе высказываться откровенно и смѣло, для молодаго человѣка съ горячей и страстной душой—

---

[1]) Сочиненія, III.
[2]) „На память о Грибоѣдовѣ." Др. и Нов. Росс., 1879, № 4.
[3]) „Мильонъ терзаній." (Вѣстн. Евр. 1872, № 3; Сочиненія Гончарова, т. 8-й).
[4]) „Первоначальная исторія Горя отъ ума." Русск. Арх., 1874, № 6.
[5]) *Григорьевъ*, сочиненія, I, 362.

„непреодолимое влеченіе говорить истину въ глаза..., не скрывая ея ради какихъ либо выгодъ, забывая о томъ, что эта рѣзкость можетъ повести къ непріятнымъ послѣдствіямъ“ [1]), забывая осторожность и разсудительность, не раздумывая о результатѣ своихъ рѣчей. Грибоѣдовъ находилъ это также понятнымъ уже потому, что и здѣсь воплотилъ въ Чацкомъ свой характеръ; эти свойства „составляли именно отличительную особенность Грибоѣдова“, по показаніямъ знавшихъ его; онъ самъ „не могъ и не хотѣлъ скрывать насмѣшки надъ позлащенною и самодовольною глупостью, ни презрѣнія къ низкой искательности, ни негодованія при видѣ счастливаго порока“ [2]); да развѣ само „Горе отъ ума“, брошенное въ среду тогдашняго общества, не было со стороны Грибоѣдова чѣмъ-то очень похожимъ на рѣчи его героя, и развѣ массою общества оно не было встрѣчено такъ, какъ эти послѣднія? Сама „личность Грибоѣдова порукой (замѣчаетъ А. Н. Веселовскій) что подобный характеръ (какъ Чацкаго) былъ возможенъ“ [3]). Что касается происхожденія любовной завязки комедіи, то, по свидѣтельству лучшаго друга Грибоѣдова [4]), она не имѣла себѣ аналогіи въ жизни поэта; по всей вѣроятности она, какъ и вообще вся мысль представить обличеніе общественной неправды въ живомъ, драматическомъ дѣйствіи, а не въ отдѣльномъ сатирическомъ описаніи нравовъ (въ духѣ тѣхъ же рѣчей Чацкаго, взятыхъ внѣ связи съ дѣйствіемъ), навѣяны тѣмъ великимъ писателемъ, великимъ правдолюбцемъ и страдальцемъ, который въ своемъ положеніи въ обществѣ и въ литературѣ имѣетъ не мало общаго съ Грибоѣдовымъ, котораго послѣдній такъ зналъ и любилъ, и вліяніе котораго вообще на созданіе „Горя отъ ума“ не подлежитъ сомнѣнію [5]). „Мизантропъ“ Мольера давалъ слишкомъ много аналогіи замысламъ Грибоѣдова, чтобы не повліять на него. Но, хотя бы и навѣянное чужимъ образцомъ, введеніе элемента любви въ дѣйствіе „Горя отъ ума“ не представляется намъ художественнымъ промахомъ; напротивъ, оно прекрасно обусловило развитіе дѣйствія и свидѣтельствуетъ о глубокомъ пониманіи душевной жизни

---

[1]) *А. Н. Веселовскій*, н. соч., 1550.

[2]) *Бестужевъ*. См. стр. 14, прим. 1.

[3]) *А. Н. Веселовскій*, н. соч., 1551.

[4]) С. Н. Бѣгичева. см. А. Н. Веселовскій, н. соч., стр. 1541.

[5]) *А. Веселовскій*. Альцестъ и Чацкій (Этюды и характеристики, 144—169; срв. „Мизантропъ“, гл. V, стр. 165; “В. Евр.“ 1881, № 3)

Грибоѣдовымъ. Разочарованіе въ любви, разочарованіе въ любимомъ человѣкѣ, неожиданность такого впечатлѣнія на мѣсто радостной встрѣчи съ этимъ человѣкомъ—все это тѣсно связано со страстностью обличительныхъ рѣчей Чацкаго; и если по самому его горячему характеру ему трудно относиться объективно къ окружающему злу и спокойно произносить свое сужденіе о немъ, то тѣмъ болѣе теперь: вся тина окружающей его жизни слишкомъ не посторонняя для него вещь; она отнимаетъ у него любимаго человѣка, отнимаетъ чувство, которое онъ такъ цѣнилъ; и по мѣрѣ его разочарованія все крѣпнетъ его обличительная рѣчь въ своей страстности и раздражительности. Даже добродушно звучитъ его насмѣшка въ первой тирадѣ, обращенной еще къ Софьѣ. Далѣе взаимное негодованіе враждующихъ сторонъ все возрастаетъ, и каждая, вѣрная себѣ, борется своими средствами: Чацкій горячимъ словомъ убѣжденія, въ которомъ онъ по тонкому объясненію Ап. Григорьева [1]) имѣетъ въ виду главнымъ образомъ Софью, долго и упорно поддерживая въ себѣ остатокъ вѣры въ нее; окружающая же его пошлая среда—сплетней и низкой клеветою. И съ самаго начала бесѣды Чацкаго съ Софьей, съ самаго тона Софьи при встрѣчѣ съ Чацкимъ уже предчувствуется недобрый исходъ дѣла, и дѣйствіе неуклонно, вѣрно, словно роковымъ образомъ стремится къ этому исходу, по пути, обусловленному характерами и положеніями дѣйствующихъ лицъ. Правда, Чацкаго Грибоѣдовъ сдѣлалъ выразителемъ своихъ мыслей и чувствъ, вложилъ ему въ уста свои слова, но оправдалъ ихъ дѣйствіемъ и связалъ съ нимъ; и поэтому Чацкій не напоминаетъ собою резонеровъ ложноклассическихъ драмъ.

Защита плана „Горя отъ ума“ впрочемъ была сдѣлана и раньше Григорьева, и на нашъ взглядъ если не вполнѣ исчерпываетъ вопросъ, то все же представляется очень убѣдительной и основательной. Я разумѣю вышеупомянутое письмо Грибоѣдова Катенину [2]), гдѣ Грибоѣдовъ самъ защищаетъ естественность и достоинство плана своего произведенія отъ нападокъ этого послѣдователя ложноклассической теоріи.

И такъ, Катенинъ съ точки зрѣнія ложноклассической теоріи нападалъ на комедію. Да и вообще не могла она понравиться классикамъ.

---

[1]) Сочиненія, I, 263.

[2]) Сочиненія, I, 196.

Уже самый фактъ небывалаго у насъ дотолѣ переживанія своей жизни поэтомъ въ поэзіи, небывалая искренность—были чужды ложноклассицизму, и комедія этою чертою глубоко отличалась отъ внѣшне-правильной классической литературы. Давно уже высказано въ нашей литературѣ справедливое сужденіе, что „всѣ путы старой теоріи порваны Грибоѣдовымъ“ [1]); но все, что имъ сдѣлано для этого, проистекало, какъ необходимое слѣдствіе, изъ отношенія его къ поэзіи, изъ той искренности, того субъективизма, который мы охарактеризовали выше. Отсюда происходило, что въ „Горѣ отъ ума“ нарушены были многія требованія ложноклассической поэтики, требованія, по своей узости и внѣшности не способныя подойти къ разнообразнымъ душевнымъ движеніямъ и настроеніямъ. Построеніе комедіи обусловилось главнымъ образомъ внутренней творческой потребностью автора. И прежде всего классики почувствовали, что это произведеніе—ни трагедія, ни комедія въ строгомъ смыслѣ классическихъ опредѣленій. Кн. Вяземскій въ письмѣ къ Лонгинову разбираетъ произведеніе Грибоѣдова именно съ этой точки зрѣнія и осуждаетъ то неопредѣленное положеніе, которое оно занимаетъ по отношенію къ общепризнаннымъ поэтическимъ родамъ [2]). Если много смѣшнаго представляетъ картина нравовъ московскаго общества, то слишкомъ мало его въ главномъ героѣ и въ его положеніи, во всемъ планѣ и сюжетѣ „комедіи“; если трагедія есть изображеніе страданія въ дѣйствіи, то Чацкій лицо несомнѣнно трагическое, и все произведеніе является настоящей трагедіей, потрясающее дѣйствіе которой еще усиливается изображеніемъ смѣшныхъ и пошлыхъ сторонъ окружающей жизни, которыя подавляютъ свѣтлые порывы героя; его благородство и страданіе съ одной стороны и пошлость общества съ другой, элементы трагическій и комическій, благодаря ихъ взаимному контрасту, выступаютъ еще выпуклѣе и ярче. А между тѣмъ названіе комедіи, вызванное тѣмъ, что для Грибоѣдова главное было выразить свое негодованіе противъ общества и обличить его, вело часто къ непониманію Чацкаго, къ желанію видѣть въ немъ лицо комическое, и притомъ главное комическое лицо данной комедіи, придавать главное значеніе тѣмъ моментамъ дѣйствія, когда Чацкій оказы-

---

[1]) *О. Миллеръ*, На память о Грибоѣдовѣ. (Древняя и новая Россія, 1879, № 4).
[2]) Русскій Архивъ, 1874, № 2.

вается въ неловкомъ и пожалуй даже смѣшномъ положеніи; это также вызывало и неправильную художественную оцѣнку драмы, дѣйствіе которой, казалось съ этой точки зрѣнія, повторяло одни и тѣ же сходныя положенія (вспомнимъ, какъ такая же узость воззрѣнія на трагедію и комедію вела къ непониманію и перво образа Чацкаго, Альцеста. Въ обоихъ герояхъ искали только смѣшнаго, но смѣшнаго оказывалось не очень много, да и то не совсѣмъ обычнаго, страннаго свойства). Если Чацкій попадаетъ въ неловкія положенія, то сдѣлалъ это Грибоѣдовъ не для осмѣянія своего героя, а повинуясь голосу художественной правды: юношеская горячность, отсутствіе благоразумной разсудительности, раздражительность, усиленная личнымъ сердечнымъ горемъ, неумѣніе смѣрять силы свои и противника, при всемъ этомъ вѣра въ человѣка и въ силу своего слова (черты, глубоко правдивыя), встрѣчаясь съ тупою косностью общества, несомнѣнно приводили къ такимъ положеніямъ. Честь и слава художественному такту и чувству правды Грибоѣдова, если его отношеніе къ герою комедіи не перешло въ пристрастіе, не побудило его одѣть своего любимаго героя мантіею фальшиваго величія; поэтъ изобразилъ и его недостатки, связанные съ самою сущностью его характера, и тѣ положенія, въ которыя *по необходимости* они его вовлекаютъ, хотя бы эти положенія и вызывали улыбку даже у лицъ, сочувствующихъ герою [1]). Но если вдуматься въ дѣйствіе комедіи, то фальшивость положенія Чацкаго вызоветъ гораздо скорѣе чувство грусти и глубокаго сострадания, чѣмъ смѣхъ. Грибоѣдовъ назвалъ свое произведеніе комедіей, потому что оно осмѣивало общественные недостатки, но оно есть трагедія по всему своему строю, по всему характеру дѣйствія. Правдивость и искренность привели такимъ образомъ Грибоѣдова къ свободѣ, къ пренебреженію правилъ теоріи, къ расширенію ея рамокъ; они создали и то, что отразивъ въ поэзіи свои живыя впечатлѣнія, выносивъ въ душѣ образы своего произведенія, онъ представилъ въ дѣйствующихъ лицахъ „великой комедіи“ уже не ходячіе безжизненные образцы пороковъ и добродѣтелей, а живыхъ, разносторонне обрисованныхъ людей, у которыхъ можно и при общемъ ихъ благородствѣ находить недостатки и наоборотъ. Молодой Бѣлинскій, за 6 лѣтъ до

[1]) Эти недостатки Чацкаго указывалъ еще Пушкинъ. Но это не есть художественный недостатокъ, какъ находилъ Бѣлинскій.

своего строгаго приговора надъ „Горемъ отъ ума“, въ 1834 году, подъ живымъ, непосредственнымъ его впечатлѣніемъ (охватившимъ и Пушкина), относился къ нему иначе; воздавъ ему большую хвалу въ своихъ „Литературныхъ мечтаніяхъ“, онъ говоритъ между прочимъ: „Лица, созданныя Грибоѣдовымъ, не выдуманы, а сняты съ натуры во весь ростъ, почерпнуты со дна дѣйствительной жизни; у нихъ не написано на лбу ихъ добродѣтелей и пороковъ, но они заклеймены печатью своего ничтожества, заклеймены мстительною рукою палача художника“ [1]).

И такъ, въ рукахъ Грибоѣдова впервые въ Россіи поэзія стала орудіемъ для выраженія собственной личности и души поэта, его завѣтныхъ стремленій и чувствъ, впервые поэтическое произведеніе явилось вырвавшимся изъ груди воплемъ изстрадавшагося человѣка. И на мѣсто безличности, отвлеченности литературныхъ произведеній почувствовался живой духъ въ поэзіи, живая личность съ ея страданіями и радостями, упованіями и негодованіемъ, на мѣсто холодности явилась страстность и искренность тона, на мѣсто придуманныхъ положеній, сухихъ умственныхъ комбинацій разныхъ случайностей—естественное развитіе дѣйствія, дышущая жизнью картина человѣческихъ отношеній, на мѣсто рутинныхъ рамокъ теоріи—свобода творчества.

Но то, что волновало душу Грибоѣдова, не составляло круга лишь его личныхъ интересовъ; человѣкъ высоко культурный, онъ болѣлъ недугами всего общества и боролся за новые идеалы, поставленные самою исторіей, за новый складъ жизни, потребность котораго сознавалась уже, и это сознаніе явилось историческою чертою эпохи. Борьба стараго и новаго теченій, борьба двухъ вѣковъ наполняла собою культурную жизнь ея. Идеалы Грибоѣдова и негодованіе его на противоположныя имъ начала жизни были достояніемъ не одного его, а цѣлаго круга людей, согласно съ нимъ мыслившихъ. И выражая свою душу, онъ нарисовалъ въ своей комедіи картину общественнаго состоянія того времени. Грибоѣдовъ принадлежалъ къ представителямъ того просвѣтительнаго движенія, которое охватило въ ту пору лучшихъ людей русскаго общества. Чацкій, какъ выразитель идеаловъ, которымъ служилъ Грибоѣдовъ, тѣмъ самымъ является выразителемъ идеаловъ и другихъ представителей назван-

---

[1]) *Бѣлинскій*, Сочиненія, I, 96.

наго движенія; въ сочиненіяхъ и въ жизни этихъ людей мы находимъ черты, которыя видѣли у Грибоѣдова, и которыя представлены въ одномъ цѣлостномъ образѣ въ лицѣ Чацкаго, или очень къ нимъ близкія; главною изъ нихъ является присутствіе извѣстныхъ общественныхъ идеаловъ, стремленіе служить обществу, чувство общаго блага, гуманность, высокое уваженіе къ человѣческому достоинству, любовь къ просвѣщенію. Это движеніе начиналось и раньше, но представлялось единичными лицами; изъ нихъ потомство съ чувствомъ высокой признательности и благоговѣнія вспоминаетъ о Новиковѣ, отраженіе котораго, замѣтимъ, одинъ изъ изслѣдователей хочетъ видѣть въ Чацкомъ [1]); въ новомъ поколѣніи, при Александрѣ I, это движеніе расширилось и распространилось; ему не мало содѣйствовала великая война 1812 года; она усилила и другую сторону движенія, любовь къ своей національности, патріотизмъ, исканіе національныхъ основъ жизни; отсюда возрасло уваженіе къ русской исторіи и сочувствіе народной жизни—черты, которыя мы уже указали у Грибоѣдова, и которыя какъ его, такъ и нѣкоторыхъ другихъ изъ его товарищей дѣлали предшественниками будущихъ славянофиловъ. Такое настроеніе приводило представителей движенія къ ненависти и борьбѣ съ условіями жизни, противорѣчащими ихъ стремленіямъ. Укажемъ хотя бы едвали не самый главный протестъ ихъ, протестъ противъ крѣпостнаго права; старый, съ 18-го вѣка идущій, протестъ этотъ теперь усиливается, и Грибоѣдовъ съ Чацкимъ идутъ въ одномъ ряду съ другими противниками рабства. Просвѣтительное движеніе сталкивалось съ косностью, невѣжествомъ и эгоизмомъ массы общества и главнымъ образомъ съ ея нежеланіемъ отозваться на запросы со стороны болѣе свѣтлыхъ началъ жизни. Въ эпоху, когда писалась „великая комедія", борьба еще больше обострялась. Реакція, столь омрачившая послѣдніе годы царствованія Александра I, подавляла благородные порывы молодаго круга и давала силу противоположнымъ стремленіямъ; она разжигала чувства тѣхъ, кого противники называли „либералистами", приводила къ нетерпимости, негодованію. Историкъ этого движенія говоритъ объ „экзальтаціи", „возбужденномъ чувствѣ" его представителей. И положеніе ихъ въ обществѣ, также какъ и ихъ настроеніе, не мало напоминаетъ Чацкаго. „Люди ста-

[1]) *А. И. Незеленовъ*, Н. И. Новиковъ, 441—445.

рыхъ партій, говоритъ тотъ же историкъ [1]), съ ненавистью смотрѣли на появленіе новыхъ мнѣній," на новое поколѣніе, проникшееся „чувствомъ общественнаго блага, человѣческаго достоинства, просвѣщенія и общественной свободы" [2]), они „говорили о революціяхъ, о заговорахъ, о подкапываніи алтарей и троновъ, въ русскомъ обществѣ искали карбонаровъ" [3]), и гонимые ими люди „должны были себя чувствовать одинокими среди безучастнаго большинства" [4]). Но, люди благороднаго сердца, они не теряли вѣры въ людей, бодраго взгляда на жизнь, надежды на торжество свѣтлыхъ началъ; они не страшились смѣло говорить правду; „эти люди, говоритъ одинъ изъ нихъ въ своихъ запискахъ, большею частью юные лѣтами, охотно отдѣлялись отъ массы и съ увлеченіемъ готовы были посвятить себя на пользу отечества, ни во что ставя личную опасность. Конечно, малое число послѣдователей новыхъ идей сравнительно съ защитниками стараго порядка, между коими находилось съ одной стороны закоснѣлое въ невѣжествѣ большинство, а съ другой люди, предпочитавшіе всему личныя выгоды и занимавшіе высшія должности въ государствѣ,—было почти не замѣтно. Не менѣе того, не сообразивъ ни своихъ силъ, ни средствъ", они готовы были бороться и „пасть въ неравной борьбѣ" [5]).

Мы узнаемъ тутъ черты, присущія и Грибоѣдову, какъ одному изъ представителей молодаго поколѣнія, присущія и Чацкому. Юношеская горячность, готовность вооружаться противъ зла, бичевать его немедленно, со всѣмъ пыломъ души, не взвѣшивая условій борьбы и шансовъ успѣха, это не только, вопреки Бѣлинскому, психологически понятная черта у молодаго человѣка, сознающаго, что онъ вноситъ начала свѣтлой и здоровой жизни въ отживающій міръ невѣжества и мрака, но и черта историческая: она засвидѣтельствована историческими памятниками для того круга людей, представителемъ котораго былъ и Грибоѣдовъ съ Чацкимъ. И горячность выходокъ Чацкаго такъ оправдывается, между прочимъ, и этою вѣрой въ человѣка, надеждой въ концѣ концовъ подѣйствовать на него, о которыхъ упоминаютъ современники, и которыя мы видимъ и

---

[1]) *Пыпинъ*, Общественное движеніе при Императорѣ Александрѣ I, 2 изд., 448.
[2]) Тамъ же, 343.
[3]) Тамъ же, 430.
[4]) Тамъ же, 343.
[5]) *Басаргинъ*, Записки, 70.

въ Чацкомъ. Въ историческихъ памятникахъ того времени можно найти много и другихъ чертъ, напоминающихъ намъ личность Чацкаго и его положеніе въ обществѣ; иногда даже мелкія черты „великой комедіи“ поразительно близки къ дѣйствительнымъ явленіямъ жизни. „Ахъ, Боже мой, онъ карбонарій“, восклицаетъ Фамусовъ по поводу одной изъ выходокъ Чацкаго, гдѣ послѣдній высказываетъ свои гуманные взгляды на жизнь и между прочимъ касается крѣпостнаго права (выражая общепринятыя нынѣ воззрѣнія); на поляхъ книги, написанной однимъ изъ лицъ молодаго поколѣнія, противъ того мѣста, гдѣ осуждалось крѣпостное право, одинъ изъ враговъ молодежи дѣлаетъ надпись: „и видно карбонара“... Самъ же авторъ этой книги, Н. И. Тургеневъ, въ одномъ мѣстѣ высказывается противъ „нравственнаго сна квіетизма; въ немъ ли должна состоять гражданская добродѣтель?.. Не миръ, но брань вѣчная должна существовать между зломъ и благомъ“ [1]). Это—то же настроеніе, которое руководитъ героемъ нашей комедіи.

И такъ, Грибоѣдовъ явился выразителемъ стремленій и думъ лучшихъ людей того времени и изобразилъ положеніе ихъ въ современномъ обществѣ, борьбу ихъ съ его массой; въ характерахъ и положеніяхъ своей комедіи обрисовалъ онъ черты обѣихъ враждующихъ сторонъ и ихъ взаимное отношеніе. Преданный идеаламъ слабѣйшаго изъ противниковъ, поэтъ болѣлъ душою за его стремленія, онъ на себѣ пережилъ всю эту борьбу, глубоко выстрадалъ ее и именно въ пору реакціи отвѣчалъ передъ обществомъ за своихъ единомышленниковъ. Онъ искусно соединилъ черты личныя съ чертами историко-бытовыми и въ обоихъ отношеніяхъ остался вѣренъ правдѣ. Перечувствовавъ на себѣ все изображенное имъ, уразумѣвъ въ силу этого существенныя черты и основанія борьбы двухъ враждебныхъ міровоззрѣній, Грибоѣдовъ представилъ не изображеніе отдѣльныхъ, отрывочно подмѣченныхъ недостатковъ а картину цѣлой эпохи общественной жизни, въ органической связи ея существенныхъ чертъ. И это историческое значеніе произведенія также было ново, было огромнымъ шагомъ впередъ въ смыслѣ углубленія задачъ поэзіи. Произведеніе Грибоѣдова стало вполнѣ историческимъ памятникомъ, разъясняющимъ извѣстную эпоху лучше сухихъ документовъ.

[1]) *Пыпинъ*, тамъ же, 412.

Хотя въ рукахъ Грибоѣдова поэзія стала вполнѣ искреннею, сдѣлалась органомъ выраженія внутренней жизни поэта, хотя онъ и сдѣлалъ въ этомъ отношеніи большой шагъ впередъ въ развитіи русской поэзіи, но онъ не достигъ еще искусства изображать всю полноту человѣческой жизни, онъ еще не проявилъ способности переселяться силою вдохновенія въ душу самыхъ разнообразныхъ людей, даже совершенно чуждыхъ ему по характеру, переживать ихъ внутреннюю жизнь, комбинировать данныя своего внутренняго опыта такъ, какъ комбинируются они въ душевной жизни лицъ, совершенно отъ него различныхъ. Онъ прекрасно возсоздалъ себя и то общественное явленіе, котораго онъ былъ представителемъ, а равно и то, что было прямо противоположно его личности и этому общественному настроенію, и что вмѣстѣ съ тѣмъ непосредственно на нихъ воздѣйствовало и обусловливало ихъ развитіе, безъ чего нельзя понять ни его собственнаго душевнаго состоянія, ни характера изображаемаго въ комедіи общественнаго движенія. Возсоздавать совершенно постороннія ему явленія жизни и человѣческіе типы, умѣть переживать ихъ жизнь, переноситься воображеніемъ въ жизнь минувшихъ временъ и чужихъ странъ—это, повидимому, еще не было ему дано. И не здѣсь ли причина, почему оставилъ онъ широкій планъ драмы „1812 годъ“, почему только въ отрывочныхъ набросках осталась трагедія „Грузинская ночь“? Основныя черты того историческаго явленія, которое изображено въ „Горѣ отъ ума“, состоянія общества, современнаго поэту, были такого рода, что задача возсозданія этого историческаго явленія соотвѣтствовала характеру его творчества, именно потому, что онъ ближайшимъ образомъ переживалъ на себѣ процессъ, совершавшійся въ жизни общества; другія задачи, которыя онъ себѣ ставилъ, были иного рода, требовали большей способности объективировать образы своего вдохновенія, отвлекаться отъ собственной личности и тѣмъ выходили за намѣченные нами предѣлы его поэтическаго дарованія. Возвести русскую поэзію на эту слѣдующую, высшую ступень развитія, отозваться на все многообразіе жизни суждено было другому, еще болѣе великому и мощному дарованію, поэту, который ко времени окончанія „великой комедіи“ уже началъ привлекать огромное вниманіе публики...

Мм. Гг! Черезъ четыре года мы будемъ вновь собираться на праздникъ русской литературы, на свѣтлый праздникъ сто-

лѣтняго юбилея Пушкина. Мы достойно приготовимъ себя къ этому дню, поминая предшественниковъ великаго поэта и труды ихъ, которые онъ шелъ завершить своею блестящею поэзіей, какъ разсвѣтъ завершается восходомъ солнца. А среди нихъ почетное мѣсто мы отведемъ Грибоѣдову, мѣсто непосредственнаго предшественника Пушкина [1]). И всегда свѣжимъ и обаятельнымъ остается для насъ его твореніе: какъ вдохновенный художественный образъ, онъ вновь вспоминается намъ всякій разъ при видѣ явленій, аналогичныхъ изображенному въ немъ, вспоминается при видѣ борьбы свѣжаго, юнаго міра съ отживающимъ и старымъ, борьбы добра и правды, свѣта и просвѣщенія противъ зла и лжи, мрака и невѣжества.

Служеніе свѣтлымъ началамъ проникаетъ всю дѣятельность Грибоѣдова: какъ на знамени русскаго искусства смѣлою рукою писалъ онъ слова: *правда*, *искренность*, *свобода* (принципы, которымъ оно, русское искусство, всегда потомъ старалось быть вѣрнымъ), такъ проведеніе тѣхъ же идеаловъ и въ жизни представляетъ съ одной стороны его личность, а съ другой—самое содержаніе его художественныхъ образовъ. Изъ-за этихъ образовъ сіяетъ намъ его личность, сіяетъ, и сама являясь однимъ изъ дорогихъ, завѣщанныхъ намъ нашимъ прошлымъ, образовъ душевной чистоты и правды. И потому не только высоко цѣнить, но и горячо любить будетъ его всегда потомство, оправдывая надпись, которую любящая рука начертала на надгробномъ памятникѣ безвременно угасшаго поэта: „Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской.“

---

[1]) Такимъ же предшественникомъ Пушкина въ области лирической поэзіи былъ Батюшковъ. Дѣятельность Пушкина, обнимавшая разнообразныя литературныя формы, и въ этомъ отношеніи превосходила грибоѣдовскую.

Учрежденіе Смоленской епископіи.

Д. чл. Е. И. Кашпровскаго.

„То есть было преже дѣдъ нашихъ и при отцихъ нашихъ, миръ стоитъ до рати, а рать до мира,“—такъ наказывали черниговскіе князья Владиміръ и Изяславъ Давидовичи, Святославъ Ольговичъ и Святославъ Всеволодовичъ своимъ посламъ говорить предъ великимъ княземъ кіевскимъ Изяславомъ Мстиславичемъ, предлагая послѣднему прекратить свои непріязненныя дѣйствія [1]). Дѣло было въ 1148 году, въ одну изъ тяжелыхъ годинъ извѣстной борьбы дяди съ племянниками и тяжелыхъ именно для черниговскихъ князей. Предлагая миръ въ такихъ словахъ, Ольговичи хитрили; не могли же они забыть, что отцы ихъ, а четвертаго князя дѣды, Олегъ и Давидъ Святославичи, борьбой, поднятой нѣкогда противъ Владиміра Мономаха, довели свои взаимныя отношенія до такой степени непріязненности, что рать не давала возможности думать о мирѣ, а миръ не обезпечивалъ для ихъ земель спокойствія и всегда могъ разразиться ратью. Бурное время это настало на Руси вслѣдъ за смертью Всеволода Ярославича, при своемъ вступленіи на великокняжескій столъ жестоко поступившаго со своими племянниками Святославичами, благодаря лишенію ихъ отцовскаго черниговскаго стола. Лишь дошла въ Тмутаракань, гдѣ пріютился Олегъ Святославичъ, вѣсть о смерти Всеволода, какъ славный чужимъ горемъ изгой съ половецкими полчищами явился предъ стѣнами Чернигова добывать его подъ Мономахомъ. Съ оружіемъ въ рукахъ, дававшимъ ему полный перевѣсъ, заговорилъ онъ съ Владиміромъ Всеволодовичемъ; послѣд-

---

[1]) Лѣт. по Ип. сп., 1148, стр. 256.

ній отказался отъ Чернигова [1]). А въ то же самое время Давидъ Святославичъ, родной братъ Олега, бросается на Смоленскъ, вотчину того же Владимира Мономаха. И Черниговъ, и Смоленскъ остались за изгоями: первый по миру Олега съ Владиміромъ, второй по праву сильнаго. Дѣло было въ 1094 году. Съ первымъ событіемъ мирился Мономахъ, но признать второе за законно свершившееся онъ не могъ, и въ томъ же 1094 году поднялъ на Давида Святославича великаго князя кіевскаго Святополка Изяславича [2]). Святославичъ, по общему согласію, былъ выведенъ изъ Смоленска въ Новгородъ, откуда спустя два года

---

[1]) Лѣт. по Ип. Сп., г. 1094 стр. 157—158. „Того же лѣта Олегъ приде с Половцѣ іс Тмуторокана, и прииде к Чернигову, Володимерь же затворися в городѣ, Олегъ же прииде ко граду и пожьже около града, і монастыри пожьже; Володимиръ же сотвори миръ со Олгомъ, и иде из города на столъ отень до Переяславля, а Олегъ вниде в городъ отца своего“.

[2]) 1 Новг., г. 1095, стр. 118. „Иде Святопълкъ и Володимиръ на Давида Смольньску, и вдаша Давиду Новъгородъ“. Лѣтописецъ ошибочно помѣстилъ это извѣстіе подъ 1095 годомъ. Въ перечнѣ князей новгородскихъ читаемъ: „Святополкъ сѣде на столѣ сынъ Изяславль иде къ Києву. И присла Всеволодъ внука своего Мьстислава, сына Володимеря, и княживъ 5 лѣтъ иде къ Ростову, а Давидъ пріиде к Новугороду княжить; и по двою лѣта выгнаша и. И пріиде Мьстиславъ опять, и сѣдѣ в Новѣгородѣ 20 лѣтъ“. (1 Новг. лѣт., г. 989, стр. 67.). Княженіе Мстислава и Давида въ общей сложности длилось, согласно съ приведеннымъ указаніемъ, двадцать семь лѣтъ; погодныя же указанія лѣтописей говорятъ, что, во первыхъ, Святополкъ Изяславовичъ оставилъ Новгородъ въ концѣ 1088 г. (Лѣт. по Ипат. сп., стр. 145) и, во вторыхъ, Мстиславъ Владимировичъ окончательно оставилъ Новгородъ 17 Марта 1117 года (1 Нов лѣт., стр. 121). Не считая нѣсколькихъ мѣсяцевъ, что отойдетъ на конецъ 1088-го года и начало 1117-го, получимъ промежутокъ времени въ тѣ же двадцать семь лѣтъ; слѣдовательно, заключаемъ, перечень князей новгородскихъ даетъ намъ возможность провѣрить наши лѣтописи и обратно. Святополкъ Изяславовичъ, по лѣтописи, оставилъ Новгородъ въ 1088 году; слѣдующихъ за тѣмъ пять лѣтъ, по указанію перечня новгородскихъ князей, княжилъ въ Новгородѣ Мстиславъ Владимировичъ, слѣдовательно, время княженія его обнимало 1089, 1090, 1091, 1092 и 1093 годы; въ началѣ 1094 года сѣлъ въ Новгородѣ Давидъ Святославовичъ, по указанію лѣтописи, выведенный изъ Смоленска по общему соглашенію Владимира Мономаха и Святополка Изяславича, и, по указанію перечня новгородскихъ князей, княжившій въ Новгородѣ два года съ половиною, такимъ образомъ время его княженія обнимало 1094 и 1095 годы цѣликомъ и начало 1096 года. Южная лѣтопись подтверждаетъ наши вычисленія съ ничтожнымъ разногласіемъ во времени; тамъ мы читаемъ: „сего же лѣта (1095) исходяча, иде Давыдъ Святославичь из Новагорода къ Смоленьску; Новгородцѣ же идоша Ростову по Мьстислава Володимерича“. (Лѣт. по Ипат. сп., стр. 160). Переводъ лѣтосчисленія одного на другое можетъ уничтожить и эту незначительную разницу; жаль, что въ данномъ случаѣ нѣтъ никакой возможности провѣрить наше послѣднее предположеніе. Во всякомъ случаѣ, походъ Святополка Изяславича, великаго князя кіевскаго и Владимира Мономаха на Давида Святославича къ Смоленску относимъ къ 1094 году.

изгнанъ и, пользуясь общей смутой въ области междукняжескихъ отношеній, вторично захватилъ Смоленскъ. Послѣднимъ поступиться ему принужденъ былъ сынъ Мономаха Изяславъ, вознаградившій себя захватомъ черниговской волости, захватомъ Мурома [1]). Видимо, въ рукахъ внуковъ Ярослава не было ужъ средствъ для установленія правильныхъ взаимныхъ отношеній; великій князь кіевскій, занятый больше своими дѣлами, среди князей пользовался самымъ ничтожнымъ вліяніемъ; миру не довѣряли, цѣловали крестъ съ тѣмъ, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ взяться за оружіе. Единственнымъ исходомъ выйти изъ такого положенія подъ конецъ признано было лучшими представителями „рядъ учинить о Русской землѣ предъ епископы, игумены и предъ мужи отецъ..., и предъ горожаны" [2]). Условіе предложено было Олегу Святославичу Владиміромъ Мономахомъ совмѣстно съ великимъ княземъ кіевскимъ Святополкомъ Изяславичемъ; но Гориславичъ, „усприемъ смыслъ буй и словеса величави, рече сице: „нѣсть лѣпо мене судити епископомъ и черньцемъ, или смердомъ" [3]), и отвергъ предложеніе. Рѣшительный и грубый отказъ идти на уступки и соглашенія, отказъ со стороны того, кого уста всѣхъ величали виновникомъ общихъ несчастій и горя всей Руси, заставили Святополка и Владиміра поднять противъ него оружіе. Еще годъ длилась борьба, приносившая теперь Святославичамъ одни только несчастія; и вновь повторенное требованіе великаго князя положить оружіе и рѣшить дѣло на общемъ съѣздѣ было принято Святослави-

---

[1]) Татищевъ, т. II, г. 1095, стр. 156—157. „Давыдъ Святославичъ.. не могъ Новгородцамъ по ихъ непостоянству во всемъ угодить, выѣхалъ въ Смоленскъ и тутъ остался на княженіи, а Изяслава сына Владимирова высла... Владимиръ... къ Изяславу сыну послалъ, что бы онъ ѣхалъ въ Муромъ на княженіе Давыдово". Изгнанный изъ Смоленска Изяславъ Владиміровичъ приводитъ въ исполненіе отцовскій приказъ изъ Курска; видно, тутъ онъ получалъ подкрѣпленіе отъ сосѣдившихъ съ Курскомъ Половцевъ. „В се же время прииде Изяславъ, сынъ Володимерь, іс Курьска къ Мурому; и прияша и Муромьцѣ, и я посадника Ольгова". (Лѣт. по Ипат. сп., г. 1095, стр. 160). Нашему исторіографу Карамзину не нравится то обстоятельство, что Изяславъ, по свидѣтельству Татищева, занимаетъ Муромъ по приказу отца, такъ какъ Мономахъ де не могъ приказывать сыну то, за что въ письмѣ къ Олегу Святославичу послѣдняго не хвалитъ. (Ист. Рос. Госуд., т. II, пр. 172). Не слѣдуетъ забывать цѣли письма—убѣдить Олега Святославича прекратить враждебныя дѣйствія; въ такомъ письмѣ легко ожидать похвалъ и примѣровъ лести тому, кому письмо предназначено, легко ожидать и укоровъ мертвому сыну.

[2]) Лѣт. по Ипат. сп., г. 1096, стр. 160.

[3]) Ibidem.

чами съ большой охотой. Тонъ письма Мономаха къ старшему изъ нихъ Олегу съ одной стороны [1]), а съ другой—избраніе мѣстомъ съѣзда черниговскаго города Любеча, убѣдили ихъ въ искренности предложенія. Съѣздъ состоялся, и князья поцѣловали крестъ на томъ, что бы „кождо держати очьчину свою: Святополку Киевъ Изяславль, Володимеръ Всеволожь, Давыдъ и Олегъ, Ярославь Святославли" [2]). И съ этой минуты смоленская земля вплоть до 1404 года, года потери самостоятельнаго политическаго существованія и года подчиненія великимъ князьямъ литовскимъ, осталась за потомствомъ Владимира Всеволодовича Мономаха.

Съ переходомъ Смоленска къ Мономаху историческій ходъ жизни смоленскихъ Кривичей начинаетъ все яснѣе и яснѣе обрисовываться на общемъ фонѣ жизни древней Руси. Однимъ изъ важнѣйшихъ событій, близкихъ къ этому времени, слѣдуетъ считать учрежденіе въ городѣ Смоленскѣ самостоятельной епископіи. Правда, событіе это связано уже съ именемъ внука Мономаха Ростислава Мстиславича, унаслѣдовавшаго мысль объ учрежденіи ея отъ отца своего Мстислава; самъ онъ заявляетъ предъ лицомъ современниковъ и потомковъ словами своей грамоты, данной въ 1150 году въ обезпеченіе новоучрежденной епископіи: „паки ли приложить кто сію епископью опять къ Переяславстѣй епископьи, завистію переступя слово святого митрополита Гусскаго Михаила, а разрушить сію епископью Смоленскую: то князь отъиметь свое опять, еже былъ уставилъ епископу пристраивати Святѣй Богородици, дажъ кто разрушить сей замыслъ святого отца моего Мьстислава" [3]). Владимиръ Мономахъ успѣлъ сдѣлать только то, что въ 1101 году закладываетъ церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, которой суждено было стать каѳедральной церковью смоленскихъ епископовъ. „В се же лѣто Володимеръ заложи церковь у Смоленьскѣ святоѣ Богородицѣ камяну, епискупью" [4]). Сооруженная Владимиромъ Мономахомъ церковь Успенія Пресвятыя Богородицы служила каѳедральнымъ соборомъ въ теченіе пяти столѣтій, и только 3 іюня 1611 года при взятіи Смоленска

[1]) Лѣт. по Лавр. сп., г. 1096, стр. 243—246.
[2]) Лѣт. по Ипат. сп., г. 1097, стр. 167.
[3]) Доп. къ Акт. Истор., т. I, № 4, стр. 7; сравни начало грамоты.
[4]) Лѣт. по Ипат. сп., г. 1101, стр. 181.

польскимъ королемъ Сигизмундомъ III разрушена была отъ взрыва массы хранившагося въ погребахъ пороху [1]).

До изданія уставной грамоты Ростислава Мстиславича въ Дополненіяхъ къ Актамъ Историческимъ, что было въ 1846 году, изслѣдователи русской церковной старины, на основаніи словъ лѣтописи: „Володимеръ заложи церковь у Смоленьскѣ святоѣ Богородицѣ камяну, епискупью,“ и на основаніи рукописныхъ списковъ смоленскихъ епископовъ утверждали, что Владиміръ Мономахъ былъ учредителемъ самостоятельной смоленской каѳедры, и тѣмъ становились въ противорѣчіе извѣстію лѣтописей, которое положительно уничтожаетъ даже возможность предполагать, чтобы въ первой четверти XII вѣка могла существовать смоленская епископія. „В лѣто 6645. Поставленъ бысть скопець Мануйло епископомъ Смоленску, пѣвець гораздый, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ самъ третий къ благолюбивому князю Мьстиславу; предъ симъ бо бѣ не былъ епископъ Смоленьскѣ“ [2]). Однако, къ общему сожалѣнію, столь убѣдительныя слова лѣтописи оставляются безъ должнаго вниманія нѣкоторыми изслѣдователями въ области древней русской исторіи даже и въ настоящее время [3]).

Съ чтеніемъ лѣтописи по Ипатскому списку: „В се же лѣто Володимеръ заложи церковь у Смоленьскѣ святоѣ Богородицѣ камяну, епискупью,“ согласны всѣ лѣтописи; одна только Степенная Книга, памятникъ сравнительно поздняго времени, измѣняетъ смыслъ этого извѣстія, предлагая намъ такое чтеніе: „и пріиде же Володимиръ въ Смоленскъ и воздвиже церковь пречестну, во имя пречистыя Богородицы, идѣже тогда и Епи-

---

[1]) Ниже на стр. 13 приведены доказательства о днѣ паденія Смоленска, а равно описаніе очевидца того страшнаго пожара, во время котораго погибло много сокровищъ смоленскихъ. Здѣсь приведемъ слова отдѣльнаго сказанія. „O szturmie y dobyciu Smolenska ostatnim w roku 1611, 13 juni“. (Сборн. Библ. Оссолинскихъ во Львовѣ, № 231, стр 254—255). „Skoro... ogien wziął większą moc, trudno iuz bulo ratować, bo wiatr był wielki ku staremu zamku, gdzie cerkiew Archiepiscopa była... Blizko tey cerkwie była wielka wielkosć prochu w kilku sklepach... szescdziesiąt beczek iako naszych solanek, do ktorych kiedy ogien doszedł, czuć slyszeć y wiedzeć było, nie terre motus, nie fulmina, nie tonitrua, ale coś wiedno spoinego z tych wszystkich rzeczy“. Слѣдуетъ сравнить со словами Кобержицкаго (Historia Vladislai, Dantisci, an. 1655, p. 410—411) и словами рукописи Жолкѣвскаго, стр. 216—217.

[2]) Лѣт. по Ипат. сп., г, 1137, стр. 215.

[3] Иловайскій, Ист. Рос., т. I, ч. 1, стр. 89.

скопію устрои" [1]). При чтеніи лѣтописной замѣтки получается впечатлѣніе, что составитель ея понималъ слово *епискупью* въ значеніи имени прилагательнаго, между тѣмъ какъ авторъ Степенной считаетъ его именемъ существительнымъ. Какъ прилагательное, *епискупья* можетъ имѣть два оттѣнка: оттѣнокъ цѣли и оттѣнокъ простого опредѣленія. Въ первомъ случаѣ лѣтописное извѣстіе можно передать слѣдующимъ образомъ: Владиміръ построилъ церковь, цѣль, назначеніе которой служить въ будущемъ каѳедральной церковью смоленскихъ епископовъ; во второмъ же случаѣ—смыслъ извѣстія будетъ слѣдующій: Владиміръ построилъ церковь, которая впослѣдствіи стала каѳедральной, каковою она была во времена составителя лѣтописной замѣтки. Оба значенія, какія придаемъ прилагательному *епискупья*, не могутъ измѣнить смысла лѣтописнаго извѣстія, говорящаго только о построеніи Владиміромъ Мономахомъ каменной церкви. А между тѣмъ авторъ Степенной Книги положительно увѣренъ, что учрежденіе смоленской епископіи тѣсно связано съ именемъ Мономаха и именно съ 1101 годомъ; и мысль его не стоитъ одиноко: ее поддерживаютъ поминальные списки смоленскихъ епископовъ. Тогда какъ лѣтописи подъ 1137 годомъ первымъ смоленскимъ епископомъ называютъ скопца Мануила, послѣдніе передъ именемъ его ставятъ имена двухъ епископовъ Игнатія и Лазаря и тѣмъ отодвигаютъ учрежденіе смоленской епископіи къ началу XII в. Вотъ списокъ епископовъ по рукописи, принадлежащей Смоленскому Историко-Археологическому Музею:

1, Игнатій,
2, Лазарь,
3, Мануилъ,
4, Михаилъ,
5, Меркурій,
6, Симеонъ,
. . . .
. . . . [2])

---

[1]) Книга Степенная царскаго родословія..., напечатанная подъ смотрѣніемъ Г. Ф. Миллера, ч. I.

[2]) Многоточіемъ отмѣчаемъ пропускъ большого сравнительно числа именъ епископовъ, извѣстныхъ по другимъ источникамъ. Пробѣлъ чувствуется сразу, если припомнимъ, что Симеонъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1197 годомъ (Лѣт. по Ипат. сп., стр. 417), Ѳеофилактъ же подъ 1355 годомъ. (Ник. лѣт., ч. III, стр. 206

7, Θеофилактъ,
8, Парѳеній,
9, Николай,
10, Сергій,
11, Михаилъ,
12, Даніилъ,
13, Наасонъ,
14, Мисаилъ,
15, Михаилъ,
16, Севастіанъ,
17, Герасимъ,
18, Мисаилъ,
19, Іосифъ Солтанъ и т. д. [1])

Сличеніе этого списка съ печатными, извѣстными намъ по трудамъ Амвросія [2]), Никитина [3]), Трофимовскаго [4]) и Строева [5]), убѣдитъ читателя, что названные изслѣдователи при составленіи своихъ списковъ пользовались рукописными списками однороднаго характера съ нашимъ.

Амвросій	Никитинъ	Трофимовскій	Строевъ
1 Игнатій,	1 Игнатій,	1 Игнатій,	1 . . . . .
2 Лазарь,	2 Лазарь,	2 Лазарь,	2 . . . . .
3 Мануилъ,	3 Эммануилъ,	3 Мануилъ,	3 Мануилъ,
4 Михаилъ,	4 Михаилъ 1,	4 Константинъ,	4 Константинъ,
5 Симонъ,	5 Меркурій,	5 Меркурій,	5 Симонъ,
6 Меркурій,	6 Симонъ,	6 Симеонъ,	6 Игнатій,
.		7 Игнатій,	7 Лазарь,
.		8 Лазарь,	8 Меркурій,
.			. . . . .
.			. . . . . [6])

[1]) Списокъ епископовъ смоленскихъ помѣщается въ рукописи, носящей заглавіе „Историческое описаніе города Смоленска“, неправильно приписываемое смоленскому епископу Гедеону Вишневскому, скончавшемуся въ 1761 году. Ошибка повторена и издателемъ описанія, помѣстившимъ его въ Сѣверномъ Архивѣ за 1828 годъ, ч. 32, стр. 3—41, исправлена была въ свое время Строевымъ. (Московскій Вѣстникъ, 1828 годъ, ч. 9, № 9, стр. 70—72).

[2]) Исторія Рос. Іерархіи, т. I, стр. 61 и слѣд.

[3]) Исторія г. Смоленска, 1-е приложеніе.

[4]) Ист. статист. Опис. смолен. Епархіи.

[5]) Сп. іерарх. и наст. мон. Рос. церкви, стр. 588 и слѣд.

[6]) Пропущенъ рядъ епископовъ, извѣстныхъ по другимъ спискамъ, не бывшимъ, слѣдовательно, подъ руками у названныхъ изслѣдователей. Пропускъ почти тотъ же, что въ рукописномъ спискѣ Смоленскаго Музея.

7 Ѳеофилактъ	7 Ѳеоктистъ,	9 Ѳеофилактъ,	9 Ѳеофилактъ,
8 Даніилъ,	8 Парѳеній,	10 Парѳеній,	10 Парѳеній,
9 Филоменъ,	9 Филоменъ,	11 Даніилъ,	11 Даніилъ,
10 Парѳеній,	10 Николай,	12 Михаилъ,	12 Михаилъ,
11 Николай,	11 Сергій,	13 Даніилъ,	13 Наасонъ,
12 Сергій,	12 Даніилъ,	14 Наасонъ,	14 Севастьянъ,
13 Михаилъ,	13 Михаилъ,	15 Иларіонъ,	15 Герасимъ,
14 Даніилъ,	14 Даніилъ,	16 Севастьянъ,	16 Мисаилъ,
15 Іасонъ,	15 Наасонъ,	17 Герасимъ,	17 Іоакимъ,
16 Нассонъ,	16 Михаилъ,	18 Симеонъ,	18 Іосифъ
17 Михаилъ,	17 Севастьянъ	19 Мисаилъ,	Солтанъ.
18 Севастьянъ	18 Герасимъ,	20 Іоакимъ,	
19 Мисаилъ,	19 Мисаилъ,	21 Іосифъ Солтанъ.	
20 Герасимъ,	20 Михаилъ,		
21 Михаилъ,	21 Іосифъ Солтанъ.		
22 Іосифъ Солтанъ.			

Пропускъ ряда епископовъ, дѣятельность которыхъ падала на XIII и XIV столѣтія, говоритъ о томъ, что всѣ списки названныхъ изслѣдователей составлены были на основаніи списковъ одного и того же характера, что и извѣстный намъ; говоритъ онъ и о томъ, что списки, находившіеся въ рукахъ изслѣдователей, имѣютъ въ основѣ своей одинъ списокъ, составитель котораго плохо былъ ознакомленъ съ исторіей смоленской каѳедры. Сходство печатныхъ списковъ, при составленіи которыхъ положено было не мало труда и употреблены были результаты, добытые наукой, повторяемъ, сходство ихъ съ рукописнымъ даетъ намъ право относить ихъ къ одной семьѣ, къ одной редакціи, которую называемъ въ отличіе отъ другой редакціей первой.

Вторую редакцію составляютъ два списка; одинъ изъ нихъ помѣщается въ текстѣ рукописнаго требника XVI в., принадлежащаго Московской Синодальной Библіотекѣ [1]), другой—въ синодикѣ Супрасльскаго монастыря [2]). Послѣдній извѣстенъ въ печати по копіи, снятой въ 1631 году и принадлежащей нынѣ Виленской Публичной Библіотекѣ. Для наглядной убѣдительности, что названные списки согласны между собою и соста-

---

[1]) Опис. слав. рук. Моск. Син. Библіот., отд. 3, ч. I, стр. 224.

[2]) Опис. рук. Вил. Публ. Библіот., стр. 182.

вляютъ отдѣльную редакцію, здѣсь же выписуемъ ихъ и выпишемъ ихъ рядомъ:

по требнику	по синодику
1 Маноилъ,	1 Маноилъ,
2 Константинъ,	2 Константинъ,
3 Семеонъ,	3 Симеонъ,
4 Игнатій,	4 Игнатій,
5 Лазарь,	5 Лазарь,
6 Оѳонасій,	6 Аѳанасій,
7 Іоаннъ,	7 Іоаннъ,
8 Діонисій,	8 Діонисій,
9 Порфирій,	9 Порфирій,
10 Пахомій,	10 Ѳома,
11 Ѳома,	11 Іоаннъ,
12 Іоаннъ,	12 Даніилъ,
13 Даніилъ,	13 Евфимій,
14 Евфимій,	14 Ѳеофилактъ,
15 Ѳеофилактъ,	15 Михаилъ,
16 Михаилъ,	16 Никонъ,
17 Нассонъ,	17 Севастьянъ,
18 Севастьянъ,	18 Нафанаилъ,
19 Нафанаилъ,	19 Симеонъ,
20 Герасимъ,	20 Евфимій,
21 Симеонъ,	21 Мисаилъ,
22 Мисаилъ,	22 Іоакимъ,
23 Іоакимъ,	23 Іосифъ Солтанъ.
24 Іосифъ Солтанъ.	

Между обоими списками самая незначительная разница: въ синодикѣ Супрасльскаго монастыря пропущены Пахомій (№ 10) и Герасимъ (№ 20), имя Наасонъ испорчено въ Никонъ (№ 16) и вставлено имя Евфимій (№ 20). Столь незначительная разница нисколько не мѣшаетъ признать ихъ за одну семью, одну редакцію, которую будемъ называть второй редакціей въ отличіе отъ извѣстной уже намъ первой. Рѣшеніе вопроса, чѣмъ можно объяснить различіе обѣихъ редакцій въ опредѣленіи времени жизни и дѣятельности епископовъ Игнатія и Лазаря, помѣщаемыхъ въ первой редакціи передъ именемъ Мануила, перваго смоленскаго епископа, во второй же помѣщаемыхъ послѣ Симеона, погребавшаго въ 1197 году смоленскаго князя Давида

Ростиславовича [1]), дастъ намъ возможность убѣдиться въ достовѣрности второй редакціи. Провѣрка показаній второй редакціи, не имѣющей подобно первой значительнаго пропуска именъ епископовъ, дѣятельность которыхъ падаетъ на XIII и XIV столѣтія, дастъ съ своей стороны возможность убѣдиться въ ея достовѣрности. Прежде чѣмъ остановиться на оцѣнкѣ обѣихъ редакцій, считаемъ долгомъ напомнить, что въ распоряженіи нашемъ нѣтъ синодика, куда бы правильно и постепенно заносились въ свое время все новыя и новыя имена смоленскихъ владыкъ. Болѣе ранніе списки, списки второй редакціи, не восходятъ дальше начала XVI в., такъ какъ къ этому времени должно отнести появленіе супрасльскаго синодика; къ этому же ремени относится основаніе Супрасльскаго монастыря. „И прежде всего въ 1498 г. блаженной памяти Александръ Ходкевичъ, воевода Новогородскій и великій маршалъ в. к. Литовскаго началъ строить въ своихъ вотчинныхъ владѣніяхъ въ Городкѣ—въ четырехъ миляхъ отсюда (отъ Супрасля) и здѣсь на первомъ фундушѣ помѣстилъ было монаховъ по чину Василія В., не дѣлая еще никакихъ записей, и первымъ... игуменомъ былъ Пафнутій Сѣчень. Когда же въ теченіи двухъ лѣтъ это мѣсто не понравилось монахамъ, то они просили поселить ихъ въ другомъ, болѣе спокойномъ мѣстѣ... Въ 1500 году Пафнутій Сѣчень, первый... архимандритъ Супрасльскаго монастыря, по волѣ ктитора, переселился съ братіею на островъ, расположенный между рѣчками Грабовкою и Березовкою. Здѣсь этотъ благочестивый господинъ положилъ основаніе монастырю—твердое и нерушимое“ [2]). Іосифъ Солтанъ, епископъ смоленскій, впослѣдствіи митрополитъ кіевскій, былъ однимъ изъ главнымъ вкладчиковъ Супрасльскаго монастыря, архивъ котораго сохранилъ намъ не мало документовъ, данныхъ рачительнымъ вкладчикомъ-владыкой [3]). Имени его естественно было попасть въ

---

[1]) Лѣт. по Ипат. сп., стр. 471. „Преставися благовѣрный князь Смоленьский Давыдъ, сынъ Ростиславль... мѣсяца априля во 23, на память святаго мученика Георгия; епископъ же Смоленьский Семеонъ, п вси игумени и поповѣ, и сыновець его Мьстиславъ Романовичь, и вси бояре, проводиша и со благохвалными пѣсньми, и с кадѣлы благоуханьными, и тако спрятавше тѣло его и положиша и во церкви святую мученику Христову Борису и Глѣбу“.

[2]) Лѣтопись Супрасльской Лавры, Археогр. Сборн. докум. относящ. къ ист. сѣв.-зап. Руси, т. IX, стр. 1—2.

[3]) Арх. Сборн. докум. относящ. къ истор. сѣверо-западн. Руси, т. IX, стр. 1—13, 16-22, 35—36.

монастырскій синодикъ совмѣстно съ именами всѣхъ его предшественниковъ по смоленской каѳедрѣ еще и по той причинѣ, что освященіе вновь созданнаго Супрасльскаго монастыря произведено было имъ же, какъ смоленскимъ епископомъ. Можно прибавить къ этому еще и то обстоятельство, что Іосифъ Солтанъ, ставъ кіевскимъ митрополитомъ, продолжалъ числиться епископомъ смоленскимъ вплоть до конца 1508 года. Еще 17 Ноября 1508 года князь Константинъ Острожскій въ своей челобитной королю и великому князю Сигизмунду I Казимировичу говоритъ: „Въ митрополита у Смоленску позычилъ есми тридцать копъ грошей“ [1]). Короли польскіе и великіе князья литовскіе величаютъ Іосифа то епископомъ смоленскимъ, то митрополитомъ кіевскимъ; дѣлается это къ случаю. Выдавая подтвердительную жалованную грамоту „всему посполству мѣста и земли Смоленьскоѣ“, Александръ, великій князь литовскій, называетъ Іосифа епископомъ смоленскимъ; такъ поступаетъ и Сигизмундъ I Казимировичъ, выдавая свою жалованную грамоту на сельцо Капустинское, которое должно было отойти „къ церкви Божьей пречистой Богоматери“ Смоленской [2]). Но когда рѣчь идетъ о правахъ Іосифа, какъ митрополита кіевскаго, паны-рада великаго княжества литовскаго величаютъ Іосифа митрополитомъ [3]). Только въ началѣ 1509 года является въ Смоленскѣ новый епископъ Варсонофій. Слѣдовательно, могла побудить ко внесенію въ синодикъ имя Іосифа и его предшественниковъ по смоленской каѳедрѣ эта тѣсная связь между кіевской митрополіей и смоленской епископіей.

Требникъ московской синодальной библіотеки ведетъ свое начало изъ мѣстности близкой къ Супрасльскому монастырю: мѣстнымъ княземъ, за котораго возносятся молитвы, является князь пинскій Ѳедоръ Ивановичъ. На листѣ 220 „послѣ заупокойной ектеніи поминаются имена князей и княгинь, противъ которыхъ на полѣ выставлено: „родъ князя ѳеодора ярославовича и княгини елены по отци и по матери“... Ниже л. 227 снова встрѣчается имя князя Ѳедора, княгини Елены и княжны Василисы, въ текстѣ молитвъ святительскихъ между живыми“ [4]). На оборотѣ листа 226, по освященіи святыхъ даровъ, когда

---

[1]) Акт. Зап. Рос., т. II, № 45, стр. 57.

[2]) Акт. Зап. Рос., т. I, № 213, стр. 360; ibidem, т. II, № 24, стр. 27.

[3]) Акт. Зап. Рос., т. II, № 10, стр. 7—8.

[4]) Описан. славян. рук. Москов. Синод. Библ., отд. 3, ч. I, стр. 223—224.

положено поминать умершихъ, послѣ митрополитовъ кіевскихъ, въ текстѣ читается: „помени господи епископовъ смоленьскыхъ: маноила. константина. семеона. игнатія. лазаря. ѳѳонасиа. іоанна. дионисия. перфириа. пахомия. фомы. іоанна. данилия. еоуфимия. ѳеофилакта. михаила. нассона. савостьяна, нафанаила, герасима. семиона. мисаила. іоакима. іосифа“. Издатели Описанія славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки по этому поводу дѣлають такое замѣчаніе: „Послѣднее имя (Іосифъ) и въ митрополитахъ кіевскихъ, конечно, принадлежитъ Іосифу Солтану, изъ епископовъ смоленскихъ сдѣлавшемуся митрополитомъ въ 1498 г. Временемъ его кончины (около 1518 г.) опредѣляется время написанія сей рукописи, а перечнемъ смоленскихъ епископовъ указывается ея принадлежность смоленской епархіи“ [1]). Сохранившіяся до нашего времени копіи документовъ, выданныхъ отъ имени Ѳедора Ивановича пинскаго въ 1520 году, и ни одного отъ болѣе позднихъ годовъ [2]), съ одной стороны, а съ другой упоминаніе его имени въ текстѣ среди живыхъ, тогда какъ Іосифъ Солтанъ упоминается среди покойныхъ, дѣйствительно опредѣляютъ время написанія требника, именно отъ 1518 до 1520 года. Что же касается мнѣнія о принадлежности требника смоленской епархіи, то упоминаніе имени въ качествѣ мѣстнаго князя Ѳедора Ивановича пинскаго заставляетъ насъ усумниться въ томъ; мы ожидали бы скорѣе имени великаго князя московскаго, такъ какъ Смоленскъ съ 1514 года сталъ принадлежать Москвѣ. Такимъ образомъ и требникъ, происхожденіе котораго относится къ первой четверти XVI в., предлагаетъ намъ списокъ смоленскихъ епископовъ включительно до Іосифа Солтана, списанный заразъ въ видѣ копіи съ синодика смоленской каѳедры. Дѣйствительно, трудно предположить, чтобы смоленскій каѳедральный соборъ не имѣлъ въ свое время собственнаго синодика съ отдаленныхъ вѣковъ, куда бы вносились имена лицъ, выдающихся по своему положенію, лицъ, близкихъ къ епископской каѳедрѣ, самихъ епископовъ, а равно также благотворителей собора и ихъ родственниковъ. Его онъ несомнѣнно имѣлъ, но, къ сожалѣнію, потерялъ. Минутой потери могъ быть взрывъ собора 3 Іюня 1611 года, когда смоленскія

---

[1]) Опис. слав. рук. Моск. Синод. Библ., отд. 3, ч. I, стр. 224.
[2]) Ревиз. пущ. и звѣр. перех., стр. 297, 312.

твердыни пали предъ королемъ польскимъ Сигизмундомъ III [1]). „Tem czassem, пишетъ очевидецъ, nassy zapalieli błankowanie bezpotrzeby, bo ten ogien wielką szkodę vczynił... Od tegoż ognia y miasto się zaięło. I Monaster, ktori był w miescie pięknie murowany, w ktorem Monasterze oni wssystkie czo przednieisse rzeczy y kostownieisse chowali, zgorzał z temi rzeczami. Tamże byly y prochy w tem Monasterze, ktorych było iako sama Moskwa powiada czteredziesci tysięcy padow... Ktore prochy wssystkie zgorzaly, y wielki y niesłychany grzmot wczynily y ludzi tak nassych, ktorzy się łupem bawili koło tego Monastera, niemało pobiely. Zgadaią się na to y samaś Moskwa, że te prochy nieiaki Bielawin miesczanin zapalił, z temi skarbami y sam tam zgorzał, bo go tam naleziono spalonego, kochanek to był wielki tego Woiewodi Seina“ [2]). Вмѣстѣ съ соборомъ погибли и всѣ его сокровища и необходимыя принадлежности; погибъ среди нихъ и синодикъ. Стоитъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что среди книжныхъ сокровищъ смоленскаго каѳедральнаго собора, по изданнымъ описаніямъ, нѣтъ книгъ, которыя бы относились ко времени до 1611 года [3]). Но при каѳедрѣ вскорѣ могла почувствоваться потребность знать имена смоленскихъ владыкъ отъ самаго начала епископіи. Такимъ путемъ могла появиться попытка на основаніи лѣтописей и другихъ

[1]) Участникъ осады Смоленска Вихровскій, подлинное письмо котораго изъ-подъ Смоленска отъ 13 Іюня 1611 года новаго стиля хранится въ рукописномъ отдѣленіи Библіотеки Оссолинскихъ во Львовѣ, въ Сборникѣ XVI в., за № 168, считаетъ днемъ паденія смоленскихъ твердынь 13 Іюня новаго стиля, что будетъ соотвѣтствовать 3 Іюня стараго стиля. Его дату поддерживаетъ польскій историкъ-современникъ Станиславъ Кобержицкій (Historia Vladislai, Dantisci, a. 1655, p. 404—412). Составитель сказанія „O śzturmie y dobyciu Smolenska ostatnim w roku 1611, 13 juni“ (Библіотека Оссолинскихъ во Львовѣ, № 231, Сборникъ XVII в.) ведетъ свой разсказъ отъ 12 Іюня новаго стиля; показаніе это легко примиряется съ вышеуказанными свидѣтельствами, такъ какъ штурмъ былъ въ ночь съ 12 Іюня на 13-е. Одно заглавіе повѣсти говоритъ, что штурмъ законченъ былъ 13 Іюня, т. е. 3 Іюня стараго стиля; начатъ же былъ ночью 12-го числа, „skoro się smierzchło“ (Сборникъ № 231, p. 253). Кіевская лѣтопись (1241—1621) говоритъ объ этомъ событіи: „року 1611 месяца Июля 3 дня кроль Жикгимонтъ взялъ Смоленскъ зъ недели на понеделокъ“. (Сборн. лѣт., относящ. къ ист. южн. и западн. Руси, Кіевъ, г. 1888, стр. 81). 3-е Іюня 1611 года падаетъ на понедѣльникъ, 3-е же Іюля—на среду: надо, такимъ образомъ, предположить описку въ лѣтописи, или опечатку со стороны издателей ея. Во всякомъ случаѣ, Сигизмундъ III покорилъ своей власти Смоленскъ 3 Іюня 1611 года.

[2]) Сборн. Библ. Оссолинскихъ во Львовѣ, № 168, стр. 566.

[3]) Ж. М. И. Пр., 1835 г., № 12, стр. 510, пр. 1.

историческихъ документовъ восполнить пробѣлъ, составить списокъ смоленскихъ епископовъ. Извѣстный намъ рукописный списокъ помѣщенъ въ концѣ Историческаго Описанія города Смоленска, написаніе котораго преданіе относитъ къ 1780 году, ко дню пріѣзда въ Смоленскъ Императрицы Екатерины [1]). Быть можетъ, это и была первая попытка составить списокъ смоленскихъ епископовъ, только относить ее слѣдуетъ ко второму пріѣзду Императрицы, что было въ 1787 году. Въ журналѣ Высочайшаго путешествія Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины II въ полуденныя страны Россіи читаемъ: „Сего утра (13 января) поднесены Всемилостивѣйшей Государынѣ отъ Генерала-Губернатора всеподданнѣйшіе рапорты и вѣдомости, доставляющія полное свѣдѣніе о всемъ относящемся къ губерніи Смоленской“ [2]). Среди вѣдомостей такого характера могло быть Описаніе г. Смоленска, въ концѣ котораго помѣщенъ былъ списокъ смоленскихъ епископовъ, какъ это мы видимъ въ извѣстной намъ рукописи; просвѣщенная Императрица чутко прислушивалась какъ къ жизни современной ей Россіи, такъ и къ жизни древней Руси. Таково, по нашему мнѣнію, происхожденіе перваго списка смоленскихъ епископовъ, давшаго впослѣдствіи нѣсколько копій, которыя несогласіемъ своимъ другъ съ другомъ только уличаютъ снимавшихъ въ плохомъ исполненіи взятаго на себя труда.

Рукописный списокъ Смоленскаго музея заключаетъ въ себѣ за время отъ начала епископіи до Іосифа Солтана включительно девятнадцать именъ; частію имена тамъ лицъ сомнительныхъ, частію имена лицъ, дѣйствительно епископствовавшихъ въ Смоленскѣ, но притомъ имена такихъ епископовъ, личности которыхъ легко провѣряются и возстанавливаются по дошедшимъ до нашего времени лѣтописямъ и историческимъ документамъ. Несомнѣнно, такихъ лѣтописей и такихъ документовъ во время составленія первоначальнаго списка было еще болѣе, чѣмъ есть ихъ нынѣ; и составленіе его было сопряжено съ самыми ничтожными трудностями. Пропускъ же именъ епископовъ XIII и XIV вв. говоритъ о томъ, что время составленія его далеко отстояло отъ времени жизни и дѣятельности

[1]) Рукопись Смоленскаго Историко-Археологическаго Музея; сравни Сѣвер. Арх., 1828, ч. 32, стр. 3.

[2]) Стр. 11.

первыхъ; въ Смоленскѣ въ то время не помнили ихъ, находившіеся подъ руками источники съ своей стононы не упоминали ни объ одномъ изъ ихъ. Вспомнимъ порядокъ епископовъ по рукописному списку, такъ какъ не желаемъ считаться по печатнымъ съ измышленіями изслѣдователей, попытаемся указать тѣ данныя, на основаніи которыхъ могъ быть онъ составленъ человѣкомъ, не посвященнымъ во всѣ тайны и результаты науки; тамъ мы читаемъ: 1, Игнатій, Лазарь, Мануилъ, Михаилъ, 5, Меркурій, Симеонъ, Θеофилактъ, Пареенiй, Николай, 10, Сергій, Михаилъ, Даніилъ, Наасонъ, Мисаилъ, 15, Михаилъ, Севастіанъ, Герасимъ, Мисаилъ, и 19, Іосифъ Солтанъ. Въ числѣ девятнадцати называетъ онъ одиннадцать историческихъ личностей: 1, Игнатій, Лазарь, Мануилъ, Симеонъ, 5, Θеофилактъ, Михаилъ II, Наасонъ, Мисаилъ II, Севастіанъ, 10, Герасимъ и Іосифъ Солтанъ, и восемь личностей измышленныхъ: 1, Михаилъ I, Меркурій, Пареенiй, Николай, 5, Сергій, Даніилъ, Михаилъ III и 8, Мисаилъ I.

Имя епископа Игнатія, кромѣ списковъ, извѣстно намъ по другимъ памятникамъ древней русской исторіи: во первыхъ, по житію преподобнаго Авраамія Смоленскаго, во вторыхъ, изъ лѣтописи, и въ третьихъ, по „книгѣ глаголемой описаніе о россійскихъ святыхъ, гдѣ и въ которомъ градѣ или области или монастырѣ и пустыни поживе и чюдеса сотвори, всякаго чина святыхъ.“ Большое количество дошедшихъ до нашего времени списковъ житія преподобнаго Авраамія говоритъ о значительномъ его распространеніи въ древней Руси. Благодаря своей извѣстности и распространенности оно и сослужило службу неладному примѣненію къ дѣлу своихъ знаній со стороны составителя списка. Преподобный Авраамій, по словамъ житія, посвященъ былъ въ іерейскій санъ въ княженіе „великаго христолюбиваго Мьстислава смоленскаго и всея рускыя земли“ [1]). Дѣятельность преподобнаго протекла въ Смоленскѣ при епископѣ Игнатіи и неизвѣстномъ по имени его преемникѣ. „И не бысть дождя на земли. и бывше въ печали велицѣ. се же все бысть от Божия промышления. и хотя Богъ блаженнаго Авраамия объявити. и возложи Богъ на сердце нѣкоему сущу иерею. яко шед помяну христолюбивому епископу Игнатию. о блаженномъ Авраамии... и тако преставися къ Богу святитель великии

[1]) Прав., Собесѣд., г. 1858, ч. 3, стр. 145.

Игнатии града Смоленьска... оттолѣ болѣ начать подвизатися блаженный Авраамии" [1]). Княземъ смоленскимъ, а затѣмъ великимъ княземъ кіевскимъ, съ именемъ Мстислава былъ внукъ основателя величія смоленскаго княжества Ростислава Мстиславъ Романовичъ, княжившій въ Смоленскѣ отъ 23 апрѣля 1197 года до 1214 года, когда перешелъ въ Кіевъ, въ качествѣ князя котораго палъ въ битвѣ на Калкѣ [2]). На цѣлое столѣтіе ранѣе жилъ прадѣдъ его Мстиславъ Владимировичъ, сынъ Мономаха, скончавшійся въ 1132 году великимъ княземъ кіевскимъ [3]). Числомъ двухъ этихъ князей обусловливается число мнѣній о времени жизни и дѣятельности преподобнаго, а равно о времени жизни и дѣятельности епископа Игнатія. По мнѣнію однихъ, преподобный Авраамій дѣятель конца XII в. и начала XIII в. [4]); по мнѣнію другихъ, дѣятельность его отодвигается на цѣлое столѣтіе назадъ, такимъ образомъ онъ является дѣятелемъ конца XI в. и начала XII в. [5]) Кто принимаетъ послѣднее мнѣніе, по необходимости долженъ помѣщать имя Игнатія, современника Авраамія Смоленскаго и Мстислава Владимировича, предъ именемъ Мануила, ставшаго смоленскимъ епископомъ въ 1137 году. Такъ поступали и поступаютъ ученые настоящаго столѣтія; такъ поступилъ нѣсколько раньше и

---

[1]) Правосл. Собесѣд., г. 1858, ч. 3, стр. 382, 388—389; сравни стр. 384.

[2]) Лѣт. по Ипат. сп., г. 1197, стр. 471—472. „В лѣто 6705. Преставися благовѣрный князь Смоленьский Давыдъ, сынъ Ростиславль... мѣсяца априля во 23, на память святаго мученика Георгия... Давыдъ же столъ свой далъ сыновцю своему Мьстиславу Романовичю"... 1 Новг. лѣт., г. 1214, стр. 196—197. „Всеволодъ ис Киева выбежа за Дънепръ; и въниде Мьстиславъ съ братьею и съ Новгородьци въ Киевъ, и поклонишася Кияне, и посадиша Киевѣ Мьстислава Романовиця, вънукъ Ростиславль". Выступленіе изъ Новгорода Мстислава Удалого свершилось 8-го Іюня „Пойде князь Мьстиславъ съ Новгородці къ Киеву мѣсяца июня въ 8, на святаго. Ѳеодора" (ibidem). Лѣт. по Лавр. сп., г. 1223, стр. 424. „Мьстиславъ старый князь ту (въ битвѣ на Калкѣ) убьенъ бысть, и другый Мьстиславъ".

[3]) Лѣт. по Лавр. сп., г. 1132, стр. 286. „В лѣто 6640. Преставися Мстиславъ, сынъ Володимерь, мѣсяца априля въ 14 день".

[4]) Филаретъ, Обозрѣн. русск. духовн. литерат., стр. 45, Россійск. святые, м. Августъ, стр. 82; Макарій, Исторія Русской Церкви, т. III, прим. 107; Ключевскій, Древн. русскія житія, какъ истр. источникъ, стр. 56—57; того же мнѣнія держится издатель житія, Правосл. Собесѣд., г. 1858, ч. 3, стр. 136.

[5]) Амвросій, Истор. россійск. іерархіи, т. III, стр. 165; Ратшинъ, Истор. свѣд. о монастыряхъ, стр. 492, 496; Мурзакевичъ, Ж. М. Н. Пр., 1835, № 12, стр. 507; Никитинъ, Истор. г. Смоленска, стр. 43, 45; Иловайскій. Ист. Рос., т. I, ч. 1, стр. 89.

составитель списка епископовъ, родоначальника первой редакціи, но поступилъ, къ сожалѣнію, неправо по нѣкоторымъ причинамъ.

Обыкновенно указываютъ на то, что упоминаемый въ житіи Авраамія Смоленскаго епископъ Игнатій есть именно тотъ смоленскій епископъ, имя котораго занесено на страницы исторіи подъ 1206 годомъ, какъ примирителя Мстислава Романовича смоленскаго съ Всеволодомъ Юрьевичемъ суздальскимъ. „Приключися тогда (въ мартѣ 1206 г.) быти смоленскому епископу Игнатью, игумену Михаилу Отрочья монастыря, занеже пришла быста къ Великому князю Всеволоду молиться о мирѣ отъ Мьстислава Романовича, занеже приложился бяше къ Олговичемъ“ [1]). Однако можно всегда поставить возраженіе, что Игнатій, упоминаемый въ лѣтописи подъ 1206 годомъ, дѣйствительно былъ дѣятелемъ XII—XIII вв.; но нѣтъ данныхъ, чтобы онъ былъ современникомъ преподобнаго Авраамія, и ничто, такимъ образомъ, не мѣшаетъ говорить, что столѣтіе ранѣе на смоленской каѳедрѣ былъ епископъ съ именемъ Игнатія, о которомъ ведетъ свою рѣчь житіе Авраамія. Такое возраженіе ставитъ своимъ перечнемъ смоленскихъ епископовъ г. Трофимовскій; припомнимъ его:

1 Игнатій,
2 Лазарь,
3 Мануилъ,
4 Константинъ,
5 Меркурій,
6 Симеонъ,
7 Игнатій,
8 Лазарь.

Но возраженіе, поставленное самому себѣ однимъ изъ изслѣдователей смоленской старины, не можетъ имѣть цѣны, если мы прибавимъ, что и самый текстъ житія преподобнаго Авраамія даетъ намъ весьма убѣдительное доказательство, что преподобный, а равно его современникъ Игнатій—дѣятель XII—XIII вв. „Ведому же ему (Авраамію) на снемъ. явися Господь в то время преподобному Луцѣ Прусину. у церкви честнаго архангела Михаила“ [2]). Въ древнемъ Смоленскѣ, равно какъ и

[1]) Карамзинъ. Ист. Рос. Госуд., т. III, пр. 118. Читаемъ вмѣсто Мьстислава Владимеровича Мстислава Романовича, какъ это сдѣлалъ исторіографъ.

[2]) Православ. Собесѣд., 1858 г., ч. 3., стр. 374.

нынѣ, существовала одна только церковь во имя архистратига Михаила, обязанная своимъ существованіемъ смоленскому князю Давиду Ростиславичу, княжившему въ Смоленскѣ съ 1180 года по 23 апрѣля 1197 г. [1]) „По вся дни, говоритъ лѣтопись, ходя (Давидъ Ростиславичъ) ко церкви святаго архистратига Божия Михаила, юже бѣ самъ создалъ во кояженьи своемъ“ [2]). Такимъ образомъ, съ полной увѣренностью можемъ сказать, что преподобный Авраамій и епископъ Игнатій—современники Луки Прусина, священствовавшаго въ церкви архистратига Михаила, построеніе которой падаетъ на годы между 1180 и 1197, должны считаться дѣятелями конца XII вѣка и начала XIII в. Такимъ образомъ, имя Игнатія должно занимать мѣсто въ перечнѣ епископовъ смоленскихъ ни въ коемъ случаѣ не ранѣе имени Мануила, епископа смоленскаго съ 1137 года; если же первая редакція списковъ поступаетъ вопреки историческимъ даннымъ, тѣмъ сама себя лишаетъ всякаго довѣрія. Что касается третьяго источника, гдѣ упомянуто имя епископа Игнатія, „Книга глаголемая описаніе о россійскихъ святыхъ, гдѣ и въ которомъ градѣ или области или монастырѣ и пустыни поживе и чюдеса сотвори, всякаго чина святыхъ“ [3]), то съ нимъ составитель списка, родоначальника первой редакціи, не былъ, видно, знакомъ, потому что внушительная цыфра, какой отмѣченъ годъ смерти Игнатія, заставила бы его отказаться отъ мнѣнія, что Игнатій долженъ начинать собою рядъ смоленскихъ епископовъ. „Святый Игнатій, епископъ Смоленскій бысть въ лѣто 6800. Отъ юности потрудився и до самыя сѣдины великаго священства, преставися къ Богу января 29 6800“ [4]).

---

[1]) Лѣт. по Ипат. сп., г. 1180, стр. 417. „Рюрикъ же слышавъ, оже Святославъ бѣжалъ за Днѣпръ,... Давыда посла къ Смоленьску к Романови, къ брату своему, в помочь. И усрѣте и весть на Сковышину бору: „брата ти Романа Богъ поялъ“; онъ же слышавъ бысть печаленъ вельми, плача поѣха борзо к Смоленьску. И усрѣте и епископъ Костянтинъ, съ кресты, и со игумены и с попы, вси Смольняни, и вшедъ Давыдъ въ церковь Святыя Богородица, и сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего“... Лѣт. по Ипат. сп., г. 1197, стр. 471. „В лѣто 6705. Преставися благовѣрный князь Смоленьский Давыдъ, сынъ Ростиславль, внукъ же великаго князя Мьстислава, принмъ мнишскый чинъ, его же желаше,... мѣсяца априля во 23, на память святаго мученика Георгия; епископъ же Смоленьский Семеонъ и вси игумени и поповѣ, и сыновець его Мьстиславъ Романовичь, и вси бояре, проводиша“.

[2]) Лѣт. по Ипат. сп., г. 1197, стр. 471—472.

[3]) Чтен. въ Имп. Моск. Общ. Ист. и Др., г. 1887, кн. 4, стр. 1—288.

[4]) Чтеніе въ Императ. Общ. Ист. и Древн. Россійск., г. 1887, кн. 4, стр. 31; сравн. рукопись Смоленскаго Историко-Археологическаго музея, л. 17.

Вторая редакція помѣщаетъ Игнатія послѣ Симеона, погребавшаго 1197 г. смоленскаго князя Давида Ростиславича; и разстояніе между извѣстіями лѣтописей объ этихъ епископахъ равняется девятилѣтнему періоду времени, такъ какъ лѣтопись упоминаетъ объ Игнатіи, какъ мы знаемъ, подъ 1206 годомъ.

Преемникомъ Игнатія по смоленской каѳедрѣ обѣ редакціи списковъ называютъ Лазаря; намъ имя его извѣстно по посланію владимирскаго епископа Симона къ Поликарпу. „Пишеть же ми, говоритъ Симонъ, книги Княгини Ростиславля Верхуслава, хотящи тебе поставити Епископомъ Новугороду на Онтоніево мѣсто, или Смоленску на Лазарево мѣсто или Юрьеву на Олексіево мѣсто“ [1]). Антоній новгородскій дважды оставлялъ Новгородъ: первый разъ въ 1219 году [2]), во второй же разъ оставилъ онъ новгородскую каѳедру въ 1228 году [3]). О второмъ оставленіи имъ Новгорода не могъ говорить Симонъ, скончавшійся въ 1226 году [4]). Рѣчь Симона такимъ образомъ идетъ о первомъ оставленіи Новгорода архіепископомъ Антоніемъ. Если Игнатій упоминается въ лѣтописи подъ 1206 годомъ, то 1219 годъ, такъ близко стоящій ко времени жизни и дѣятельности его, можетъ падать на послѣдній годъ управленія смоленской епархіею непосредственнаго его преемника, каковымъ называютъ Лазаря обѣ редакціи списковъ,—первая, помѣщая его непосредственно за Игнатіемъ предъ Мануиломъ, ставшимъ епископомъ 1137, вторая,—помѣщая его непосредственно за Игнатіемъ, какъ дѣятелемъ XII—XIII вв., предъ Аѳанасіемъ.

Имя преемника Лазаря, по первой редакціи, епископа Мануила лѣтописи наши упоминаютъ четыре раза: въ первый разъ, по поводу поставленія его въ 1137 году въ епископа смолен-

---

[1]) Памятн. русск. словесн. XII в., стр. 255.

[2]) 1 Новг. лѣт. стр. 210—211. „Того же лѣта иде Антонъ архепископъ Новгородьскый на Тържькъ; Новгородьці же въведоша архепископа Митрофана въ дворъ опять на столъ, а къ Онтонию послаша: „пойди, кде ти любо“. Антоний же пойде въ Новгородъ къ святому Спасу въ Нередицяхъ“.

[3]) 1 Новг. лѣт. г. 1225, стр. 222. „Приде архепископъ Антоний ис Перемышля въ Новгородъ и сѣде на своемъ столѣ, и ради быша Новгородьци своему владыцѣ“...; г. 1228, стр. 224 „Въ лѣто 6736. Пойде Антоний, архепископъ Новгородьскый, на Хутино къ святому Спасу, по своей воли“.

[4]) Лѣт. по Лавр. сп., г. 1226, стр. 426. „В лѣто 6734, мѣсяца мая въ 22 день, преставися блаженый и милостивый, учителный епископъ Симонъ Суждальскый и Володимерьскый, постригъся въ скыму; и положено бысть честное тѣло его въ церкви святыя Богородица в Володимери“.

скаго [1]), во второй разъ, по поводу кіевскаго собора 1147 года, созваннаго для избранія своими средствами митрополита [2]), въ третій разъ, по поводу прибытія новаго митрополита Константина, что было въ 1156 году [3]), и въ четвертый разъ, по случаю пріѣзда въ Смоленскъ великаго князя кіевскаго Ростислава Мстиславича; лѣтописи относятъ послѣднее событіе къ 1168 году [4]). Отъ имени его сохранилась грамота, данная въ пользу смоленской епископіи; имя его называетъ и уставная грамота Ростислава Мстиславича, данная въ обезпеченіе той же смоленской епископіи. „Се азъ худый и грѣшный, читается грамота Мануила, и недостойный епископъ Маноилъ, съ благороднымъ и христолюбивымъ княземъ моимъ Михаиломъ, утвержаевѣ еже написана, утвержена и сотворена, о благодати и благословеніемъ святого Духа поставленикомъ моимъ митрополитомъ Русскимъ киръ Михаиломъ, при благовѣрнѣмъ и христолюбивѣмъ князи моемъ киръ Михаилѣ, и утвердилъ уставъ церковный, именемъ Ростиславъ, по отца своего святого молитвы и по повелѣнію его, уставилъ есть епископью Смоленскую. Дажъ кто по моемъ князи или по мнѣ, переступить или посудить сію грамоту и уставъ ось, или князь или инъ кто, да будетъ ему Богъ противенъ, въ день судный, и святая Богородица, да будетъ проклятъ отъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отець 300 и 18, иже повелѣша: въ кый градъ достоить епископу быти, да поставять и отъ всѣхъ святыхъ, аще кто разрушить се, да будеть проклятъ. Или епископъ который начнеть, несытствомъ, хотя ити въ Переяславль и сію епископью приложити къ Перея-

[1]) Лѣт. по Ипат. сп., г. 1137, стр. 215. „В лѣто 6645. Поставленъ бысть скопець Мануйло епископомъ Смоленску, пѣвець гораздый, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ самъ третий къ благолюбивому князю Мьстиславу; предъ симъ бо бѣ не былъ епископъ Смоленьскѣ“.

[2]) Ibidem, г. 1147, стр. 241. „В то же лѣто постави Изяславъ митрополитомъ Клима Смолятича, выведъ изъ Заруба... И снидошась Черниговьский Феодоръ Переяславльский епископъ Еуфимий, Гюргийский епископъ Демьянъ, Володимерьский Федоръ, Новгородьский Нифонтъ, Смоленьский Мануилъ, рекоста: „не есть того в законѣ, яко ставити епископомъ митрополита безъ патриарха, но ставить патриархъ митрополита; а не поклонивѣ ти ся, ни служивѣ с тобою, зане не взялъ еси благословения у святоѣ Софьи, ни отъ патриарха“.

[3]) Лѣт. по Ипат. сп., г. 1156, стр. 333. „Тогда же митрополитъ Костянтинъ приде ис Царягорода, и прия и князь Дюрги съ честью, и Полотьский епископъ, и Мануилъ Смоленьский епископъ, иже бѣ бѣгалъ передъ Климомъ“.

[4]) Лѣт. по Ипат. сп., г. 1168, стр. 362. „Ростиславъ иде Смоленьску. И начаша и срѣтати лутшии мужи Смоляны за 300 верстъ, и затѣмъ усрѣтоша и внуци, и затѣмъ усрѣте и сынъ Романъ и епископъ Мануилъ“.

славлю, да буди ему клятва, яже се преже писана и святого митрополита Русскаго Михаила, иже составилъ сію епископью; или отдасть что и не правити иметь Святѣй Богородици, еже есть написано здѣ, буди ему тая же клятва и буди ему анаѳема“ [1]). Вторая редакція списковъ начинаетъ рядъ епископовъ смоленскихъ, какъ мы знаемъ, именемъ этого Мануила.

Непосредственно послѣ Мануила первая редакція ставитъ епископовъ Михаила и Меркурія, о нихъ потомъ: источники, дошедшіе до насъ, не знаютъ такихъ епископовъ на смоленской каѳедрѣ. За Михаиломъ и Меркуріемъ слѣдуетъ Симеонъ; его лѣтописи называютъ подъ 1197 годомъ по поводу смерти смоленскаго князя Давида Ростиславовича. „В лѣто 6705. Преставися благовѣрный князь Смоленьский Давыдъ, сынъ Ростиславль...; епископъ же Смоленьский Семеонъ, и вси игумени и поповѣ, и сыновецъ его Мьстиславъ Романовичь, и вси бояре, проводиша и со благохвальными пѣснями, и с кадѣлы благоуханьными“ [2]). Послѣ значительнаго пропуска именъ смоленскихъ епископовъ, извѣстныхъ по второй редакціи списковъ и по другому весьма рѣдкому источнику, принадлежащему Ватиканской Библіотекѣ [3]), первая редакція называетъ смоленскимъ епископомъ Ѳеофилакта, принявшаго хиротонію отъ митрополита Алексія. „Того же лѣта, читаемъ въ Никоновской лѣтописи, пресвященный Алексѣй, митрополитъ постави Ѳеоѳилакта епископа въ Смоленескъ“ [4]). Другой разъ упоминается имя его въ повѣсти о кончинѣ святаго митрополита Алексія, тамъ мы читаемъ: „поставленни жъ епискупы суть: А. Игнатей епискупъ ростовскии, В. Василей Рязанскии, Г. Ѳеофилактъ епискупъ Смоленскии“ [5]). Слѣдующая за нимъ личность, засвидѣтельствованная исторіей, это Михаилъ. Въ спискѣ первой редакціи между послѣднимъ и Ѳеофилактомъ помѣщено три имени: Парѳеній, Николай и Сергій; за ними истори-

---

[1]) Доп. къ Акт. Ист., т. 1, № 4, стр. 7. Грамота епископа Мануила дошла до насъ въ спискѣ XVI в., гдѣ она помѣщена вмѣстѣ съ грамотою Ростислава Мстиславича, данною 1150 г., сама она даты не имѣетъ, хотя, несомнѣнно, написана послѣ грамоты княжеской, на что указываютъ слова: „се азъ... Маноилъ съ... князем моимъ Михаиломъ утвержаевѣ, еже написана, утвержена и сотворена“. т. е. грамота Ростислава Мстиславича.

[2]) Лѣт. по Ипат. сп., г. 1197, стр. 471.

[3]) Codex Vatic. Graec. № 840. Ж. М. Н. Пр., г. 1888, февраль, стр. 445—463

[4]) Ник. лѣт., ч. III, г. 1355, стр. 206; П. С. Р. Л., т. X, г. 1356, стр. 228.

[5]) Ibidem, ч. IV, стр. 62

ческихъ данныхъ нѣтъ, ихъ личностей мы не провѣримъ, это плодъ пытливой фантазіи составителя. „Тое же зимы (1383 года) на Москвѣ Пиминъ митрополитъ постави два епископа: Михаила въ Смоленскъ, а Степана Храпа епископомъ въ Пермь“ [1]). Спустя пять лѣтъ лѣтописи упоминаютъ о немъ по случаю поставленія митрополитомъ Пименомъ Іоанна въ архіепископа Новгороду. „Тое же зимы, генваря въ 17, Пиминъ митрополитъ постави Іоана архіепископомъ Новугороду, на Москвѣ, въ церкви Архаггела Михаила; а съ нимъ быша на поставленіи томъ епископи: Михайло Смоленскій, Феогнастъ Рязанскій, Сава Сарайскый, Данило Звенигородцкій“ [2]). Въ 1389 году Михаилъ смоленскій принималъ участіе въ путешествіи митрополита Пимена въ Константинополь: „Въ лѣто 6897 Пиминъ митрополитъ всеа Руси пойде въ третіи ко Царюграду, а съ нимъ владыка Михаилъ Смоленскій, да архимандритъ Спасьской Сергѣй... Проводиша жъ насъ и епископи, Данилъ Смоленскый и Сава Сарьскій“ [3]). Чрезъ восемь лѣтъ спустя прибываетъ онъ въ Москву вмѣстѣ съ митрополитомъ Кипріаномъ, въ качествѣ близкаго ему лица; лѣтописи даютъ ему титулъ епископа смоленскаго. „Октября въ 7 Кипріанъ митрополитъ пріѣха исъ Кіева на Москву, а съ нимъ епископи: Михайло Смоленскій, Исакій Бряньскій, Феодоръ Лучьскій“ [4]). Но титулъ смоленскаго епископа не по праву принадлежалъ уже въ то время Михаилу; полтора года тому назадъ тѣмъ же митрополитомъ Кипріаномъ въ бытность его въ Смоленскѣ поставленъ былъ въ епископа смоленскаго Нассонъ. „Того же лѣта (1396) князь великій ѣздилъ во Смоленескъ и митрополитъ съ нимъ, видѣтися съ Витовтомъ; поѣхалъ за двѣ недѣли до Велика дне, да борзо возвратися; а митрополитъ былъ тамо полтора года, да на Кіевѣ, а ту поставивъ на Смоленьсцѣ на Великъ день епискупа Насона“ [5]). Въ 1415 году смоленскимъ

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, г. 1383, стр. 49; Ник. лѣт. т. IV, г. 1382, стр. 140.

[2]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 52.

[3]) Хожденіе Игнатія Смолнянина. Прав. Палест. Сборникъ, в. 12, стр. 1—2. Слѣдуетъ обратить вниманіе, что въ одно и тоже время является два смоленскихъ епископа Михаилъ и Даніилъ, послѣдній составителемъ списка первой редакціи внутанъ между именами Михаила и Нассона.

[4]) П. С. Р. Л., т. VIII., г. 1397, стр. 70—71.

[5]) П. С. Р. Л., т. VI, г. 1396, стр. 128; Ник. Лѣт., т. IV, г. 1397, стр. 268. Неправильно приписанный Михаилу титулъ епископа смоленскаго, при жизни Нассона, далъ возможность составителю списка-родоначальника первой редакціи сочинить еще одного епископа смоленскаго съ именемъ Михаила, по счету третьяго.

епископомъ называется Севастіанъ: имя его извѣстно намъ по соборной грамотѣ литовскихъ епископовъ, объ избраніи и посвященіи въ митрополиты кіевскіе Григорія Цамблака. „Мы смирѣніи епискупи Русскыхъ странъ и братья другъ ко другу по Духу святому, Ѳеодосіе архіепископъ Полоцкый, Исакіе Черниговьскый, Діонисіе Луцкый, Герасимъ Володимерьскый, Галасей Перемышльскый, Савастіанъ Смоленьскый, Харитонъ Холмьскый, Еуѳиміе Туровьскый, понеже видѣхомъ презираему отъ митрополита Фотія церковь Кіевскую, яже глава есть всеи Руси, и стадо Христово небрегомо и къ погыбѣли готово, скорбяхомъ о томъ и въ печали бѣхомъ, имуще убо пастыря именемъ, дѣломъ же не имуще“ [1]). Въ 1432 году смоленскій владыка Герасимъ отправился въ Константинополь за патріаршимъ благословеніемъ на кіевскую митрополію. „W lieto 6940 (1432) Herasim Episkop Smolensky poide ko cariu hradu na Mitropoliju“ [2]). Это тотъ Герасимъ, который живымъ сожженъ былъ въ Витебскѣ въ 1435 году по распоряженію князя Свидригайла [3]). Личность преемника его по смоленской каѳедрѣ, но только не непосредственнаго, какъ это предполагаетъ авторъ списка смоленскихъ епископовъ, родоначальника первой редакціи, епископа Мисаила изъ князей Пестручей или Пеструцкихъ, имѣвшихъ свои владѣнія въ нынѣшнемъ сѣннинскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи, извѣстна намъ по многимъ историческимъ документамъ. Литовская Метрика сохранила намъ копію уставной грамоты, данной Мисаиломъ въ 1475 году въ пользу Черейскаго монастыря, имъ самимъ основаннаго. „Се азъ владыка Смоленьскій Мисайло чиню вѣдомо кождому доброму симъ моимъ листомъ. Што жъ ми ся достала часть отъ братьи у Череи, и я грѣшный къ хвалѣ Божьей удѣлалъ и къ богомолью господарю и родителемъ своимъ храмъ святые Троицы и монастырь“ [4]). Родственныя его связи опредѣляетъ жалованная грамота отъ 1454 года, данная братомъ Михаиломъ тому же Черейскому монастырю. „Се азъ Михайло Пьстручь Ивановичь далъ есми свое дѣльницо, што на мене пришло, отчины и дѣдины и записалъ есьми твердо и непорушно тотъ слѣдъ Тимонятинскій на Головли зъ данью..., далъ есми и записалъ Светѣй

[1]) Акт. Запад. Рос., т. I, № 24, стр. 33, сравни Др. Рос. Вивліоѳик., ч. XIV, стр. 122—128; Ник. Лѣт., V, стр. 59—64.

[2]) Daniłowicz, Lat. Litw. i Kron. Rusk., стр. 65.

[3]) Ibidem, стр. 66.

[4]) Акт. Запад. Рос., т. III, № 101, стр. 233.

Тройцы на Головли монастырю общему и господину отцу своему и по плоти брату моему Мисаилу, владыцѣ Смоленскому, собѣ на память и родителемъ своимъ. А того не надобѣ рушати" [1]). Такимъ образомъ, напрасно думаютъ издатели жалованной подтвердительной грамоты Литовскаго канцлера Льва Сапѣги Черейскому Троицкому монастырю, что епископъ Мануилъ происходитъ изъ фамиліи князяй Друцкихъ-Бабичей-Соколинскихъ [2]). Въ актахъ главнаго литовскаго трибунала среди документовъ, касающихся фамиліи Глинскихъ, сохранилась копія благословенной грамоты на сооруженіе храма въ Вязичнѣ, имѣніи князя Ивана Семеновича Глинскаго. „Я смиренный Мисаилъ епископъ Смоленскій далъ есьми мой листъ сыну нашому князю Ивану Семеновичу Глинскому, благословилъ есьми его церковь Божую поставити нанове у его имѣнью у Вязичнѣ. А на то есьми ему сесь нашъ листъ далъ; штожъ тому его попу... ненадобе никоторыхъ нашихъ доходовъ давать на митрополитовъ пріѣздъ" [3]). Свою благословенную грамоту далъ епископъ Мисаилъ отъ 19 Февраля индикта четырнадцатаго; такимъ годомъ можетъ быть или 1451 годъ или 1466. Грамоту Мисаила подтвердилъ епископъ смоленскій Іосифъ Солтанъ. Имя Мисаила упоминается еще въ жалованной грамотѣ короля Польскаго Стефана Баторія Подляшскому воеводичу Ивану Сапѣгѣ на право подаванья (ius patronatus) Черейскаго Троицкаго монастыря [4]). Съ 1474 года Мисаилъ сталъ митрополитъ кіевскій. „Въ то же лѣто посвященъ бысть на митрополію Кіевскую Мисаилъ, епископъ Смоленскій, отъ патріарха Симеона Трапезонтчика" [5]). Преемникомъ Мисаила рукописный списокъ первой редакціи называетъ Іосифа Солтана, личность весьма извѣстную всѣмъ, занимавшимся исторіей Русской Церкви, личность извѣстную какъ въ свое время, такъ и нынѣ. Полагаемъ, что будетъ излишнимъ приводить историческія справки о немъ, которыя могли бы убѣдить читателя, что у составителя списка смоленскихъ епископовъ первой редакціи было много матеріала, касавшагося его.

---

[1]) Археогр. Сборн. докум. относящ. къ истор. сѣверозапад. Руси, т. II, № 1, стр. 3.

[2]) Акт. Западн. Рос., т. IV, прим. 91.

[3]) Акт. Вил. Археогр. Ком., т. XIII, № 5, стр. 16—17.

[4]) Акт. Запад. Рос., т. III, № 101, стр. 230—234. Упоминается также имя Мисаила въ жалованной грамотѣ литовскаго великаго князя Александра Смоленскому епископу Іосифу Солтану. (Акт. Запад. Рос., т. I, № 145, стр. 169).

[5]) П. С. Р. Л., т. II, стр. 359.

Вотъ тѣ историческія справки, на основаніи которыхъ легко составить списокъ смоленскихъ епископовъ; несомнѣнно, чѣмъ дальше отстоялъ отъ нашего времени составитель списка-родоначальника первой редакціи, тѣмъ больше могло быть въ его распоряженіи такихъ справокъ и тѣмъ съ меньшими трудностями сопряженъ былъ взятый на себя трудъ. Однако это не помѣшало ему пропустить въ своемъ спискѣ трехъ смоленскихъ епископовъ, личности которыхъ засвидѣтельствованы исторіей; это будутъ Константинъ, Симеонъ и Іоакимъ. Первый изъ нихъ извѣстенъ, какъ современникъ смоленскихъ князей Романа и Давида Ростиславичей. „Рюрикъ же слышавъ, оже Святославъ бѣжалъ за Днѣпръ, и въѣха въ Киевъ...; и посла по братью свою...; а Давыда посла к Смоленьску к Романови, къ брату своему, въ помочь. И устрѣте и весть на Сковышину бору: „брата ти Романа Богъ поялъ"; онъ же слышавъ бысть печаленъ велми, плача поѣха борзо к Смоленьску. И усрѣте и епископъ Костянтинъ, съ кресты, и со игумены и с попы вси смольняни [1])". Симеонъ, который будетъ вторымъ по счету епископомъ съ такимъ именемъ, упоминается впервые подъ 1440 годомъ: „В лет 6948 сотворися зло велико в Литве: оубиенъ князь великии Жидимонтъ в Литви... И владыка Смоленьскии Семионъ, и князи, и бояре, и местиче, и черныи люди целовали паноу Андрею на всем томъ: Вилни не отступати и пана Андрея держати оу себе честно воеводою на Смоленьскоу [2])". Умеръ онъ 5 марта 1445 года: „Тои же зимы преставися смоленскии владыка Семионъ месяца марта 3 на средокрестнои недѣли в среду; и проводиша со честию у святого Спаса во монастыри [3])". Вторая редакція правильно помѣщаетъ имя его между Герасимомъ, сожженнымъ въ 1435 году [4]), и Мисаиломъ, впервые извѣстнымъ въ качествѣ смоленскаго епископа отъ 1454 года [5]). Въ небольшой уже сравнительно періодъ времени между управленіемъ смоленской паствой епископа Мисаила и извѣстнаго Іосифа Солтана, ставшаго подобно Мисаилу митрополитомъ кіевскимъ, документы упоминаютъ имя смоленскаго епископа Іоаки-

[1]) Лѣтоп. по Ипат. Сп., г. 1180, стр. 417.

[2]) Поповъ, Лѣт. вел. княз. литовскихъ, стр. 28.

[3]) Ibidem, стр. 31; Daniłowicz, Latop. Litw. i Kron. Rus., стр. 70. Среда средокрестной недѣли въ 1445 году падала на 5 Марта, а не на 3, какъ отмѣчено въ лѣтописи.

[4]) Daniłowicz, Latop. Litw i Kron. Rus., стр. 66.

[5]) Археогр. Сборн. докум., относящ. къ исторіи Сѣверо-Западн. Руси, т. II, № 1. стр. 3.

ма; этимъ документомъ служитъ судная королевская грамота объ отчужденіи смоленскаго епископа Іоакима отъ права на владѣніе отказаннымъ селомъ Погоновичами въ пользу королевскаго писаря Басы. „Казимиръ, Божьею милостью король Польскій и великій князь Литовскій. Смотрѣли есмо съ паны радою нашою: присылалъ до насъ владыко Смоленскій Якимъ..., жалуючися на писаря нашого на Васька Басу, што дали есмо ему селище Богдановоѣ Свирунични Настасьи, на имя Погоновичи, по еѣ животѣ[1])“. Грамота помѣчена 30 числомъ мѣсяца марта восьмого индикта, что будетъ падать на 1475 или на 1490 годы. Вторая редакція относитъ дѣятельность епископа Іоакима къ этому періоду времени, правильно помѣщая имя его между именами Мисаила и Іосифа Солтана.

Кромѣ указанныхъ пропусковъ, какихъ не знаетъ вторая редакція списковъ, первая редакція въ числѣ девятнадцати именъ епископовъ смоленскихъ за время до Іосифа Солтана включительно предлагаетъ намъ четыре имени, не имѣющихъ за собой никакихъ историческихъ данныхъ, разумѣемъ: Михаила I, Николая, Сергія и Мисаила I; одинъизъ нихъ Меркурій можетъ быть связанъ съ тѣмъ епископомъ Меркуріемъ, мощи котораго подъ именемъ мощей епископа смоленскаго покоятся пока въ затворѣ въ ближнихъ кіевскихъ пещерахъ. Личность послѣдняго пока не опредѣлена, но во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ его смѣшивать съ мученикомъ Меркуріемъ, воиномъ смоленскимъ, память котораго православная церковь чтитъ 24 ноября. Двѣ личности сомнительнаго характера, Даніилъ и Михаилъ III, попали въ списокъ смоленскихъ епископовъ по недоразумѣнію; изъ нихъ первый, равно какъ еще одинъ изъ мнимыхъ смоленскихъ епископовъ Парѳеній, могъ слыть за смоленскаго епископа по винѣ составителя повѣсти о блаженной кончинѣ митрополита московскаго Алексія. Въ названной повѣсти читаемъ: „поставленнижъ его епискупы сии суть: А. Игнатей епискупъ ростовскии, В. Василей епискупъ рязанскии, Г. Ѳеофилактъ епискупъ Смоленскии, Д. Іванъ епискупъ Сарскии, Е. Парѳеній епискупъ Смоленскии, Ѕ. Ѳилимонъ епискупъ Коломенскии, З. Петръ епискупъ Ростовскии, И. Ѳеодоръ епискупъ Тверски, Ѳ. Наѳанаилъ епискупъ брянскии, І. Аѳонасии епискупъ рязанскии, АІ. Алексѣи епискупъ суждальскии, ВІ. Василей епискупъ тверскии, ДІ. Данило епискупъ суждальскии, ЕІ. Матѳеи епискупъ

[1]) Акт. Запад. Рос., т. I. № 70. стр. 86—87.

сараискии, SI. Арсенеи епискупъ Ростовскии, ЗI. Евфимии епискупъ тверскии, НI. Деонисей епискупъ суждальскии, ѲI. Герасимъ епискупъ Коломенскии, К. Григореи архиепискупъ черниговскии, КА. Данило Епискупъ смоленскии. Сии суть епископы поставления его в чудовскомъ монастырѣ [1])". Изъ названныхъ 21 епископовъ провѣряются историческими показаніями только слѣдующіе: Игнатій ростовскій [2]), Василій рязанскій [3]), Ѳеофилактъ смоленскій [4]), Іоакимъ сарскій [5]), Петръ ростовскій [6]), Ѳедоръ тверской [7]), Алексій суздальскій [8]), Василій тверской [9]), Даніилъ суздальскій [10]), Евѳимій тверской [11]), Діонисій суздальскій [12]) Арсеній ростовскій [13]). Всѣ епископы числомъ двадцать одинъ, какъ тѣ двѣнадцать, личности которыхъ удостовѣряетъ исторія, такъ и остальные девять, по словамъ замѣтки, поста-

---

[1]) Никон. Лѣт., т. IV, стр. 62.

[2]) Лѣт. по Лавр. сп. г. 1356, стр. 504. „Тое же весны поставленъ бысть Игнатей епископомъ Ростову"; ibidem, г. 1364, стр. 505. „Тое же весны преставися Игнатей епископъ Ростовъскый".

[3]) П. С. Р. Л., т. VIII, г. 1356, стр. 10. „Того же лѣта поставленъ бысть Василій епископомъ въ Резань".

[4]) Ibidem. „Тое же зимы поставленъ бысть Ѳеофилактъ епископомъ Смоленску".

[5]) Ibidem. „Тое же зимы поставленъ бысть Іоанъ епископомъ Сараю".

[6]) Лѣт. по Лавр. сп., г. 1364, стр. 505. „Тое же осени поставленъ бысть Петръ епископъ Ростову"; Ник. Лѣт., ч. IV, г. 1364, стр. 8. „Того же лѣта князь Костантинъ и з женою и з дѣтьми преставись, и владыко Петръ".

[7]) Ник. лѣт., ч. III, г. 1343, стр. 181. „Того же лѣта Ѳеодоръ владыка Тверскиі у соборныя церкви во Твери... сотвори двѣри мѣденыя"; ibidem, г. 1359, стр. 217. Того же лѣта Ѳеодоръ епискупъ тверскии остави епискупью свою, и вниде во Отрочъ монастырь"; ibidem, ч. IV, г. 1366, стр. 15. „Преставися тверскии владыко бывшии Ѳеодоръ".

[8]) Ник. лѣт., ч. IV, г. 1362, стр. 6. „По обѣде убо в церкви владыко Алексѣи суздальскии благослови крестомъ великаго князя Андрея Костантиновича... и в той часъ из креста поиде миро"; ibidem, г. 1364, стр. 10. „Того жъ лѣта преставись Алексѣй епискупъ суздалскии".

[9]) Ник. лѣт., ч. III, г. 1359, стр. 217 „Того же лѣта пресвященнии Алексѣй Митрополитъ киевскии всеа Русии поиде во Тверь, и постави Василия игумена спаскаго въ епискупъ во Тверь; ibidem, г. 1372, стр. 36. „Тое же зимы преставися Василей Епискупъ тверскии".

[10]) Ник. лѣт., ч, IV, г. 1361, стр. 3. „Того же лѣта преставися Данила владыко суздалскии".

[11]) Ibidem, г. 1373, стр. 40. „Тоежъ зимы мѣсяца февраля прииде митрополитъ Алексѣи во Тверь, и постави Еуѳимия Епискупомъ граду Твери на средокрестной недѣлѣ в четвергъ".

[12]) Ibidem, г. 1372., стр. 38. „Пресвещенныи Алексѣй Митрополитъ киевскии и всея Руси постави в Суздалѣ Епискупа Деонисия архимарита печерскаго".

[13]) Лѣт. по Лавр. Сп., г. 1405, стр. 510. „Преставися Арсений преже бывший епископъ".

влены въ Чудовскомъ монастырѣ на Москвѣ митрополитомъ всея Руси Алексіемъ. Въ приведенныхъ справкахъ, взятыхъ изъ лѣтописей, нигдѣ не сказано, чтобы поставленіе происходило въ Чудовскомъ монастырѣ; напротивъ, есть прямыя указанія, что митрополитъ Алексій выѣзжалъ изъ Москвы для поставленія нѣкоторыхъ епископовъ: такъ въ Твери, а не въ Москвѣ, поставилъ онъ двухъ епископовъ Василія и Евфимія, въ Суздалѣ, а не въ Москвѣ, Діонисія суздальскаго; можно, пожалуй, тоже сказать и объ Игнатіи и Петрѣ ростовскихъ, Ѳеофилактѣ смоленскомъ, Іоаннѣ сарайскомъ, такъ какъ Ростову, Смоленску Сараю—все это можетъ быть какъ дательный цѣли, такъ и мѣстный падежъ. Если относить созданіе чудовскаго монастыря къ 1364 году, то надо поставить слѣдующіе вопросы: какъ могло происходить въ немъ поставленіе Даніила суздальскаго, скончавшагося въ 1361 году, Алексія суздальскаго, извѣстнаго намъ отъ 1362 года, Василія тверского, поставленнаго во епископы въ 1359 году, Игнатія ростовскаго, Василія рязанскаго, Ѳеофилакта смоленскаго и Іоанна сарскаго, поставленныхъ въ 1356 году, и наконецъ Ѳеодора тверского, извѣстнаго намъ отъ 1343 года, который такимъ образомъ не только не могъ быть рукоположенъ въ Чудовскомъ монастырѣ, но даже не былъ рукоположенъ митрополитомъ Алексіемъ. Ѳеодоръ тверской почти на десять лѣтъ ранѣе поставленія Алексія только во епископа владимирскаго упоминается нашими лѣтописцами въ качествѣ тверского владыки [1]).

Житіе митрополита всея Руси святаго Алексія, составленное въ половинѣ XV столѣтія Пахоміемъ Логоѳетомъ и извѣстное намъ въ печати по списку XVII ст., свободно отъ той крупной ошибки, какую допустила Никоновская лѣтопись своей припиской: „сии суть епископы поставления его в чудовскомъ монастырѣ.“ Житіе не имѣетъ приписки, чѣмъ избавлено отъ массы ошибокъ въ области хронологіи; однако и оно не свободно отъ упрека, считая Ѳеодора тверского, извѣстнаго съ 1343 года, ставленникомъ яко бы митрополита Алексія, когда

[1]) П. С. Р. Л., т. X. г. 1352, стр. 225. „Тоѣ же зимы, мѣсяца Декабря въ 6 день, на память иже во святыхъ отца нашего Николы чюдотворца, пресвященный Ѳеогнастъ, митрополитъ Кіевьскій и всея Русіи, постави намѣстника своего старца Алексѣя въ епископы въ Володимерь“. А между тѣмъ Никоновская лѣтопись, какъ исвѣстно, подъ 1343 годомъ говоритъ: „Тогоже лѣта Ѳеодоръ владыка Тверскиі у соборныя церкви во Твери... сотвори двѣри мѣденыя“. (Ч. III, стр. 181.)

тотъ еще не былъ даже епископомъ [1]). Это возраженіе остается во всей своей силѣ и тѣмъ подрываетъ значеніе замѣтки о числѣ поставленныхъ митрополитомъ Алексіемъ епископовъ. Изъ всего видно, что Пахомій и его продолжатели были только послѣдовательнѣе и болѣе ознакомленными съ лѣтописными справками, но подлинныхъ записей о поставленіи русскихъ епископовъ подъ руками не имѣли; въ противномъ случаѣ, не попалъ бы въ списокъ ставленниковъ митрополита Алексія епископъ Ѳеодоръ.

Въ такой-то замѣткѣ среди неизвѣстныхъ девяти епископовъ называется два смоленскихъ епископа съ именами Парѳенія и Даніила; причемъ надо помнить, что о первомъ изъ нихъ нигдѣ больше ни слова, о второмъ есть указанія, но страннаго характера. На основаніи ихъ изслѣдователь въ области русской іерархіи П. Строевъ говоритъ: „Даніилъ хиротонисанъ около 1375. Въ 1382 прибылъ въ Москву и тамъ остался, † въ мар. 1397, въ Чудовѣ. Въ Москвѣ онъ именовался „владыка Звенигородскій [2])“. Относительно Даніила смоленскаго должно указать на слѣдующія справки изъ источниковъ, которыя смогутъ намъ что-нибудь сказать объ его личности. Хожденіе Игнатія Смолнянина, какъ намъ извѣстно, начинается слѣдующими словами: „Въ лѣто 6897 (1389) Пиминъ митрополитъ всеа Руси поиде въ третiи ко Царюграду, а съ нимъ владыка Михаилъ Смоленскій, да архимандритъ Спасьской Сергѣй... Проводиша жъ насъ и епископи, Данилъ Смоленскый и Сава Сарьскій [3])“. Въ лѣтописяхъ есть еще такое указаніе: „Въ лѣто 6905 (1397), мѣсяца марта, преставися на Москвѣ владыка Смоленскій Данилъ; и положенъ бысть у Михаилова Чюда [4])“. Это говоритъ Воскресенская лѣтопись годъ спустя послѣ разсказа о поѣздкѣ Василія Дмитріевича, великаго князя московскаго, въ Смоленскъ для свиданія съ Витовтомъ. Съ Василіемъ Дмитріевичемъ „вкупѣ и Кипріанъ митрополитъ былъ у Витофта, и постави на Великъ день Насона епископа въ Смоленсцѣ [5])“. Такимъ образомъ, однимъ словомъ сказать, Даніилъ является на смоленской каѳедрѣ

---

[1]) Житіе м. всея Руси св. Алексія, изд. Общ. Люб. Древ. Письменности стр. 157.

[2]) Сп. іерарх. и пост. монаст. рос. церкви, стр. 589.

[3]) Прав. Палест. Сборникъ, в. 12, стр. 1—2.

[4]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 70; Ник. лѣт. ч. IV, г. 1398, стр. 269: „Тое же осени (а не весны) преставися на Москвѣ Данилъ епискупъ Смоленскии“. Опять путаница!

[5]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 69.

лишним: въ одномъ случаѣ называется смоленскимъ епископомъ при Михаилѣ, другой разъ—при Наасонѣ, да и смерть его происходитъ то осенью, то весною. Надо полагать, что титулъ смоленскаго приписанъ ему или по ошибкѣ, или, что скорѣе можно допустить, вполнѣ правильно и дѣйствительно, но только онъ былъ номинальнымъ смоленскимъ епископомъ для тѣхъ земель, которыя успѣлъ оттягать у смоленскихъ князей Дмитрій Ивановичъ Донской; центромъ ихъ служили города Товь и Медынь [1]). Въ послѣднемъ случаѣ онъ могъ имѣть свою каѳедру въ Звенигородѣ и быть дѣйствительно тѣмъ епископомъ, который погребалъ Дмитрія Донского и носилъ титулъ смоленскаго и звенигородскаго [2]).

Остается еще сказать относительно смоленскаго яко бы епископа Михаила, котораго первая редакція епископовъ помѣщаетъ предъ Севастьяномъ, извѣстнымъ намъ по соборной грамотѣ литовскихъ епископовъ о избраніи и посвященіи въ митрополиты кіевскіе Григорія Цамблака; грамота, какъ помнимъ, отъ 1415 года [3]). Составитель списка первой редакціи, здѣсь онъ себя положительно выдаетъ, имѣлъ въ виду всѣ извѣстія лѣтописей объ епископѣ Михаилѣ, преемникѣ Ѳеофилакта; они то всѣ въ сложности заставили его создать двухъ Михаиловъ. Подъ 1382 годомъ въ Никоновской лѣтописи читаемъ: „Тогдаже былъ Пиминъ митрополитъ во градѣ Переславле..., тамо постави Михаила епискупа в Смоленескъ". Извѣстно ему было и начало хожденія Игнатія Смолнянина: „Въ лѣто 6897 (1389) Пиминъ митрополитъ всеа Руси поиде въ третіи ко Царюграду, а съ нимъ владыка Михаилъ Смоленскій, да архимандритъ Спасьской Сергѣй... Проводиша жъ насъ епископи, Данилъ Смоленскый и Сава Сарьскій [4])". Такимъ образомъ, Даніилъ смоленскій положителяно принудилъ составителя убрать съ смоленской каѳедры Михаила [5]). Но и Даніила черезъ семь лѣтъ потребо-

[1]) Собр. госуд. грам. и дог., т. I, № 34, стр. 59. „И что вытягалъ Бояринъ мой Федоръ Аньдрѣевичь на обчемъ рѣтѣ Товь и Медынь у Смолнянъ, а то сыну же моему Князю Андрѣю".

[2]) Ник. лѣт., ч. IV, г. 1388, стр. 191.„ Бысть же тогда на погребеніи его гость Ѳеогнастъ митрополитъ трапизонскии, данило епискупъ звенигородцкии, и Сава епискупъ саранскии."

[3]) Акт. Западн. Рос., т. 1, № 24, стр. 38; сравни Др. Рос. Вивліоѳик., ч. XIV, стр. 122—128; Ник. Лѣт., ч. V, стр. 59—64.

[4]) Прав. Палест. Сборн., в. 12, стр. 1—2.

[5]) Въ такомъ пріемѣ со стороны составителя убѣждаютъ насъ слова ученаго-члена Академіи Наукъ П. Строева:„ Михаилъ хирот. въ началѣ 1383, изъ іеромо,

валось убрать, такъ какъ лѣтопись убѣдительно заявляетъ, что въ 1396 году „Кипріанъ митрополитъ былъ у Витофта, и постави на Великъ день Насона епископа въ Смоленсцѣ, и оттолѣ иде къ Кіеву, и тамо пребысть полтора года [1])“. Дѣйствительно, полтора года пробылъ въ Кіевѣ митрополитъ Кипріанъ, потому что только подъ слѣдующимъ годомъ читаемъ извѣстіе: „Въ лѣто 6905 (1397)... октября въ 7 Кипріанъ митрополитъ пріѣхалъ исъ Кіева на Москву, а съ нимъ епископи: Михайло Смоленскій, Исакій Бряньській, Феодоръ Лучьскій [2])“. Но это еще не все; въ той же лѣтописи читаемъ: „Въ лѣто 6910 (1402)... Маіа въ 6 преставися Михайло владыка Смоленскій; и положенъ бысть у Троици, въ Сергіевѣ монастырѣ, близъ гроба его [3])“. Оставалось епископа Наасона уморить, Михаила же счетомъ третьяго внести въ списокъ смоленскихъ іерарховъ; такъ и поступилъ составитель основного списка первой редакціи.

Пропускъ именъ смоленскихъ епископовъ Константина (XII в.), Симеона и Іоакима (XV в.), дѣятельность которыхъ засвидѣтельствована исторіей,—это разъ; введеніе въ текстъ именъ съ одной стороны, измышленныхъ: Михаилъ I, Николай, Сергій и Мисаилъ I, а съ другой внесенныхъ по заблужденію: Меркурій, Парѳеній и Михаилъ III,—два; перестановка съ мѣста на мѣсто именъ епископовъ, дѣятельность которыхъ, равно какъ и время жизни, исторіей вполнѣ опредѣлены, это три; пропускъ именъ епископовъ за время чуть не въ полтора столѣтія, это четыре; все это подрываетъ окончательно довѣріе къ спискамъ первой редакціи и вполнѣ насъ убѣждаетъ въ томъ, что всѣ списки этой редакціи, сколько ихъ ниаесть, будутъ копіи со списка, произведенія отъ самого недавняго времени, принадлежащаго человѣку, плохо ознакомленному съ исторіей смоленской епископіи.

наховъ Симоновскихъ; въ 1396 смѣненъ и 7 окт. 1397 прибылъ въ Москву.“ (Сп. іерарх. и наст. мон. росс. церкви, стр. 589). О смѣнѣ Михаила въ 1396 году мы ничего не знаемъ, только можемъ предполагать на основаніи извѣстія лѣтописей отъ 1396 года.„ Въ лѣто 6904 .. Кипріанъ митрополитъ былъ у Витофта, и постави на Великъ день Насона епископа въ Смоленсцѣ „ (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 69). Поставляютъ въ епархію новаго епископа тогда, когда или старый не нуженъ, или стараго не стало. Такъ поступаетъ человѣческая мысль во всѣ вѣка: такъ поступаетъ мысль члена Академіи Наукъ, такъ поступала мысль не отличавшагося большими знаніями Смольянина прошлаго столѣтія или еще столѣтіемъ раньше.

[1]) П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 69.

[2]) Ibidem, стр. 70.

[3]) Ibidem, стр. 75.

А между тѣмъ въ то время, когда первая редакція становится въ разрѣзъ съ историческими указаніями, рядомъ съ нею стоитъ вторая редакція, которая, кромѣ личностей, извѣстныхъ по самымъ распространеннымъ источникамъ: лѣтописямъ, житіямъ, оффиціальнымъ документамъ, сообщаетъ имена епископовъ, провѣряемыя только однимъ единственнымъ источникомъ большей важности, принадлежащимъ Ватиканской Библіотекѣ (Codex Vatic. Graec. 840). Такими личностями являются два предшественника епископа Ѳеофилакта: епископъ Іоаннъ и епископъ Евѳимій. О первомъ изъ нихъ узнаемъ слѣдующее; „Мѣсяца сентября 19 пророка Авдія индикта 4 лѣта 6844 (1335). Избраніе богохранимаго града Чернигова. Въ присутствіи боголюбимѣйшихъ епископовъ: киръ Аѳанасія Володимирскаго, киръ Ѳеодора Галичскаго, Григорія Холмскаго, Трифона Луцкаго, Іоанна Смоленскаго, при согласіи и прочихъ епископовъ—были предызбраны по чину каноническому три достойныя лица: іеромонахъ Іоаннъ, Максимъ архимандритъ печерскій, іеромонахъ Петръ; предпочтенный и выбранный іеромонахъ Іоаннъ рукоположенъ былъ во епископа богоспасаемаго градаБрянска [1])“. О первыхъ двухъ епископахъ, принимавшихъ участіе въ поставленіи іеромонаха Іоанна въ епископа брянскаго, Аѳанасіи владимирскомъ и Ѳеодорѣ галицкомъ узнаемъ изъ нашихъ лѣтописей: „Въ лѣто 6839 (1331)... Быша же (во Владимиръ-Волынскѣ) съ Фегнастомъ митрополитомъ владыкъ 5: Афонасей Володимеря Волынскаго, Григорей Полотскій, Феодоръ Галичскій, Марко Перемышльскій, Иванъ Холмьскій [2])“. Объ Аѳанасіи владимирскомъ изъ той же лѣтописи узнаемъ что онъ былъ въ Москвѣ на погребеніи митрополита Ѳеогноста „Въ лѣто 6861 (1353). Преставися пресвященный Ѳеогнастъ, митрополитъ Кіевскій и всея Русіи, мѣсяца Марта въ 11 день; а во гробѣ положенъ бысть того же мѣсяца въ 13 день. И бысть на погребеніи: Алексѣй, епископъ Володимерьскій, иже прежде былъ намѣстникъ его, Ѳеонасей, епископъ Волынскій, и Ѳеонасей, епископъ Коломеньскій [3])“. Имена остальныхъ участниковъ поставленія, равно какъ имена остальныхъ двухъ кандидатовъ, намъ неизвѣстны; но справки

---

[1]) Ж. М. Н. Пр., г. 1888, февраль, стр. 452. Не имѣя подъ руками Analecta byzantinorossica, ed. Regel. Spt. 1891., гдѣ помѣщены подлинныя записи, пользуемся русскимъ переводомъ, предложеннымъ В. Васильевскимъ.

[2]) П. С. Р. Л., т. X, г. 1331, стр. 205.

[3]) П. С. Р. Л., т. X, г. 1353, стр. 226.

о первыхъ двухъ участникахъ поднимаютъ въ нашихъ глазахъ значеніе весьма цѣннаго отрывка изъ области древнерусской церкви.

Спустя десять лѣтъ послѣ своего поставленія Іоаннъ брянскій принимаетъ участіе въ избраніи и поставленіи преемника Іоанну смоленскому въ лицѣ іеромонаха Евѳимія. „Августа мѣсяца индикта 13 лѣта 6853 (1345). Избраніе богоспасаемаго града Смоленска. Въ присутствіи боголюбимѣйшихъ епископовъ: Брянскаго Іоанна, Бѣлогородскаго Кирилла, при согласіи и прочихъ—были предызбраны три достойныя лица по чину каноническому: предпочтенъ и выбранъ былъ іеромонахъ Евѳимій; рукоположенъ былъ во епископа Евѳимій [1])".

Такимъ образомъ, получаемъ еще одно цѣнное доказательство въ пользу достовѣрности второй редакціи, обнимающей собой списокъ, помѣщенный въ требникѣ Московской Синодальной Библіотеки, и другой, находящійся въ синодикѣ Супрасльскаго монастыря. Нами была уже указана разница между обоими списками; повторимъ здѣсь. Во первыхъ, Супрасльскій синодикъ пропускаетъ имена двухъ епископовъ: неизвѣстнаго по другимъ источникамъ Пахомія (№ 10) и хорошо извѣстнаго намъ Герасима (№ 20); во вторыхъ, на мѣстѣ извѣстнаго намъ Наасона ставитъ имя Никона, и, въ третьихъ, подъ № 20 вставляетъ второго епископа съ именемъ Евѳимія. Данныя въ пользу предпочтенія списка по требнику; поэтому можемъ по послѣднему источнику предложить списокъ смоленскихъ владыкъ включительно до Іосифа Солтана вмѣстѣ съ историческими справками въ слѣдующемъ видѣ:

1 Мануилъ [2]),
2 Константинъ [3]),
3 Симеонъ [4]),
4 Игнатій [5]),
5 Лазарь [6]),

[1]) Ж. М. Н. Пр., г. 1888, Февраль, стр. 451.

[2]) Поставленъ въ 1137 году (Лѣт. по Ипат. сп., стр. 215); послѣдній разъ упоминается подъ 1168 годомъ (ibidem, стр. 362).

[3]) Упоминается подъ 1180 годомъ (Лѣт. по Ипат. сп., стр. 417).

[4]) Упоминается подъ 1197 годомъ (Лѣт. по Ипат. сп., стр. 471).

[5]) Упоминается подъ 1206 годомъ (Карамзинъ. Ист. Рос. Госуд., т. III, пр. 118). Имя его извѣстно еще изъ житія преподобнаго Авраамія смоленскаго.

[6]) Упоминается въ 1219 году въ посланіи Симона, епископа владимирскаго, къ Поликарпу (Памят. русск. словесн. XII в., стр. 255).

6 Аѳанасій
7 Іоаннъ,
8 Діонисій,
9 Порфирій,
10 Пахомій,
11 Ѳома,
12 Іоаннъ [1]),
13 Даніилъ,
14 Евѳимій [2]),
15 Ѳеофилактъ [3]),
16 Михаилъ [4]),
17 Наасонъ [5]),
18 Севастьянъ [6]),
19 Нафанаилъ,
20 Герасимъ [7]),
21 Симеонъ [8]),
22 Мисаилъ [9]),
23 Іоакимъ [10]),
24 Іосифъ Солтанъ.

Такой списокъ смоленскихъ владыкъ, стоящій въ полномъ согласіи съ историческими указаніями, подтверждаетъ лѣтописную замѣтку: „В лѣто 6645. Поставленъ бысть скопець Мануйло епископомъ Смоленску, пѣвець гораздый иже бѣ пришелъ изъ Грекъ самъ третии къ благолюбивому князю Мстиславу; предъ симъ бо бѣ не былъ епископъ Смоленьскѣ", и ею же въ свою очередь самъ подкрѣпляется. Годъ 6645 отъ сотворенія міра будетъ 1137 отъ Рождества Христова и будетъ

[1]) Извѣстенъ подъ 1335 годомъ изъ записей о поставленіи русскихъ епископовъ (Codex Vatic. Graec. 840).

[2]) Поставленъ въ 1345 году (Codex Vatic. Graec. 840).

[3]) Поставленъ въ 1356 году (П. С. Р. Л., т. X, стр. 228).

[4]) Поставленъ въ 1383 году (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 49).

[5]) Поставленъ въ 1396 году (П. С. Р. Л., т. VI, стр. 128).

[6]) Извѣстенъ по грамотѣ 1415г. (Акт. Запад. Рос; т. 1, № 24 стр. 33).

[7]) Извѣстенъ съ 1432 года, когда онъ оставилъ смоленскую каѳедру (Daniłowicz, Lat. Litw. i Kron. Rusk., стр. 65).

[8]) Упоминается подъ 1440 годомъ, умеръ въ 1445 году (Поповъ, Лѣт. вел. кн. литов., стр. 28 и 31.), сравни Daniłowicz, Lat. Litw. i Kron. Rusk., стр. 70).

[9]) Извѣстенъ впервые отъ 1454 года (Археогр. Сборн. докум. относящ. къ истор. сѣверозапад. Руси, т. II, № 1, стр. 3) Съ 1444 года сталъ митрополитомъ кіевскимъ. (П. С. Р. Л., т. II, стр. 359).

[10]) Извѣстенъ по грамотѣ короля польскаго Казимира отъ 1475 года или отъ 1490 года (Акт. Запад. Рос., т. 1, № 70, стр. 86—87.)

такимъ образомъ онъ падать на одинъ изъ годовъ княженія въ Смоленскѣ Ростислава Мстиславича, внука Владимира Мономаха. Если до Мануила не было въ Смоленскѣ епископовъ, то годъ поставленія его епископомъ должно считать годомъ учрежденія смоленской епархіи, а учредителемъ должно считать смоленскаго князя Ростислава Мстиславича. Дѣйствительно, о послѣднемъ князѣ, какъ учредителѣ, говоритъ повѣсть „О великомъ князѣ Ростиславѣ Смоленскомъ и о церкви [1])“. „Сей преблаженный, читаемъ тамъ, и святыи князь Ростиславъ, сынъ Мстиславль, внoукъ Володимирь. Божиемъ повелѣніемъ и Святыя Богородици и отца своего молитвою, приде первое в градъ въ Смолинескъ на княженіе и видѣ Смолинескую церковь сущую подъ Пересловлемъ и негодова и вздума с Бояры своими и с людми и постави епископа и церковь святыя Богородици, и узялъ часть от всея области своея и далъ святѣй Богородици и епископу и болѣ люди своя и землю просвѣти“. Такимъ образомъ, внѣ всякаго сомнѣнія, что, во первыхъ, учрежденіе смоленской епископіи совершилось при Ростиславѣ Мстиславичѣ, а слѣдовательно, во вторыхъ, 1137 годъ, указываемый всѣми лѣтописями, какъ годъ учрежденія ея, не можетъ ни въ коемъ случаѣ быть заподозрѣнъ.

Смоленская епархія отдѣлена была отъ Переяславля, что у Кіева, на притокѣ Днѣпра Трубежѣ; такъ говоритъ намъ названная повѣсть. Ставятъ вопросъ, съ какого времени смоленская земля въ дѣлахъ церкви стала въ зависимость отъ переяславскихъ епископовъ, и даютъ такой отвѣтъ: „Смоленская область (не позднѣе 1076 г.) досталась младшему изъ нихъ (сыновей Ярослава) Всеволоду Переяславскому, въ родѣ котораго, образовавъ изъ себя особое княжество, и оставалась на послѣдующее время. Не знаемъ, къ какой епархіи принадлежала область Смоленская, до ея поступленія въ родъ Всеволодовъ, но съ сего времени она стала принадлежать къ епархіи Переяславской [2])“. Однако полагать, что смоленская земля съ перемѣной князя мѣняла также епископовъ, будетъ слишкомъ

[1]) Повѣсть помѣщена въ такъ называемомъ Нифонтовскомъ Сборникѣ Библіотеки Іосифо-Волоцкаго Монастыря, нынѣ принадлежащемъ Библіотекѣ Московской духовной Академіи. Мы пользуемся копіей, снятой для графа Румянцева и хранящейся нынѣ въ Румянцевскомъ Музеѣ. (Востоковъ, Опис. рук. Рум. Музея. XXXIV, стр. 38).

[2]) Голубинскій, Ист. рус. церкви, т. I, ч. I, стр. 569.

рискованно, такъ какъ такая перемѣна церковнорелигіознаго центра была бы единственной въ практикѣ русской церкви, а главное связана была бы съ массой неудобствъ, могшихъ повлечь за собою серьезные безпорядки. Несомнѣнно, не со времени Всеволода Ярославича смоленская область стала частью обширной переяславской епархіи; чрезполосность мѣшаетъ допустить это. Удобнѣе же всегда было ей быть соединенной съ епархіей ростовской, пограничной и принадлежавшей въ качествѣ отдѣльной волости тому же Всеволоду Ярославичу; а то смоленская земля отдѣлялась бы на сотни верстъ землями кіевскими и черниговскими отъ каѳедры своего епископа. Принадлежность ея къ переяславской епархіи слѣдуетъ всегда относить къ тому времени, когда въ Переяславлѣ сидѣли еще митрополиты, которымъ одинаково принадлежала и кіевская, и переяславская, и смоленская волости [1]). Съ перенесеніемъ митрополіи изъ Переяславля въ Кіевъ, первый сталъ центромъ обыкновенной въ ряду русскихъ епархіи, смоленская же земля, будучи отдѣлена отъ своего центра новою епархіею-митрополіею, при массѣ поднявшихся неудобствъ, продолжала тянуть къ Переяславлю до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не потребовали выдѣленія ея въ особую самостоятельную епископію. А неудобства, при перемѣнѣ въ Смоленскѣ князей, когда вообще всякій князь не зналъ, какъ долго придется ему оставаться на старомъ столѣ, мало были сознаваемы часто перемѣнявшимися смоленскими князьями; больше заботились они о собственномъ благополучіи, о собственномъ карманѣ, чѣмъ объ управляемой землѣ, которую всякую минуту можно было оставить. Ктому же въ первое время христіанства въ Руси, когда родъ княжескій ограничивался братьями съ ихъ семействами, когда въ Переяславлѣ сидѣлъ самъ представитель семьи Всеволодъ Ярославичъ, зависимость въ церковныхъ дѣлахъ Смоленска отъ Переяславля не представляла почти никакихъ затрудненій, развѣ только замедлялось дѣло посвященія въ санъ діаконскій и іерейскій. Не представлялось большихъ затрудненій и въ то время, когда представителемъ потомства Всеволодова сталъ сынъ его Владиміръ Мономахъ: его воля объединяла дѣйствія и желанія всѣхъ князей-сыновей и тѣмъ объединяла ростъ и развитіе всѣхъ сво-

[1]) Въ этомъ обстоятельствѣ можно видѣть подтвержденіе установившемуся и почти получившему право непреложной истины мнѣнію, что первые русскіе митрополиты имѣли свою каѳедру не въ Кіевѣ, а въ Переяславлѣ.

ихъ волостей. Со смертію его дѣло нѣсколько измѣнилось: потомство Мономахово состояло уже изъ пяти сыновей, при чемъ старшій изъ нихъ Мстиславъ—отецъ взрослыхъ сыновей. Подчинять теперь всѣ воли и дѣйствія волѣ одного становится гораздо труднѣе. Чѣмъ больше уходило времени, тѣмъ шире разросталось потомство Всеволода и тѣмъ запутаннѣе становились междукняжескія отношенія въ своемъ же родѣ. При неопредѣленности отношеній князей другъ къ другу и зависимость одной области отъ другой въ дѣлахъ церковныхъ становилась въ тягость и той, которая зависитъ, и той, отъ которой зависитъ. При поднимавшихся несогласіяхъ между дядями и племянниками, родными и двоюродными братьями, епископъ двухъ политически самостоятельныхъ единицъ, имѣвшій постоянное пребываніе въ стольномъ городѣ одного изъ двухъ княжествъ, становился въ сильно ненормальное отношеніе къ враждующимъ половинамъ своей паствы; какъ человѣкъ, обыкновенно становился онъ на сторону того, отъ кого—больше выгодъ, кто пострашнѣе, кто поближе, а тѣмъ несогласія только усиливаться и могли. Въ такое положеніе и должно было стать смоленское княжество по отношенію къ переяславскому, если бы ему на помощь не пришла благоразумная предусмотрительность Ростислава Мстиславича, разъ на всегда уничтожившая крайне нелѣпую и ненормальную связь обоихъ княжествъ, не имѣвшихъ между собою въ то время ничего общаго. И такимъ образомъ учрежденіе самостоятельной епархіи было естественнымъ слѣдствіемъ обособленія смоленскаго княжества при одной династіи Ростиславичей, было естественнымъ слѣдствіемъ одержанной или только одерживаемой побѣды вотчиннаго начала надъ родовымъ.

Важность и значеніе этого событія измѣряется усиліями, какія употребилъ Ростиславъ при выдѣленіи своего княжества изъ-подъ зависимости отъ переяславскаго епископа; одно уже время говоритъ въ пользу нашего предположенія: десять слишкомъ лѣтъ прошло отъ начала княженія въ Смоленскѣ Ростислава Мстиславича [1]). На попытку выдѣляться въ новую епархію

---

[1]) Годъ занятія, или точнѣе посылки Ростислава на Смоленскій столъ, трудно опредѣлить. Татищевъ, который одинъ только даетъ кое-какія указанія на то событіе, страшно путаетъ. Разъ, сообщая о смерти Владиміра Мономаха, говоритъ: „по немъ остались сыны его: Мстиславъ, наслѣдникъ великаго княженія, Ярополкъ Князь Переяславскій, Вечеславъ въ Туровѣ, Романъ въ Смоленскѣ, Юрій въ Ростовѣ и Суздалѣ, Андрей во Владимирѣ“. (т. II, г. 1125, стр. 231); другой разъ

патріархи константинопольскіе глядѣли, какъ на дѣло противное канонамъ церкви. Такъ патріархъ Лука Хрисовергъ старается убѣдить Андрея Боголюбскаго, когда послѣдній задумалъ учредить у себя во Владимирѣ новую епархію съ выдѣленіемъ ей области изъ епархіи ростовской, повторяемъ, патріархъ старается убѣдить князя, что онъ задумалъ неладное дѣло, такъ какъ „правила святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ коея же митрополіи и епископьи цѣло, и непоколебимо и нерушимо своя оправданіа дрьжати повелѣли, и никто же отъ святыхъ можетъ божественыхъ и священныхъ преступити правилъ, аще не страненъ и чюждь отъ Бога хощетъ быти [1])". Патріархъ такъ судилъ и выражался, будучи настроеннымъ заинтересованными ростовскимъ епископомъ Несторомъ и посломъ митрополита кіевскаго Өеодора [2]). Терялъ и переяславскій епископъ, если бы отдѣлилась часть его паствы, составлявшая обширное княжество, и, слѣдовательно, Ростиславъ Мстиславичъ долженъ былъ имѣть не мало дѣла съ переяславскимъ епископомъ. Однако онъ поборолъ препятствія и достигъ того, что въ 1137 году учредилъ въ своемъ стольномъ Смоленскѣ самостоятельную каѳедру, которая считаетъ отъ своего начала 750 лѣтъ, и далъ ей въ обезпеченіе большія по тому времени средства. Богатѣйшіе доходы смоленской каѳедры исчислены въ данной имъ грамотѣ.

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Богъ и Святая Богородица и отца моего молитва, приведохъ епископа Смоленску сдумавъ съ людьми своими, по повелѣнію отца своего святого, еже хотѣвъ при животѣ своемъ сътворити; но есть здѣ

увѣряетъ, что Мстиславъ „братьевъ... своихъ оставилъ всѣхъ по удѣламъ по завѣщанію отчу: Ярополкъ въ Переяславлѣ, Вечеславъ въ Туровѣ, Юрій въ Ростовѣ и Суздалѣ, Андрей во Владимирѣ, сыновъ своихъ Изяслава въ Курску, Всеволода въ Новгородѣ, Ростислава въ Смоленскѣ (ibidem, стр. 230—231). То обстоятельство, что въ Смоленскѣ сидитъ въ 1125 г. то Романъ, то Ростиславъ, не должно насъ смущать, такъ какъ въ годъ смерти Мономаха въ Смоленскѣ былъ одинъ только Ростиславъ; покойниковъ вѣдь не въ счетъ. Шесть слишкомъ лѣтъ скончался Романъ Ростиславичъ и не въ Смоленскѣ, а во Владимирѣ. (Лѣт. по Ипат. Сп., г. 1118 стр. 205). Если же Мстиславъ Владимировичъ оставилъ своихъ братьевъ, по отчему завѣщанію, на занимаемыхъ ими столахъ, то Вячеславъ бывшій нѣкогда Смоленскимъ княземъ съ 1113 года, (Лѣт. по Ипат. Сп., стр. 198) съ переходомъ въ Туровъ уступилъ Смоленскъ Ростиславу. Во всякомъ случаѣ, Ростиславъ сталъ княжить въ Смоленскѣ не позже 1125 года.

[1]) П. С. Р. Л., т. IX, г. 1160, стр. 222.

[2]) Ibidem, стр. 221.

первѣе сего не бывало епископьи, да азъ недостойный, грѣшный, се уставляю епископью, о немъ же епископу быти живу и съ клиросомъ своимъ, въ свои дни и во свое княженье, еже ми Богъ далъ и отча молитва. А се даю Святѣй Богородици и епископу прощеники, съ медомъ, и съ кунами, и съ вирою и съ продажами, а не надобѣ ихъ судити никакому же человѣку. И се даю святѣй Богородици и епископу десятину отъ всѣхъ даней Смоленскихъ, что ся въ нихъ сходитъ истыхъ кунъ, кромѣ продажи, и кромѣ виры, и кромѣ полюдья: у Вержавлянѣхъ у Великихъ 9 погостъ, и въ тѣхъ погостехъ платитъ кто жъ свою дань и передмѣръ истужници, по силѣ, кто что мога, а въ тѣхъ погостехъ а нѣкоторый погибнеть, то ти и десятины убудеть, а въ тѣхъ погостехъ во всѣхъ сходится дани осмъсотъ гривенъ, а передмѣра сто гривенъ, а на истужницѣхъ сто гривенъ, то ти изъ того взяти епископу въ Святѣй Богородици сто гривенъ; а во Врочницѣхъ... гривенъ, то ти изъ того взяти епископу 20 гривенъ; а въ Торопчи дани четыриста гривенъ, а епископу съ того взяти 40 гривенъ; а въ Жижци дани 130 гривенъ, а съ того епископу взяти 13 гривенъ; а въ Каспли 100 гривенъ, а изъ того епископу взяти 10 гривенъ; а въ Хотшинѣ дани 200 гривенъ, а изъ того епископу взяти 20 гривенъ; а въ Жабачевѣ дани 200 гривенъ, а изъ того епископу взяти 20 гривенъ; а въ Вото.овичи (Водосовичи) дани 100 гривенъ, а изъ сего епископу взяти 10 гривенъ [1]); а въ Шуйспѣи дани 80 гривенъ, а изъ того епископу 8 гривенъ; а въ Дешнянюхъ 30 гривенъ, а изъ того епископу три гривны; а въ Ветьскѣи дани 40 гривенъ, а изъ того епископу четыри гривны; а на Былевѣ дани 20 гривенъ, а епископу изъ того 2 гривны; а въ Бортницѣхъ на оной сторонѣ 40 гривенъ, а изъ того епископу 4 гривны; а въ Витринѣ дани 30 гривенъ, а изъ того епископу три гривны; въ Жидчичихъ 10 гривенъ, а изъ того епископу гривна; въ Басѣи 15 гривенъ, а и епископу изъ того полторы гривны; въ Миратичехъ дани 10 гривенъ, а епископу изъ того гривна; въ Добрятинѣ дани 30 гривенъ, епископу изъ того три гривны; въ Доброчковѣ дани 20 гривенъ, а изъ того епископу двѣ гривны, въ Бобровницѣхъ дани 10 гривенъ, а изъ того епископу гривна; на Дѣдогостичехъ 10 гри-

---

[1]) Вото.овичи со вставкой с читается Вотосовичи=Водосовичи, по р. Водосѣ, притокѣ Днѣпра.

венъ, а изъ того епископу гривна; а въ Зарубѣ дани 30 гривенъ, а изъ того епископу 3 гривны; а въ Женни дани 200 гривенъ у Велицѣй, изъ того Святѣй Богородици и епископу 20 гривенъ; въ Пацини дани 30 гривенъ, а изъ того епископу три гривны, а въ гостинѣи дани невѣдомо, а что ся сойдетъ, изъ того Святѣй Богородицы и епископу десятина; въ Солодовницѣхъ 20 гривенъ, изъ того Святѣй Богородици и епископу 2 гривны; на Путтинѣ присно платять четыри гривны, Бѣ.ници 2 гривны, кормити полпяты гривны, Дѣдичи и дань и вира 15 гривенъ, гость 7 гривенъ, а изъ того Святѣй Богородици и епископу три гривны безъ семи ногатъ; на Копысѣ полюдья четыри гривны, а перевоза четыри гривны, а торгового 4 гривны, а корчьмити невѣдомо, по что ся сойдеть, изъ того десятина Святѣй Богородици; на Прупои 10 гривенъ, а изъ того епископу гривна, а въ корчмитѣхъ не вѣдати, но что ся сойдеть, изъ того десятина Святѣй Богородици; у Кречюта дани 10 гривенъ, а Святѣй Богородици и епископу гривна; въ Лучинѣ полюдья... гривны, а мыта и корчмити невѣдомо, но что ся снидетъ, изъ того епископу десятина; во Оболви гостинная дапь, и что ся въ ней снидется, изъ того Святѣй Богородици и епископу десятина; во Исконѣ дани 40 гривенъ, а изъ того Святѣй Богородици и епископу 4 гривны; Суждали Залѣсская дань, аже воротить Гюгри, а что будеть въ ней, изъ того Святѣй Богородици десятина; у Вержавску въ городѣ три гривны десятины Святѣй Богородици; въ Лодейницѣхъ 10 гривенъ дани, а изъ того гривна Святѣй Богородици. И се даю изъ Торопча отъ всѣхъ рыбъ, иже идеть ко мнѣ, десятину Святѣй Богородици и епископу;... жизця також отъ всѣхъ рыбъ иже идеть ко мнѣ, десятину Святѣй Богородици и епископу [1];... что ся наречеть области Смоленское, или мала или велика дань, любо княжа, любо княгинина, или чія си хотя, правити десятину Святѣй Богородици, безъ всякого опису дѣяти. Село Дросенское, со исгои и съ землею, Святѣй Богородици и епископу, и село Ясенское, и съ бортникомъ и съ землею и съ исгои, Святѣй Богородици; и се есми далъ землю въ Погоновичахъ Мойшинскую Святѣй Богородици и епископу, и озера Нимикорская и съ сѣножатми, и уѣздъ княжъ, и на Сверковыхъ лукахъ сѣножати, и уѣздъ княжъ, озеро Колодарское, Святѣй Богородици.

---

[1]) ... жизця, несомнѣнно, слѣдуетъ читать: а се даю изъ жизця и. т. д.

И се даю на посвѣтъ Святѣй Богородици, изъ двора своего, осмь капій воску и на горѣ огородъ, съ капустникомъ и съ женою и съ дѣтми, за рѣкою, тетеревникъ съ женою и съ дѣтми, Святѣй Богородици и епископу. Бысть мое сотщаніе въ Святѣй Богородици, по повелѣнію святого отца моего что жъ мога тожъ даю. А тяжъ епископлихъ не судити никому же, судитъ ихъ самъ епископъ: первая тяжа роспустъ; другая тяжа ажъ водить кто двѣ жонѣ; третьяя тяжа аще кто поимется черезъ законъ; а четвертая уволочская, ажъ уволочетъ кто дѣвку, што возметь князь, съ епископомъ наполы, или посадникъ что възметь свои тяжи, то съ епископомъ наполы; а пятое ажъ ту женку, то епископу; шестая вопросъ, а то епископу, зелья и душегубства тяжа епископля; семая ажъ бьетася двѣ женѣ, то епископля тяжа; ажъ церковный человѣкъ дойдетъ чего, то своему епископу; девятая ажъ кого Богъ отведетъ церковныхъ людей, а не будетъ зла ничего церкви. Да язъ молъвлю и уставилъ есми епископью, порученъ Смоленскъ Богомъ и дѣднею и отцовою молитвою, да се язъ князь Ростиславъ, съ первымъ епископомъ своимъ Манойломъ, да се уставляю язъ. Ажъ будетъ или тяжа, или продажа епископля, да ненадобѣ ни князю, ни посаднику, ни тивуну, ни иному никомуже отъ мала и до велика, и по всей волости Смоленской. Се же нынѣ, съ Божьею помощью и со святою Богородицею, въ си дни полны дани, а посемь что Богъ устроить: по Божью строю чи которая дань оскудѣеть, или ратью, или коимъ образомъ, по силѣ что почнеть давати тыи дани, а изъ того десятина Святѣй Богородици. Да сего не посуживай никтоже по моихъ днехъ, ни князь, ни людіе; аще ли кто посудить сея грамоты, что есми далъ къ Святѣй Богородици, да той отвѣчаеть въ страшный день святѣй Богородици, и сія клятва будеть на немъ, а язъ буду безъ грѣха. Паки ли приложить кто сію епископію опять къ Переясловстѣй епископьи, завистію, перестуця слово святого митрополита Русскаго Михаила, а разрушить сію епископью Смоленскую: то князь отъиметь свое опять, еже былъ уставилъ епископу пристроивати Святѣй Богородици, дажъ кто разрушить сей замыслъ святого отца моего Мьстислава и митрополита Русскаго Михаила. Се язъ грѣшный сынъ Мьстиславль, надѣяся на Матер Божью на святую Богородицу, уставляю сію епископью; дажъ кто разрушить ю, да самъ отвѣчаеть святѣй Богородици, и сія клятва святыхъ Отець буди на

немъ, а язъ буду безъ грѣха... [1]). И се и еще и Холмъ даю Святѣй Богородици и епископу, яко же дано дѣдомъ моимъ Володимеромъ Семеонови преже епископу, строить нарядъ церковный и утверженье. Въ лѣто 6659, индикта 14, мѣсяца сентября 30 [2]).

Въ отвѣтъ на грамоту Ростислава Мстиславича и для приданія ей, чрезъ произнесеніе проклятія нарушителю, большей силы и значенія первый смоленскій епископъ Мануилъ, сотрудникъ по дѣлу Ростислава, даетъ съ своей стороны уставную грамоту; съ нею мы уже знакомы. Въ своей грамотѣ смоленскій владыка подчеркиваетъ слѣдующія слова: „Се язъ худый и грѣшный и недостойный епископъ Маноилъ, съ благороднымъ и христолюбивымъ княземъ моимъ Михаиломъ, утвержаевѣ еже написана, утвержена и сотворена..., при благовѣрнѣмъ и христолюбивѣмъ князи моемъ киръ Михаилѣ, и утвердилъ уставъ церковный, именемъ Ростиславъ, по отца своего святого молитвы и по повелѣнію его, уставилъ есть епископью Смоленскую [3])“. Такимъ образомъ два оффиціальныхъ документа, правда, извѣстныхъ намъ по списку сравнительно позднему, XVI вѣка, четыре раза и при томъ положительно заявляютъ, что смоленская епископія учреждена Ростиславомъ Мстиславичемъ, по мысли отца его Мстислава Владимировича [4]), и что первымъ епископомъ на каѳедрѣ смоленской былъ Мануилъ [5]).

Сравнительно позднее время, отъ котораго дошли до насъ обѣ грамоты, съ одной стороны, а съ другой, какъ думалъ покойный Неволинъ, нѣкоторое несогласіе и замалчиваніе ими уставовъ Владимира и Ярослава [6]), не могутъ подорвать цѣн-

---

[1]) Въ рукописи слѣдуетъ грамота епископа Мануила, приведенная на страницѣ 20—21, затѣмъ слѣдуетъ уже окончаніе грамоты княжеской и дата ея.

[2]) Доп. къ Акт. Истор., т. 1, № 4, стр. 5—8.

[3]) Доп. къ Акт. Истор, т. 1, № 4, стр. 7.

[4]) Изъ грамоты Мануила только что приведенное мѣсто, а изъ грамоты Ростислава: во первыхъ, „приведохъ епископа Смоленску, сдумавъ съ людми своими и по повелѣнію отца своего святого, еже хотѣвъ при животѣ своемъ сътворити; но есть здѣ первѣе сего не бывало епископьи, да язъ недостойный, грѣшный се уставляю епископью;“ во вторыхъ, „бысть мое сотщаніе къ Святѣй Богородици, по повелѣнію святого отца моего, чтожъ мога тожъ даю“; въ третьихъ, „князь отъиметь свое опять,... дажъ кто разрушить сей замыслъ святого отца моего Мьстислава“

[5]) „Да язъ мълъвлю и уставилъ есми епископью, порученъ Смоленескъ Богомъ и дѣднею и отцовою молитвою, да се язъ князь Ростиславъ, съ первымъ епископомъ своимъ Манойломъ, да се уставляю язъ“.

[6]) Полн. собр. сочиненій, т. VI, стр. 291.

ности и достовѣрности тѣхъ историческихъ, юридическихъ и географическихъ данныхъ, какія предлагаетъ намъ преимущественно княжеская уставная грамота. Никто не можетъ выставить, никто и не пытался того дѣлать, возраженій противъ достовѣрности этихъ документовъ; ни географическія названія, изученіе которыхъ требуетъ большого труда; ни указанія изъ области монетнаго дѣла древней Руси, стоящія въ полномъ согласіи съ указаніями другихъ источниковъ, а главное съ своей стороны объясняющія указанія послѣднихъ [1]); ни указанія изъ области церковно-религіознаго, юридическаго и общественнаго быта не возбуждали ни въ комъ и ничѣмъ подозрѣнія; напротивъ,—обогащаютъ эти области цѣнными и все новыми указаніями и свѣдѣніями [2]). Обѣ грамоты имѣютъ въ своемъ основаніи документъ, къ сожалѣнію, не дошедшій до нашего времени, въ которомъ изложена была „клятва, еже се преже писана и святого митрополита Русскаго Михаила, иже составилъ сію епископью“ [3]). Не могъ такъ говорить поддѣлывавшій грамоту изъ корыстныхъ цѣлей: надо было видѣть ту клятву, надо было видѣть ту благословенную грамоту митрополита Михаила. Одинъ только подновленный языкъ какъ-то странно звучитъ въ памятникѣ, получившемъ свое существованіе въ XII вѣкѣ. Но и этому обстоятельству можетъ быть дано приличное объясненіе.

Просуществовать самостоятельнымъ княжествомъ великое княжество Смоленское смогло только до 26 Іюня 1404 года; въ послѣдній день великій князь литовскій Витовтъ подчинилъ стольный городъ Смоленскъ своей власти [4]). Великіе князья московскіе во второй половинѣ XV столѣтія, когда многіе изъ князей русскихъ, находившихся подъ властью великихъ князей литовскихъ, одинъ за другимъ стали переходить на службу московскую, подняли вопросъ о Смоленскѣ; рѣшить его пришлось Ва-

---

[1]) На основаніи словъ княжеской грамоты: „На Путинѣ присно платятъ четыри гривны, Бѣ. ници 2 гривны, коромити полпаты гривны, Дѣдичи и дань вира 15 гривенъ, гость 7 гривенъ, а изъ того Святѣй Богородицы и епископу три гривны безъ семи ногатъ“, г. Прозоровскій въ своемъ изслѣдованіи „Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII ст. (Зап. Арх. Общества, т. XII) опредѣлилъ цѣнность ногаты, которая составляетъ 1/20 гривны; сравни, Мрочекъ-Дроздовскаго „Опытъ изслѣдованія источниковъ по вопросу о деньгахъ Русской Правды“ стр. 113—115. (Учен. Зап. Имп. Моск. Унивр., отдѣлъ Юридич., в. 2-й).

[2]) Подробный разборъ грамоты современемъ будетъ напечатанъ.

[3]) Доп. къ Акт. Ист., т. 1, № 4, стр. 7.

[4]) П. С. Р. Л., т. VIII, г. 1404, стр. 76.

силію III Ивановичу, послѣ двухлѣтней упорной осады послѣдняго Король польскій и великій князь литовскій Сигизмундъ I Казимировичъ при своихъ прекрасныхъ политическихъ дарованіяхъ и смыслѣ, при умѣніи набирать себѣ сотрудниковъ въ лицѣ достойнѣйшихъ личностей того времени, въ лицѣ Василія III Ивановича встрѣтилъ равнаго себѣ противника, человѣка съ сильнымъ характеромъ, чуждаго страстей и упорно преслѣдующаго свои цѣли. Упорное стремленіе къ разъ предначертанной цѣли и личное руководство осадой Смоленска уничтожали несогласныя дѣйствія его сотрудниковъ, несомнѣнно уступавшихъ по своимъ знаніямъ и, пожалуй, дарованіямъ сотрудникамъ Сигизмунда, и такимъ образомъ дали возможность Москвѣ оттягать у Литвы городъ Смоленскъ съ тянувшими къ нему землями. Судьба Смоленска рѣшилась весною 1514 года.

Выдавъ коронному вицеканцлеру Христофору Шидловичу грамоту отъ 3 Марта 1514 года на открытіе генеральнаго сейма въ Петроковѣ [1]) и принявъ на себя руководство занятіями Виленскаго сейма [2]), Сигизмудъ I объявляетъ 9 Марта разрывъ великому князю московскому Василію III Ивановичу [3]). Великій князь московскій принялъ вызовъ Сигизмундовъ: полки, зимовавшіе на литовскихъ границахъ, получили приказъ немедленно осадить Смоленскъ [4]). Полки московскіе стали понемногу стягиваться у Смоленска. Мнимые перебѣщики своими разсказами о многочисленности приближающагося врага наводили ужасъ на осажденныхъ [5]). Въ виду-ли народнаго колебанія, или для поднятія духа у защитниковъ, вѣрный Сигизмунду владыка смоленскій Варсонофій затѣялъ приводить къ присягѣ жителей

---

[1]) Acta Tomiciana, t. III, № LVI, p. 43.

[2]) M. Bielski. Kronika Polska, ks. 5, str. 144.

[3]) Acta Tomiciana, t. III p. 31. „Litere ad Moscos misse diffidatores“.

[4]) Петръ Томицкій, епископъ перемышльскій, пишетъ въ началѣ апрѣля Іоанну Любранскому, епископу познанскому: „Cum mille equitibus ad eos„ qui castrum Smolensk obsident, a quibus nulla fit violenta oppugnatio, capti sunt nonnulli, occisi quam plurimi irruptionibus nostrorum partim ex Smolensk, partim ex Orscha“. (Acta Tomiciana, t. III, № LXXX, p. 70).

[5]) Acta Tomiciana, t. III, № LXXXI, p. 71. „Venit nuper dux Michael cum M equitibus ad eos, qui castrum Smolensko obsident, aufugeruntque huc nonnulli ab eo nescio tamen verene an explorandi causa, qui referunt, adventare post eum ducem Danielem Sczenie, supremum campiductorem ducis Moscovie, cum mediocribus tormentis bellicis, ac demum ad hanc dominicam proxime futuram venturum ducem ipsum Moscovie cum validissimo exercitu eo animo, ut castrum Smolensko intercipiat“.

Смоленска, требуя защиты до послѣдняго, заводчикамъ-же измѣны, если таковые окажутся, смерти чрезъ повѣшеніе [1]). Правильная по тому времени осада Смоленска началась съ 16 Мая; къ этому времени стянулись всѣ полки московскіе, имѣя при себѣ артилерію болѣе, чѣмъ въ 300 орудій [2]). 8 Іюня поднялся и самъ великій князь московскій со своими братьями Юріемъ и Семеномъ, оставивъ на Москвѣ третьяго брата Андрея. Прибытіе къ Смоленску Василія Ивановича совпало съ окончательнымъ истощеніемъ у осажденныхъ силъ и средствъ для дальнѣйшаго сидѣнія. Хотя Виленскій сеймъ давалъ своимъ постановленіемъ огромныя средства для борьбы, назначивъ чрезвычайный налогъ: съ каждаго лица безъ различія пола и возраста, съ земледѣльца по грошу, съ бояръ по два, а съ знати по флорину [3]), не меньшія средства далъ и Петроковскій сеймъ, наложивъ на одни только церковныя имущества 40 тысячъ марокъ [4]); однако Смоленску не пришлось увидѣть у стѣнъ своихъ польско-литовскихъ рыцарей. И въ Литвѣ, и въ Краковѣ сборы шли, по обыкновенію, слишкомъ медленно: къ 10 Апрѣля записано было 2230 человѣкъ конницы да 200 пѣхоты [5]), а къ 20 Мая прибавилось 1600 человѣкъ конницы да 1000 пѣхоты [6]); а между тѣмъ послѣдній срокъ былъ 24 Іюня [7]). Сигиз-

---

[1]) Acta Tomiciana, t. III, № LXXX, p. 70. „In Smolensk factum est denuo jus jurandum ab omnibus auctore Vladica illo, tutari arcem ad extremum usque vite discrimen et proditores, si qui essent, pendere“.

[2]) Акт. Запад. Рос., т. II, № 88, стр. 114. „Ино повѣдаемъ вамъ, штожъ тыми разы панъ воевода Смоленьскій и со владыкою и со всими поддаными нашими земли Смоленьскоѣ писали до насъ, ижъ люди непріятеля нашого Московского, пришедши водъ замокъ нашъ Смоленьскъ, по святомъ Николѣ о тыждень, замокъ нашъ облегли“. M. Stryikowski, Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiéj Rusi: „Ale Moskiewski xiądz Wasił... Smoleński też zamek... wielką mocą obegnał 1514, Maja 16 dnia i powiedają, iako i Decius pisze, iż pod Smoleńskiem miał w ten czas wielkich dział trzysta“ (t. II, p. 374), сравни Iodoci Ludovici Decii de Iagellonum familia. (Polonicarum rerum latini recent. et veter. scriptores, t. II p, 318).

[3]) Acta Tomiciana, t. III, № C, p. 83. „Decreta est ad bellum hoc gerendum contributio ex singulis rusticorum capitibus cuiusque sexus et etatis per grossum, ex bojarorum vero per duos, et ex procerum demum et primorum omnium per florenum“.

[4]) Ibidem, № CXXXV, p. 103. „Episcopi et capitula ecclesiarum cum suo reliquo clero contributionem extra ordinem quadraginta milia marcarum omnium ecclesiarum nobis promissam, negligunt et extradere nolunt“, такъ пишетъ 23 мая самъ Сигизмундъ епископу краковскому.

[5]) Acta Tomiciana, t. III, № LXXIII, p. 66—67.

[6]) Ibidem, № CXXXI, p. 99—100.

[7]) Акт. Зап. Рос., т. II, № 88, стр, 115. „Ажъ бы вы, врядники наши, каждый съ своимъ повѣтомъ, тогожъ часу, ничого не мѣшкаючи на кони всѣдали и до

мунду оставалось дѣлать грозныя напоминанія властямъ люблинскимъ [1]), городу Данцигу [2]). А въ краковской землѣ дѣло дошло до волненій: пришлось назначить новый сеймъ въ Войничѣ [3]).

Обезсилѣвшій Смоленскъ, не получая помощи, вступилъ съ великимъ княземъ московскимъ въ переговоры; соглашался онъ поддаться на условіяхъ, если „старины бы... государь не рушилъ, изъ града бы изъ Смоленьска государь не велѣлъ розвести. Великій государь Василій, Божіею милостію царь и государь всея Руси, вотчину свою, князей и бояръ, и мѣщанъ, и черныхъ людей всѣхъ града Смоленьска пожаловалъ ихъ, опалу свою имъ отдалъ и грамоту имъ свою жалованную далъ, какъ имъ пригоже быти; и пожаловалъ велѣлъ имъ свои очи видѣти“ [4]). Василій Ивановичъ принялъ предложенія смольнянъ, заявивъ это словами своей жалованной грамоты: „И мы Великій Государь Василій, Божіею милостію Государь всея Русіи и Великій Князь, Владыку, и окольничихъ, и Князей и Бояръ. и мѣщанъ, и черныхъ людей и всѣхъ людей наше отчины Смоленскіе земли пожаловали, дали есмя имъ сию свою грамоту жаловальную, что намъ ихъ держати о всемъ по тому, какъ ихъ держалъ Князь Великій Витофтъ и иные Государеве, и Алевсандръ Король и Жигимонтъ, по ихъ утверженнымъ грамотамъ и по сей нашей жаловальной грамоте: а пречистые намъ дому, и скарбу, и манастырей, и церквей не рушати ничѣмъ, ни въ земли намъ ни въ воды церковные и манастырскіе не вступатися ничѣмъ“ [5]). Но давая обѣщаніе „не рушати дому пречистые, ни скарбу, ни въ земли, ни въ воды церковные не вступатися“, великій князь, естественно долженъ былъ знать, въ чемъ состоитъ „скарбъ пречистые“ и гдѣ „церковные земли и воды“. Земли и воды церковныя, а равно состояніе скарба дому Пречистой, опредѣлила уставная грамота Ростислава Мстиславича; чтобы избавить себя отъ всякой случайности что-нибудь рушить изъ скарбу или гдѣ-либо вступиться въ церковныя земли или воды, Василій Ивановичъ, по примѣру отца и по праву побѣдителя,

Менска тянули, на рокъ, на день святого Ивана“. Королевская грамота помѣчена 24 мая; понятно, о какомъ днѣ Ивана идетъ рѣчь.

1) Acta Tamiciana, t. III, №№ CXXXVII, CXLI, pp. 104, 106.

2) Ibidem, № CLI, p. 110–111.

3) Ibidem, №№ CLXIV, CLXXXV, pp. 117—118, 130.

4) П. С. Р. Л., т. V, г. 1514, стр. 255.

5) Собр. госуд. гр. и дог., т. 1, № 148, стр. 412.

потребовалъ эту грамоту. Существовалъ-ли въ это время подлинникъ или нѣтъ, того сказать нельзя; но несомнѣнно то, что великому князю, давшему свою жалованную грамоту, принадлежало право на жалованныя грамоты всѣхъ своихъ предшественниковъ по власти, какъ великихъ князей смоленскихъ, такъ и великихъ князей литовскихъ; а тѣмъ болѣе необходима была эта грамота великому князю московскому въ виду назрѣвавшаго вопроса о церковныхъ имуществахъ. Отецъ его Іоаннъ III отобралъ у Кириллова-бѣлозерскаго монастыря всѣ крѣпостные акты на принадлежащія ему земли, [1]) сынъ его Іоаннъ IV такъ точно поступилъ съ архіепископомъ новгородскимъ и всѣми новгородскими монастырями [2]), такъ поступить по отношенію ко всѣмъ церковнымъ имуществамъ приказалъ онъ касимовскому царевичу Симеону Бекбулатовичу, назначивъ его царемъ надъ земщиной [3]). Но смоленская каѳедра, отдавая свои жалованныя и уставныя грамоты, не могла оставаться безъ нихъ; вотъ и моментъ появленія въ Смоленскѣ съ уставныхъ грамотъ „противня слово въ слово", противня, принадлежащаго XVI в. и писаннаго западно-русскимъ письмомъ [4]). Къ сожалѣнію только, не смогъ архивъ Смоленской каѳедры сохранить въ цѣлости до нашего времени этотъ драгоцѣнный документъ; сохранили его намъ ужъ шведскіе архивы, куда онъ могъ попасть послѣ похода Карла Густава въ Польшу. Не такъ еще давно Поляки въ смутное для Московскаго государства время много пограбили русскаго добра и русскихъ сокровищъ; поплатился немало и городъ Смоленскъ своей казной и архивами: многое оттуда перешло въ Польшу къ любителямъ старины и цѣнностей. Но и

---

[1]) Акт. Ист., т. 1, № 163, стр. 299. „Били мнѣ (Іоанну IV Васильевичу) челомъ игуменъ Матѳей съ братьею, а сказываютъ:... грамоты деи данные и купчіе и мѣновые, при дѣдѣ моемъ Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Руси, въ казну взяты, а написаны деи у нихъ съ данныхъ грамотъ и съ купчихъ и съ мѣновыхъ противни слово въ слово въ книгахъ".

[2]) „В лѣта 7070 осмаго.. мѣсяца августа в 30, в среду, взялъ государь по манастыремъ грамоты к себѣ, к Москвѣ, жалованыи, по всѣмъ; и пришла грамота по всѣмъ монастыремъ, с Москвы, по грамоты, въ Великій Новгородъ, мѣсяца августа в 29 день, вторникъ, Истома Кудровъ да подьячей Михайла Граборъ с Москве". Новг. лѣт. по Архивск. списку, г. 1570, стр. 100.

[3]) G. Fletcher. La Russie au XVI siècle, стр. 126. „Or à la fin de l'année: il (Іоаннъ Васильевичъ) dit à ce nouveau roi (Симеону Бекбулатовичу) de se faire remettre toutes les chartes accordées aux évêchés et monastères, et qui leur profitaient depuis des siècles".

[4]) Доп. къ Акт. Ист., т. 1, № 4, стр. 8, примѣчаніе издателей. Подновленіе языка, вызванное требованіями современной рѣчи, не мѣшало противню быть таковымъ „слово въ слово", если не измѣненъ смыслъ словъ.

Шведы въ 1655 году, во время своего путешествія вдоль почти всей Польши, обстоятельно ознакомились съ польскими сокровищницами и архивами. Въ шведскихъ архивахъ уставныя грамоты отысканы членомъ-корреспондентомъ Археографической Коммиссіи, профессоромъ Гельсингфорсскаго Университета Соловьевымъ, во время путешествія его въ Швеціи въ 1833 году. Разсматривавшій по порученію Коммиссіи редакторъ Бередниковъ о части документовъ, пріобрѣтенныхъ или списанныхъ Соловьевымъ, заявилъ: „Русскіе акты (столбцы), пріобрѣтенные г. Соловьевымъ въ Швеціи, составляютъ, вѣроятно, малую часть бумагъ, принадлежавшихъ, въ началѣ XVII вѣка, Воеводскому смоленскому архиву и лагерямъ Тушинскому и Сапѣгину" [1]); въ числѣ разсмотрѣнныхъ Бередниковымъ актовъ была и уставная грамота Ростислава Мстиславича, а равно и грамота епископа Мануила [2]).

Промежутокъ времени отъ учрежденія епископіи (1137 годъ) до изданія уставныхъ грамотъ (1150 годъ) заставляетъ задаться вопросомъ, чѣмъ объяснить такую медлительность со стороны и князя, и епископа. И князь, и владыка въ своихъ грамотахъ выражаютъ опасеніе, чтобы кто-либо не вздумалъ поднять вопроса о соединеніи постарому смоленской и переяславской епископій въ одну [3]), не будь этой мысли у нихъ, пожалуй, мы не имѣли-бы этихъ документовъ. А историческій ходъ жизни того времени требуетъ сопоставить съ нимъ ихъ опасеніе и анаѳематствованія епископской грамоты ни въ коемъ случаѣ не принимать за обычную форму застращиванья на будущее время. Застращиванья направлены были къ отдѣльнымъ лицамъ и отдѣльнымъ событіямъ того времени, когда появилась уставная грамота.

Въ 1145 г. кіевскій митрополитъ Михаилъ, принимавшій участіе въ учрежденіи смоленской епископіи, о которомъ обѣ грамоты отзываются съ такимъ уваженіемъ, оставилъ митрополію. Дѣла ли всей константинопольской патріархіи, или личныя соображенія кіевскаго митрополита заставили его идти въ

---

[1]) Прот. засѣд. Арх. Ком., 1835–1840 гг., в. 1, стр. 382.

[2]) Ibidem, стр. 367.

[3]) Въ грамотѣ князя читаемъ: „паки ли приложить кто сію епископью опять къ Переясловстѣй епископьи, завистію"; въ грамотѣ епископа: „или епископъ который начнеть, несытствомъ, хотя ити въ Переяславль и сію епископью приложити къ Переяславлю, да буди ему клятва".

Константинополь, откуда онъ болѣе не возвращался, того мы не знаемъ; можемъ только сказать, что едвали побудили Михаила къ такому поступку какіе-то личные счеты съ великимъ княземъ кіевскимъ, какъ приходится часто слышать. Личные счеты не могли держать русскую церковь въ какой-то опалѣ въ теченіе двухъ лѣтъ: они парализованы были бы необходимостью далеко раньше. Митрополитъ Михаилъ, какъ представитель русской церкви, былъ скорѣе заинтересованъ смутами въ Константинополѣ, которыя то и задерживали его возвращеніе. Въ то время сочувствіе патріарха Косьмы Аттика (1146—1147) къ приверженцу богомильской ереси Нифонту, притомъ выражавшееся открыто всегда и вездѣ, привело къ низверженію его съ престола созваннымъ для того нарочито соборомъ; а патріаршество его преемника Николая Музалона (1147—1151) признавалось многими, согласно 2-му правилу Собора 879 года, недѣйствительнымъ, такъ какъ онъ согласился стать патріархомъ, отказавшись нѣсколько лѣтъ тому назадъ отъ управленія кипрской архіепископіей съ принятіемъ на себя монашескаго послушанія въ одномъ изъ столичныхъ монастырей [1]). Такъ ли, или иначе, однако митрополія кіевская оставалась два года безъ митрополита; стараго князя, при которомъ ушелъ въ Грецію Михаилъ, смѣнилъ братъ его Игорь Святославичъ, а его—князь изъ другой совсѣмъ и притомъ враждебной линіи Изяславъ Мстиславичъ. Послѣдній, не получая изъ Греціи митрополита, созвалъ въ Кіевѣ соборъ, которому и предоставилъ своими средствами рѣшить вопросъ, какъ быть съ кіевской митрополіей. Собравшіеся на соборъ епископы разрѣшили вопросъ въ томъ смыслѣ, что собственными средствами хиротонисали 27 Іюля 1147 года Климента смолятича въ митрополиты Кіеву и всей Руси. Противъ такого поступка раздались голоса неудовольствія: громче всѣхъ слышался голосъ новгородскаго епископа Нифонта, за нимъ извѣстнаго намъ Мануила, епископа смоленскаго, которые требовали отъ Климента идти въ Константинополь за патріаршимъ благословеніемъ. Въ виду неустройства и смутъ въ патріархіи естественно было бросить всякую мысль о путешествіи за благословеніемъ лица, занимающаго высокій постъ вопреки

---

[1]) А. Лебедевъ. Очерки Виз.-вост. церкви отъ конца XI до полов. XV в. Твор. св. отц. 1891 г, кн. 1, стр. 134—136; Исторія конст. соборовъ IX в, стр. 210–211

канонамъ церкви; тѣ-же епископы могли не признать вторично Климента за митрополита. Климентъ, выбирая изъ двухъ золъ меньшее, рѣшилъ выжидать пока, чѣмъ разрѣшится константинопольская смута. А враги не унимались: не давали они митрополиту заниматься дѣлами своей епархіи. Тогда послѣдній рѣшился заставить ихъ признать, если не санъ его, то по крайней мѣрѣ власть его; и дѣйствительно, при помощи великаго князя кіевскаго, стоявшаго на его сторонѣ, самый сильный по вліянію врагъ, епископъ Нифонтъ, угодилъ въ печерскій монастырь; дѣло было въ 1149 году [1]). Не такъ удачно шла борьба съ Мануиломъ: сторону послѣдняго принялъ мѣстный смоленскій князь, оказывавшій большое вліяніе на великаго князя кіевскаго Изяслава Мстиславича, своего родного брата. Климентъ сталъ въ весьма щекотливое положеніе. Между митрополитомъ и смоленскимъ княземъ Ростиславомъ поднялась переписка изъ-за епископа Мануила, который, имѣя въ лицѣ своего князя сильнаго защитника, по наивному замѣчанію лѣтописца, „бѣ бѣгалъ передъ Климентомъ“ [2]). На переписку такого характера указываетъ недавно изданное г. Лопаревымъ посланіе м. Климента къ смоленскому пресвитеру Ѳомѣ [3]). Велерѣчивыя посланія Климента, „книжника и философа, такъ яко же в Русской земли не бяшеть“, [4]) требовали отвѣта со стороны смоленскаго князя; отвѣтъ данъ былъ пресвитеромъ Ѳомой, человѣкомъ, по всей вѣроятности, хорошо знавшимъ кіевскаго митрополита и имѣвшимъ такимъ образомъ въ своихъ рукахъ средства поубавить у него спѣси и самомнѣнія книжнаго и философскаго. На посланіе Ѳомы дошелъ до нашего времени отвѣтъ Климента, который заявляетъ пресвитеру, что онъ де напрасно впутывается не въ свое дѣло. „Азъ писахъ отъ омира, и отъ аристотеля, и отъ платона, иже въ елиньскихъ нырѣхъ славнѣ бѣша. аще писахъ, нъ не к тебѣ, къ князу“ [5]). Однако посланіе пресвитера Ѳомы было столь серьезнаго характера, что содержаніе его должно было стать извѣстнымъ и великому князю Изяславу. „И тако с радостью, говоритъ митрополитъ въ своемъ отвѣтномъ посланіи, прочет предъ многыми послухіи, и предъ кня-

[1]) 1 Новг. лѣт., г. 1149, стр. 138.
[2]) Лѣт. по Ипат. сп., г. 1156, стр. 333.
[3]) Памятники древней письменности, XC.
[4]) Лѣт. по Ипат. сп., г. 1147, стр. 241.
[5]) Пам. древ. письм., XC, стр. 13.

земъ Изяславомъ тобою присланое" [1]). Эта переписка между Кіевомъ и Смоленскомъ, между митрополитомъ и княземъ, шла въ самый разгаръ борьбы обоихъ Мстиславичей Ростислава и Изяслава съ дядей Юріемъ суздальскимъ.

Съ занятіемъ подъ Изяславомъ Кіева Юріемъ Владимировичемъ, что было въ концѣ Августа 1149 года, борьба не прекращалась: старшій Мстиславичъ перенесъ ее на Волынь, гдѣ выставилъ противъ силъ дяди полки поляковъ и венгровъ; не видимъ только постояннаго союзника Ростислава, который измѣнилъ по какой-то причинѣ интересамъ своего брата. Но измѣна эта тяжело, видимо, отразилась и на собственныхъ его интересахъ; въ итогѣ борьбы получилось: смоленское княжество потерпѣло два опустошенія отъ союзниковъ Юрія, разъ отъ Святослава Ольговича [2]), другой отъ посланныхъ послѣднимъ половецкихъ наѣздовъ [3]). Да и самъ суздальскій князь не оставлялъ въ покоѣ области нелюбаго племянника Ростислава смоленскаго [4]). А между тѣмъ послѣдній на два года дѣлаетъ перерывъ съ тѣмъ, что бы въ уставной грамотѣ объявить о потерѣ своихъ владѣній: „Суждали Залѣсская дань, аже воротить Гюгри, а что будетъ въ ней, изъ того Святѣй Богородици десятина" [5]). Поведеніе Ростислава Мстиславича не можетъ быть объясняемо примиреніемъ съ дядей, такъ какъ о мирѣ не говорятъ намъ лѣтописи; вражда же съ дядей длилась вплоть до смерти послѣдняго, а новыхъ поводовъ къ началу ея, если бы состоялось примиреніе, тоже не знаемъ. Нельзя объяснять его и тѣмъ, что

---

[1]) Ibidem, стр.

[2]) Лѣт, по Ипат. сп., г. 1147, стр. 240. „Въ лѣто 6655. Иде Гюрги воевать Новгорочкой волости, и пришедъ взя Новый Торгъ и Мьсту всю взя; а ко Святославу присла Юрьи, повелѣ ему Смоленьскую волость воевати; и шедъ Святославъ и взя люди Голядь, верхъ Поротве, и тако ополонишася дружина Святославля".

[3]) Лѣт. по Ипат., г. 1147, стр. 242. „Святославъ же приде къ Дѣдославлю, и ту придоша к нему друзии Половцѣ, Токсобичи, и пристави к нимъ Судимира Кучебича и Горѣна, и посла я на Смолняны, и повоеваша верхъ Угры."

[4]) Татищ., т. II, г. 1148, стр. 332. „Юрій не престая области Мстиславичевъ сыновцевъ своихъ Смоленскую и Новгородскую разорялъ, не пріемля къ миру никакихъ справедливыхъ отъ нихъ представленій." Послы обоихъ братьевъ, когда тѣ вздумали тревожить суздальскую волость съ сѣверо-запада, гдѣ такъ сильно выражалось фактически неудовольствіе Юрія противъ племянниковъ, говорили отъ имени пославшихъ Юрію Владимировичу: „Отче и стрыю! Хотя ты намъ и нашимъ областямъ Новогородской и Смоленской многія обиды и разореніе учинилъ... и мы у тебя ничего не отняли, ниже какую бѣду учинили; и для того положили искать отмщенія и мира оружіемъ" (ibidem, стр. 334).

[5]) Доп. къ Акт. Истор., т. 1. № 4, стр. 6.

Изяславъ могъ не нуждаться въ это время въ помощи, такъ какъ въ полкахъ его видимъ и венгровъ, и ляховъ [1]). Не забудемъ, что помощь не дешево обошлась Изяславу; король венгерскій сперва „ему отречеся, рѣка ему: „ратенъ есмь съ царемъ“, и согласился только тогда, когда Изяславъ „опять посла послы своѣ въ Угры по королеви, и в Ляхы, и в Чехы, с дары великими и с честью“ [2]). Единственное объясненіе—происшедшій между братьями разладъ: узнаемъ про него изъ устъ старшаго брата Изяслава, когда онъ, изгнавъ Юрія изъ Кіева и прикрываясь именемъ дяди Вячеслава, велѣлъ сообщить брату о занятіи Кіева въ слѣдующихъ словахъ: „ты ми еси много понуживалъ, яко же положити честь на стръи своемъ и на отци своемъ; се же послѣ Богъ привелъ мя въ Рускую землю, и добылъ есмъ строя своего и твоего Киевѣ, тебе дѣля и всея дѣля Рускыя земля“ [3]). Разладъ очевиденъ: Ростиславъ только объяснялъ его происхожденіе тѣмъ, что братъ его Изяславъ неладно и неправо поступаетъ, занимая великокняжескій столъ при правахъ на послѣдній дяди Вячеслава туровскаго. Насколько искренни эта мотивировка, покажутъ намъ дальнѣйшія событія жизни Ростислава Мстиславича по смерти Изяслава. Молодшая братія 22 Декабря 1158 года захватила Кіевъ подъ Изяславомъ Давидовичемъ; великокняжескій столъ былъ предложенъ смоленскому князю Ростиславу. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ племянникъ послѣдняго Мстиславъ Изяславичъ. Ростиславъ Мстиславичъ прислалъ въ Кіевъ Ивана Ручечника и Якуна, которые говорили отъ имени своего князя: „оже мя въ правду зовете с любовию, то я всяко иду Киеву на свою волю, яко вы имѣти мя отцемъ собѣ въ правду и въ моемъ вы послушании ходити; а се вы являю: не хочю Клима у митропольи видити, не взялъ благословения отъ Святыя Софья и отъ патриарха“ [4]). Ростиславъ Мстиславичъ говоритъ словами епископовъ Мануила и Нифонта, главныхъ противниковъ Климента, митрополита кіевскаго; говоритъ тотъ самый Ростиславъ, къ которому писалъ посланіе митрополитъ Климентъ, при чемъ посланіе было проникнуто большимъ самомнѣніемъ [5]); говоритъ тотъ самый Рости-

[1]) Лѣт. по Ипат. сп., г. 1149, стр. 269.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem, г. 1152, стр. 292.

[4]) Лѣт. по Ипат. сп, г. 1159, стр. 344—345.

[5]) Указаніе на самомнѣніе, съ какимъ писано посланіе Климента, видно въ его же словахъ: „и речеши мін славишись пиша, филосоѳъ ся творя. а и прьвие

славъ, который съ конца 1149 года прекращаетъ сношенія съ своимъ старшимъ братомъ Изяславомъ и тѣмъ лишаетъ его поддержки вплоть до 1151 года, а между тѣмъ въ 1150 году 30 Сентября издаетъ уставную грамоту въ пользу смоленской епископіи, грамоту полную проклятій на голову того, кто станетъ дѣйствовать на пользу соединенія смоленскаго княжества съ переяславскимъ въ дѣлѣ церковнаго управленія.

Когда поднялась борьба между Климентомъ и его противниками, не признававшими его сана, сторону Мануила принялъ Ростиславъ Мстиславичъ, сторону же митрополита принялъ Изяславъ Мстиславичъ, между братьями произошло недоразумѣніе, одно обстоятельство; общій врагъ въ лицѣ дяди Юрія, не давалъ возможности разыграться зародившемуся чувству. А между тѣмъ Климентъ, не отличившійся уступчивостью и мягкостью характера, продолжалъ свое дѣло, слѣдствіемъ котораго было бѣганіе передъ нимъ Мануила, епископа смоленскаго, и заключеніе въ печерскій монастырь Нифонта новгородскаго. Упорное преслѣдованіе со стороны митрополита заронило въ сознаніе противниковъ мысль объ уничтоженіи вновь учрежденной смоленской епископіи. Только внѣшнія дѣла удерживали Ростислава Мстиславича подумать о своемъ дѣтищѣ; но минута настала. 23 Августа 1149 года оба брата потерпѣли сильное пораженіе отъ дяди на поляхъ Янцина; Ростиславъ, не видя поддержки въ населеніи, рѣшилъ бросить дѣло брата и заняться дѣлами своего княжества. Отношенія Ростислава къ Юрію были весьма остраго характера, и ожидать какой-нибудь уступки въ пользу его интересовъ не было у смоленскаго князя никакой надежды. Ростислава тревожила мысль, какъ посмотритъ на существованіе смоленской епархіи новый великій князь Юрій Владиміровичъ; а смотрѣть онъ долженъ былъ не глазами смоленскаго князя и смоленскаго края. Тогда то Ростиславъ Мстиславичъ совмѣстно съ епископомъ Мануиломъ рѣшили издать уставныя грамоты въ пользу смоленской епископіи, замѣчая, что все, что написуется, идетъ въ пользу только самостоятельныхъ смоленскихъ епископовъ. „Паки ли приложить кто сію епископью опять къ Переясловстѣй епископьи, завистію, переступя слово святаго митрополита Русскаго Михаила, и разрушить сію епископью

самся облечаешія егда к тобѣ што писахъ. нъ ни писахъ, ни писати имамъ. а речеші мін. философься пишешін а то велми криво пишешія“. стр. 13.

Смоленскую: то князь отъиметь свое опять, еже былъ уставилъ епископу пристроивати Святѣй Богородици; дажь кто разрушить сей замыслъ святаго отца моего Мьстислава и митрополита Русскаго Михаила“ [1]). Такимъ образомъ, гнетущая мысль, что великій князь въ сообществѣ съ митрополитомъ кіевскимъ можетъ уничтожить епископію, зародившаяся еще во времена великаго князя кіевскаго Изяслава Мстиславичас, съ занятіемъ Кіева Юріемъ, врагомъ смоленскаго князя, заставило послѣдняго подумать объ актѣ въ пользу учрежденной имъ епископской каѳедры. Осуществилась эта мысль въ уставной грамотѣ, данной 30 Сентября 1150 года.

Источниками доходовъ смоленской каѳедры заботливый князь назначаетъ десятину съ княжескихъ доходовъ, епископскій судъ съ денежными пенями, дарованныя имъ же въ собственность епископіи села и угодья и доходы отъ рукъ церковныхъ людей. Затѣмъ въ качествѣ спеціальнаго приношенія „на посвѣтъ Святѣй Богородици“ даритъ „осмъ капій воску и на горѣ огородъ, съ капустникомъ и съ женою и с дѣтми, за рѣкою тетеревникъ съ женою и съ дѣтми“ [2]). Десятина, епископскій судъ и церковные люди, повидимому, нисколько не отличаютъ уставной грамоты отъ церковныхъ уставовъ. „Создахъ церковь Святыя Богородица, говорилъ одинъ изъ нихъ, и дахъ на десятину... отъ всего княжа соуда десятую вѣкшю. а ис торгоу десятоую недѣлю. а из домовъ на всяко лѣто отъ всякого стада. и отъ всякого жита. чюдному спасу. и чюднѣи его матери... далъ есмь ты соуды церквамъ. митрополитоу и всѣмъ пискоупиямъ по роуськои землі. А посемь не надобѣ вьстоупатися... ни в люди церковнѣ ни во всѣ соуды ихъ. то все далъ есмь“ [3]). Однако Ростиславъ Мстиславичъ мало повторяетъ уставы Владимира и Ярослава, и его грамота есть большой шагъ въ области русскаго церковнаго права. Тогда какъ уставъ Владимира занимается опредѣленіемъ всего того, что носитъ на себѣ имя церковнаго, а уставъ Ярослава распредѣляетъ размѣры пени съ суда въ пользу епископа; уставная грамота Ростислава Мстиславича пытается самымъ точнымъ образомъ указать всѣ тѣ источники, которые имѣютъ дать средства къ содержанію

---

[1]) Доп. къ Акт. Истор., т. 1, № 4, стр. 7.
[2]) Доп. къ Акт. Истор., т. 1, № 4, стр. 7.
[3]) Доп. ка Акт. Истор., т. 1, № 1, стр. 1

епископа съ его клиромъ, причемъ основное ея правило—исключеніе десятины съ тѣхъ княжескихъ доходовъ, которые носятъ на себѣ отпечатокъ случайности, какъ то: виры, продажи и полюдья. „И се даю Святѣй Богородици и епископу десятину отъ всѣхъ даней смоленскихъ, что ся въ нихъ сходитъ истыхъ купъ, кромѣ продажи, и кромѣ виры и кромѣ полюдья“ [1]). Умень-

[1]) За предлогомъ *кромѣ* признаемъ характеръ исключающій, а не присоединяющій, на основаніи слѣдующихъ словъ грамоты: „На Путтинѣ присно платятъ четыре гривны, Бѣ. ницы 2 гривны, коромити полпяты гривны, Дѣдичи и дань и вири 15 гривенъ, гость 7 гривенъ, а изъ того святѣй Богородици и епископу три гривны безъ семи ногатъ“. Княжескій доходъ съ названныхъ поселеній равнялся $32^1/_2$ гривны; епископу такимъ образомъ шло бы въ качествѣ десятины $3^1/_4$ гривны, на самомъ же дѣлѣ десятина опредѣлена въ 3 гривны безъ 7 ногатъ. Не страшась подобно Казанскому этого мѣста до такой степени, чтобы думать, что „подобныя описки или опечатки могутъ лишить даже возможности составить точное понятіе о древней русской монетной системѣ“ (Зап. Имп. Археог. Общ, т. III, стр. 103), Прозоровскій отнимаетъ отъ княжеской дани, т. е. отъ $32^1/_2$ гривенъ виру съ Дѣдичей въ размѣрѣ виры за рану свободнаго человѣка по договору. Мстислава Давидовича съ нѣмцами 1229 года, а именно 6 гривенъ, и получаетъ $26^1/_2$ гривенъ, 10% съ каковыхъ равняется $2^{13}/_{20}$, или „три гривны безъ семи ногатъ“. (Зап. Импер. Археог. Общ., т. XII, стр. 528—529). Однако столь наглядный примѣръ не покончилъ навсегда съ мнѣніемъ, что вира, продажа и полюдье оставлены были Ростиславомъ Мстиславичемъ въ качествѣ источниковъ епископскаго содержанія. „Десятина съ этихъ пошлинъ (судебныхъ) не исключается, а только остается безъ опредѣленія по ихъ непостоянству, въ противоположность другимъ данямъ, которыя были постоянными, истыми, и потому опредѣляются въ грамотѣ во всей подробности и точности“, такъ думаетъ Мысовскій (Прав. Собес; 1863, ч. 2, стр. 66). Въ основаніи его мнѣнія лежитъ извѣстное уже намъ мѣсто уставной грамоты, прибавлено еще два указанія оттуда же. „На Копысѣ полюдья четыре гривны, а перевоза четыре гривны, а торговаго 4 гривны, в корьчмити невѣдомо, по что ся сойдетъ, изъ того десятина Святѣй Богородици.... Въ Лучинѣ полюдья.:. гривны, а мито и корчмити невѣдомо. но что ся снидетъ, изъ того епископу десятина“. Но если о Копысѣ и Лучинѣ сказано, что съ нихъ шло полюдье въ пользу князя, то изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы съ него шла десятина и епископу; а разъ не указанъ размѣръ десятины, не имѣемъ права утверждать, что епископы получали десятую часть съ полюдья. Примѣръ видѣли на Дѣдичахъ, которые, по грамотѣ, платили виру князю, однако послѣдній не давалъ съ нея десятины епископу. Не годится ссылаться на уставъ Владимира, дающаго „отъ всего княжа соуда десятоую вѣкшю“, потому что мы уже сказали, что Ростиславова грамота представляетъ большой шагъ впередъ. Не годится ссылаться ни на уставную грамоту Всеволода Мстиславича новгородскому Юрьеву Монастырю: „отдати боуицѣ святомоу георгиеви съ данию и съ вирами и съ продажами, а язъ далъ роукою своею и осеньнее полюдное даровьное полъ третия десять гривьнъ святомоу же георгиеви“ (Доп. къ Акт. Ист. т. 1, № 1, стр. 1: Срезневскій, Изв. 2 Отд. Акад. Наук., т. VIII, стр. 339); ни на уставную грамоту Святослава Ольговича отъ 1137 года, данную новгородскому Софійскому Собору: „нужа же бяше пискупу, нужа же князю въ томъ въ десятой части Божіи. Того дѣля уставилъ есмь Св. Софьи атъ емлетъ пискупъ за десятину отъ виръ и продажъ 100 гривенъ новыхъ купъ“ (Рус. Дост. т. 1, стр.

шеніе преступленій пагубно отражалось на благосостояніи церкви, представителямъ которой приходилось чуть ли не подымать жалобы противъ улучшенія нравственности; къ такимъ безнравственнымъ результатамъ приводила судебная десятина. Духовенство при уменьшеніи преступленій, за чѣмъ слѣдовало уменьшеніе виръ и продажъ, а равно при уменьшеніи числа народонаселенія, съ которымъ связанъ былъ размѣръ полюдья, могло становиться въ непріязненныя отношенія къ свѣтской власти, требуя средствъ отъ послѣдней для своего существованія. Зло было слѣдствіемъ установленій Владимирова и Ярославова законодательства. Ростиславъ Мстиславичъ, избѣгая такихъ неудобствъ, предлагаетъ въ распоряженіе епископа десятину съ тѣхъ доходовъ, которые приведены были къ опредѣленной цыфрѣ. А такими доходами скорѣе всего могли быть доходы съ земли, объемъ которой оставался всегда неподвижнымъ. Но не всѣ населенныя мѣстности исключительно давали доходъ населенію воздѣлываніемъ земли, стеченіе обстоятельствъ принуждало искать средствъ жизни въ тѣхъ благахъ, какія давала природа, т. е. въ промышленности и торговлѣ. Послѣдній родъ доходовъ, особенно торговля, оставался всегда неопредѣленнымъ и случайнымъ, и Ростиславъ Мстиславичъ, не желая лишить епископа десятины съ незначительныхъ и неопредѣленныхъ пока доходовъ, отдаетъ епископу десятую ихъ часть; ничтожная цыфра этихъ доходовъ давала нѣкоторую увѣренность, что этотъ видъ доходовъ не будетъ служить впослѣдствіи предметомъ недоразумѣній.

Десятина съ доходовъ, какіе давала земля, шла въ двоякомъ видѣ: въ видѣ дани съ земель въ волостяхъ и урока съ земель подъ городской чертой. Размѣръ первой десятины былъ 287 гривенъ [1]), доходы съ городской черты въ видѣ урока давали въ епископскую казну въ общемъ итогѣ 73 гривны 10 ногатъ кунами, да двѣ лисицы натурой.

---

82). Обѣ современницы уставной грамоты Ростислава Мстиславича не даютъ десятины съ полюдья, виръ и продажъ; онѣ постарались замѣнить ее разъ навсегда опредѣленной цифрой: первая взамѣнъ десятины съ полюдья назначаетъ 25 гривенъ, вторая взамѣнъ десятины съ виры и продажи назначаетъ 100 гривенъ новыхъ купъ,

[1]) Верживляне Великіе—80 гривенъ, Врочницы—20 гр. Торопецъ—40 гр. Жижецъ—13 гр., Каспля—10 гр, Хотшинъ—20 гр., Жибачевъ—20 гр., Водосовичи (въ текстѣ Вото.овичи)—10 гр., Шуйская (въ текстѣ Шуйспая)—8 гр., Дешняне—3 гр., Ветская—4 гр., Былецъ—2 гр., Бортницы—4 гр., Витринъ—3 гр. Жидчичи—1 гр., Басѣя—1½ гр., Мирятичи—1 гр., Добрятинъ—3 гр., Доброч-

Не всѣ мѣстности платили дань или урокъ; гдѣ источникомъ доходовъ служила не земля, а промыселъ и связанная съ нимъ торговля, съ тѣхъ мѣстностей назначилъ Ростиславъ Мстиславовичъ десятину съ пошлинъ за право торговли и промысловъ. Такой десятины, точно опредѣленной уставною грамотой, было двадцать двѣ гривны безъ ногаты: десять гривенъ передмѣра, да столько же гривенъ на истужникахъ, шли онѣ съ мѣстности, носившей названіе Вержавлянъ Великихъ, за право торговли и промысла; четырнадцать ногатъ съ Дѣдичей и 16

ковъ—2 гр., Бобровничцы—1 гр., Дѣдогоетичи—1 гр, Зарубъ—3 гр, Женця-Великая—20 гр., Пацинъ—3 гр., Солодовницы 2 гр., Путтинъ—$^{2}/_{5}$ гр., Бѣницы—$^{1}/_{5}$ гр., Дѣдичи—$^{9}/_{10}$ гр., Прупой—1 гр., Кречютъ—1 гр., Нокона—4 гр., Верживенъ городъ—3 гр., Лодейници—1 гр., Дань съ Путтина въ размѣрѣ 4 гривенъ принимаемъ за подать земельную, равно какъ 9 гривенъ съ Дѣдичей; платившихъ 15 гривенъ дани и виры; шесть гривенъ, соглашаясь съ убѣдительными доказательствами Прозоровскаго (Монета и вѣсъ въ Рос. до конц. XVIII ст., Зап. Археол. Общ., т. XII, стр. 528—529) и проф. Мрочка—Дроздовскаго (Опытъ изслѣд. источн. по вопр. и деньг. Рус. Правды, Уч. Зап. Имп. Моск. Унив., отд. юридич., в. 2-й 1881 г., стр. 114—115) считаемъ вирой.

Мстиславль давалъ 6 гривенъ, Крупль—1 гр., Вержавскъ—2 гр., Копысъ—6 гр., и 2 лисицы, Пацинъ—$1^{1}/_{2}$ гр., Лучинъ—3 гр., Ростиславль—3 гр., Ельня—3 гр., Торопецъ—40 гр, Жижецъ—5 гр. и Дорогобужъ—3 гр. Урокъ входилъ въ качествѣ составной части въ одну общую дань—погородье, раздѣлявшееся на урокъ и почестье. Въ текстѣ грамоты пропускаются то слово урокъ, то слово почестье: одни мѣста не представляютъ никакихъ затрудненій при чтеніи, въ другихъ пропускъ этихъ словъ отразился и притомъ замѣтнымъ образомъ на пониманіи ихъ. Выписываемъ всю третью грамоту, которая говоритъ о погородьѣ, при чемъ скобками отмѣчаемъ пропущенныя по нашему мнѣнію, слова „А се погородіе отъ Мстиславля 6 гривенъ урока, а почестья гривна и три лисици, а се отъ крупля гривна урока, а (*почестья*) пять ногатъ за лисицу; а се отъ Вержавска двѣ гривнѣ урока, а (*почестья*) за три лисицы 40 купъ безъ ногаты: а се отъ Копысы 6 гривенъ урока и двѣ лисици, а почестья 35 купъ; а се отъ Пацыня урока полторы гривны, а (*почестья*) за двѣ лисици 22 кунѣ; а отъ Лучина три гривны урока, и (*почестья*) двѣ лисици и осетръ; а се отъ Ростиславля три гривны (*урока*), а почестья гривна и четыри лисици: а отъ Елны урока три гривны и (*почестья*) лисица: а Изяславля..., а у Торопчи урока 40 гривенъ и (*почестья*) 15 лисицъ и 10 черныхъ кунъ, неводъ, трезубица (тре...ица въ текстѣ), бредникъ, трои сани рыбы, полавачникъ, двѣ скатерги, три убрусы, берковескъ меду; а се въ Жижци пять гривенъ (*урока*), а почестья гривна и лисица; а у Дорогобужи три гривны (*урока*), (въ текстѣ читается три гоны коротки), а почестья гривна, а пять лисицъ“. (Доп. къ Акт. Истор., т. I, № 4, стр. 8). Вопросъ что опредѣляется въ третьей грамотѣ, десятинами епископу, или истыя куны княжескихъ доходовъ, рѣшаемъ въ первомъ смыслѣ, опираясь на незначительность цыфры всего погородья съ перечисленныхъ городовъ. Одинъ только Торопецъ платился большимъ погородьемъ: однѣхъ кунъ вносилъ онъ въ такомъ случаѣ 400 гривенъ; но значительная цыфра при его значеніи, какъ центра земельнаго и торговаго, не должна смущать изслѣдователя.

ногатъ съ Копыса, да девять ногатъ съ Бѣницъ корчемныхъ пошлинъ [1]). Размѣръ торговыхъ пошлинъ точно опредѣленъ былъ не со всѣхъ мѣстностей; въ послѣднемъ случаѣ уставная грамота, заявляя, что той или иной дани „не вѣдати" или „невѣдомо", всегда прибавляетъ: „а что ся сойдетъ, изъ того Святѣй Богородицы и епископу десятина. Такими неопредѣленными по размѣрамъ данями была гостинная дань въ Пацинѣ и Оболви, корчемная въ Копысѣ, Прупоѣ и Лучинѣ и мыто въ томъ же Лучинѣ [2]).

Назначена была еще десятина съ княжескихъ рыбныхъ промысловъ и при томъ натурой въ Торопцѣ и Жижцѣ [3]), а также десятина съ почестья, цыфра которой частью точно указана въ кунахъ, частью натурой, что оставалось условнымъ, для нашего же времени осталось неизвѣстнымъ при неопредѣленности цѣнъ. Въ пользу епископіи шло почестья 7 гривенъ, 4 ногаты, 22 куны, да натурой 33 лисицы, осетеръ, 10 черныхъ куницъ, неводъ, тригубица, бредникъ, трое саней рыбы, полавочникъ, двѣ скатерти, три убруса и берковецъ меду [4]).

---

[1]) У Вержавлянѣхъ у Великихъ 9 погостъ,... а въ тыхъ погостехъ сходится... передмѣра сто гривенъ, а на истужницѣхъ сто гривенъ... Бѣ. ницы... корчмити полпяты гривны, Дѣдичи... гость 7 гривенъ..., на Копысѣ . перевоза 4 гривны, а торговаго 4 гривны". Въ области сборовъ и налоговъ, существовавшихъ въ древнерусской практикѣ, нѣтъ названія передмѣръ, существовали только близкія по корню понятія: помѣрное, помѣръ, чѣмъ называлась пошлина съ мѣримыхъ товаровъ. (Д. Толстой, Ист. финанс. учрежд., стр. 83), съ ними и сопоставляемъ передмѣръ. Для уясненія значенія слова „истужницы" можетъ служить употребляемое въ Смоленской губерніи слово истошникъ въ значеніи охотникъ до чего, искусникъ „Пѣть она великая истошница", говорятъ про деревенскую пѣвицу.

[2]) „Въ Пацинѣ... въ гостинней дани невѣдомо, ачто ся сойдетъ, изъ того Святѣй Богородицы и епископу десятина;.. на Копысѣ... корчмити невѣдомо, но что ся сойдетъ изъ того десятина Святѣй Богородици; на Прупои... въ корчмитѣхъ не вѣдати, но что ся сойдеть, изъ того десятина Святѣи Богородицы,... въ Лучинѣ... мыти и кормити невѣдомо, но что ся снидетъ, изъ того епископу десятина, во Оболви гостинная дань, и что ся въ ней снидется, изъ того Святѣй Богородици и епископу десятина".

[3]) „И се даю изъ Торопча отъ всѣхъ рыбъ, иже идетъ ко мнѣ, десятину Святѣй Богородици и епископу;.. жизця (изъ Жижця) такоже отъ всѣхъ рыбъ, иже идетъ ко мнѣ, десятину Святѣй Богородици и епископу„.

[4]) Мстиславль давалъ кунами—1 гривну, натурой—3 лисицы, Круплъ—5 ногатъ, Вержавскъ—10 кунъ безъ ногаты, Копысъ—35 кунъ, Пацинъ—22 куны, Лучинъ—натурой двѣ лисицы и осетръ, Ростиславль кунами—1 гривну, натурой—4 лисицы, Ельня—натурой лисицу, Торопецъ—натурой 15 лисицъ, 10 черныхъ куницъ, неводъ, тригубицу, бредникъ, трое саней рыбы, полавочникъ, двѣ скатерти три убруса, берковецъ меду. Жижецъ—кунами одну гривну, натурой лисицу, Дорогобужъ—кунами гривну, натурой 5 лисицъ. Въ основѣ понятія почестья лежитъ понятіе о почести, о почетныхъ дарахъ князю. Что касается не прочитаннаго из-

Вторымъ источникомъ содержанія епископіи, епископа и клира назвали мы пошлины съ тяжбъ, рѣшавшихся судомъ епископа. „А тяжъ епископлихъ не судити никому же, судитъ ихъ самъ епископъ: первая тяжа роспустъ; другая тяжа ажъ водитъ кто двѣ жонѣ, третья тяжа аще кто поимется чрезъ законъ; а четвертая уволочская, ажъ уволочетъ кто дѣвку, што возметъ князь, съ епископомъ наполы, или посадникъ что возметъ свои тяжи, то съ епископомъ наполы; а пятое ажъ ту женку, то епископу; шестая вопросъ, а то епископу, зелья и душегубства тяжа епископля; семая ажъ бьетася двѣ женѣ, то епископля тяжа; ажъ церковный человѣкъ дойдетъ чего, то своему епископу; девятая ажъ кого Богъ отведетъ церковныхъ людей, а не будетъ зла ничего церкви“ [1]). Суду епископа должны были подлежать преступленія противъ святости брака, а именно: противозаконное вступленіе въ бракъ [2]), нарушеніе обязанностей супружества [3]) и расторженіе брака, если причина расторженія его ле-

---

дателями слова тре...ица, что шло въ качествѣ почестья съ Торопци, предлагаемъ читать тригубица, что по бѣлорусски означаетъ: „трезубецъ, орудіе, состоящее изъ жерди, на концѣ которой прикрѣплена желѣзная гребенка о трехъ зубахъ для убиванія рыбы. Иначе называется восци“. Носовичъ, словарь бѣлорусск. нарѣчія стр. 639.

[1]) Доп. къ Акт. Ист. т. 1, № 4, стр. 7.

[2]) „Третьяя тяжа аще кто поимется черезъ законъ“. Въ уставѣ Владимира этой статьѣ можетъ соотвѣтствовать только: „въ племени или сватьствѣ поимуться“. (Доп. къ Акт. Ист., т. I. № 1, стр. 1). А уставъ Ярослава читаетъ ее въ такихъ словахъ: „аще ближній родъ поймется, епископу 80 гривенъ, а ихъ разлучити, а епитимью да примутъ“. (Голубинскій, Истор. рус. церкви, т. I, ч. I, стр. 510).

„А четвертая уволочская, ажъ уволочетъ кто дѣвку, што возметъ князь, съ епископомъ наполы, или посадникъ что возметъ свои тяжи, то съ епископомъ наполы“. Въ уставѣ Владимира находимъ соотвѣтствіе въ словахъ: „А се церковніи суди:... умычка“. Уставъ Ярослава передаетъ это законоположеніе слѣдующими словами: „аще кто умчитъ дѣвку..., а на умычьницѣхъ по 60 ногатъ митрополиту, а князь ихъ казнитъ“.

[3]) „Другая тяжа ажъ водитъ кто двѣ жонѣ“. Уставъ Ярослава выражаетъ эту мысль такимъ образомъ; „аще кто иметъ двѣ женѣ водить, митрополиту 20 гривенъ, а которая подлегла, тую пояти въ домъ церковный, а первую жену дръжати и водити по закону; а иметь ю лихо водити и держати, казнію казнити“. Статья устава Ярослава указываетъ, какъ должно поступать съ нарушителемъ таинства брака и его соучастницами; тѣмъ она намъ ясно говоритъ, что вторая статья уставной грамоты Ростислава Мстиславича является передъ нами или въ испорченномъ видѣ, или слѣдуетъ искать пополненія ея въ какой-либо новой статьѣ. И дѣйствительно такъ кстати сближается съ нею статья этой же грамоты, которая постоянно обходится молчаніемъ или удостоивалась замѣтки, бѣгло брошенной, что здѣсь

жить въ волѣ, одной ли стороны, или въ волѣ обѣихъ сторонъ [1]). Подлежали суду епископа преступленія, ближе всего касавшіяся церкви, а именно преступленія противъ вѣры, каковыми въ тѣ времена считалось чародѣйство, связанное, по мнѣнію людей того времени, съ дѣйствіемъ нечистой силы и имѣвшее конечною цѣлью вредъ вѣрнымъ и тѣлесный, и душевный [2]). Личность женщины оставлена была уставной грамотой подъ покровительствомъ церкви; поэтому отдаются на судъ епископа оскорбленія лич-

пропускъ: „а пятое ажъ ту женку, то епископу". Но въ данномъ случаѣ нѣтъ мѣста пропуску, нѣтъ, слѣдовательно, надобности дѣлать вставки (Мысовскій, Прав. Соб, 1863 г., кн. 2, стр. 71, вставляетъ слова: „кто пошибаетъ"); нѣтъ порчи, нѣтъ, слѣдовательно, надобности обходить эти слова молчаніемъ (Голубинскій Ист. Рус. Церкви. т. I, ч. I, стр. 354). Статья указательнымъ мѣстоименіемъ „*ту*—женку" наводитъ на мысль считать, что разъясненія пятой статьи слѣдуетъ искать въ статьяхъ, предшествующихъ ей; и что онѣ однѣ могутъ сказать, какую то „ту женку" надо видѣть. Во второй статьѣ грамота говоритъ о двоеженствѣ, въ третьей о противозаконномъ бракѣ, въ четвертой—о новомъ видѣ незаконнаго брака, не освященнаго церковью. Во всѣхъ этихъ случаяхъ каноническое право назначаетъ нынѣ, назначало и прежде насильное расторженіе такого незаконнаго брака, подвергая виновныхъ нынѣ епитиміи, въ древности епитиміи и штрафамъ. Такимъ образомъ пятая статья: „а пятое ажъ ту женку, то епископу", указываетъ, какъ надо поступать съ нарушительницей святости брака, а именно отдаетъ ее, нарушительницу по второй, третьей и четвертой статьямъ, епископу, въ домъ церковный, какъ говоритъ уставъ Ярослава, и дѣлаетъ тѣмъ ее церковнымъ человѣкомъ.

[1]) „Первая тяжа роспустъ". Уставъ Владиміра точно также, какъ и уставная грамота Ростислава Мстиславича, начинаетъ этимъ опредѣленіе объема епископскаго суда. „А се церковни соуди. рѡспоустъ". Уставъ Ярослава такъ передаетъ смыслъ этого законоположенія: „аще же пустить бояринъ жену..., а митрополиту 5 гривенъ золота..., а князь ихъ казнитъ".

[2]) „Шестая вопросъ, а то епископу, зелья и душегубство тяжа епископля". Уставъ Владиміра нѣсколько шире развиваетъ эту мысль: „Вѣдьство, зелейничество, потвори чародѣянія, вълхванія". Уставъ Ярослава передаетъ это въ слѣдующихъ словахъ: „аще жена будетъ чародѣйница, или наузница, или вълъхва, или зелейница, или мужь, доличивъ, казнить ю, а не лишиться митрополиту 6 гривенъ" Вопросъ и глаголъ вопрошати специальныя слова изъ области волхованія. „Бѣ бо прежде въпрошалъ (Олегъ) волъхвовъ кудесникъ". (Лѣт. по Ипат. сп., г. 912, стр. 23). Зелейничество, какъ преступленіе противъ вѣры, объясняетъ и современный взглядъ на народную медицину. Обставляемая таинственностью и до сихъ поръ считается дѣломъ, занятіе которымъ требуетъ сношенія съ нечистой силой. И до сихъ поръ колдуновъ, которые и есть представители народной медицины, основанной на прекрасномъ знакомствѣ со свойствами травъ, зелій, считаютъ не только простой народъ, но и люди просвѣщенные, закоснѣлыми врагами церкви и христіанства, что правду сказать, первые и сами стараются поддерживать во мнѣніи народа. Душегубство—смерть—погубленіе души и тѣла, въ такомъ смыслѣ даетъ намъ это слово языкъ русскій.

ности женщины и притомъ женщиной [1]). Наконецъ, суду епископа подлежали дѣла, возникавшія между людьми церковными [2]).

Доходъ съ этого источника, т. е. съ суда церковнаго, естественно былъ непостояненъ, подвергался случайностямъ; нѣтъ никакихъ средствъ для провѣрки того числа гривенъ, какое должно было идти, согласно и каноническимъ установленіямъ и волѣ завѣщателя, на поддержку благосостоянія епископа, клира и собора. Такъ какъ не указаны размѣры пени за преступленія, надо полагать, что уставная грамота не измѣняетъ въ этомъ случаѣ уставу Ярослава, который тщательнымъ образомъ указалъ размѣры пени за всѣ преступленія.

Третьимъ источникомъ доходовъ епископа и церкви—были земли и рыбныя ловли. Уже переяславскимъ епископамъ за ихъ труды и заботы о смоленской паствѣ Владимиръ Мономахъ далъ городъ Холмъ съ его доходами; переяславскіе епископы съ учрежденіемъ самостоятельной смоленской епископіи должны были передать свое право на него смоленскимъ, что и закрѣпляетъ за послѣдними уставная грамота. „И се и еще и Холмъ даю Святѣй Богородици и епископу, яко же дано дѣдомъ моимъ Володимеромъ Семеонови преже епископу, строить нарядъ церковный и утверженье". Вновь даны два села: Дросенское и Ясенское [3]). Затѣмъ въ Погоновичахъ

[1]) „Семая бьетася двѣ женѣ, то епископля тяжа". Устав Ярослава читаетъ: „аже біются женки межъ себе, на виноватой святителю 60 кунъ". Какая тутъ кроется причина—отдавать дѣла между женщинами на судъ церковный, остается пока достояніемъ людей, пытающихся объяснять при помощи догадокъ, которыя при томъ крайне неестественны. (Голубинскій, Ист. Рус. Церкви, т. I, г. I, стр. 354).

[2]) „Ажъ церковный человѣкъ дойдетъ чего, то своему епископу; девятая ажъ кого Богъ отведетъ церковныхъ людей, и не будетъ зла ничего церкви". Уставъ Владимира говоритъ: „митрополитъ или пискупъ вѣдаетъ межи ими судъ, или обида, или котора, или вражда, или задница". Уставъ Ярослава повелѣваетъ: „а что ся дѣеть въ монастырьскихъ людехъ, и въ церковныхъ, и въ самѣхъ монастырехъ, да не вступается князь, ни волостель въ тое; то да вѣдаютъ митрополичи волостели; в безадщина ихъ поидетъ по волостелю митрополичю". Девятая статья говоритъ о выморочномъ наслѣдствѣ, „отведетъ" въ этомъ случаѣ переводимъ словомъ возьметъ. Со смертью церковнаго человѣка церковь и ея представители не должны нести никакого ущерба въ своихъ доходахъ и средствахъ. Нѣтъ надобности поэтому думать и даже говорить, что въ уставной грамотѣ Ростислава Мстиславича „всего замѣтнѣе отсутствіе постановленія о правѣ церкви судить тяжебныя дѣла по наслѣдству". (Мысовскій, Прав. Собесѣд., 1863 г., кн. 2, стр. 71).

[3]) По смоленско-рославльскому шоссею по правую его сторону въ 5 верстахъ отъ Смоленска и по лѣвую въ 7 верстахъ отъ Смоленска по ручью Дресенкѣ лежатъ двѣ деревни Дресны или Дресенки. (Списки насел. мѣстъ Смол. губ., № 698 и 786). По этому ручью и слѣдуетъ искать остатковъ села Дросенскаго, если толь-

дана земля Мойшинская [1]), и въ Сверковыхъ Лукахъ луга съ уѣздомъ княжимъ [2]). Въ самомъ Смоленскѣ отведенъ былъ княжескій огородъ вмѣстѣ съ сидѣвшимъ на немъ капустникомъ, а на другомъ берегу Днѣпра, т. е. на правомъ, подаренъ былъ въ собственность каѳедры тетеревникъ съ семьей [3]). Наконецъ, уставная грамота утвердила за епископіей озера Немикорскія и Колодарское [4]).

Въ четвертыхъ, немалый доходъ доставляли смоленской епископіи и церковные люди. „А се даю Святѣй Богородици и

ко оно не совпадаетъ съ дачей архіерейскаго дома. Между краснинской дорогой и р. Днѣпромъ слѣдуетъ искать село Ясенское, точнѣе на ручьѣ Ясеной. Вблизи Смоленска списки населенныхъ мѣстъ Смоленской губерніи указываютъ съ такимъ названіемъ двѣ деревни (№№ 323 и 324), небольшое сельцо (№ 205) и фольварокъ Ясеной или Булговку (206).

[1]) Погоновичи и Мойшинскую землю слѣдуетъ искать по р. Погоновкѣ, при которой указываютъ двѣ деревни съ названіемъ Погоново (Списки нас. мѣстъ Смол. губ. №№ 7944 и 7945), отстоятъ онѣ отъ уѣзднаго города Краснаго въ 40 в. по старокіевскому почтовому тракту. О Погоновичахъ идутъ споры у смоленскихъ епископовъ съ другими лицами въ XV в. Король польскій Казимиръ говоритъ въ судной грамотѣ, данной королевскому писарю Васькѣ Басѣ: „Смотрѣли есмо съ паны радою нашою: присылалъ до насъ владыко Смоленскій Якимъ маршалка своего Богдана Олтуфьевича, жалуючися на писара нашого на Васька Басу, што дали есмо ему селище Богдановое Свирунича Настасьи, на имя Погоновичи, по ее животѣ; прислалъ владыко къ намъ привилье тое Богдановое, што жъ она того селца... записала церкви Божьей у Смоленьску". Акт. Запад. Рус., т. I, № 70, стр. 86.

[2]) Нынѣ село Сверколучье дорогобужскаго уѣзда, лежащее при Днѣпрѣ въ 36 верстахъ отъ уѣзднаго города. (Списки насел. мѣстъ Смол. губ № 5106). Для опредѣленія мѣстоположенія Сверковыхъ Лукъ оказываетъ большую услугу описаніе путешествія великой княжны Елены Ивановны въ Литву: „Въ лѣто 7003 пошла съ Москвы великая княжна въ вторникъ, въ той же день по крещеніи... А первой насдѣгъ въ Луцкомъ.. 10) въ городѣ въ Литовскомъ въ Дорогобужѣ. 11) на Сверковѣ Лукѣ, въ монастырѣ церковь Рождество Пречистыя, 12) день пришла великая княжна въ Смоленскъ". Обратный путь бояръ, провожавшихъ Елену Ивановну: Пріѣхалъ князь Семенъ въ Смоленскъ второй недѣли поста въ четвергъ, а поѣхалъ въ субботу, а почовалъ въ Сатовѣ Дубровѣ... 5) на рѣцѣ Менской Иотпи, шесть миль, на Сверхъ Луки, отъ Сатовы Дубровы шесть миль; 7) въ Дорогобужѣ, отъ Сверхъ Лукъ восемь миль". (Бѣляевъ о Геогр. свѣд. въ древн. Россіи, стр. 237—238). „А землею отъ Дорогобужа до Сверковыхъ лукъ 10 верстъ, а отъ Сверковыхъ Лукъ до Смоленска 50 верстъ". (Врем. Импер. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос., к. 15).

[3]) „И на горѣ огородъ, съ капустникомъ и съ женою и съ дѣтми, за рѣкою тетеревникъ съ женою и съ дѣтьми, Святѣй Богородици и епископу".

[4]) Немикорскихъ озеръ слѣдуетъ искать у с. Немикарей, Нижнихъ и Верхнихъ, что въ 26 верстахъ отъ Смоленска, на р. Днѣпрѣ. (См. нас. мѣстъ Смоленской губ., №№ 920 и 930). Озеро Колодарское остается неизвѣстнымъ, печатные матеріалы нигдѣ о немъ не говорятъ.

епископу прощеники, съ медомъ, и съ купами, и съ вирою и съ продажами, и не надобѣ ихъ судити никакому же человѣку“ [1]). Кромѣ прощениковъ, т. е. людей, получившихъ прощеніе своихъ грѣховъ, за чѣмъ слѣдовало и тѣлесное исцѣленіе, уставная грамота отдавала въ полное распоряженіе епископа и церкви изгоевъ, населявшихъ извѣстныя намъ два села Дросенское и Ясенское. Уставная грамота не называетъ другихъ видовъ церковныхъ людей, но нѣтъ сомнѣнія, что во власти епископа смоленскаго находились: „игуменъ. попъ. дьяконъ. дѣти ихъ. попадия. и кто въ клиросѣ. игуменья. чернецъ. черница. проскурница. паломникъ. лѣчець. прощеникъ. задоушьныи человѣкъ. сторонникъ. слѣпець, хромець. манастыреве. болніцѣ. гостинници. странноприимницѣ то люди церковныѣ богадѣлныѣ“ [2]). Этихъ то людей и имѣла въ виду уставная грамота Ростислава Мстиславича, говоря: „ажъ церковный человѣкъ дойдетъ чего, то своему епископу; девятая ажъ кого Богъ отведетъ церковныхъ людей, а не будетъ зла ничего церкви“.

Въ общей сложности средства смоленской епископіи въ однихъ только купахъ равнялись довольно внушительной цифрѣ: 289 гривенъ 13 ногатъ 22 куны. Этихъ средствъ вполнѣ доста-

---

[1]) Понятіе и слово прощеникъ сохранилось и донынѣ; въ словарѣ Даля читаемъ: „Прощеникъ, —ица, прощенный въ чемъ, помилованный; получившій отпущеніе грѣховъ; чудесно выздоровѣвшій, исцѣленный въ святомъ мѣстѣ. Проща прощенье, отпущенье грѣховъ, разрѣшенье духовное (т. III, стр. 533). А въ лѣтописяхъ нашихъ имѣемъ такіе примѣры: Божіею милостію и Пречистыя Богородица и молитвами святого чудотворца Петра... у гроба его исцѣлѣ нѣкая вдовица въ болѣзнѣ сущи велицей, руцѣ имѣя прикрьченѣ къ персемъ, прощеніе и исцѣленіе получая“. (П. С. Р. Л., т. X г. 1348, стр. 219). У гроба того же святителя Петра въ 1372 году „прощенъ бысть нѣкый отрокъ седми лѣтъ, зане не имяше руки, прикрчевшися к персемъ, и нѣму сущу ему и немогущу проглаголати; егдаже... Митрополитъ Алексѣй скончa божественную литургію, тогда проглагола отрокъ, и простреся ему рука“. (Лѣт. по Лавр. Сп., стр. 507). Прощеники составляли изъ себя особый разрядъ людей не отъ міра сего. Маржеретъ въ своихъ запискахъ говоритъ о цѣломъ яко бы орденѣ, классѣ людей, оставшихся въ живыхъ послѣ соборованія масломъ. „Въ Россіи есть особенный орденъ, состоящій изъ людей, которые, предчувствуя приближеніе смéрти, были соборованы масломъ, однакожъ не умирали. Такіе люди обязываются носить до самой кончины платье, похожее на монашеское. Это считается очень богоугоднымъ дѣломъ. Жены ихъ имѣютъ право вытти за другого мужа“. (Устряловъ, сказанія соврем. о Димитріи Самозванцѣ, Спб. 1859, ч. I, стр. 261).

[2]) Доп. къ Акт. Истор., т. I, № 1, стр. 2.

точно было для содержанія всего клира и поддержанія благолѣпія каѳедральнаго собора. Конечно, впослѣдствіи средства епископіи измѣнялись, но это уже не входитъ въ задачу нашего изслѣдованія; скажемъ только, что смоленская епископія нынѣ считаетъ 760 годъ своего существованія.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Съ требованіями обращаться въ канцелярію Института Кн. Безбородко въ Нѣжинѣ.

